

ЦИВИЛИЗАЦИЯ
И ВАРВАРСТВО

Сборник посвящен противоречиям и парадоксам взаимодействия цивилизации и варварства. Авторы рассматривают процессы оцивиловывания варваров в античном мире, предпосылки и последствия репрезентации варварства в раннем средневековье, формирование образа «варвара» на этапе становления и в ходе эволюции европейской варварологии. Отдельный круг проблем связан с исследованием механизмов варваризации цивилизации. Как входят в противоречие представления о реальном и ожидаемом homo barbaricus? Почему вступая в диалог с варваром и побеждая его цивилизация может проиграть? Как в исторической культуре Модерна и Постмодерна контрарный подход выявляет варварство? Как парадоксы взаимодействия ведут цивилизацию и варварство к новым коммуникациям?

ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ВАРВАРСТВО

ЦИВИЛИЗАЦИЯ
И ВАРВАРСТВО
II

Цивилизация и варварство обычно
считаются взаимоисключающими категориями,
но каждое общество есть их смесь.

Фелипе Фернандес-Арместо.
Цивилизации

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
ЦЕНТР СРАВНИТЕЛЬНОЙ ИСТОРИИ И
ТЕОРИИ ЦИВИЛИЗАЦИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ВАРВАРСТВО
ПАРАДОКСЫ ПОБЕДЫ ЦИВИЛИЗАЦИИ
НАД ВАРВАРСТВОМ

МОСКВА 2013

УДК 94
ББК 63.3
Ц 579

Редакционная коллегия:

д.и.н., проф. В.П. Буданова (отв. ред.),
к.и.н. С.А. Васютин, к.и.н. О.В. Воробьева (отв. ред.),
д.и.н. С.Ю. Сапрыкин, д.и.н., проф. А.А. Чекалова,
д.и.н. И.Е. Суриков, Е.В. Иерусалимская,
к.и.н. З.С. Чертина

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор О.В. Сидорович
доктор исторических наук С.И. Луцицкая

На переплете: Эдвард Берн-Джонс. Колесо фортуны. XIX в.

Цивилизация и варварство: парадоксы победы цивилизации над варварством / Отв. ред. В.П. Буданова, О.В. Воробьева. – М.: ИВИ РАН, 2013. Вып 2. – 424 с.

Сборник посвящен противоречиям и парадоксам взаимодействия цивилизации и варварства. Авторы рассматривают процессы оцивилизации варваров в античном мире, предпосылки и последствия репрезентации варварства в раннем средневековье, формирование образа «варвара» на этапе становления и в ходе эволюции европейской варварологии. Отдельный круг проблем связан с исследованием механизмов варваризации цивилизации. Как входят в противоречие представления о реальном и ожидаемом homo barbaricus? Почему вступая в диалог с варваром и побеждая его цивилизация может проиграть? Как в исторической культуре Модерна и Постмодерна контрастный подход выявляет варварство? Как парадоксы взаимодействия ведут цивилизацию и варварство к новым коммуникациям?

Размышления над этими и другими вопросами найдут в этом сборнике историки, философы, культурологи, археологи, этнологи и широкий круг читателей, интересующихся историей.

© Институт всеобщей истории РАН, 2013.
© Коллектив авторов, 2013.
© И.Граве. Оформление, 2013.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящее время в поле дискурса и дискуссий о конфликтах и контактах между разными культурами мировая историография все более поворачивается к темам мирного взаимодействия и диалога цивилизаций. В этой исторической перспективе взаимоотношение противоположных начал приобретает особый интерес. Изучение отдельных этапов мировой истории через противоположности меняет отношение и к старым, продолжающим оставаться остро дискуссионными, до конца не решенным проблемам, прежде всего – к проблеме взаимодействия цивилизации и варварства. При этом варварство историческое и современное спонтанно становятся предметом профессионального интереса историков, философов, социологов и культурологов. Накопленный историками массив исследований о взаимодействии цивилизации и варварства позволяет по-новому переосмыслить его в логике противоречий и парадоксов. В этом отношении равно актуально исследование внутренней эволюции варваров в сторону цивилизации, как и изучение процессов варваризации цивилизации, которая при определенных условиях начинает примирять непримиримое.

К понятию «исторический парадокс» многие историки относятся весьма скептически. Парадокс как нечто противоречащее ожидаемому ходу вещей трудно укладывается в рамки классической исторической науки, построенной в логике закономерностей, причинности, исторических взаимосвязей. Это понятие вызывает сомнения и в постклассической исторической науке, уходящей от закономерностей и единой логики, ибо там, где нет «нормы», нет ожидаемого хода вещей, не может быть и парадокса. К проблеме «цивилизация и варварство» историки, при всей ее актуальности, также относятся с осторожностью. Исследование этой проблемы, особенно в ее «варварской ипостаси» не всегда приносит лавры, но всегда требует немало труда, высокой научной квалификации и грозит самыми неожиданными выводами, приводящими к ломке многих исторических стереотипов.

Сборник представляет собой опыт теоретического и конкретно-исторического исследования феномена парадоксальности в

контексте индивидуальных и коллективных представлений о взаимодействии цивилизации и варварства, нестандартных подходов к анализу парадоксальных ситуаций. Существующие противоположные начала – цивилизация и варварство – априори предполагают их жесткое противопоставление. В реальной социальной и политической практике механизм их взаимодействия более сложен и многозначен, обусловлен противоречивостью и парадоксальностью ожидаемых и реальных результатов. Авторы сборника обратили особое внимание на *контрарность* явлений исторической действительности в различных регионах Европы и Азии VII в. до н.э. – VII в. н.э. Впервые предпринята попытка не только рассмотреть противоположности в явлениях, но увидеть явления противоположным образом, принципиально иначе, чем это делалось ранее.

Материал в сборнике скомпонован тематически, в соответствии с основными направлениями исследования. *Первый раздел* сборника («Оцивилизация варваров: предпосылки, процессы, последствия») открывает статья В.П. Будановой, в которой анализируется сам феномен исторического парадокса. Охарактеризованы некоторые парадоксы, проявившиеся в процессе взаимодействия Римской цивилизации и варваров на рубеже Античности и Средневековья. Однако, для большинства авторов сборника интерес к историческому парадоксу не самоцель, но средство, некий интеллектуальный инструмент. Парадокс выступает своеобразной призмой, сквозь которую рассматриваются исследуемые ими проблемы. В этом отношении показательна статья И.Е. Сурикова, в которой автор, рассматривая динамику понятия «варвар» в античном мире, показывает, что в определенный исторический период античные греки могли восприниматься как «варвары». Эллы жили на периферии более древних цивилизаций Востока и для такой державы, как Ахеменидская Персия, они, бесспорно, были отдаленным горным народом с довольно дикими нравами, не желавшим встраиваться в «цивилизированный» имперский порядок. Но это, по мнению автора, никак не отменяет факт цивилизационного рывка, сделанного греками.

Акцент на победу цивилизации над варварством сделан в статьях В.Г. Зубарева и Е.В. Вдовченкова. В статье В.Г. Зубарева раскрываются взаимоотношения античной цивилизации с племенным миром Северного Причерноморья, в том числе особенности регионального пути «эллинизации» и «романизации» местного населения, а также контакты греческих колонистов с туземным населени-

ем на территории Европейского Боспора. Е.В. Вдовченков рассматривает социокультурную трансформацию сарматов, появившихся в Танаисе после середины II в. н.э. По его мнению, сарматы, встроившиеся в военно-политическую систему Боспора как военные поселенцы, вынуждены были оседать на земле и осваивать новые социальные и культурные практики. Варварам в системе представлений победившей цивилизации посвящены статьи А.А. Клейменова и Е.С. Данилова. А.А. Клейменова анализирует дихотомию «эллыны – варвары» как причину преобладания в античной историографии отрицательной оценки полководческого искусства Филиппа II, которого считали «варваром». Е.С. Данилов рассматривает отношение к личной и коллективной безопасности как один из вневременных цивилизационных маркеров любого общества. Приводятся оценочные суждения античных авторов относительно стратегий безопасности варварских племён, прослеживается стабильность в их восприятии, которая выступает определенным литературным топосом, играющим роль обвинительного аргумента.

Во *втором разделе* («Варварство в динамике цивилизации: репрезентация и интерпретация») в статье А.А. Чекаловой анализируется роль арабов у восточных пределов Византии на раннем этапе ее истории. Особое внимание уделено арабам-гассанидам, которые служили империи более чем столетие. В качестве федератов они принимали активное участие в военных конфликтах между Византией и Ираном, занимались транзитной торговлей, сыграли значительную роль в сохранении монофиситства. В статье П.П. Шкаренкова проведено исследование особенностей отражения в письмах Сидония Аполлинария процессов становления королевской власти в варварских королевствах, которая больше не воспринималась как нечто абсолютно чуждое римской традиции и римской системе ценностей. В статье О.В. Аузова рассматривается проблема наличия символов власти у вестготских правителей V – середины VI вв. Автор отмечает, что отсутствие сведений об использовании последними знаков власти римского типа определялось преимущественной ориентацией королей на войско, являвшееся главной социальной опорой их власти. В дальнейшем, по мере сближения правителей с верхушкой римского населения, ситуация менялась. Прделанный Г.Е. Захаровым анализ посвящен представлениям о готах в творениях св. Амвросия Медиоланского, выдающегося иерарха и богослова второй половины IV века. Автор утверждает, что христианская вера медиоланского епископа

теснейшим образом связана с римским патриотизмом, а его негативное отношение к готам обусловлено не только их насилием против римского населения, но приверженностью арианству. Распространение ереси среди варварских племен не приводило к сближению с римлянами, но имело следствием варваризацию самого арианства. В статье А.А. Сазоновой династийный именованслов англосаксов рассматривается не только как социокультурный феномен германского двучленного имянаречения, но и как знаковый показатель этнополитического развития англосакских королевств. Автор наглядно демонстрирует, что антропонимическая ситуация в местных королевских династиях представляла собой уникальное сочетание древнегерманских традиций и иноэтнических влияний. Раздел завершает статья М.С. Бобковой, где автор на материалах западноевропейских исторических трактатов XVI в. показывает, как понятия «варварство» и «варвары» приобретают актуальный для того времени идеологический и политический смысл.

Третий раздел сборника («Варвары и варварство в исторической культуре Модерна и Постмодерна») открывает статья С.Ю. Сапрыкина. В ней раскрыты основные проблемы, которые были поставлены в российской антиковедческой науке до 1917 г. Прослежено их решение в советское время, основные подходы к ним на постсоветском пространстве, а также в некоторых странах Восточной Европы. В числе ведущих проблем – древнегреческая колонизация Северного Причерноморья, проблема становления и развития полиса, взаимодействие греков и варварских племен в эпоху эллинизма и в раннее римское время. В статье М.В. Белова анализируются представления русских путешественников и официальных лиц о балканских славянах на протяжении первой половины XIX века. Анализ, проделанный автором, приводит к заключению, что эти представления были крайне противоречивыми, колеблясь между неприятием варварских (азиатских) черт и надеждами на прогресс. Как подчеркивает автор, формирование стереотипа «братьев» в середине века обусловлено не только идеологическим влиянием «славянской взаимности», но также социальными сдвигами внутри России. Своеобразной переключкой со статьей М.В. Белова стали материалы Т.П. Кальяновой, где рассматриваются особенности восприятия британскими служащими коренных жителей Индии, «туземцев», освоивших европейские манеры, язык, стиль жизни. В статье показано неоднозначное отношение британцев к европеизации индийцев. О.А. Кирьяш в своей статье

размышляет над проблемой интеллектуального конструирования окружающего мира русскими историками второй половины XIX в., где одним из интеллектуальных конструктов является «варвар». Автор показывает, что для характеристики варваров русские историки используют понятия Степь, Азия, Сибирь, и «свои» варвары выступали необходимым компонентом формирования идентичности самой России. В исследовании В.А. Макарова отмечено, как на рубеже XIX и XX вв. подавление восстания ихэтуаней (Боксерского восстания) в Китае поставило перед российской образованной публикой проблему выработки устойчивых «общих правил игры» для «варварского» в понимании того времени Китая и его европейских партнеров. В статье выделены основные представления, сложившиеся в российской печати, в связи с «вооруженным оцивилизыванием» Китая. Н.В. Коваленко анализирует идеи Н.И. Бухарина относительно взаимовлияния западной и российской культур, о специфике восприятия российским (советским) обществом западного наследия и опыта в условиях происходящего, по его мнению, в первой половине XX столетия всестороннего кризиса общества западного и перехода российского общества, на новую ступень цивилизации. Статья А.В. Буданова посвящена вопросам взаимосвязи и взаимодействия варварства и цивилизации на современном этапе. Особое внимание уделено характеристике постмодерна как сложного комплекса явлений в сфере интеллектуальной и духовной, в области науки, культуры, искусства, проявившихся в последней трети XX – начале XXI вв. Автор размышляет над формами современного варварства, связанными с феноменом постмодерна.

Сборник не задумывался как единый текст с общей сюжетной линией, раскрываемой конкретными статьями, но как проблемно-тематический, посвященный изучению парадоксов и противоречий в победе цивилизации над варварством. Авторы исследований, при всей разнородности статей (а, может быть, благодаря этому), предложили несколько аспектов современной картины изучения проблемы «цивилизация и варварство», возможности выявления контрарных фактов и ситуаций, осуществления исследований с использованием принципа контражности. Материалы сборника опираются на уже исследованные «точки опоры» и предлагают ряд перспективных путей ее дальнейшего анализа. В нем представлена совокупность результатов, достигнутых благодаря индивидуальным, исследовательским подходам и методикам, объединенным в

единое целое заданным интерпретационным ракурсом. При всем разнообразии тематики отдельных статей, авторы сборника стремились актуализировать представление о том, как цивилизации и варварство, проходя через парадоксальные механизмы взаимодействия, создавали основу для новых коммуникаций и отношений. Они провоцировали варваров на консолидацию, подталкивали в сторону цивилизации и одновременно могли запускать эрозирующие процессы в самой цивилизации, что вело ее к варваризации.

Контрарный подход к истории взаимодействия цивилизации и варварства открывает перспективу ее дальнейшего исследования, предваряя серию вопросов.

Во-первых, само понятие «варварство» при его четкой заявленности не обладает достаточной степенью научной разработанности. В разных исторических моделях неизменным остается то, что «варварство» остается «меткой непохожих на нас», формой коннотации социальной роли конкретного субъекта, которая отражает, прежде всего, несоответствие социальным и групповым идеалам и стандартам той или иной цивилизации. Структурируя свое социокультурное пространство по принципу «инаковости», не порождает ли цивилизация взаимное отчуждение, разделение на «цивилизованный» и «варварский» миры, усложняя диалоговую форму взаимоотношений?

Во-вторых, образ цивилизации, ее идентичность формируются из опыта сосуществования с «другим». В неизбежных контактах с «варварами» цивилизация выстраивает и контролирует «границу». Так почему же эти пределы из препятствий превращаются в места соединений, т.н. «мосты», которые не только не разделяют цивилизацию и варварство, но создают основу (экономическую, политическую, культурную, психологическую и др.) для создания новых отношений и коммуникаций?

В-третьих, взаимодействие цивилизации и варварства – эффективный диалектический механизм мобилизации и гибели последнего. Оно приводит к различным последствиям. Цивилизация может провоцировать «варваров» на консолидацию, мимикрирование, при определенных условиях могут формироваться «неоварварские» стандарты поведения. В то же время под влиянием цивилизации меняется этносоциальная вертикаль носителей «варварства», происходит их внутренняя эволюция в сторону цивилизации. Выходит на контакт с цивилизацией один народ, а закрепляет результат – другой. Почему стремительное «врастание» *homo bar-*

baricus в цивилизацию завершается в большинстве случаев потерей его идентичности? Где та черта, за которой оцивизовывание «варваров» приводит к разрушению идентичности и в конечном итоге к приостановке их цивилизационного развития?

В-четвертых, представляется актуальным и уместным применительно к проблеме взаимодействия цивилизации и варварства обратить внимание на уникальный опыт варваризации цивилизации, когда при определенных условиях филоварварство цивилизации запускает эрозирующий механизм. При этом входят в противоречие, ожидаемое и реальное поведение *homo barbaricus*. Варваризация цивилизации – это победа архаичных, примитивных форм существования, или Другой версии жизни? Почему вступая в диалог с «варваром» и побеждая его, цивилизация может проиграть? Не является ли это предпосылкой и стартом новой цивилизации?

Хочется надеяться, что материалы сборника привлекут внимание историков-профессионалов, философов, культурологов, этнологов, археологов, преподавателей, аспирантов, студентов, а также тех читателей, кто интересуется феноменом «варварства» и историей мировых цивилизаций.

В.П. Буданова

**ОЦИВИЛИЗОВЫВАНИЕ ВАРВАРОВ:
ПРЕДПОСЫЛКИ, ПРОЦЕССЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ**

В.П. Буданова

**ПАРАДОКСЫ ВАРВАРСТВА В ИСТОРИЧЕСКОМ
КОНТЕКСТЕ**

Аннотация. На основе анализа истории взаимодействия Римской цивилизации и варварского мира во II–VII вв. в статье характеризуется феномен исторического парадокса, рассматривается двойственность противоречивых процессов динамики взаимоотношений варваров с Римом. Показана стимулирующая, потенциальная значимость парадокса в определении спорных проблем. Выделены и проанализированы парадоксы лимеса, института федератов и «варварских королевств».

Ключевые слова: парадокс, цивилизация, варварство, Римская империя, варварский мир, взаимодействие, лимес, федераты, «варварские королевства», *homo mobilis*.

У всякого варварства есть своя цивилизация, которую нельзя познать и понять, не зная, что такое варварство. В настоящей статье я хочу обратить внимание на некоторые странные, неожиданные и противоречивые результаты взаимодействия варваров и римлян в один из наиболее критических периодов европейской истории – II–VII вв. Специфику исторического развития в это время определяло, как известно, сосуществование и тесное взаимодействие римской средиземноморской цивилизации и варварского мира. На разных этапах им были свойственны такие типы взаимодействия как интеграция, военные столкновения, политическое господство, разные формы симбиоза. При этом в реальной действительности одновременно мог проявляться не один, а несколько видов взаимодействия.

Ранее, я уже отмечала, что центр и варварская окраина должны рассматриваться как тесно связанные между собой звенья единой панорамы исторической системы, в которой взаимодействуют на

роды, находящиеся на разных уровнях исторического развития¹. Взаимодействие варварского мира и цивилизации включало военные, политические, дипломатические, торговые, религиозные и иные контакты и влияния, отражающие сложный, случайный, спонтанный, как правило, опосредованный характер реальных отношений, которые порождали эти контакты и влияния. Выявление отдельных связей, на наш взгляд, не должно заслонять тот факт, что варварский мир и цивилизация представляли собой одно целое, единую сложную систему, все параметры которой, функционируя по собственным законам, в конечном счете, были взаимообусловлены. И если варварство и цивилизация явно противостояли друг другу, в действительности они работали совместно. К тому же цивилизация и варварство разворачивались коррелятивно – одно не существовало без другого. Варварство возникало тогда, когда появлялась цивилизация, и разрушалось с гибелью цивилизации. Вряд ли существенная характеристика цивилизации будет завершенной, не зная, что такое варварство, ибо, как уже отмечалось, у всякого варварства есть своя цивилизация.

С точки зрения исторической географии Европа II–VII вв. представляла собой полуостров евразийского континента, по сути ставший тупиком для пришедших в движение племен и народов. Эти огромные лесные пространства полиэтничного Барбарикума, на юге к которым примыкали оцивилизованные римско-средиземноморские территории, взбудораженные Великим переселением народов, пройдя через этнический плавильный котел II–VII вв., потерявшие свой Барбарикум и Римско-средиземноморскую цивилизацию совершили «грандиозный прорыв, новое прочтение мироздания и целей исторического бытия»². Именно здесь, в европейском историческом пространстве во II–VII вв. начиналось кардинальное обновление жизни с одновременной ее архаизацией из-за распада предыдущей цивилизации и созданного ею миропорядка³. В длительных, сложных и многоуровневых взаимодействиях осуществлялась социокультурная эволюция, шли процессы оцивилизовывания варваров и варваризации цивилизации, нарастали деструкция и хаос. Стремительно проявлялся принцип диалектики противоположных начал, при котором, как

¹ Буданова В.П. 2002, 168–192.

² Неклесса А.И. 2003, 74.

³ Там же.

отмечала И.А. Герасимова, «воздействие одной стороны находит отклик в другой стороне и стимулирует контрдействие, противостояние, напряжение, конфликты и их разрешения. Через динамичное взаимодействие противоположных начал идет разрушение старого и возникновение нового, количество переходит в новое качество, достигается равновесие, а временная стабильность вновь сменяется подвижной неустойчивостью и движением»⁴.

Непростое и неоднозначное движение варваров к цивилизации насыщено содержательными и смысловыми противоречиями и парадоксами. Во II–VII вв. историю варварства в основном «писала» цивилизация, не всегда при этом руководствуясь здравым смыслом и тем, что очевидно. Но поскольку именно варвары принуждали ее к этому, впоследствии исторический исследовательский дискурс и оказался заполненным множественными противоречиями и парадоксами. Порицая варваров, позднеантичная историческая традиция фактически возвеличивала их. Рассматривая толпы племен, вторгавшихся в империю, искавших здесь прибежища и средства к существованию, в качестве иноземных разбойников, грабителей-чужестранцев, древние авторы фактически прославляли варваров.

Локально-дисциплинарный характер исследований истории варваров постоянно манифестирует поразительно противоречивые представления о них. Составленные на основе письменной традиции, археологических, эпиграфических и нумизматических материалов эти представления стимулируют историческую рефлексию не одного поколения исследователей, периодически подвергая сомнению, требуя подтверждения и уточнения. Тупиковость, бессистемность и дефицитность позиций по истории варваров в настоящее время очевидна. Узловые моменты их истории во II–VII вв. наполнены противоречиями и парадоксами, что неизбежно. Но вряд ли их стоит рассматривать исключительно как индикатор кризисного состояния варварологии. Скорее, это отражение парадоксальности конкретных исторических реалий. Рассмотрение парадоксов – способ фиксации проблемных ситуаций, скорее стимулирующий фактор, который ставит перед исследователем новые задачи. Как ловушки, парадоксы в варварологии имеют свою потенциальность и свой стимул к познанию.

⁴ Герасимова И.А. 2008, 28–29.

Но что такое парадокс в европейской истории варваров II–VII вв.? Какие парадоксы возникают на основе бинарной оппозиции «цивилизация – варварство»? Следует различать парадокс, как нечто неожиданное, необычайное, странное в состоянии или процессе самой исторической реальности, т.е. то, что *состоялось против ожидания* (ἐκ τοῦ παραδόξου) и парадокс, который возникает в процессе познания этой реальности. Это своеобразное мнение, которое резко расходится с мнением общепринятым, не соответствует обычным представлениям, иногда противоречит здравому смыслу и утвержденной традиции (τὸ παράδοξον). Взаимодействие римской средиземноморской цивилизации с варварским миром инициирует целую цепь парадоксов. Остановимся на некоторых из них.

Парадокс лимеса: чем активнее цивилизация отгораживается от варваров, тем меньше у варваров шансов избежать военного столкновения с ней.

Когда Цезарь осознал, что судьба Рима решается не только в Средиземноморье, но и на просторах континентального Барбарикума, римляне пожелали продвинуть границу за Рейн вплоть до Эльбы, включая в римский мир отдаленные районы Барбарикума. По самому характеру своей жизни племена варварского мира этого времени были ближе к природе, продолжая еще сохранять свое естественное состояние. Натиск римлян нарушал это хрупкое равновесие, усиливал борьбу за возделанные земли, которых не хватало на просторах, покрытых большими лесными массивами. Римское вторжение с одной стороны провоцировало брожение и перемещение племен, с другой – вызывало подъем антиримских настроений, сплочение враждебных Риму сил. Растущее противодействие римлянам, стремление защититься и сохранить независимость выливалось также в образование различных племенных союзов. В ходе вторжения римских армий все большее число племен попадало в зону военных конфликтов, при этом повседневная жизнь германцев, даже без потери ими независимости, лишалась внутренней стабильности. Далеко не все теряли желание сохранить самостоятельность, но гарантировать независимость и обеспечить мирную, спокойную жизнь могла только сильная поддержка соседей-сородичей.

Племя имело больше шансов сохраниться, находясь в составе крупного племенного объединения – союза племен. Первые союзы херусков Арминия и свево-маркоманнов Маробода были непроч-

ными и недолговечными военными объединениями, которые формировались на исконно германских территориях, с целью противостояния Римской цивилизации. Консолидировались не для добычи средств существования, но для защиты от римлян. Военный характер этих союзов не предполагал абсолютного этнополитического единства, а объединительные процессы проходили не бесконфликтно. Потребность в консолидации мотивировалась, вероятно, не только наличием сильного соседа – Римской цивилизации, или окрестных племен-соперников, но и эволюционными витальными потребностями, укладом, обычаями, родо-племенными традициями. И поскольку человек Барбарикума стоял перед проблемой выживания, можно предположить, что срабатывал инстинкт не столько самоутверждения, сколько сохранения собственного рода. Продвижение Рима вглубь Барбарикума привело к расколу последнего, к образованию практически в рамках каждого крупного племени двух враждующих группировок – анти- и проримской ориентации. На рубеже эр в варварском мире противники Рима снискали славу возмутителей и освободителей Германии (например, вождь херусков Арминий), а его сторонники – приспешников и предателей интересов родины (вождь маркоманнов Маробод). В мире первого тысячелетия н.э. варварский мир организуется римским фактором, который разделял и объединял племена вплоть до их гибели или создания своей государственности.

Но когда после крупного поражения легионов Квинтилия Вара в Тевтобургском лесу великий замысел завоевания значительной части Барбарикума потерпел неудачу, с мечтой о покорении Германии пришлось расстаться. От экспансии Рим окончательно перешел к обороне, образовав провинции Нижняя и Верхняя Германии, которые фактически представляли собой своеобразные буферные пограничные зоны. Заслон с башнями и фортификационными сооружениями тянулся от низовьев Рейна до среднего течения Дуная. Римляне укрепились также в Реции, Норике, Паннонии, устанавливая контроль над всем пространством дунайской долины, что позволяло сохранять равновесие в течение почти 150 лет. Более всего в это время Рим нуждался в защитных мерах, которые могли бы хоть сколько-нибудь замедлить нарастающий натиск варварского мира.

Таким образом, римляне подошли к созданию системы, которая могла бы поддерживать организованные отношения с варварами, к идее установления границы, прежде всего территориального разме-

жевания, которое гарантировало бы безопасность жителей римских провинций и обеспечивало защиту интересов римского государства. И так, вместо того, чтобы удалить опасность, римляне вознамерились ее сдержать протяженной фортификационной линией⁵. Начиная процесс последовательных нововведений в сфере *отгораживания* от «инаковых» соседей и хаоса Барбарикума. Географические (русла крупных рек) и рукотворные (валы, стены, засечные полосы) барьеры отделявшие от варваров обеспечивали римлянам сохранение и культивацию своей цивилизованной среды обитания.

В конце I в. окончательно определилась одна из первых в истории человечества технически оснащенных границ – римский *limes*. Его обустройство имело явно военный, сопряженный с опасностью смысл, ибо на этих участках территории, совершались непосредственные контакты с «чужими», с врагом. Граница отделяла римлян от варваров, проходя от устья Рейна, вдоль Дуная до Понта Эвксинского. Лимес представлял собой систему коммуникаций и укреплений, своего рода военную дорогу, укрепленную сторожевыми башнями и крепостями, вдоль которой были расквартированы войска. В систему лимеса входила пограничная полоса, которая включала военные лагеря в виде крепостей, укрепленных поселений (кастеллей), сигнальных постов (бургов) на расстоянии нескольких километров друг от друга. Они соединялись ровом, укрепленным земляным валом, каменной стеной или деревянным частоколом (палисадом), вдоль которого проходила мощная рокадная дорога для быстрой переброски войск. Особенного развития строительство лимеса получило при императорах Домициане, Траяне и Адриане. Эта военная граница включала нижнерейнский, верхнегерманский, рецийский, подунайский, паннонский и нижнедунайский участки⁶.

Парадоксально, но граница, которую обустроили римляне⁷, не только помогала остановить противника и обезопасить население

⁵ Мансуэлли Г. 2007, 300.

⁶ Известны следующие участки лимеса: «валы Траяна» (между Карпатами и Чёрным морем, севернее устья Дуная); «Рецийский вал» (175-километровая стена вдоль левого берега Верхнего Дуная); «Верхнегерманский вал» (на правом берегу Рейна на расстоянии 450 км между Бонной (совр. Бонн) и Региной Кастрой (совр. Регенсбург); «Адрианов вал» (120-километровая каменная стена в Британии в районе совр. Ньюкасла); «Антонинов вал» (в Британии, на перешейке между совр. Глазго и Эдинбургом).

⁷ Колосовская Ю.К. 2000, 158–185.

провинций от вторжений, но и придавала силы, прежде всего, племенному миру, формируя у варваров чувство единства, ибо вводимые ограничения⁸ замыкали пространство варварского мира и усиливали в нем коммуникативные процессы, меняя структуру населения⁹. Лимес стал первым, освоенным варварами, пространством римской территории. Обильная этнонимия нарративных текстов II–VII вв. свидетельствует также и о том, что *limes* консолидировал «котел народов» Барбарикума, ускорила кристаллизацию этнического самосознания отдельных племен¹⁰.

В сознании первобытного человека окружающий мир, возможно, также стал восприниматься как разделенный на «свой» и «чужой». Граница «подхлестывала» тщеславие и честолюбие предводителей варварских племен. Необходимо также иметь в виду, что ко II веку в варварском мире уже сформировалась особая привязанность к земле. Земля уже не только *solum*, как территория обитания, но основное богатство, которое необходимо приумножать и защищать. Это такой же объект охоты и добычи. Кроме того, лимес фиксировал край, рубеж, предел земель, подпадающих под юрисдикцию Рима, кордон, за которым начиналась привлекательная для грабежей территория, на которой, как можно предполагать, обитали богатые, с точки зрения варвара, племена римлян.

Известно, что феномен «границы» подразумевал не только материально осязаемое четко очерченное географическое пространство, но огромное количество разнообразных взаимосвязанных политических, экономических, культурных, психологических и иных «рубежей» и размежеваний¹¹. Политику сдерживания беспокойного варварского мира Рим осуществлял не только путем пространственного отгораживания, но и развитием торговли с племенами, жившими по другую сторону лимеса. Через границу шли торговые потоки, вдоль границы тянулась сеть дорог, возле границы устраивались большие ярмарки, функционировали рынки. Римляне полагали, что торговля с варварскими племенами принесет им не только экономические, но и политические выгоды. Торгуя, римляне присматривались и знакомились с миром за лимесом,

⁸ Проход через лимес осуществлялся по повелению императора или при оплате *portaria* (Дэвис Н. 2005, 137).

⁹ Ле Гофф Ж. 2007, 38.

¹⁰ Буданова В.П. 1993, 3–17.

¹¹ См., например: Тойнби А.Дж. 1991, 541–545; Prescott J. 1978; Frontiers. 1990; Bujskisch S.B. 1994, 165–174.

с «заграницей», о которой они почти ничего не знали. Можно предполагать, что римский торговец благодаря своей осведомленности и контактам, был в авангарде походов римской армии. Однако, варвары также получали от римлян не только товары, но сведения о жизни по ту сторону границы, которая одних варваров пугала, других – удивляла и восхищала, но всех – привлекала.

Парадоксально, как Рим, вовлекая племена в сферу своего влияния, собственными усилиями взрастил соперника – варвара-германца. Однако такая политика империи привела в дальнейшем к неожиданным результатам. Начиная с Юлия Цезаря, римляне стремились романизировать германскую племенную элиту, способствуя ее интеграции в римский мир и создавая очаги римской жизни в приграничных районах Барбарикума. На основе взаимных обязательств устанавливались различные соглашения, по которым некоторые племена за лимесом получали клиентский статус. Варварские контингенты привлекались на военную службу. Росло влияние родовой знати, представители которой служили во вспомогательных войсках, получали права римского гражданства. По языку, культуре и образу жизни эти союзные Риму племена уже вряд ли можно было называть варварами. Этим племенам удалось сохранить свободу на своей же территории, в том числе этническую идентичность, политическую индивидуальность, институты власти. Однако во внешнеполитической сфере многие из племен независимость потеряли. Победив в Тевтобургском лесу, германцы остались свободными, но независимость их оказалась условной. Внешние *foederati* или *socii*, получая гарантированную помощь от Рима, в виде контрибуции расплачивались людьми, продовольствием и сырьем¹². Важно и то, что совершенствовалось земледелие и ремесло, а организация и структура власти германских конунгов становилась более устойчивой. В то же время увеличивалось население Барбарикума, в отличие от римлян, переживавших демографический спад. На протяжении почти семи столетий лимес делил и объединял два противостоящих и взаимопроникающих мира – римской цивилизации, которая завершала свой путь в истории, и пробуждающегося мира племен и народов *barbaricum solum*.

Таким образом, граница как «стена» (*murus*), и как «мост» (*pons*) подталкивала племена к «героическому образу жизни», ибо она, как место действия и как препятствие, существовала, чтобы ее

¹² Более подробно об этом см.: Колосовская Ю.К. 2000, 158–185.

преодолевать. Как известно, преодоление свойственно варварскому мировосприятию. В иррациональном сознании первобытного человека постепенно Рим становился источником зла. Прежде это место занимали либо хищники, либо природная стихия, или другие племена. Теперь варвару угрожало четко очерченное пространство, рядом с которым разворачивалось военное противостояние двух миров. Граница стала «тягучей зоной», создавала *locus*, где осуществлялось хозяйственное и культурное сотрудничество, велись переговоры, шел обмен подарками. Здесь же разворачивались военные действия, которые, как можно предполагать, представлялись племенам дерзкой охотой за продовольствием, оружием, одеждой, утварью, другими ремесленными изделиями, а для населения приграничных римских провинций оборачивались настоящей войной. Таким образом, установление границы – одна из первых психологических потерь цивилизации, один из долгосрочных исторических парадоксов ее «победы» над варварами.

Парадокс возвращенной агрессии: чем более воинственные шаги предпринимала цивилизация, тем меньше шансов оставалось у варваров потерпеть поражение от нее.

Политика римского государства в отношении варварских племен всегда основывалась на планомерной экспансии, залогом успеха которой была, в том числе, военная сила. Ее характер и масштабы укреплялись и направлялись на противопоставление и столкновение одних племен с другими. Согласно античной письменной традиции, столкновения и войны Рима с племенами имели преимущественно оборонительный характер¹³. Но поскольку римляне незыблемо верили в свое правовое и организационное превосходство, свои ответные военные действия против варваров они мотивировали не мстостью, а возмещением нанесенного ущерба. Явная агрессия интерпретировалась античной письменной традицией как средство устранения угрозы вторжения. И эта стратегия агрессивной, активной обороны позволяла римлянам не только выходить за пределы лимеса, но и постоянно поддерживать представление о племенах Барбарикума, как о врагах. Парадоксально, но опустошительные Маркоманские войны (166–180), выигранные римлянами, открывали племенам перспективу их будущих побед.

После того как маркоманны и квады проникли в Паннонию, прорвались в Северную Италию, сожгли Опитергий и осадили Ак-

¹³ Goffart W. 2008, 855.

вилею (166 г.), племена хатов напали на границу Верхней Германии (169 г.). Когда костобоки прорвали лимес на Нижнем Дунае (170 г.) и отряды лангобардов, убиев, сарматов, квадов обрушились на Паннонию (166/167 гг., 177 г.), последовала серия вторжений варварских отрядов в Дакию, Верхнюю Мёзию, Норик и Рецию¹⁴. Пройдя через эти события, пассионарное меньшинство варварских племен охотно поверило в свое превосходство, а большинство римлян, как ни парадоксально, перестало в этом сомневаться. Исследователи уже отмечали, что одновременное выступление большого числа различных племен расценивалось современниками как подобие заговора племен¹⁵.

Однако, несмотря на победы в конкретных сражениях, как ни парадоксально, результаты стратегических потерь римлян в конечном итоге достались варварским племенам. Племена выиграли, поскольку в ходе противостояния утвердился и стал преобладающим военный вектор взаимодействия, а также изменения коснулись и психологических особенностей характера войны. Как и прежде для римлян война являлась почетным, достойным римского крестьянина и гражданина делом. Но теперь, после случившегося во II в. противостояния двух миров, вся жизнь римлян была подчинена военным задачам. Война стала основным средством решения экономических, политических и психологических проблем, накладывала отпечаток на характер всех связей. В первые два столетия после Маркоманских войн постоянно менялись центры противостояния, племена–противники, масштабы военных действий, способы ведения войн, различались цели и результаты, но неизменным оставалось одно – война неизменно воспринималась как почетное достойное занятие, как не совсем обычная, но престижная работа, позволяющая сделать карьеру и обогатиться¹⁶. Это ли не победа варварства над цивилизацией?

Для патриархального племенного мира война всегда являлась предпочтительной формой демонстрации своего превосходства над тяжеловесным государством, скованным различными сферами деятельности. Как отмечал А. Тойнби: «Борьба истощает цивили-

¹⁴ Dio Cass. LXXI. 3. 1, 2; 13. 3; 20; *Amm. Marcell.* XXVIII. 6. 1; SHA. v. Marc. 14. 1–3; 27. 10. Колосовская Ю.К. 1973; Она же. 2000, 98–127; Langemann G. 1981.

¹⁵ Dio Cass. LXXI. 3. 1a; 11. 6; 12. 1; SHA. v. Marc. XXII. 1; v. Did. Jul. 1. 7–8.

¹⁶ Goffart W. 2008, 855–883; Barbero A. 2011.

зацию, тогда как для воинственного варвара она – дыхание жизни»¹⁷. Война, конфликты и военные столкновения с Римом, его агрессивная военная доктрина стимулировали и ускоряли консолидацию варваров, формирование таких «больших» племен, как готы, франки, аламанны, вандалы, саксы, лангобарды, тюринги, бавары¹⁸. Парадоксально, но даже принятие в 212 г. эдикта императора Каракаллы (*Constitutio Antoniniana*), который способствовал быстрой романизации провинциального населения, давал племенам значительно больше, чем римлянам: римское гражданство (*politeia*, *πολιτεία*) уже не было наградой и компенсацией за лояльность и дисциплину. Оно постепенно теряло свой смысл и ценность, так как уже не определяло принадлежность к элите¹⁹. Предводители варварских племен довольно быстро осознали, чтобы воспользоваться преимуществом римского гражданства, необходимо поселиться на римской земле, но чтобы войти в римскую элиту, вовсе не обязательно этим преимуществом обладать. Римляне продолжали энергично отстаивать свое превосходство над варварскими племенами, опираясь на лимес, который постоянно укрепляли²⁰, на армию, которая контролировала управление и политику империи²¹, являясь арбитром высшей власти. Они также продолжали агрессивно вмешиваться в дела своих соседей, стремясь подчинить их римскому влиянию²². Однако эта нарастающая воинственность римлян приносила одну победу за другой, прежде всего, племенному миру.

Так рейнско-дунайский участок лимеса стал зоной натиска племенных объединений аламаннов (гермундуры, семнонов, ютунгов, брисигавов, буцинобантов) и франков (ампсивариев,

¹⁷ Тойнби А. Дж. 1991, 548–549.

¹⁸ Колесницкий Н. Ф. 1985, 5–26.

¹⁹ Дьяконов И. М., Якобсон В. А. 1998, 23; Barbero A. 2011, 84–86.

²⁰ В III в. Римская империя отказалась от линейной обороны, которая предусматривала стратегию сдерживания варваров у лимеса. Был совершен переход к новой концепции, связанной с ориентацией на глубоко эшелонированную оборону. Строительство и укреплением лимеса занимались, к примеру, императоры Каракалла (*Herod. IV. 7. 2. Fitz J. 1965–1966, 202–205*), Аврелиан (*SHA. v. Aurel. IX. 4; X. 2; XIII. 2*), Константин (*Aur. Victor. Caes. XLI. 18; Epitom. XLI. 13; Procop. De aedif. IV. 7. 7.*).

²¹ Более подробно об этом см., например: *Stroheker K.F. 1965, 9–29; Liebeschuetz J.W. 1990; Isaac B. 1993; Elton H. 1996; Nicasie M.J. 1998; Richardot P. 2001; L'Armée romaine. 2004.*

²² Буданова В. П. 1999; Колосовская Ю. К. 2000, 128–157.

бруктеров, хамавов, хаттуариев, усипетов, тенктеров, тубантов). Основной участок прорыва обозначился на Декуматских полях, граничащих с Рецией (вторжения 233–234, 256, 260, 292 гг.). Дружины аламаннов и франков, не встречая здесь реального отпора римлян и не находя крупных объектов для грабежа, устремлялись в Галлию, на Пиренейский полуостров и в Италию (военные экспедиции 250, 257–264, 268, 270, 271, 275, 276, 286–288, 291 гг.). Они достигали Реймса, Парижа, Клермон-Феррана, разрушали окрестности Тарраконы, Барселоны и Равенны, неоднократно угрожали Риму (походы 261, 271 гг.). Франки совершали морские экспедиции к берегам Северной Африки (250 г.), а в конце III в. их пиратские набеги испытало население побережья Галлии и Британии (282–295 гг.)²³.

Балканские и малоазийские провинции подверглись опустошительным морским и сухопутным походам коалиции племен (австроготы, тервинги, грейтунги, визи, гепиды, карпы, герулы) во главе с готами. От набегов и вторжений готских племен страдали провинции Нижняя Мёзия и Фракия, опустошенные воинством конунга Остроготы (218–250) в 248 г. В 251 г. под Абриттом (совр. Разград) погибла римская армия вместе с императором Децием (249–251). Морские экспедиции (255/256, 257, 258, 263, 264 гг.) готов и их союзников сопровождалась грабежами городов Питунта (совр. Пицунда), Фасиса (совр. Рион), Трапезунта (совр. Трабзон), Никомедии (совр. Измию), Никеи (совр. Изник), Халекедона, Трои, Анхиала, опустошением областей Вифинии, Каппадокии и Галатии. В Эфесе был разрушен храм Дианы Эфесской. Грандиозный морской и сухопутный поход с участием готов состоялся в 267–268 гг., когда флот северопонтийских племен в составе 500 судов прошёл через Босфор Фракийский, Пропонтиду и достиг островов Скирос и Лемнос. В 270 г. император Аврелиан «вывел римлян из городов и полей Дакии», что впоследствии сказалось на беспрепятственном вторжении в правобережные дунайские провинции варварских грабительских отрядов. Заселив Молдову и Мунтению, готы и ряд других племен получили большой простор для манёвра у границ империи²⁴.

²³ Подробнее об этом см.: Дряхлов В. Н. 1987, 158–164; Буданова В. П. 2000, 33–35, 37–42, 44; Barbero A. 2011, 73–84.

²⁴ Подробнее об этом см.: Ременников А. М. 1954; Буданова В. П. 1999, 104–129; Колосовская Ю. К. 2000, 128–157; Wolfram H. 1980, 41–59; Kulikowski M. 2009, 51–54.

Уход римлян из Дакии и Декуматских полей стал значительной победой всех варваров, в том числе и германцев, открывая им новые территории для поселений. Римские опорные базы отодвинулись от жизненно важных областей обитания основной массы варварского племенного мира. Дакия и Декуматские поля в дальнейшем стали стратегически важным плацдармом различных вторжений, походов и грабительских экспедиций в империю.

Одним из центров напряжения, «серединой варварской земли», стала Среднедунайская низменность, где, уже со II в., в череде племен сменявших друг друга письменная традиция называет квадов, маркоманнов, бургундов, аламаннов, языгов, роксоланов, гепидов, готов. Междуречье Дуная и Тисы, было зоной активных военных действий многочисленных сарматских племен, пришедших сюда из степей Поволжья и Северного Причерноморья. На Среднем Дунае римляне вели войны с сарматами и готами (289–293 гг., 332 г.), в середине IV в. сюда переселились сарматы-аргаранты и сарматы-лимиганты, в 374–375 гг. племена квадов вторгались и доставляли серьезное беспокойство жителям Паннонии и Норика. Еще более острые проблемы породило появление здесь гуннов, надолго ставших новыми хозяевами этих стратегически важных районов²⁵. Однако, в 378 г. проявилась очевидность того, что римляне недооценили, прежде всего, готская опасность. Сражение с готами у Адрианополя (9 августа 378 г.) завершилось разгромом римлян, гибелью 2/3 римской армии, в том числе большинства командиров высшего ранга и самого императора Валента, который пропал без вести²⁶.

Таким образом, становится очевидным нарастающая интенсивность и эффективность вторжений варварских племен. Можно увидеть, как все более последовательно, демонстрируя военную силу, Римская империя и племенной мир, как ни парадоксально, двигались в сторону взаимного приспособления и интеграции. И все же, механизм, подталкивающий племена к вторжениям в Римское государство, до конца не ясен. Как мне представляется, в числе причин могли быть эпидемии, голод и стремительное социальное расслоение племен, которое провоцировалось разнообразными контактами с римской цивилизацией. Не стоит недооценивать и то,

²⁵ Буданова В.П. 2000, 40, сн. 161; 43; Richardot P. 2001, 238–240; Bona J. 2002; Barbero A. 2011, 114, 136–140.

²⁶ *Amm. Marcell.* XXXI. 13. 18; *Wolfram H.* 1980, 137–153; *Wanke U.* 1990; *Буданова В.П.* 2000, 47, сн. 201; *Kulikowski M.* 2009, 160–163.

что в изменившихся после Маркоманских войн условиях власть в империи фактически контролировали военные. Армия, как готовая оптимальная модель управления, стремилась и подтверждала свое цивилизационное предназначение быть гарантом стабильности. На фоне общего системного кризиса III в. армейские круги вели на границе активные оборонительные и превентивные войны, налаживали гибкую систему обороны, обеспечивали тщательный контроль над провинциями и их экономическими ресурсами, т.е. *создавали напряжение и тревогу среди своих соседей*, полузависимых от Рима племен. И чем чаще римляне «ради сохранения империи» (*pro salute imperii*) демонстрировали военную силу, тем стремительнее мобилизовывался агрессивный потенциал варваров, ибо высокий уровень воинственности и жестокости – особенность коллективной племенной психологии. Согласно античной письменной традиции племена постоянно выказывали римлянам неприязнь, недоброжелательность, демонстрировали перед ними военное мастерство, превосходство в силе или способе применения силы. Характер противостояния не одно десятилетие был подобен «эффекту бумеранга», когда негативное отношение племен к Риму подтверждалось и укреплялось действиями самого Рима.

На этапе, когда два мира пристально следили друг за другом, когда военные конфликты следовали один за другим, а оборонительно-наступательные операции растянулись на тысячи километров, обозначилась еще одна парадоксальная особенность взаимодействия цивилизации и варварства. Варвары выиграли, а Рим стратегически проиграл, когда стал в широких масштабах селить племена на своих опустевших от войн и эпидемий землях, превращая бывшего врага в друга, в *inigus regni*²⁷.

Парадокс федерата: чем основательнее обустроивались варвары в пределах Римской империи, тем меньше они были заинтересованы в ее разрушении, поменяв тактику грабежа на тактику ее использования.

После Маркоманских войн Рим впервые стал в широких масштабах селить варваров на своих опустевших от войн и эпидемий землях (например, на северо-западе Дакии вандалов, в Паннонии наристов), сделав переселение явлением неизбежным. Заселение римских земель осуществлялось в различных формах, масштабах и с различной степенью интенсивности. Рим обращался к люд-

²⁷ *Iord. Get.* 132.

ским ресурсам племен из-за нехватки рабочей силы и рекрутов. Уже во II–III вв. в римских провинциях использовался труд и услуги военнопленных. Это были небольшие группы германцев, представлявшие собой незначительную часть того или иного племени. Затем к ним стали присоединяться селившиеся на провинциальных землях леты, федераты и гентилес.

Пленных германцев начали селить в качестве летов уже в конце III в. Это была этнически обособленная группа социально-зависимых земледельцев варварского происхождения. Как правило, им отводились заброшенные или пустующие в результате вторжений земли – *agri deserti* Северо-Западной Галлии, Паннонии, Мёзии, которые запрещалось покидать²⁸. Леты были обязаны заниматься земледелием, разводить скот, снабжать продовольствием города и армию. Они не имели гражданских прав, по социальному положению приближаясь к колонам, были обязаны империи военной службой²⁹.

Также римляне предпочитали селить варваров на оборонительных рубежах вдоль берегов Рейна и Дуная во Фракии, Мёзии и Паннонии³⁰. Здесь, в обмен на выделенные земли, эти чужестранцы несли военную службу в качестве пограничных войск или прибрежной охраны. Получение земли стимулировало появление в приграничных провинциях большого числа бывших врагов, которые станови-

²⁸ Традиционно Рим размещал варваров на пустовавших городских землях – как правило, только в провинциях, и лишь в отдельных случаях в самой Италии. В I в. н.э. император Тиберий поселил в Равенне семью маркоманна Маробода, в Нарбоннской Галлии – готона Катувальды (*Suet. v. Tib. 37; Vell. Pat. II. 129, 3; Tacit. Ann. II. 63*). Во II в. Марк Аврелий поселил германцев в Равенне (*Dio Cass., LXXI. 11, 4–5*), в III в. Аврелиан также сделал попытку разместить варваров в Этрурии на заброшенных плодородных землях (*SHA. v. Aurel. XLVIII. 2*), но от этого пришлось отказаться, вероятно, из-за опасения мятежей, которые они могли поднять в Италии, подобно тому, как это сделали племена, поселенные в Равенне (*Колосовская Ю.К. 1973, 243*). В IV в. варваров размещали в балканских и малоазийских провинциях (См., например: *Zosim. II. 31, 3; IV. 35, 1; 38; Jord. Get. 267; Wolfram H. 1980, 153–163*), но некоторых, как тайфалов, селили на землях италийских городов (*Amm. Marcell. XXXI. 5, 1; 9, 4*).

²⁹ *Demougeot E. 1972, 101–102; Barbero A. 2011, 195–217.*

³⁰ Остается неясным, чем руководствовались римляне, отбирая племена для переселения. Переселение всего племени явление довольно редкое, к тому же для Империи далеко не безопасное. В начале принимались небольшие и не очень сильные племена (гепиды, бастарны) или части больших племен (грейтунги) (*Ременников А.М. 1984, 44; Томпсон Э.А. 2003, 25*).

лись для римлян *limitanei* или *ripenses*. Они обустроивались в империи как воины, владевшие земельными участками, служившими им «местом исходной дислокации», куда можно было вернуться после любого похода³¹. Варвары-*limitanei* уже не были заинтересованы в разрушении Римской империи, которая стала их домом.

С IV в. римляне активно набирали варваров-германцев в мобильные части стратегического резерва императора. Жизнь этих варваров-*comitatensis* в ближайшем окружении императора, в его свите проходила в постоянных войнах и походах, замыкалась на защите интересов римского государства, а не на его разрушении.

Римляне всегда руководствовались рациональным подходом в отношении побежденных племен, исходили из принципа – вознаграждать друзей и наказывать врагов. Из побежденных варваров-германцев набирались вспомогательные части (*auxilii*), названия которых отражал их этнический состав. Ауксиллии обычно размещались в приграничных крепостях и привлекались Римом в ситуации проведения крупных военных операций. Уже в III в. из числа добровольно пришедших на службу варваров-авантюристов набиралась императорская гвардия. В IV в. эти вспомогательные части составляли элитное гвардейское подразделение – ауксиллии дворца. Вспомогательные отряды Риму поставляли и союзные племена, с которыми заключался *foedus*. Сложился клиентский буферный пояс «друзей Рима», поставлявший отряды для разовых военных акций. После завершения кампании, получив *аннопае*, эти федераты под командованием собственных вождей обязательно возвращались домой³². Довольно насторожено воспринимая услуги «союзников», империя не формировала их, также как и рекрутов-летов, в отдельные подразделения, руководствуясь, вероятно, советом императора Проба, что помощь их должна быть ощутимой, но не видимой³³.

В связи с начавшимся переселением в империю «больших» племен, во второй половине IV в., окончательно оформился институт «внутренних федератов». Находясь в пределах Римского государства, при условии военной службы варварские племена расселялись по принципу *hospitalitas*, согласно условиям договора (*foedus inierant*) получали землю и аннону, жили по собственным законам,

³¹ *Isaac B. 1988, 125–147; Томпсон Э.А. 2003, 28; Barbero A. 2011, 179–194.*

³² *Liebeschuetz J.W. 1986, 463–474; 1990, 32–47; Elton H. 1996; Scharf R. 2001, 4–26.*

³³ *SHA. v. Prob. XIV. 7.*

под управлением своих вождей, т.е. сохраняли автономию. Так, после Адрианопольского сражения в конце IV в. компактные группы везегов расселились в Нижней Мёзии и Фракии не как труженики, а как особое военное сословие федератов, освобожденное от налогов и получавшее жалованье от империи за предоставленные вспомогательные войска. Обычно они селились компактно, под управлением своих предводителей, которые, находясь на римской военной службе, стремились, прежде всего, к обогащению³⁴. Как внутренние федераты, защищая интересы империи, они активно передвигались из одного региона в другой, как правило, возвращаясь в места, выделенные для поста. Выполняя обязанности городских гарнизонов, готы вызывали настороженность и враждебное отношение местного населения. Размещение вооруженных варваров в глубине провинций сопровождалось частыми мятежами³⁵.

Таким образом, римляне все чаще прибегали к использованию варваров в качестве союзников и наемников для решения внутривосточных проблем. Племена варваров одновременно разрушали империю и служили ей предано и верно, получая награды, признание и знаки внимания. По мере включения в военные структуры Римской империи чужеземцы-федераты были в ней все более заинтересованы. В III–IV вв. происходила конвергентная эволюция переселившихся в империю варваров³⁶. Свобода передвижения рекрутов-чужеземцев внутри империи ускорила процесс их гомогенизации, утверждение сложных поведенческих паттернов, что проявилось в ряде обстоятельств. Первое – это карьерный рост варваров-военных, чему посвящены многочисленные исследования³⁷. С конца IV в. Римская империя стала активно включать знатных варваров в офицерское и высшее командное звено армии. Эти полководцы франко-

³⁴ Томпсон Э.А. 2003, 20, 41–47.

³⁵ Так, в 395 г. везеготы во главе с недавно избранным конунгом Аларихом (370–410) разграбили Грецию и Эпир, разрушили Афины и Коринф. В 399 г. вождь везегов Гайна (?–400) поднял восстание федератов в самом Константинополе. Он поддержал готских поселенцев в Малой Азии, принудил императора впустить готские отряды в столицу Восточной империи и взял город под свой контроль. Однако население Константинополя восстало и перебило мятежных федератов. См.: *Wolfram H.* 1980, 175–191; *Глушанин Е.П.* 1991, 90–93.

³⁶ Томпсон Э.А. 2003, 36–41, 53.

³⁷ См., например: *Bang M.* 1906; *Zöllner E.* 1970; *Waas M.* 1971; *Seyfarth W.* 1976; *Wolfram H.* 1980; *Kingdoms of the Empire.* 1997; *L'Armée romaine.* 2004; *Goffart W.* 2008; *Barbero A.* 2011.

аламаннского происхождения вошли в социальную структуру западноримского общества, представляя ее военную элиту³⁸. Из числа варваров появился новый тип лидеров – конунгов и вождей³⁹.

Второе обстоятельство, на которое мне хотелось бы обратить внимание, связано с особенностями социального статуса поселенцев-федератов. Вряд ли можно считать, что этот статус возвращал варвара к нормальной жизни, к земледелию⁴⁰. Занятие земледелием, как известно, предполагает размеренный цикл и ритм жизни, которого не могло быть у федерата по определению. Федераты – это наемники и профессиональные убийцы, привлеченные на службу Римом. Их убыточный и опасный в человеческом поведении статус оборачивался для варваров недостатками, издержками и источником риска. Не стоит забывать, что варвары-федераты получали на римской земле не только аннону, но все издержки стремительно формирующегося у них социального неравенства, уроки ксенофобии и обычные болезни. Утрата этнической идентичности дополнялась к той цене, которую многие племена платили за свое выживание. Письменная традиция не позволяет раскрыть менталитет тех, кто поселился на римской территории. Но то, что большинство из них оказалось наемниками подтверждает их неприятие чужаков и посторонних, которые могли бы осмелиться явиться в охраняемые ими владения.

Парадокс варварского королевства: чем дольше варвары пребывали в статусе федератов, тем меньше шансов оставалось у них на создание собственного государства.

Как известно, поселившиеся в империю варвары, ставшие племенными федератами, с IV в. стали создавать свои т.н. «варварские королевства». Среди них «королевство» бургундов в Юго-Восточной Галлии с центром сначала в Вормсе (413 г.), а впоследствии в Лионе (ок. 457 г.); везегов в Юго-Западной Галлии с центром в Тулузе (418 г.), позднее в Толедо (601 г.); вандалов в Северной Африке (429–439 гг.); остготов в Италии (493 г.); франков в Северной Галлии (486 г.), поглотивших большую часть других «варварских королевств». Англы, саксы, юты и фризы в сер. V в. завоевали Британию, образовав в конце VI–VII вв. также

³⁸ *Stroheker K.F.* 1965; *Корсунский А.П., Гюнтер Р.* 1984, 133–135; *MacMullen R.* 1988; *Kulikowski M.* 2006; *Goffart W.* 2008, 855–883.

³⁹ Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е. 2011, 83. сн. 16–18, 84. сн. 22, 89. сн. 40.

⁴⁰ Томпсон Э.А. 2003, 47.

ряд «королевств». В 568 г. лангобарды утвердились в Северной и Средней Италии с центром в Павии⁴¹.

Федераты, как племенное войско (*exercitus*), соединили три компонента, составлявших основу большей части этих «королевств» – территорию, власть и род занятий. Тот, кто становился федератом, проходил фильтры римской армии, получал, находясь на военной службе, гражданские должности и звания, многие имели доступ в сенаторское сословие.

«Варварские королевства» – это потестарные образования, созданные на римской земле интегрированными в империю варварами, ставшими частью римского мира, ее продолжением и наследием. Тот, кто стремился войти в мир, организованный империей, создавал *regna* в условиях расселения в империи, под властью своего предводителя, опираясь на федератский договор с императором, имея статус федерата. Эти потестарные образования находились под властью вождей племен-федератов, которые были и королями варваров, и одновременно римскими чиновниками, признаваемыми императором. Для поселения федераты получали в империи свободную от налогообложения территорию, но согласно римскому праву она не являлась их собственностью. И хотя территория оставалась под римским суверенитетом, племена считались автономными, обитая с римлянами «под одной крышей» как *hospitalitas* с ежегодными выплатами. *Gens* варваров получало новое, обоснованное с точки зрения права значение «государственного народа». Определяющим оставался территориальный элемент – *patria*, и варвары стали носителями *patriae* как части римского мира. Образ «варварского королевства» заключался в формуле – *patria vel gens*⁴².

На мой взгляд, на современном этапе исследования «варварские королевства» целесообразно рассматривать, прежде всего, как маркирующие центры племенных федератских образований. Эти королевства, уходя корнями в племенную традицию, оставались, все-таки, римскими институтами, поскольку опирались на высшие магистратуры позднеантичной военной организации. В строгом и правильном значении – это образования, созданные племенными федератами на основе римских федератских традиций. Ибо варвары в этих королевствах продолжали воспринимать себя федерата-

⁴¹ Корсунский А.Р., Гюнтер Р. 1984; Буданова В.П. 2000; Zöllner E. 1970; Goffart W. 1980; Wolfram H. 1980; Jarmut J. 1982; Escher K. 2006.

⁴² Вольфрам Х. 2003, 11–34.

ми даже после прекращения отдельной линии императоров в западной части Римской империи⁴³.

Создателей этих образований объединяло уже не варварство, но опыт пребывания в статусе федератов. Особенно значителен он у бургундов, везеготов, остроготов, вандалов и франков. И только франки, не самые прилежные федераты, отказывались строить свое королевство как государство в государстве. Возможно, именно поэтому титул франкского короля ценился выше, чем должность и титул руководителя племенного войска федератов. При этом *gentes* варваров были не просто войском, *exercitus*, но одновременно и римскими армиями федератов, которые как наследники римской гвардии обладали сильно изменившимся правом вручения власти, избирая, однако, не императора, а предводителя (короля) варваров. В глазах варвара-германца престиж власти императора был более высоким, чем предводителя племени, ибо эта власть была менее ограничена. Тем не менее, как уже отмечалось исследователями, никто из варварских предводителей не осмелился взойти на императорский трон, даже когда доступ к нему был открыт⁴⁴. Этика федерата, германца-чужака подобный шаг исключала, делала невозможным. Предводители варваров могли лишь управлять отдельными регионами империи, находясь под императорской властью Рима и Константинополя. Это управление подтверждалось договорами, клятвой верности императору, заложниками, получением должности *magister militum*.

В качестве образца для своих *regnum* варвары-германцы ориентировались на *imitation imperii*, на *imperium Romanum*, как сильное государство, цивилизационные возможности которого племенная элита германцев воспринимала уже в полной мере⁴⁵. Опираясь на принцип федератских племенных образований, т.н. короли, находящиеся в состоянии племенного войска, варваров использовали римскую концепцию и опыт организации территориального пространства. Однако, уже изначально пребывание варва-

⁴³ Имеется в виду принятая в историографии дата «падения (крушения, конца) Западной Римской империи», которая определяется свержением в 476 г. Ромула Августула или смертью в 480 г. Юлия Непота. Обзор литературы см.: Goffart W. 2008, 855–883.

⁴⁴ Удальцова З.В. 1959, 21. сн. 21; Корсунский А.Р., Гюнтер Р. 1984, 167–170; Томпсон Э.А. 2003, 59–70; Шкаренков П.П. 2004, 64–80; Санников С.В. 2009, 102–109.

⁴⁵ Шкаренков П.П. 2004, 64–80; Goffart W. 2008, 855–883.

ров на римской земле порождало двойственность, укрепляя оппозицию «цивилизация–варварство». Десятилетиями жизнь варваров проходила не в вакууме. Осознавая присутствие римских государственных структур, у варваров спонтанно появлялись собственные, противоположные римским. Наряду с этим возникало, как можно предполагать, ощущение своей общности с римским миром, его полагание – мы и римляне *primas mundi gentes*⁴⁶. Оказавшись федератами, варвары попадали в один темпомир (*civilitas*), где *foedus* соединил развитие цивилизационно разновозрастных образований – государственного и племенного, в одном темпе. Римская империя установила правила жизнедеятельности внутренне согласованного федератского статуса *foedus inierant* разновозрастных, хаотически двигавшихся варварских *gentes*, правила налаживания их жизнеустройства, сотрудничества с ними, стимулирования необходимого империи взаимодействия.

Следует также обратить внимание и на то, что в «варварских королевствах» универсальность Римской империи соединилась не столько с организацией, характерной для германских традиций (из прошлого заимствовалось то, что казалось жизнеспособным)⁴⁷, сколько с ментальностью племенного федерата. Она формировалась в рамках римской военной организации на протяжении многих десятилетий. Варвары-воины из племенного войска (*exercitus*) превращались в племенных федератов, менталитет которых уже включал германскую интерпретацию римского мифа. Так, согласно готскому миропониманию, которое отразил Иордан, высшей ценностью и ориентиром выступает племя (*gens*). Ему предназначено вечное странствие в поисках удобного жизненного пространства (*Oium*), господство над другими народами, а также быть *primas mundi gentes*. Народ (*populus*) готов, проходя через тяжелые испытания и потери, приобретает человечность и просвещенность (*humaniores et prudentiores*). Их предводители и вожди отмечены доблестью и благородством происхождения (*virtutis et generis nobilitate*). Им предназначено преумножать славу предков во имя готского величия и защиты покорившихся народов. Существование Римской империи естественно и необходимо как для римлян, так и готов, а племя имеет законное право занимать здесь подобающее место⁴⁸.

⁴⁶ *Iord. Get.* 182.

⁴⁷ Мансуэлли Г. 2007, 341.

⁴⁸ *Iord. Get.* passim.

Ментальность создателей «варварских королевств» формировалась в недрах сохранившихся племенных традиций, а также правил, ритма жизни и среды обитания наемников-федератов. На мой взгляд, нежизнеспособность этих королевств определил присущий им рептильный комплекс. У одних жизнь основана на следовании раз и навсегда установленным племенным традициям, у других – на нерушимой верности античности, римским порядкам и институтам. Эти королевства, подобно *melting pot*, предпринимали попытки совместить разнородные романо-германские элементы, но на стыке двух цивилизаций – античной и средневековой – фактически сложилась ситуация примирения непримиримого (*regum concordia discors*).

Парадокс «варварских королевств», как мне представляется, указывает на тупиковость и некорректность вопроса их формационной и цивилизационной природы⁴⁹. Он еще раз подчеркивает неблагоприятное в плане понимания смысла понятия «королевство» для истории варваров II–VII вв. Не секрет, что эти эволюционирующие федератские варварские образования стали заложниками спора о рубеже древности и средневековья. Заметим, что их динамика от первых в «буферной» зоне Норика и Паннонии, затем как «государства в государстве» и, наконец, созданных на постромском пространстве является уникальным характеристическим (фундаментальным, базовым) примером исторического опыта несостоявшихся цивилизаций. Рискну предположить, что федератские образования варваров признаются «королевствами» не потому, что они соответствуют критериям королевств. Они ими становятся благодаря сложившейся системе теоретико-методологических парадигм и привычных стереотипов, что дает искаженную перспективу, приводящую к неверным оценкам и выводам. Парадокс «варварского королевства» дает также хороший пример того, насколько сильно могут различаться споры и толкования внутри самой раннесредневековой письменной традиции с вариациями и талантом исторических конструкций ее интерпретаторов. Амбивалентная, созидательно-разрушительная природа варваров на территории империи направлялась, управлялась и дисциплинирова-

⁴⁹ Анализ и библиографию см.: *Wolfram H.* 1980, 260–274, 356–361; *Корсунский А.П., Гюнтер Р.* 1984, 198–211; *Goffart W.* 2008, 855–883; *Санников С.В.* 2009, 102–109.

лась институтом федератов. На мой взгляд, именно в нем скрыт спектр возможных этапов организации жизни варваров на римской земле, который завершился тем, что исследователи называют «варварскими королевствами». Но важно помнить одну деталь, оцивилизованные, романизированные варвары могли создать свои государственные образования на территориях, где проживало римское население, но они не могли быть королевствами бургундов, готов, вандалов, франков, лангобардов и других племен, как их фиксирует позднеантичная и раннесредневековая письменная традиция. Подтверждается, таким образом, уже отмеченный парадокс: чем дольше варвары пребывали в статусе федератов, тем меньше шансов у них было остаться варварами и создать собственное, варварское «королевство».

Парадокс контрудара жертвы: чем меньше остается цивилизации после её разрушения варварами, тем в большую беспомощность впадает варварство.

В качестве примера проявления этого парадокса можно привести тактические особенности осуществления Аларихом итальянских походов (400–402, 408, 410 гг.), которые были отнюдь не «предохранительным клапаном» выживания племен. Движение варваров в Италию отличалось стремительным переходом через Юлийские Альпы, решительным прорывом на полуостров, но при этом уклонением от осады крупных центров. В походах предьявлялись противоречивые претензии к империи, предпринимались попытки переговоров с императором Гонорием, и одновременно провозглашался новый император Аттал, с которого спустя короткое время диадема, порфира и других знаки верховной власти снимались. Велась осада «дрожашего Рима», закончившаяся его взятием, но затем стремительно совершился уход в Кампанию. Пожалуй, парадоксально-противоречива личность самого предводителя Алариха, энергичного и смелого, умного и дальновидного, но неожиданно отказавшегося перед выступлением в Италию прислушаться к совету старого готского воина: «Бойся потерять плоды своих завоеваний, безрассудно увлекаясь новой добычей. Избегай оказаться в положении волка, забравшегося в овчарню: ты попадешь под удары пастухов»⁵⁰.

Неопределенностью, граничащей с растерянностью, метанием и противоречивостью поступков отмечены действия последних лет

⁵⁰ *Claud. Claudian. De bello Polent. 502–504.*

жизни, фактического хозяина Западной Европы рубежа IV–V вв., Стилихона. Парадоксальность позиции этого знаменитого римского вандала состояла уже в том, что, как отмечали современники, «...он властью был равен императору...», но «...все опрокинул верх дном...»⁵¹. Стилихон отразил нападение вандалов и аланов (401 г.), разбил готов Алариха под Поленицей и Вероной (402–403 гг.), уничтожил войско Радагайса (406 г.). Однако существует и другая шкала оценки этого «патриота» Римской империи, который допустил опустошение Галлии и Северной Италии, а также реанимировал болезненный для империи вопрос об управлении Иллириком, как писал Созомен, тем самым «...старался воспламенить войну между двумя империями»⁵². Ранее высказывалось мнение, что противоречивая позиция всемогущего *magister militum* Запада и Востока объяснялась его терпимостью и снисходительностью к внутренним варварам, включенным в структуру империи, и бескомпромиссной, безжалостной позицией по отношению к варварам внешним⁵³. Так, с одной стороны, устами своего секретаря Клавдия Клавдиана, он требовал: «Пусть северные пришельцы отомстят за погрязшие законы, пусть варварское оружие придет на помощь римскому позору», а с другой, после разгрома Радагайса его рядовые воины были, по распоряжению Стилихона, проданы в рабство партиями, как мелкий скот⁵⁴.

Стилихон оказался беспомощным и в реализации плана возрождения Рима, мечтая о том, «...чтобы провести...все народы, которые служат его (Рима. – В.Б.) величию..., а короли варваров поползут за ним, обгаренные кровью»⁵⁵. В канун катастрофы 410 г., в годы, когда «при плаче кузнеца краснела сталь»⁵⁶, идея возрождения величия Римского государства была одной из популярных в политическом контексте римской цивилизации. Картина выглядела так, будто лидеры федератских формирований, в режиме обострения, теряя уходящую среду, проявляли беспокойство и растерянность, пытаясь соединиться в более крупные и однородные образования, в единое целое. Так, предводитель готов Атаульф, стремится, «... чтобы признательность будущих поколений

⁵¹ *Oros. VII. 38, 1; Rutil. Namat. II. 41–50.*

⁵² *Sozom. Hist. eccl. IX. 4; Wolfram H. 1980, 166.*

⁵³ *Cameron A. 1970, 181; Wolfram H. 1980, 161, 167.*

⁵⁴ *Claud. Claudian. In Eutrop. II. 153–159; Olympiod. Fr. 9.*

⁵⁵ *Claud. Claudian. De Consulatu Stilichonis. III. 14–30.*

⁵⁶ *Claud. Claudian. De bello Polent. 536–544.*

оценила по достоинству заслуги чужеземца, употребившего меч готов не на разрушение Римской империи, а на укрепление ее»⁵⁷. Мечется «создатель» императоров Рицимер в тесном контакте с римским сенатом, но на фоне сдержанной позиции Константинополя. Слабо и неуверенно, в интересах величия империи, действует Одоакр. Предводители варварских федератских формирований настолько беспомощны и, возможно, дезориентированы, если при имеющемся у них объеме властных полномочий и отсутствии императора для западных областей империи, не воспользовались ситуацией чтобы изменить статус варваров как федератов. Парадоксально, но спустя 17 лет после т.н. «падения» Западной Римской империи не реализовал эту возможность и предводитель остготовов Теодерих, хотя гений этого лидера варваров осознано намеревался и планировал иное политическое объединение, не имеющее прецедентов в варварском мире⁵⁸.

Парадокс homo mobilis: чем дальше уходили племена от своих исконных земель, тем больше они тосковали по своей прародине, но тем меньше хотели туда вернуться.

История племен Барбарикума, вступивших в контакт с римской цивилизацией во II–VII вв., сравнима с лабиринтом исторической эволюции. Пройти этот длительный, многотрудный эволюционный путь удалось немногим. Через препятствия, постепенно усложняясь, шла этносоциальная трансформация племен. Попадая на территорию империи, представители племен, даже оказавшись в предназначенной им социальной нише, стремясь в качестве федератов интегрироваться в римский мир, претерпевали различные страдания и лишения, которые одних привели к гибели и забвению, других закалили, выработали у них стойкость, дисциплину, силу воли, терпение, собранность. Парадокс, однако, в том, что не одно из мигрировавших племен не стремилось вернуться на родину, ограничиваясь лишь отправкой туда наемничьих денег. Поступаемый эталонный случай с герулами единичен и не бесспорен. С IV в. Римская империя расплавилась со своими федератами золотом, и германцы считались одним из самых богатых народов эпохи Великих переселений. Можно предположить, что согласно законам психологии тоска по родине все же имела место, сохра-

⁵⁷ Oros. VII. 43, 5–7.

⁵⁸ Об этом более подробно см.: Шкаренков П.П. 2004, 47–126; Санников С.В. 2009, 102–109; Wolfram H. 1980, 353–361.

нившись в пластах переселенческих преданий (memorantur), в сказаниях, песнопениях или fabulus cantiones, упоминаемых в сочинениях Иордана, Григория Турского, Павла Диакона, Беды Достопочтенного и Видукинда Корвейского.

Судя по умолчанию, к понятию «исторический парадокс» исследователи варварской тематики относятся индифферентно или весьма скептически, при этом, не забывая отмечать зигзаги парадоксальности как исторического явления. Парадокс как нечто противоречащее ожидаемому ходу вещей трудно укладывается в рамки классической исторической науки, построенной в логике закономерностей, причинности, исторических взаимосвязей. Это понятие вызывает сомнения и в постклассической науке, уходящей от закономерностей и единой логики, ибо там, где нет «нормы», нет ожидаемого хода вещей, не может быть и парадокса. К проблеме «цивилизация и варварство» историки, при всей ее актуальности, относятся с осторожностью. Исследование этой проблемы, особенно в ее «варварской ипостаси» не всегда приносит лавры, но всегда требует немалого труда, высокой профессиональной квалификации и грозит самыми неожиданными выводами, приводящими к ломке многих исторических стереотипов. Не избежать парадоксальности и в исследовательской мотивации: весьма сложно изучать мир варваров и образы варварства как явление прошлого, как определенный этап мировой истории, но, безусловно, хорошо, что изучаешь эти драматические перипетии и коллизии, когда варварство уже изжито и осталось в прошлом. Опыт варварства изучается легко и заинтересованно, если им нельзя воспользоваться, но трудно актуализировать эту проблематику и позиционировать ее значимость, когда варварство реально. Кто занимается историей варваров, как мне представляется, должен хорошо усвоить предостережение Х. Вольфрама, что может быть «неправильно понято, получит незаслуженные ярлыки или вообще останется непризнанным»⁵⁹. Нельзя сказать наверняка, но, имея в виду, что известное (bekannt), еще не есть познанное (erkannt)⁶⁰, изучение парадоксальности истории варваров II–VII вв. может быть в настоящее время весьма актуальным и перспективным, внушая робкий оптимизм и желание нового взгляда на варваров и варварство в историческом, в том числе современном контексте.

⁵⁹ Вольфрам Х. 2003, 11.

⁶⁰ Гегель Г.В.Ф. 1971, 83.

ЛИТЕРАТУРА

- Буданова В.П. 1993: Этнонимия племен Западной Европы: рубеж античности и средневековья / В.И. Уколова (ред.). – М.: ИВИ РАН. 2- изд.
- Буданова В.П. 1999: Готы в эпоху Великого переселения народов. – СПб.: Алетейя, 2-е изд.
- Буданова В.П. 2002: Великое переселение народов как универсальная модель взаимодействия цивилизации и варварства // *Цивилизация / А.О. Чубарьян (ред.)*. – М.: Наука, Вып. 5. 168–192.
- Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е. 2011: Великое переселение народов: Этнополитические и социальные аспекты / А.А. Горский (ред.). – СПб.: Алетейя.
- Вольфрам Х. 2003: Готы / Пер. с нем. Б.П. Миловидов, М.Ю. Некрасов / М.Б. Щукин, Н.А. Бондарко и П.В. Шувалов (ред.). – СПб.: Ювента.
- Гегель Г.В.Ф. 1971: Наука логики. – М. Т. 1.
- Герасимова И.А. 2008: Многоликая двойственность. (Методологический анализ культурных контекстов) // *Противоположности и парадоксы (Методологический анализ) / И.А. Герасимова (ред.)*. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация». 7–35.
- Глушанин Е.П. 1991: Военная знать ранней Византии. – Барнаул.
- Дряхлов В.Н. 1987: Войны германских племен с Римом в III в. и их влияние на развитие древнегерманского общества на Рейне // *ВДИ*. 2, 151–168.
- Дэвис Н. 2005: История Европы. Пер. с англ. Т.Б. Менской. – М.: АСТ: Транзиткнига.
- Дьяконов И.М., Якобсон В.А. 1998: Гражданское общество в древности // *ВДИ*. 1, 22–30.
- Колесницкий Н.Ф. 1985: Этнические общности и политические образования у германцев I–V вв. // *Средние века*. Вып. 48, 5–26.
- Колосовская Ю.К. 1973: Паннония в I–III веках / Е.М. Штаерман (ред.) – М.: Наука.
- Колосовская Ю.К. 2000: Рим и мир племен на Дунае. I–IV вв. н.э. – М.: Наука.
- Корсунский А. Р., Гюнтер Р. 1984: Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.). – М.: Изд-во МГУ.
- Ле Гофф Ж. 2007: Рождение Европы. Пер. с фр. А.И. Поповой. Предисл. А.О. Чубарьян. – СПб.: «Александрия».

- Мансуэлли Г. 2007: Цивилизации древней Европы / Гвидо Мансуэлли в соавторстве с Раймоном Блоком; пер. с фр. Е. Абрамовой. – Екатеринбург: У-Фактория.
- Некlessа А.И. 2003: Трансмутация истории. Вступление в постсовременный мир // *Цивилизация. Восхождение и слом: Структурообразующие факторы и субъекты цивилизационного процесса / Э.В. Сайко (ред.)*; Науч. совет «История мировой культуры». – М.: Наука. 53–97.
- Ременников А.М. 1954: Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. – М.: Наука.
- Ременников А.М. 1984: Борьба племен Северного Подунавья и Поднестровья с Римом и ее роль в падении Римской империи / А.С. Шофман (ред.). – Казань.
- Санников С.В. 2009: Образы королевской власти эпохи Великого переселения народов в раннесредневековой западноевропейской историографии. – Новосибирск: Изд-во НГТУ.
- Тойнби А.Дж. 1991: Постижение истории / Сост. Огурцов А.П.; Вступ. ст. Уколовой В.И.; Закл. Ст. Рашковского Е.Б. – М.: Прогресс.
- Томпсон Э.А. 2003: Римляне и варвары. Падение Западной империи / Пер. с англ. Т.О. Пономаревой. – СПб.: Ювента.
- Шкаренков П.П. 2004: Римская традиция в варварском мире. Флавий Кассиодор и его эпоха. – М.: РГГУ.
- Ammianus Marcellinus*. *Römische Geschichte / Versehen von W. Seyfarth*. – Berlin, 1968–1971. Bd. I–IV.
- L'Armée romaine*. 2004: *L'Armée romaine de Dioclétien à Valentinien I / Y. Le Bohec et C. Wolff (dir.)*. – Lyon.
- S. Aurelius Victor*. *Liber de Caesaribus*. – Lipsiae, 1960.
- S. Aurelius Victor*. *Historiae abbreviatae (Epitome de Caesaribus)*. – Lipsiae, 1961.
- Bang M*. 1906: *Die Germanen im römischen Dienst bis zum Regierungsantritt Konstantins I*. – Berlin.
- Barbero A*. 2011: *Barbarés. Immigres, réfugiés et déportés dans l'Empire romain*. – Paris.
- Bona I*. 2002: *Les Huns. Le grand empire barbare d'Europe IV–V siècles*. – Paris, Errance.
- Bujkisch S.B*. 1994: *Zum Limes in nordischen Schwarzmeerraum // Bonner Jahrbücher des Rheinischen Landesmuseum in Bonn*. № 184. – Bonn, 165–174.
- Cameron A*. 1970: *Claudian. Poetry and Propaganda at the Court of Honorius*. – Oxford.
- Claudius Claudianus*. *Works / With an Engl. Trans. by M. Platnauer*. – London, 1956. Vol. I–II.

- P. Cornelius Tacitus*. Libri qui supersunt / Ed. E. Köstermann. – Leipzig, 1960. T. I.
- Demougeot E.* 1972: Laeti et Gentiles dans la Gaule romaine du IV siècle // Actes du Colloque d'histoire sociale de l'université de Besançon 1970. – Paris. 101–112.
- Dio Cassius Cocceianus*. Historia Romana / Ed. U.Ph. Boissevain. – Berlin, 1955. 2 Aufl.
- Elton H.* 1996: Warfare in Roman Europe AD 350–425. – Oxford.
- Escher K.* 2006: Les Burgondes. I-VI siècle apr. J.-C. – Paris.
- Fitz J.* 1965–1966: Caracalla in Pannonia and Dacia? // Alba Regia. T. 6/7. 202–205.
- Frontiers*. 1990: Frontiers / Ed. By R. Eyre et al. – London.
- Goffart W.* 1980: Barbarians and Romans (418-584). The Techniques of Accommodation. – Princeton.
- Goffart W.* 2008: Rome's Final Conquest: The Barbarians // History Compass. № 6/3, 855–883.
- Herodian*. Of Antioch's of the Roman empire: From the death of Marcus Aurelius to the accession of Gordian III / Trans. From the Greek by E.C.Echols. Berkeley – Los Angeles: Univ. of California press., 1961.
- Iordanes*. Getica (De origine actibusque Getarum) // MGH. Auct. Antiquiss. – Berlin, 1882. Vol. V. Ps. 1.
- Isaac B.* 1988: The Meaning of the Terms Limes and Limitanei // JRS. № 78. 125–147.
- Isaac B.* 1993: The Limits of Empire. The Roman Army in the East. – Oxford.
- Jarmut J.* 1982: Geschichte der Langobarden. – Stuttgart.
- Kingdoms of the Empire. 1997: Kingdoms of the Empire. The Integration of Barbarians in Late Antiquity / W. Pohl (eds.). – Leyde-New York-Cologne.
- Kulikowski M.* 2009: Rome et les Goths. III-V siècle, invasions et intégration. – Paris.
- Kulikowski M.* 2006: Rome's Wars. – Cambridge: Cambridge University Press.
- Langemann G.* 1981: Die Markomannenkriege. – Wien.
- Liebeschuetz J.W.* 1986: Generals, Federates and Bucellarii in Roman Armies around AD 400 // The Defence of the Roman and Byzantine East / P. Freeman et D. Kennedy (eds.). – Oxford, 2. 463–474.
- Liebeschuetz J.W.* 1990: Barbarians and Bishops. Army, State and Church in the Age of Arcadius and Chrysostomus. – Oxford.
- MacMullen R.* 1988: Corruption and the Decline of Rome. – New Haven, CT: Yale University.

- Nicasie M.J.* 1998: Twilight of the Empire. The Roman Army from the Reign of Diocletian until the Battle of Adrianople. – Amsterdam.
- Olympiodorus Thebaeus*. Fragmenta / Ed. C.Müller // FHG. – Paris, 1868. Vol. IV. P. 57–68.
- Paulus Orosius*. Historiarum adversus paganos libri VII / Ed. C.Zangemeister // CSEL. – Lipsiae, 1889. Vol. V.
- Prescott J.* 1978: Boundaries and Frontiers. – London.
- Procopius Caesariensis*. De aedificiis libri VI / Ed. J.Haury, G.Wirth. – Lipsiae, 1964. Vol. IV.
- Richardot P.* 2001: La Fin de l'armée romaine (284-476). – Paris.
- Rutilius Namatianus*. De reditu suo / Ed. E. Castorino. – Firenze, 1967.
- Scharf R.* 2001: Foederati. Von der völkerrechtlichen Kategorie zur byzantinischen Truppengattung. – Vienne.
- The Scriptorum Historiae Augustae. – London.: Cambridge, 1967.
- Seyfarth W.* 1976: Germanen in römischen Diensten im 4 Jh. (unter Verwendung epigraphischer Quellen) // Römer und Germanen in Mitteleuropa. – Berlin.
- Sozomenus*. Historia ecclesiastica // PG. – Paris, 1859. LXVII, 843–1630.
- Stroheker K.F.* 1965: Zur Rolle der Heermeister fränkischer Abstammung im späten 4. Jahrhundert // Germanentum und Spätantike. – Zürich-Stuttgart. 9–29.
- C. Suetonius Tranquillus*. De vita Caesarum / Rec. C.L.Roth. – Lipsiae, 1875.
- Vellei Paterculi* historiarum ad M.Vinicium Consullem / Rec. W.S.Watt. – Leipzig: Teubner, 1988.
- Waas M.* 1971: Germanen im römischen Dienst im 4 Jahrhundert n. Chr. – Bonn.
- Wanke U.* 1990: Die Gotenkriege der Valens. Studien zu Topographie und Chronologie im unterem Donauraum von 366 bis 378 n. Chr. – Frankfurt.
- Wolfram H.* 1980: Geschichte der Goten. – München
- Zöllner E.* 1970: Geschichte der Franken bis zur Mitte des sechsten Jahrhunderts. – München.

И.Е. Суриков

НА ПЕРИФЕРИИ ВЕЛИКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ ВОСТОКА: АНТИЧНЫЕ ГРЕКИ КАК ВАРВАРЫ

Аннотация. Как известно, само понятие «варвар» впервые появилось в Древней Греции. Однако впоследствии в мировой истории восторжествовала не греческая концепция варварства (варвары как все иноплеменные), а римская (варвары как низкоразвитые периферийные народы). Если посмотреть с этой последней точки зрения (которая ближе и нам), то как раз сами античные греки в некоторых отношениях могли восприниматься как «варвары». Они жили и развивались на периферии более древних (и до определенного момента более развитых) цивилизаций Востока, весьма многое у них заимствуя в этом своем развитии (будь то письменность, многие навыки в искусствах и т.п.). Для такой крупной и «благоустроенной» державы, как Ахеменидская Персия, эллины, бесспорно, были отдаленным горным народом с довольно дикими нравами, не желающим встраиваться в «цивилизованный» имперский порядок. Сказанное, разумеется, никак не отменяет факта «цивилизационного рывка», который начиная с определенного момента был сделан греками.

Ключевые слова: цивилизация, варварство, античная Греция, Восток, Персия, центр, периферия.

Всякий раз, когда варвар одерживает верх, это случается оттого, что он уже больше чем наполовину цивилизовался. Он всегда долго пребывал в прихожей и, прежде чем проникнуть в дом, десять раз стучался в двери.

*Фернан Бродель*¹

В статье, которая была опубликована в предыдущем сборнике, посвященном теме «Цивилизация и варварство»², мы сконцентрировались на выяснении того вопроса, почему античные греки – эти общепризнанные основоположники западной цивилизации – рассматривали все прочие этносы и общества как «варварские» и, соответственно, относящиеся к некоему «второму сорту» по сравнению с ними самими, эллинами, рожденными господствовать. Что же касается данной статьи, – хотя она и является в некотором отношении

прямым продолжением вышеупомянутой, но в ней будет применен, пожалуй, диаметрально противоположный ракурс анализа.

Несмотря на то, что само понятие «варвар» впервые появилось именно в Древней Греции³, впоследствии в мировом гуманитарном дискурсе восторжествовала не греческая концепция варварства (в рамках которой в качестве «варварских» воспринимались все остальные этносы, кроме самих эллинов⁴, причем не придавалось никакого значения уровню развития, так что в роли «варваров» выступали в равной мере и полудикий фракиец, и египтянин с его тысячелетней мудростью), а римская, имевшая принципиально иной характер. Последняя трактовала варварство уже в контрастном сопоставлении с цивилизацией; варварами римляне называли представителей низкоразвитых периферийных народов.

Эта концепция, по сути дела, лежит в основе и нынешних наших представлений. Разумеется, давались и даются – как во времена, допустим, Энгельса, так и в наши дни – многочисленные и довольно разнообразные научные определения варварства⁵; но, во всяком случае, на уровне повседневного бытового мышления категория варварства явно имеет отношение к чему-то отдаленному, грубому, нецивилизованному (то есть не соответствующему критериям цивилизации, принятым в том социуме, в котором происходит дискурс). А теперь выразимся парадоксальным образом: с данной точки зрения как раз сами античные греки в некоторых отношениях могли восприниматься своими соседями как «варвары».

Высказанный тезис ввиду своей необычности, безусловно, нуждается в пояснении и аргументации, к чему мы теперь и переходим. Как видно из вышесказанного, дихотомия «цивилизация –

³ Имеем в виду западную традицию. Сознавая свою недостаточную компетентность, ничего не говорим здесь об иной традиции – древнекитайской. Если верить переводчикам с китайского языка, «Срединная империя» постоянно имела дело с «варварами» (северными, южными и т.п.). Но для нас здесь важна терминологическая точность, а в этом плане нет полной ясности относительно того, как обстоит дело с соотношением европейского термина «варвар» (*βάρβαρος*, barbarus) и предполагаемого китайского эквивалента.

⁴ Собственно, даже и периферийные ветви самого греческого этноса (как эпитроты, македоняне) могли в каких-то контекстах рассматриваться греками как «варварские» (или, по крайней мере, ставился вопрос, не являются ли они таковыми). Ср. к этому: Anson E.M. 2009.

⁵ См. в связи с этим важную теоретическую статью: Буданова В.П. 2012.

¹ Бродель Ф. 2011, 63.

² Суриков И.Е. 2012а. В этой работе и в целом приведена некоторая базовая информация, связанная с категорией «варварства» у греков; соответственно, здесь мы эти сведения повторять не будем.

варварство» имеет прямое и непосредственное отношение к дихотомии «центр – периферия». Не то чтобы эти две бинарные оппозиции полностью совпадали, но значительное количество точек соприкосновения между ними явно имеется.

Понятия центра и периферии занимают ключевое место в категориальном аппарате так называемой «мир-системной» модели, которая является весьма авторитетной в западной гуманитарной мысли последнего времени. В создание этой модели определенный вклад внес еще Ф. Бродель, но прежде всего в связи с нею упоминают имя ученого, разработавшего ее наиболее детально, – видного американского социолога и политолога И. Валлерстайна⁶. Специалистами, работающими в русле данного направления, выстраивается некая многоуровневая конструкция, в рамках которой, во-первых, имеется регион, являющийся «центром», – важнейший элемент любой системы. Далее, вычлняются регионы, которые выступают «периферией» по отношению к этому «центру» и в то же время «центром» по отношению к регионам еще более «периферийным». Перед нами, таким образом, «относительная периферия» (или «полупериферия», как предпочитают выражаться сам Валлерстайн и его последователи). Система может иметь целый ряд постепенно понижающихся уровней, пока не доходит до «абсолютной периферии», уже не являющейся «центром» по отношению ни к чему.

Естественно, «мир-система» не обязательно должна быть одной-единственной. В различные конкретные моменты истории вполне возможно одновременное существование нескольких таких систем, у каждой из которых – свой центр. Так, если фиксируются два центра, то обычно говорят о «биполярном мире»⁷.

И. Валлерстайн разработал свою модель для описания современной ситуации. Однако нам представляется, что она вполне применима и для анализа процессов и реалий, имевших место в предшествующие исторические эпохи, в том числе и в древнем мире. Этому способствуют такие ее достоинства, как простота, ясность

⁶ См. его важнейшие работы по данной проблематике в русском переводе: Валлерстайн И. 2001; Валлерстайн И. 2006.

⁷ Выражение «биполярный мир» вполне корректно, чего нельзя сказать о не реже употребляющихся выражениях «многополярный мир» и «однополярный (монополярный) мир», которые противоречат элементарным законам логики и даже физики. Как известно, полюсов может быть только два – не больше и не меньше; это свойство заложено в само понятие полюса, и иначе не бывает.

(которыми она выгодно отличается от многих других концептуальных построений, предлагавшихся теоретиками), а также чисто формальный характер; под последним имеем в виду то, она обращает внимание на формальные, а не содержательные характеристики объектов, а это придает ей большую всеобщность, поскольку в разные эпохи принципиально различное содержание зачастую проявлялось в более или менее схожих формах (вообще говоря, доступный набор форм всегда меньше доступного набора содержаний)⁸.

* * *

Поставим вопрос ребром: в «мир-системе» Восточного Средиземноморья первой половины I тыс. до н.э. – именно в рамках этой «мир-системы» происходило становление эллинских полисов, античной цивилизации, но к тому же региону имели самое непосредственное отношение и все великие империи Древнего Востока, вплоть до державы Ахеменидов, – что играло роль «центра», а что – роль «периферии»? Наиболее распространенный ответ на вот вопрос во многом обусловлен имманентно присущим нашей цивилизации европоцентризмом (порой даже не осознаваемым в полной мере⁹), который применительно к изучению древнего мира закономерно преломляется в эллиоцентризм и даже конкретнее – в афиноцентризм¹⁰. Ну, а с этой точки зрения «пупом земли» оказываются если не Дельфы, как в мифах самих греков, то Афины и уж, во всяком случае, Греция в целом. Египет, Финикия, Персия в рамках подобной картины мира вырисовываются в качестве далекой, отсталой «периферии», населенной «варварами», людьми не вполне таких же качеств, как греки. В обиходном сознании эти общества воспринимаются как менее совершенные предшественники единственно возможной Цивилизации – античной, то есть в основе своей нашей, западной.

⁸ Справедливости ради стоит отметить: еще до появления «мир-системной» модели И. Валлерстайна как теоретической конструкции одна подобного рода многоуровневая система – с «центром» и набором «периферий» разной степени удаленности – была на эмпирическом уровне блестяще реконструирована выдающимся английским византинистом Д. Оболенским в классической книге «The Byzantine Commonwealth» (см. в русском переводе с не очень удачным переводом названия – «Византийское Содружество Наций» (Оболенский Д. 1998).

⁹ Хотя случается, что его и пытаются сознательно защищать. См., например: Шичалин Ю.А. 1994, 5 слл.

¹⁰ См. нашу критику подобной тенденции: Суриков И.Е. 2010, 39 сл.

Вряд ли стоит даже специально оговаривать, что тем самым современные исследователи всего лишь репродуцируют (с той или иной степенью близости) грандиозный этноцивилизационный миф, созданный самими же греками¹¹. Так, история Восточного Средиземноморья на протяжении многих ее столетий изучается большинством современных антиковедов почти исключительно *sub specie Graeciae*, «глазами эллина».

В действительности же Греция (включавшая в себя, напомним, юг Балканского полуострова и бассейн Эгейского моря) была в интересующий нас период как раз ярко выраженной периферией, существовавшей «под боком» у более древних (и до определенного момента более развитых) цивилизаций Востока. Именно такая ситуация имела место уже во II тыс. до н.э., в эпоху микенских дворцовых царств, которые являлись по своей сути бюрократизированными монархиями вполне восточного типа, еще без каких-либо специфически античных (то есть полисных) черт¹². Ахейцы того времени активно контактировали с куда более могущественными восточными соседями¹³, причем в контактах этих выступали отнюдь не как «центральная» сила, диктующая свои правила. Напротив, они, если можно так выразиться, играли по правилам, установленным иными, более весомыми участниками внешнеполитической жизни. Да и могло ли быть иначе, коль скоро перед нами, с одной стороны, относительно малые (хоть и большие по сравнению с позднейшими полисами) государства эллинов, а с другой – такие «гиганты», как Египет Нового царства, империи Месопотамии, Хеттская держава? В сущности, знаменитые «Львиные ворота» Микен – всего лишь провинциальная реплика «Львиных ворот» Хаттусы.

Только что сказанное вполне очевидно, даже тривиально и вряд ли будет кем-либо оспорено. Никто не рискнет утверждать, что Греция II тыс. до н.э. являлась главным (или одним из главных) бастионов цивилизации. Хетты одно время были склонны как-то считаться с ахейцами, но потом это «поветрие» у них прошло, и царь Аххиявы был даже выскоблен с тех табличек дипло-

¹¹ К этой проблематике см.: Рунг Э.В. 2005; Рунг Э.В. 2009, 89–145; Маринович Л.П. 2006; Суриков И.Е. 2007а; Суриков И.Е. 2011а, 260–270; Zahn R. 1896; Hall E. 1991; Georges P. 1994; Lund A.A. 2005; Castriota D. 2005.

¹² См. к проблеме: Steele P.M. 2008.

¹³ Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. 1996; Mee C. 2008.

матического архива Хаттусы, где он фигурировал как равный партнер хеттского «Царя-Солнца»¹⁴.

Но обычно считается, что в I тыс. до н.э., после того, как Эллада возродилась от упадка «Темных веков»¹⁵ и начала зарождаться собственно античная, полисная цивилизация, положение кардинально изменилась. Так ли это? В нашем распоряжении немало данных для архаической эпохи (VIII–VI вв. до н.э.), в целом свидетельствующих о противоположном. Даже еще до того, как по соседству с греками появилась колоссальное государство Ахеменидов, они были вполне вписаны в «мир-систему» Восточного Средиземноморья¹⁶, причем не были ее «центром» и отнюдь не мнили себя в качестве такового, понимая, что подлинный «центр» находится на Востоке.

Оттуда век за веком на греческие полисы направлялись мощные культурные влияния. Подчас их значение даже чрезмерно преувеличивается. Так, Мартин Бернал в своей скандально известной «Черной Афине»¹⁷ склонен совершенно отказывать эллинам в какой-либо цивилизационной самобытности, считать их этносом заведомо «вторичным» во всех отношениях, – и, конечно, совершенно безосновательно. Позиция Бернала, впрочем, отнюдь не удивительна. Известно, что по основной специальности он не антиковед, а синолог, но в какой-то момент решил обратиться к ранней греческой истории и «одарил» нас своими сомнительными откровениями, которые, несмотря на свою несостоятельность, получили большую популярность (не среди знающих ученых, а на уровне «широкой читающей публики») – по причинам, не имеющим прямого отношения к науке¹⁸.

¹⁴ См. удачную подборку текстов по ахейско-хеттским отношениям: Немировский А.А. 2000.

¹⁵ В связи с периодом, традиционно (хотя, как становится всё яснее, не слишком удачно) обозначаемым в историографии как «Темные века», см.: Суриков И.Е. 2012б (со ссылками на предшествующую литературу). В указанной работе говорится и о том, что упадок, характерный для греческих «Темных веков», был отнюдь не таким тотальным, как недавно считалось, а также приводятся сведения о сохранявшихся даже и в это время связях эллинов (преимущественно эвбейцев) с Ближним Востоком.

¹⁶ В связи с говорящимся здесь см.: Purcell N. 1991.

¹⁷ Это многотомный труд, над которым автор работает на протяжении целых десятилетий. Относительно недавно вышел третий том (Bernal M. 2006). Аргументированную критику построений Бернала см.: Hall E. 1992.

¹⁸ Бернал настаивает на афразиатских корнях не только греческой цивилизации, но и самого греческого этноса. Высказывания такого рода,

Совсем другое дело – когда восточные влияния на архаическую Грецию всячески подчеркивают такие выдающиеся исследователи (уж их-то никто не заподозрит в дилетантизме), как Вальтер Буркерт (со стороны антиковедения) или Сайрус Гордон¹⁹ (со стороны востоковедения). Буркерт в ряде своих монографий и статей²⁰ вводит понятия «ориентализирующей эпохи» (совпадающей для него с ранней архаикой) и даже «ориентализирующей революции». Без экстремизма, свойственного Берналу, – напротив, с позиций строгой науки, максимально тщательно аргументируя каждый свой тезис, – этот ученый убедительно показывает, что без цивилизаций Древнего Востока, пожалуй, не было бы и самого «греческого чуда»²¹: настолько многим эллины этим цивилизациям обязаны.

Нужно специально оговорить, что теорию восточных корней греческой культуры не следует абсолютизировать; к ней просто необходим ряд серьезных и принципиальных оговорок. Античное общество эпох архаики и тем более классики копией античных обществ уж никак не было. Весьма значительны расхождения в экономических отношениях, в религиозных структурах²². Нам приходилось в прошлом довольно настоятельно высказываться против концепции «тотального ученичества» греков²³, и повторяться не хотелось бы; разве что в самой краткой форме суммируем свои тогдашние доводы.

При оценке реальной значимости восточных влияний на архаическую Грецию, следует, на наш взгляд, учитывать следующие обстоятельства. Во-первых, эллины выступали в контактах с Востоком не как пассивный объект воздействия, а как активно, сознательно воспринимающая сторона. И ведь, как правило, не египтяне с финикийцами приезжали учить «отсталых» греков, а, напротив, эти последние отправлялись в далекие путешествия, «мудрости чуждой взыскуя». Греки заимствовали культурные достижения у

разумеется, весьма лестны для афроамериканской составляющей населения США, сильной и влиятельной во всех смыслах.

¹⁹ Гордон С.Г. 2011, 226 слл.

²⁰ См. прежде всего: Burkert W. 1984; Burkert W. 1992.

²¹ Ср. высказывание одного из крупнейших мыслителей XX в.: «Греческое чудо, в той мере, в какой его вообще можно объяснить, связано своим происхождением в основном столкновению культур» (Поппер К. 1987, 564). Курсив в приведенной цитате принадлежит самому К. Попперу.

²² Ср.: Seaford R. 2004, 68 ff.

²³ Суриков И.Е. 2006; Суриков И.Е. 2007б, 64 слл.

восточных соседей не потому, что им кто-то что-то навязывал, а потому что они сами ощущали необходимость таких заимствований.

Во-вторых, несмотря на все заимствования, античная греческая культура, повторим, оставалась все же совершенно непохожей на восточные. Это суждение верно и в целом и в частности. Ниоткуда не были заимствованы концепция полиса²⁴, категории гражданина и гражданства. А ведь как раз это и создает специфику античности. Далее, в работах, указанных в прим. 21, мы на ряде конкретных примеров (алфавитная письменность, монументальное зодчество, научные знания) мы показали, что никогда и ни в чем эллины не позволяли себе слепого копирования чужих достижений и бездумного подражания им. Нет, они всегда на основе этих чужих достижений создавали что-то именно своё, предельно самобытное и неповторимое.

Вообще говоря, самобытность и восприятие влияний извне – феномены, которые могут один другому и не противоречить (как потом не менее ярко продемонстрировала и историческая судьба Рима). Но сам факт восточных влияний на развитие архаического греческого общества налицо и не может быть оспорен. Алфавит и писчие материалы (кожи, папирус), многие навыки и достижения ремесленного производства (особенно в сложных отраслях ремесел – монументальном строительстве, изготовлении статуй, обработке металлов, особенно ценных, и т.п.), ряд религиозных культов и мифологических сюжетов, монетное дело²⁵ и многое другое – всё это пришло в Грецию из Египта и Малой Азии, Сирии и Финикии.

В эпоху архаики греки были весьма мобильны²⁶, в том числе и в ментальном плане; тогда они не замкнулись еще в горделивом, ксенофобском изоляционизме собственной автаркии. Для Сапфо средоточием мира и «городом по преимуществу»²⁷ выступают Сарды, лидийская столица, и, надо полагать, великая поэтесса в

²⁴ Э. Снодграсс высказывает предположение, что на формирование греческого полиса оказали влияние финикийские города-государства (Snodgrass A. 1981, 31–32). Нет равным счетом никаких позитивных данных, которые позволяли бы утверждать, что это так.

²⁵ С монетным делом, впрочем, не всё так просто. На сегодняшний день нельзя с полной однозначностью утверждать, что родина монеты – Лидия. Возможно, в действительности это изобретение ионийских греков. Подробнее вопрос будет нами рассмотрен в другом месте.

²⁶ См. сводку данных: Зайцев А.И. 2001, 69 слл.

²⁷ Crielaard J.P. 2009, 358. О Сардах и Лидии у Сапфо см.: Sapph. fr. 39, 98, 132 Lobel–Page.

данном отношении является характерной выразительницей взглядов, в целом типичных для эллинов ее времени.

Особенно после того, как в середине VI в. до н.э. возникла Персидская держава Ахеменидов – в качестве «центра» тогдашнего мира воистину стала восприниматься эта воистину невиданная империя, символизировавшаяся грандиозной фигурой царя. Такое ее «центральное» восприятие было, безусловно, характерно для самих персов и других народов Востока²⁸. Чрезвычайно примечательна следующая констатация Геродота: «Наибольшим почетом у персов пользуются (разумеется, после самих себя) ближайшие соседи, затем – более отдаленные, а потом уважением пользуются в зависимости от отдаленности. Менее же всего в почете у персов народы, наиболее от них отдаленные. Сами они, по собственному мнению, далеко превосходят всех людей на свете, остальные же люди, как они считают, обладают доблестью в зависимости от отдаленности: людей, живущих далее всего от них, они считают самыми негодными» (*Herod. I. 134*)²⁹.

Данное суждение (естественно, не взятое «отцом истории» с потолка) – воистину «шар в лузу» в контексте аргументируемого нами здесь тезиса. Как ярко из него видно, что персы не только локализовали себя в «центре», а все остальные этносы (в том числе, само собой, греков) считали в разной степени периферийными, но и приносили в эту картину мира этическую окраску. Последняя ассоциирует «центральные» народы с цивилизованными, а «периферийные» – с варварскими.

Интересно, что данный взгляд в архаическую эпоху в извест-

²⁸ Достаточно припомнить, какими титулами награждают себя персидские монархи в своих монументальных надписях (Бехистун, Накш-и-Рустам и др.): «царь царей», «великий царь», «царь четырех стран света» и т.п. Здесь мы видим совершенно четко сформулированные претензии на мировое господство. Интересное сопоставление материала этих ахеменидских надписей с данным греческой исторической традиции см.: *Gschnitzer F. 1977; Balcer J.M. 1987.*

²⁹ В связи с этим местом см.: *Franks H.M. 2009, 474–475.* По мнению Фрэнкса, это персидское мнение осуждалось греками как чрезмерная гордыня. Сделаем оговорку: да, такое осуждение имело место, но не всегда, оно началось лишь с момента их победы в Греко-персидских войнах, да и то не сразу (изобразительный памятник, который упомянутым исследователем привлекается для обоснования своей точки зрения, датируется IV в. до н.э.). В только что цитированном пассаже Геродота мы еще не встречаем никакого эксплицитного осуждения этих претензий персов на мировое владычество.

ной мере разделялся и самими эллинами. Они и до прихода Ахеменидов, и после него, воспринимали себя, повторим и подчеркнем, как периферию в системе, центр которой находится на Востоке³⁰. Показательно их отношение к персидскому царю. Он для эллинов даже не обязательно «великий царь» (ὁ μέγας βασιλεύς) или «царь царей» (ὁ βασιλεὺς τῶν βασιλέων); вполне могли обходиться просто обозначением ὁ βασιλεὺς, с определенным артиклем³¹, и этим уже было всё сказано. Ὁ βασιλεὺς – это как бы «Царь», с большой буквы, – единственный и уникальный. А любой другой царь (например, спартанский, македонский и т.п.) был просто «царем», βασιλεύς, без артикля, то есть «один из многих».

Такой выдающийся антиковед, как Арнальдо Момильяно, в работах, посвященных восточным элементам в древнееврейской и древнегреческой историографии³², совершенно справедливо указывал на то, что с VI в. до н.э. эллинская цивилизация в целом и эллинское историописание в частности складывались и эволюцио-

³⁰ Весьма показателен, в частности, тот факт, что товары, импортируемые с Востока (например, предметы роскоши), пользовались очень большим престижем по сравнению с «отечественной» продукцией. См.: *Карпюк С.Г. 2011; Карпюк С.Г. 2012.* С.Г. Карпюк говорит о популярности персидских товаров, но здесь перед нами всего лишь частный случай более общей тенденции – преклонения греков перед восточным импортом в целом (прослеживается, как минимум, с «Темных веков»). Чем знаменателен данный нюанс? Во все времена товары, произведенные в «центре» данной «мир-системы» более престижны, чем товары, произведенные на ее «периферии». Скажем, в нашем современном обиходном мышлении товары, сделанные на Западе, считаются самыми лучшими; те, что сделаны у нас, ценятся ниже, те, что сделаны, допустим, в Китае, – еще ниже и т.п. Уже из этого вполне четко видно, к какому «центру» тяготеет нынешняя Россия. Ясно, что не к Китаю, иначе оценки расставлялись бы противоположным образом.

³¹ Строго говоря, иногда встречаем применительно к персидскому царю и просто βασιλεύς, без артикля. Например, несколько раз подобное словоупотребление имеет место в «Ахарнянах» Аристофана. Ср. *Buis E.J. 2008, 255.* Но, полагаем, что у комедиографа в данном случае пропуск артикля обусловлен исключительно метрическими соображениями. И, кстати говоря, такой пропуск уже порождал определенное недоразумение, на что намекает сам Аристофан (Ach. 61 sqq.). У него глашатай в народном собрании объявляет: Ὁ βασιλεὺς. А Дикеополь в ответ спрашивает: «От какого царя?» Ποίου βασιλέως; Послы вынуждены пояснить: «Вы послали нас к великому царю» – Ἐπέμψαθ' ἡμᾶς ὡς βασιλέα τὸν μέγαν (курсив наш. – И.С.).

³² *Momigliano A. 1977, 25–35; Momigliano A. 1990, 5–28.*

нировали именно на «периферии» персидского культурного мира. Хотя в политическом плане греки боролись за свою независимость от Персии и отстаивали ее, но в плане культуры, ментальности ясно, что грандиозная держава Востока, на фоне которой греческие полисы выглядели просто ничтожными, выступала для них в качестве властно притягивающего «центра». В высшей степени характерно, например, что сразу несколько древнегреческих историков первых поколений (относящихся к так называемым «логографам»³³) написали сочинения под названием «Персидские дела» (Харон Лампсакский, Дионисий Милетский, Гелланик Митиленский³⁴). По сути говоря, в рамках тогдашней «мир-системы» писать труд по персидской истории означало практически то же самое, что заниматься всеобщей историей.

Момильяно, характеризуя роль державы Ахеменидов для формирования этноцивилизационного сознания греков и евреев, оговаривает, что роль эта была неоднозначной; «персидская модель» была предметом не только подражания, но и отталкивания. Так, оба вышеназванных народа в V в. до н.э. двигались к созданию «националистических» цивилизаций – именно в качестве реакции на космополитизм и этнически толерантный деспотизм персов. Итальянский исследователь остроумно обращает внимание на параллелизм даже некоторых конкретных событий в греческой и еврейской истории указанного столетия (строительство оборонительных укреплений Афин и Пирея – восстановление стен Иерусалима; меры Ездры и Неемии по пресечению смешанных браков – скандально знаменитый закон Перикла о гражданстве, имевший аналогичную направленность³⁵).

* * *

Повторим и подчеркнем: Ахеменидская держава с ее имперским сознанием воспринимала весь известный мир как свою «периферию»; персидские монархи были твердо убеждены, что имеют

³³ Впрочем, о некорректности употребления термина «логографы» по отношению к ранним греческим историкам см.: Суриков И.Е. 2011а, 161 слл.

³⁴ Balcer J.M. 1987, 25.

³⁵ В связи с этим законом написано немало, но, пожалуй, наиболее удачно он интерпретирован в недавней работе: Blok J.H. 2009.

полное и законное право на владычество над ним. В том числе, разумеется, и на Грецию. А к Афинам – по ряду общеизвестных причин самому прославленному эллинскому полису, – сказанное относится а fortiori. Этот город с конца VI в. до н.э. рассматривался Ахеменидами как подчиненный им не только потенциально, но и юридически, входящий в состав их государства. Дело в том, что ок. 507 г. до н.э. прибывшее в Сарды афинское посольство совершило (несомненно, по неграмотности в вопросах тогдашнего межгосударственного права) крупную дипломатическую ошибку, неосмотрительно дав персидскому сатрапу «землю и воду», что являлось ритуалом, официально закреплявшим политическую зависимость, фактически – подданство.

Кстати, в данном вопросе мы не согласны с точкой зрения Э.В. Рунга, который полагает, что «действия послов не означали подчинения афинян царю Персии ни с юридической, ни с фактической точки зрения»³⁶. Геродот (V. 73), рассказывающий о посольстве, пишет буквально следующее: οἱ δὲ ἄγγελοι... διδόναι (sc. γῆν καὶ ὕδωρ) ἔφασαν. Вопреки мнению Э.В. Рунга, это выражение не означает, что послы только пообещали дать «землю и воду» в будущем, иначе в нем и стоял бы инфинитив не настоящего, а будущего времени – не διδόναι, а δώσειν. В таком виде, какой конструкция имеет у Геродота, она должна переводиться не как «послы же... сказали, что дадут», а как «послы же... сказали, что дают» (т.е. «землю и воду»). Принесли ли они эти дары тут же непосредственно? Трудно сказать; во всяком случае, исключать этого нельзя. Как бы то ни было, имело место соответствующее официальное заявление послов, а это – главное. Сами послы могли расценивать его как акт заключения союза с Персией; но в восприятии персидских властей, естественно, вообще не могло быть такой вещи, как *равноправный* союз с каким-либо государством; с их точки зрения, речь могла идти только о подчинении.

Правда, похоже, что афинская эkkлeсия после возвращения послов не ратифицировала договоренности, заключенные послами, и, возможно, даже дезавуировала их действия. Но, даже если так оно и было, для Персии это не имело уже ровно никакого значения. Она, считая, что договоры должны соблюдаться, отныне воспринимала Афины как город зависимый, но «взбунтовавшийся», который поэтому должен быть наказан. Не случайно персидские экспедиции в

³⁶ Рунг Э.В. 2008, 62.

Грецию имели своей главной целью именно Афины. Данный факт может быть корректно интерпретирован *только* в том свете, что нападавшие видели в Афинах, по известному выражению Ф. Шахермейера, «город Великого царя», свое законное владение.

Разумеется, сами афиняне, как и значительная часть других греков, были отнюдь не готовы принять политическую зависимость от Персии; они всячески сопротивлялись, и сопротивлялись успешно. Тут, конечно, можно вспомнить и Марафон, и отражение нашествия Ксеркса, и множество других славных эпизодов Греко-персидских войн. Обо всём этом еще будет сказано ниже. А пока – о другом. На интересующем нас хронологическом отрезке в Ахеменидской державе постоянно подвизалось немалое число греков³⁷. Оговорим, что речь мы сейчас ведем именно о «приезжих» греках, а не о тех, которые были персидскими подданными (как, например, жители Ионии на протяжении ряда периодов).

Какие-то из этих эллинов, оказываясь в Персии, пытались делать там карьеру и/или зарабатывать деньги. Пожалуй, их и можно было бы назвать своего рода «гастарбайтерами» (даже не обращая внимания на то, что это – чрезмерно современное слово), когда бы не один принципиальный нюанс. Только что упомянутый термин у нас однозначно ассоциируется с низкоквалифицированными чернорабочими; а вот греки, отправлявшиеся на Восток, напротив, являлись преимущественно знающими (порой крупными) специалистами в самых разных областях – от военного дела до медицины; именно в качестве таковых они и были в Персии востребованы.

Характерно, что, как правило, эти греки, приезжавшие «на заработки», отнюдь не стремились сделать Ахеменидскую державу своей «новой родиной», осесть там. Напротив, их конечной целью было все-таки рано или поздно вернуться. Дело в том, что для них, как для представителей «периферии», были решительно неприемлемы некоторые поведенческие и мировоззренческие парадигмы, которые для жителей «центра», Персии были нормой. В частности, персидский обычай проскинезы (коленипреклонения перед особой царя) вызывал у эллинов полное отторжение. Напомним известный эпизод у Геродота (VII. 134–137) о прибывших к Ксерксу спартанцах Сперфии и Булисе³⁸. По обычаю положено было со-

³⁷ Справедливо отмечалось, что персидское завоевание предоставило многим грекам новые возможности, стало фактором, который они могли использовать с выгодой для себя: *Osborne R.* 1996, 319.

³⁸ К характеристике этого эпизода см.: *Суриков И.Е.* 2009, 41–42.

вершить проскинезу. Но спартанцы «наотрез отказались, даже если их поставят на голову. Ведь, по их словам, не в обычае у них падать ниц и поклоняться человеку и пришли сюда они не для этого, а по другой причине».

Пришли они в Персию, кстати, для того, чтобы претерпеть казнь во искупление за убийство в Спарте персидских послов. Правда, Ксеркс их помиловал и не казнил; но в высшей степени характерно, что принять смерть спартанцы были готовы, а встать на колени перед всеильным владыкой – не согласны! Перед рассказом о встрече Сперфия и Булиса с Ксерксом Геродот передает их разговор со знатным персом Гидарном, в ходе которой собеседники просто не могут найти общий язык друг с другом.

Еще один типичный пример – изложенная тем же Геродотом (III. 129–137) история знаменитого греческого врача Демокета из Кротона. При Дарии I он фактически занимал положение лейб-медика, пользовался большим влиянием и богатством, однако всё время помышлял о том, как бы уехать на родину. Царь не отпускал его, но в конце концов Демокет, прибегнув к хитрости, все-таки осуществил свое намерение.

Позволим себе небольшой культурологический комментарий к вышеприведенным эпизодам. Для персов одним из интегральных признаков причастности того или иного народа или индивида к цивилизации являлось принятие имперской традиции. Ибо в их понимании тот, кто не хочет лояльно жить в империи (в идеале совпадающей с цивилизованным миром), является дикарем и варваром, сам не понимает своей пользы, и его нужно поработать – для его же блага, поскольку для него поработание будет равняться «цивилизации». Подчеркнем, что мы в этом рассуждении вынуждены употреблять современные термины, но от этого, очевидно, никуда не деться.

Персы, как уже отмечалось выше, были в этноцивилизационном плане весьма толерантными правителями; это собственно, одна из главных причин того, что им удалось создать огромное, полиэтничное и притом в целом устойчивое государство с высокой культурой. В сущности, единственное, чего они требовали от подданных, – минимальная лояльность и хоть какое-то желание включиться в имперскую традицию. Некоторые греки такое желание демонстрировали, но в массе своей – все-таки нет. Мы видели, что Демокета не прельстило высокое положение при дворе, и он попросту сбежал в свой Кротон, чтобы жить там обычным гражда-

нином. А ведь в Персии он при желании мог бы получить под свою власть целые города.

Поступок Демокета крайне показателен. С точки зрения персов он, конечно же, был чистейшим варварством: человек может жить во дворце, но убегает чуть ни в землянку, — потому что ему претит ежедневно совершать земной поклон перед царем. Самих персов проскинеза никоим образом не смущала; они прекрасно понимали, что есть некая условность ритуала, нормы этикета, и если кто-то этого не желает понять, то может ли он называться культурным человеком?

С конца VI по начало IV в. до н.э. на персидской территории по тем или иным причинам, на протяжении более или менее длительного срока проживали несколько крупных политических деятелей афинского полиса³⁹. Упомянем, в частности, имя Мильтиада Младшего. Как известно, будущий марафонский победитель в 514–493 гг. до н.э. являлся (как тиран Херсонеса Фракийского) персидским подданным, принял участие в скифском походе Дария I. Чуть ли не еще дольше задержался в Персии афинский тиран Гиппий, изгнанный с родины в 510 г. до н.э. Перебравшись в малоазийский Сигей и став его вассальным тираном под ахеменидским владычеством, он бывал и у Дария в Сузах, и плавал с Датисом и Артаферном к берегам Аттики в 490 г. до н.э.

Наиболее известно достаточно продолжительное пребывание в державе Ахеменидов знаменитого Фемистокла. Приговоренный в Афинах к казни, у персов он, напротив, добился высокого положения: управлял несколькими городами, чеканил монету. О Фемистокле в Персии написано немало⁴⁰, нам тоже приходилось обращаться к этому сюжету⁴¹, поэтому не будем повторяться. Далее, в конце V в. до н.э. с Персидской державой связан ряд перипетий бурной судьбы Алкивиада, который в чем-то пошел «по стопам» Фемистокла. А еще несколько лет спустя нечто аналогичное случилось с Кононом. Последний был одновременно афинским поли-

³⁹ Суриков И.Е. 2011б. В указанной работе материал рассмотрен в краткой, тезисной форме. В настоящее время нами подготовлена довольно большая статья на данную тему, которая на момент написания этих строк еще не опубликована. Сделанные в ней наблюдения мы отчасти используем в настоящей работе.

⁴⁰ См., например: Cahn H.A., Gerin D. 1988; Cahn H.A., Mannsperger D. 1991; Nollé J. 1996.

⁴¹ Суриков И.Е. 2008, 180 слл.

тиком и персидским офицером высокого ранга — фактически командовал морскими силами Ахеменидов в Эгейском море.

Итак, эллин действительно мог сделать карьеру, прибыв в Ахеменидскую державу. Более того, отношение ее высоких сановников (и даже царя) к таким грекам можно даже назвать гостеприимным. Им шли навстречу, в рамках возможного стремились удовлетворить их пожелания. Так, Фемистокл попросил, чтобы ему дали год на изучение персидского языка — и этот срок был с готовностью ему предоставлен.

Разумеется, карьера греков в Персии должна была иметь некоторые ограничения. Так, маловероятно, чтобы они могли дослужиться до совсем уж высоких степеней, например, занимать посты сатрапов⁴². Но всё же возможности перед эллинами развертывались довольно широкие. Причем, что интересно, насколько можно судить, ни одному из афинян, о которых шла речь, не пришлось подвергаться какой-то специальной «проверке», проходить «испытательный срок» и т.п. Мильтиада практически непосредственно после того, как его владения попали под контроль персов, мы уже встречаем в свите Дария. Более века спустя Конону, для того, чтобы занять высокое положение в персидском войске, хватило всего лишь рекомендации Евагора (правителя Саламина Кипрского) — далеко не самого лояльного ахеменидского вассала.

Таким образом, на протяжении длительного хронологического отрезка подход персов к грекам не менялся: он был априорно доверительным. Однако впоследствии, конечно, эллины, ставшие ахеменидскими чиновниками, могли подвергаться наказаниям: это случалось тогда, когда их уличали или подозревали в некоей «двойной игре», в недостаточной лояльности. Так, тот же Мильтиад утратил власть над Херсонесом и сам смог с трудом бежать от персидского преследования (хотя весьма вероятно, что, попади-таки он в руки Дария, никаких наказаний не претерпел бы, а про-

⁴² Впрочем, Геродот (IX. 107) сообщает, что его земляк — галикарнаец Ксенагор — получил от Ксеркса в управление всю Киликию. Но тут необходимо сделать несколько оговорок. Во-первых, этот щедрый дар был вызван действительно экстраординарным поступком грека: Ксенагор спас от гибели Масиста, царского брата. Во-вторых, строго говоря, Геродот не указывает, что Ксенагор был назначен сатрапом, не употребляет этого термина. В-третьих, в данном случае речь все-таки идет не о приезде, а о малоазийском греке, то есть о персидском подданном.

сто был бы переведен во внутренние области державы). Около века спустя каре подвергся и Конон.

Можно сказать, что прибывших афинян (равно как и других греков) методом «кнута и пряника» стремились всячески вписать в имперскую традицию. А что же в данном отношении можно сказать о них самих?

Во-первых, совершенно четко прослеживается, что ни одно из вышеупомянутых лиц не поселилось на территории Персии вполне по доброй воле. Все они были вынуждены сделать это в силу той или иной необходимости, чаще всего – по причине своего изгнания из родного полиса, усугублявшегося и невозможностью оставаться в греческом мире в целом. Именно так было с Фемистоклом, Алкивиадом, Кононом. Таким образом, при прочих равных условиях эти эллины предпочли бы все-таки в Персию не ехать, а остаться дома; но так уж сложились их судьбы, что «остаться дома» было невозможно.

Соответственно, пребывание в Ахеменидской державе, несмотря на все развертывавшиеся возможности и получаемые богатства, не было для них таким уж привлекательным. Греческие политики, о которых здесь говорилось, могли бы вполне вольготно жить в огромном восточном государстве. Но почти все они страстно желали возвратиться на свою маленькую родину. Мало кому из них это удалось, но усилия в этом направлении они предпринимали. По сути дела, и Гиппий, и Алкивиад, и Конон (полагаем, что с некоторыми оговорками то же можно сказать и о Фемистокле) использовали свое положение в Персии в «инструментальных» целях – как потенциальное подспорье для пресловутого возвращения на родину. Гиппий повел персидскую эскадру к Марафону; Алкивиад пользовался дружбой с влиятельным сатрапом Тиссаферном, чтобы убедить афинян позволить ему вернуться; Конону для тех же целей послужил другой сатрап – Фарнабаз...

По сути, всеми ими двигала та же психологическая мотивация, которая несколько веков спустя заставила Цезаря сказать: «Лучше быть первым в деревне, чем вторым в Риме». В рамках предложенной выше цивилизационной модели это означает, что афинским политикам милее было лидирующее положение у себя на «периферии», нежели высокий, но все-таки подчиненный статус в «центре». Это вполне коррелирует с тем, что было сказано выше в связи с Демокедом и др.

* * *

Итак, для такой крупной и по меркам древнего мира весьма благоустроенной державы, как Ахеменидская Персия, греки, бесспорно, были отдаленным горным народом с довольно дикими нравами, постоянно бунтующим, не желающим встраиваться в «цивилизированный» имперский порядок и вообще не терпящим никакой правильной организации⁴³. Последнее, разумеется, не соответствовало действительности, но мы, повторим, характеризуем ситуацию в том виде, в каком она виделась самим персам. Наверное, прозвучит парадоксом то, что сейчас будет сказано: в сущности, в Персии греки воспринимались так, как в России с XIX века воспринимаются народы Кавказа. Но, право же, сильного преувеличения мы не сделали.

К периферийным этносам персидские власти относились без особого интереса, поскольку, как отмечалось выше, считали их заведомо «второсортными». Они проглядели «цивилизационный рывок», с определенного момента сделанный греками и в результате жестоко поплатились. Если первое десятилетие Греко-персидских войн проходило под знаком превосходства империи, то впоследствии баланс понемногу сместился. Поход Ксеркса на Элладу в 480–479 гг. до н.э. закончился полной неудачей, хотя, разумеется, в официальной ахеменидской пропаганде эта кампания и была подана как победоносная⁴⁴. Ведь Империя не могла терпеть поражений! Но с этого момента, как известно, в военных действиях между греками и персами произошел коренной перелом, стратегическая инициатива перешла к Афинам и их союзникам.

Создается впечатление, что на «волне побед» Афины всерьез задалась целью в корне изменить расклад сил в тогдашнем мире и стремились к тому, чтобы самим стать, вместо Персии, новым «центром» существовавшей в рассматриваемый период «мир-системы». Во второй четверти V в. до н.э. эта направленность их политики прослеживается особенно четко⁴⁵. Чего стоит хотя бы оказанная афинским полисом мощная военная помощь отпавшему от персов Египту!

Впрочем, надежды на столь глобальные перемены оказались иллюзорными. Уже завершение Греко-персидских войн Каллие-

⁴³ Ср. презрительное суждение Кира Великого о греках, приведенное у Геродота (I. 153).

⁴⁴ Ruberto A. 2012.

⁴⁵ В связи с этим афинским «великим проектом» см.: Суриков И.Е. 2011а, 69 слл.

вым миром в 449 г. до н.э. продемонстрировало, что Афины не претендуют больше на единоличное первенство и готовы согласиться на существование двух «центров», с разграничением между ними зон влияния. А тут еще сыграл свою роль такой привходящий фактор, как обострившиеся отношения со Спартой; вскоре вспыхнула Пелопоннесская война, по итогам которой и Афины, и Эллада в целом были резко ослаблены. В результате уже самое раннее с начала IV в. до н.э. положение Ахеменидской державы как «центра» не оспаривалось. С полной ясностью свидетельствуют об этом хотя бы формулировки Анталкидова мира 387 г. до н.э.⁴⁶:

«Царь Артаксеркс считает справедливым, чтобы ему принадлежали все города Азии, а из островов – Клазомены и Кипр. Всем прочим же эллинским городам, большим и малым, – должна быть предоставлена автономия, кроме Лемноса, Имброса и Скироса, которые по-прежнему остаются во власти афинян. Той из воюющих сторон, которая не примет этих условий, я вместе с принявшими мир объявляю войну на суше и на море и воюющим с ними окажу поддержку кораблями и деньгами» (Хен. Hell. V. 1. 31).

Формулировки эти, если вдуматься, просто разительны. Ничего подобного не знала ранее древнегреческая дипломатическая практика. Какое-либо равноправие между сторонами начисто исключается звучащим здесь категоричным, нарочито диктаторским тоном, акцентирующим роль персидского владыки как верховного арбитра для эллинов. Последние, надо сказать, вполне приняли такие «правила игры», и в Сузы зачастили представители различных полисов. По сути дела, вся Греция превратилась в «страну Великого царя»...

Потом, конечно, политическая обстановка вновь резко изменилась, начались победоносные походы Александра Македонского. Однако, по большому счету, греческий мир (включая Македонию⁴⁷) все-таки оставался в персидской «системе координат». Вот достаточно выразительное свидетельство тому: всем прекрасно известно, что Александр, завоевав Ахеменидскую державу, отнюдь не присоединил ее к Македонии, а поступил, в сущности, противоположным образом – присоединил Македонию и Грецию к

⁴⁶ О характере Анталкидова мира см.: Рунг Э.В. 2008, 335–342.

⁴⁷ Как бы ни относились к Македонии греки, сами македоняне, несомненно, считали себя частью греческого мира. Достаточно напомнить, что в качестве официального языка, на котором составлялись документы, в стране был принят аттический диалект.

Персии и стал царем последней, «преемником Ахеменидов»⁴⁸. Ничего удивительного! Ведь, как отмечалось выше, царь Македонии был просто βασιλεύς, а царь Персии – ὁ βασιλεύς. Амбициям Александра мог отвечать только этот последний статус. Александра часто называют «творцом нового мира». В ряде отношений это, конечно, верно; но в рамках той модели, которую мы здесь применяем, он не создавал новую «мир-систему» с новым «центром», а просто переместился в «центр» уже существующий.

Впрочем, на тематике, связанной с Александром и эллинизмом, мы, конечно, не будем подробно останавливаться в рамках данной статьи. Отметим только одно: как ни странно, греко-македонское завоевание Персидской державы имеет известное типологическое сходство с варварским завоеванием Римской империи. Хотя сами эллины, безусловно, трактовали свое овладение великим восточным государством в совершенно противоположном ключе: как победу своей цивилизации (παίδεια) над варварством. Такова сложная диалектика исторических процессов. Впрочем, только ли исторических? Согласно теории относительности Эйнштейна, базовые характеристики вообще *любого* процесса зависят от точки наблюдателя.

ЛИТЕРАТУРА

- Бродель Ф. 2011: Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. – М.
- Буданова В.П. 2012: Варвары и варварство в антропологии цивилизаций // Цивилизация и варварство: трансформация понятий и региональный опыт / В.П. Буданова, О.В. Воробьева (ред.). – М., 10–46.
- Валлерстайн И. 2001: Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. – СПб.
- Валлерстайн И. 2006: Миросистемный анализ: Введение. – М.
- Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. 1996: Гомер и история Восточного Средиземноморья. – М.
- Гордон С.Г. 2011: До Библии. Общая предыстория греческой и еврейской культуры. – М.
- Зайцев А.И. 2001: Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н.э. 2 изд. – СПб.
- Карпюк С.Г. 2011: «Качество продукции»: иранские предметы роскоши в восприятии греков // Иран и античный мир: Политическое, культур-

⁴⁸ Ср.: Badian E. 1996; Bosworth A.B. 2006; Olbrycht M.J. 2008; Gilley D.L., Worthington I. 2010.

- ное и экономическое взаимодействие двух цивилизаций. Тезисы докладов международной научной конференции / Э.В. Рунг, О.Л. Габелко (ред.). – Казань, 44–45.
- Карпюк С.Г. 2012: Персидская роскошь в демократических Афинах // ВДИ. 3, 58–67.
- Маринович Л.П. 2006: Возникновение и эволюция доктрины превосходства греков над варварами // Античная цивилизация и варвары / Л.П. Маринович (ред.). – М., 5–29.
- Немировский А.А. 2000: Ахейская Греция и Западная Малая Азия в конце XIV – начале XII в. до н.э. // Антология источников по истории, культуре и религии Древней Греции / В.И. Кузищин (ред.). – СПб., 66–101.
- Оболенский Д. 1998: Византийское Содружество Наций. Шесть византийских портретов. – М.
- Поппер К. 1987: Логика и рост научного знания: Избранные работы. – М.
- Рунг Э.В. 2005: Представление персов как варваров в греческой литературной традиции V в. до н.э. // Мнемон: исследования и публикации по истории античного мира. 4, 125–166.
- Рунг Э.В. 2008: Греция и Ахеменидская держава: История дипломатических отношений в VI–IV вв. до н.э. – СПб.
- Рунг Э.В. 2009: Греко-персидские отношения: политика, идеология, пропаганда. – Казань.
- Суриков И.Е. 2006: Рождение «греческого чуда»: восточные влияния и самобытность в архаической Элладе // Античная история и классическая археология / В.В. Дементьева (ред.). – М., 79–89.
- Суриков И.Е. 2007а: Геродот и «похищение Европы»: первый грандиозный этноцивилизационный миф в истории Запада // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 21. Специальный выпуск: Исторические мифы и этнонациональная идентичность. – М., 149–160.
- Суриков И.Е. 2007б: Архаическая Греция: проблемы истории и источниковедения. – М.
- Суриков И.Е. 2008: Античная Греция: Политики в контексте эпохи. Время расцвета демократии. – М.
- Суриков И.Е. 2009: Геродот. – М.
- Суриков И.Е. 2010: Греческий полис архаической и классической эпох // Античный полис: Курс лекций / В.В. Дементьева, И.Е. Суриков (ред.). – М., 8–54.
- Суриков И.Е. 2011а: Очерки об историописании в классической Греции. – М.
- Суриков И.Е. 2011б: Знаменитые афиняне VI–V вв. до н.э. на территории Ахеменидской державы // Иран и античный мир: Политическое, культурное и экономическое взаимодействие двух цивилизаций. Тезисы докладов международной научной конференции / Э.В. Рунг, О.Л. Габелко (ред.). – Казань, 37–38.
- Суриков И.Е. 2012а: Роль категории полиса в формировании дихотомии «цивилизация – варварство» в античной Греции // Цивилизация и варварство: трансформация понятий и региональный опыт / В.П. Буданова, О.В. Воробьева (ред.). – М., 47–66.

- Суриков И.Е. 2012б: «Темные века» в Греции (XI–IX вв. до н.э.) – первый переходный период в истории европейской цивилизации // Переходные периоды во всемирной истории: Трансформации исторического знания / М.С. Бобкова (ред.). – М., 13–38.
- Шичалин Ю.А. 1994: Ἐπιστροφή, или Феномен «возвращения» в первой европейской культуре. – М.
- Anson E.M. 2009: Greek Ethnicity and the Greek Language // *Glotta*. 85, 5–30.
- Badian E. 1996: Alexander the Great between Two Thrones and Heaven: Variations on an Old Theme // *Subject and Ruler: The Cult of the Ruling Power in Classical Antiquity* / A. Small (ed.). – Ann Arbor, 11–26.
- Balcer J.M. 1987: Herodotus & Bisitun. – Stuttgart.
- Bernal M. 2006: Black Athena: The Afroasiatic Roots of Classical Civilization. Vol. 3. The Linguistic Evidence. – New Brunswick.
- Blok J.H. 2009: Perikles' Citizenship Law: A New Perspective // *Historia*. 58, 2, 141–170.
- Bosworth A.B. 2006: Alexander the Great and the Creation of the Hellenistic Age // *The Cambridge Companion to the Hellenistic World* / G.R. Bugh (ed.). – Cambridge, 9–27.
- Buis E.J. 2008: Diplomáticos y farsantes (Ar. Ach. 61–174): Estrategias para una desarticulación cómica de la política exterior ateniense // *Cuadernos de filología clásica (G): Estudios griegos e indoeuropeos*. 18, 249–266.
- Burkert W. 1984: Die orientalisierende Epoche in der griechischen Religion und Literatur. – Heidelberg.
- Burkert W. 1992: The Orientalizing Revolution: Near Eastern Influence on Greek Culture in the Early Archaic Age. – Cambridge Mass.
- Cahn H.A., Gerin D. 1988: Themistocles at Magnesia // *Numismatic Chronicle*. 148, 13–20.
- Cahn H.A., Mannsperger D. 1991: Themistocles Again // *Numismatic Chronicle*. 151, 199–202.
- Castriota D. 2005: Feminizing the Barbarian and Barbarizing the Feminine: Amazons, Trojans, and Persians in the Stoa Poikile // *Periklean Athens and its Legacy: Problems and Perspectives* / J.M. Barringer, J.M. Hurwit (eds.). Austin, 89–102.
- Crielaard J.P. 2009: Cities // *A Companion to Archaic Greece* / K.A. Raaflaub, H. van Wees (eds.). – Oxf., 349–372.
- Franks H.M. 2009: Hunting the Eschata: An Imagined Persian Empire on the Lekythos of Xenophantos // *Hesperia*. 78, 4, 455–480.
- Georges P. 1994: Barbarian Asia and the Greek Experience: From the Archaic Period to the Age of Xenophon. – Baltimore.
- Gilley D.L., Worthington I. 2010: Alexander the Great, Macedonia and Asia // *A Companion to Ancient Macedonia* / J. Roisman, I. Worthington (eds.). – Oxf., 186–207.
- Gschnitzer F. 1977: Die sieben Perser und das Königtum des Dareios: Ein Beitrag zur Achaimenidengeschichte und zur Herodotanalyse. – Heidelberg.
- Hall E. 1991: Inventing the Barbarian: Greek Self-Definition through Tragedy. – Oxf.

- Hall E. 1992: When is a Myth not a Myth? Bernal's "Ancient Model" // *Aethusa*. 25, 1, 181–201.
- Lund A.A. 2005: Hellenentum und Hellenizität: Zum Ethnogenese und zur Ethnizität der antiken Hellenen // *Historia*. 54, 1, 1–17.
- Mee C. 2008: Mycenaean Greece, the Aegean and Beyond // *The Cambridge Companion to the Aegean Bronze Age* / C.W. Shelmerdine (eds.). – Cambridge, 362–386.
- Momigliano A. 1977: *Essays in Ancient and Modern Historiography*. – Oxf.
- Momigliano A. 1990: *The Classical Foundations of Modern Historiography*. – Berkeley.
- Nollé J. 1996: Themistokles in Magnesia: über die Anfänge der Mentalität, das eigenen Porträt auf Münzen zu setzen // *Schweizerische numismatische Rundschau*. 75, 5–31.
- Olbrycht M.J. 2008: Curtius Rufus, the Macedonian Mutiny at Opis and Alexander's Iranian Policy in 324 BC // *The Children of Herodotus: Greek and Roman Historiography and Related Genres* / J. Pigoń (eds.). Newcastle upon Tyne, 231–252.
- Osborne R. 1996: *Greece in the Making, 1200–479 B.C.* – L. – N.Y.
- Purcell N. 1991: Mobility and the Polis // *The Greek City: From Homer to Alexander* / O. Murray, S. Price (eds.). – Oxf., 29–58.
- Ruberto A. 2012: La vittoria di Serse in Grecia. Problemi, testimonianze, ipotesi // *Klio*. 94, 2, 300–311.
- Seaford R. 2004: *Money and the Early Greek Mind: Homer, Philosophy, Tragedy*. – Cambridge.
- Snodgrass A. 1981: *Archaic Greece: The Age of Experiment*. – Berkeley.
- Steele P.M. 2008: A Comparative Look at Mycenaean and Near Eastern Bureaucracies: 'Bilateral' Documentation in the Linear B Archives? // *Kadmos*. 47, 31–49.
- Zahn R. 1896: *Die Darstellung der Barbaren in griechischer Litteratur und Kunst der vorhellenistischen Zeit*. Tl. 1. Diss. – Heidelberg.

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ «ЦИВИЛИЗАТОРСКОЙ» МИССИИ ЭЛИНОВ И РИМЛЯН В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы взаимоотношений античной цивилизации с племенным миром Северного Причерноморья. Выясняются особенности регионального пути «эллинизации» и «романизации» местного населения. В качестве конкретного примера проанализированы контакты греческих колонистов с туземным населением на территории Европейского Боспора с момента начала колонизации до позднеантичного периода.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, греческая колонизация, эллинизация, романизация, местное население, Европейский Боспор.

Взаимодействие «цивилизации» с «варварским» миром осуществляется в трёх основных плоскостях: военно-политической, экономической и культурной. Чем выше уровень развития «цивилизации», чем существеннее её отрыв от объекта воздействия, тем меньше шансов у последнего сохранить свою идентичность и свободу (наглядным примером тому может служить судьба индейцев Северной Америки). Античный мир, пожалуй, первым продемонстрировал позицию сознательного превосходства над прочими народами. Тогда же определились и пути «оцивилизовывания варваров». При этом «цивилизация» всегда выступала как «агрессивная» составляющая в этом процессе.

Любое противостояние по линии «цивилизация» – «варварство» предполагает в первую очередь самоидентификацию «цивилизации» на уровне самосознания составляющих её индивидов. На начальной стадии становления общины у эллинов (как и у любого другого этноса) понятие «внешний» означало то же, что и «враг», и за пределами общины действовало «право войны», ограничиваемое лишь небольшим набором обычаев, признаваемых, впрочем, только там, где имели место греческие нравы¹.

Эллинические колонисты в Северном Причерноморье столкнулись с чуждым им миром преимущественно кочевых племён. Известно, что кочевники в меньшей степени поддаются воздействию «цивилизации», чем народы, занимающиеся земледелием и ведущие оседлый образ жизни. Для греческих колоний было значи-

¹ Зелинский Ф.Ф., 1995, 32–33.

тельно более спокойно иметь в соседях мирных пахарей, нежели воинственных кочевников. Именно поэтому первым шагом в процессе эллинизации местного населения должно было стать распространение земледелия. Ещё Ф.Ф. Зелинский очень точно подметил, что в известном описании Геродотом племён, соседствующих с Ольвией (*Herod.*, IV, 17), «мы легко узнаём ослабевающую по мере удаления от центра силу культурных лучей, исходящих от Ольвии»².

Экономическое воздействие античной цивилизации на племенной мир Северного Причерноморья не носило всеобъемлющий и подавляющий местные традиции характер. В развитии технологического потенциала ни эллины, ни римляне не достигли качественного превосходства над большинством своих соседей. Иное дело культурный и военный факторы.

Общеэллиническое единство определялось, в первую очередь культурной традицией. Именно культура во всём её многообразии делала эллинов эллинами. Небольшие греческие анклавные территории античного мира могли сохранить свою идентичность только через сохранение и передачу из поколения в поколение культурного наследия своего народа. Так Дион Хрисостом, рассказывая о жителях Ольвии, замечает: «Хотя они по-гречески говорят не совсем уже чисто благодаря тому, что живут среди варваров, но всё-таки «Илиаду» почти все знают наизусть» (XXXVI, II, 48).

Доминирующим компонентом процесса эллинизации варварского окружения являлась культурная составляющая. Однако уровень греческой культуры был столь высок, что говорить о массовом её распространении в варварской среде не приходится. По мнению И.Ю. Шауба «причерноморские варвары по своему менталитету и культурному уровню стояли гораздо ближе к североамериканским индейцам – охотникам за скальпами, чем к тем своим лингвистическим родственникам, из среды которых вышли создатели Ригведы и Авесты»³. Более того, если в варварской среде и находились отдельные представители, принимавшие эллинский образ жизни, то они становились изгоями в собственной среде. Пример Анахарсиса и Скила наглядное тому подтверждение. Геродот вполне определённо сообщает об этом: «И скифы (подобно другим варварам) избегают заимствований чужеземных обычаев, притом не только от других народов, но и в особенности от эллинов» (*Herod.*, IV, 76).

² Зелинский Ф.Ф. 1995, 62.

³ Шауб И.Ю. 2007, 80.

Одним из факторов, влияющим на процесс эллинизации в Северном Причерноморье был постоянный приток новых кочевых племён⁴. Парадокс оцивилизации «варваров» в этом регионе заключался в том, что, с одной стороны, та часть «старых» соседей, которая вкусила плоды цивилизации, инкорпорировалась в античное общество и теряла свою идентичность, а, с другой стороны, «новые» соседи в очередной раз противопоставляли себя цивилизации как абсолютно чуждые элементы.

По существу греки в Северном Причерноморье были обречены на постоянное растрачивание своего культурного потенциала для приспособления окружающего мира под собственное восприятие. Однако потенциал этот при всей его мощи всё-таки не был безграничен и, будучи открытым для внешнего воздействия, эллинский мир Северного Причерноморья всё больше и больше подвергался обратному воздействию, т. е. варваризировался. Для этого отдалённого уголка греческой цивилизации вполне подходит очень ёмкое определение, данное Ю.В. Андреевым всем эллинам:

«Они щедро раздаривали себя, свои таланты, открытия, идеи, охотно заимствовали у других народов всё, что могло показаться им полезным или прекрасным, но при этом всё же оставались в духовной изоляции, ибо по-настоящему всё сделанное ими никто не мог в те времена ни понять в полной мере, ни оценить. Каждый брал из этого огромного богатства лишь то небольшое, что было доступно его пониманию и что казалось ему насущно необходимым в данный момент, не заботясь о связи этих выхваченных наугодов крупниц с тем колоссальным целым, которое мы теперь называем «греческой цивилизацией»⁵.

Влияние эллинов на соседние народы осуществлялось не только в культурной, но и в военно-политической сфере. Однако, как только у этих народов, по меткому выражению Ф.Ф. Зелинского, просыпался «политический и воинственный дух»⁶, они стремились подчинить себе греческие колонии. И хорошо, если этот процесс сопровождался культурной победой эллинов, как это было в Лидии. Хуже, если культурное воздействие оказывалось недостаточным.

В Северном Причерноморье примером военно-политического влияния эллинов может служить Скифское царство в Крыму. Са-

⁴ Андреев Ю.В., Марченко К.К., 2005, 400–401.

⁵ Андреев Ю.В. 1999, 386–387.

⁶ Зелинский Ф.Ф. 1995, 63.

мым же «успешным» образцом, как в этом плане, так и в процессе эллинизации в целом являются римляне, которые по отношению к эллинам были такими же варварами, как и скифы, ну, может быть, чуть более восприимчивые к греческой культуре. Впрочем, как справедливо отмечает Ю.В. Андреев, несмотря на то, что «римляне старательно подражали их (греков) манере говорить, писать и думать», «результаты их усилий страшно далеки от их великих оригиналов»⁷.

Рим возник как военное поселение, и всё дальнейшее его развитие осуществлялось, в первую очередь, именно в военно-политической плоскости. Культурная составляющая (особенно духовная сфера) никогда не занимала в римском обществе лидирующих позиций. Поэтому доминирующим компонентом в процессе «романизации» был военная составляющая. Сначала на новые территории вступали легионы, а уже потом коренному населению предлагалось «наслаждаться» римским образом жизни, если, конечно, оставалось кому «наслаждаться». Римляне, так же, как и эллины, культивировали своё превосходство над прочими народами, однако к этому качеству они добавили идею миссионерской роли Рима. Рассматривая собственный уклад как идеал (вспомним Полибия), римляне решили навязать его всему остальному миру, не считаясь с тем надо это последнему или нет. Либо ты «друг Рима» и следуешь в фарватере его политики, либо ты враг, и тогда вперёд идут римские легионы.

Такие методы «оцивилизовывания» неизбежно встречали противодействие со стороны «варваров». Варварский мир был неизмеримо больше римского, и, чем дальше римляне вторгались в него, приводя в движение всё новые и новые силы, тем сильнее становилось сопротивление. Варварские походы середины III в. н. э. отчасти стали следствием этой политики Рима.

На периферии античного мира – в Северном Причерноморье – эллины и, возможно, часть эллинизированного местного населения, видели в римлянах спасение от угрозы со стороны постоянно меняющихся кочевых народов. Соблазн решить проблему военной силой был достаточно велик, однако последствия такого решения оказались катастрофическими. Особенно наглядно эта тенденция проявилась в истории Боспорского царства, и, в частности, на территории Европейского Боспора, нынешнего Керченского полуострова.

⁷ Андреев Ю.В. 1999, 387.

Демографическая ситуация на Керченском полуострове к началу освоения его эллинами неоднократно рассматривалась в отечественной историографии⁸. Наиболее приемлемой точкой зрения следует, по-видимому, считать, что к этому времени внутренняя часть полуострова была пустынной (точнее не имела постоянного оседлого населения), а в прибрежных районах проживало какое-то местное население, которое довольно быстро было включено в структуру греческих полисов.

Такая ситуация имела место не всегда. Как показали раскопки городища римского и позднеантичного времени «Белинское», расположенного в непосредственной близости от северного участка Узунларского вала, под античным слоем скрывалось довольно крупное поселение эпохи поздней бронзы. Его исследование находится в самом начале, поэтому окончательные выводы делать рано, однако анализ лепной керамики позволяет предварительно говорить о её близости с белозёрской культурой (XII–X вв. до н.э.). В частности речь идёт о низкобортных усечено-конических и полусферических сковородах, с вдавлениями по верхней части края и неорнаментированных⁹.

Этому же населению, по-видимому, принадлежали и подкурганые захоронения в каменных ящиках в окрестностях городища. Причины, по которым земледельческое население полуострова покинуло обжитые места, скорее всего, связаны с приходом на полуостров кочевых племён. Предположение о том, что защищавший земледельческий район Узунларский вал появился намного раньше прихода сюда греков, уже высказывались в литературе. Его возведение могло быть связано как со скифо-киммерийским противоборством, так и с ещё более древними событиями¹⁰.

Нельзя исключать и того обстоятельства, что местное земледельческое население степной части Восточного Крыма является именно тем «начальным звеном» в предложенной А.А. Масленниковым реконструкции этнической принадлежности автохтонного населения прибрежных районов этого региона в VI в. до н.э.¹¹. Впрочем, к моменту начала греческой колонизации уцелевшее местное население уже сильно смешалось с пришлыми этносами, скифами или таврами. Таврская керамика находится при раскопках

⁸ См. об этом: *Виноградов Ю.А.* 2005, 211–220.

⁹ Анализ материала проведён В.П. Власовым (г. Симферополь).

¹⁰ *Масленников А.А.* 2003, 210.

¹¹ *Масленников А.А.* 1980, 15–17.

каждого города в слоях VI–V вв. до н.э., хотя вопрос о существовании собственно таврских поселений пока остаётся открытым¹².

Таким образом, эллины при освоении территории Керченского полуострова имели дело как с оседлым (жившим в прибрежных районах), так и с кочевым (контролирующим внутренние степные районы) населением. Земледельческое население изначально являлось естественным союзником греков в их отношениях с кочевниками, а потому процесс его включения в состав апойкий вряд ли был длительным. Возможно, какая-то часть туземных контингентов составила слой зависимого населения¹³, однако находка в Пантикапее надгробия тавру, носившему греческое имя Тихон (КБН № 114), свидетельствует о том, что некоторые из них становились членами гражданской общины¹⁴.

Известно, что эллинизация распространялась в среде варваров неравномерно. Большое значение имел социальный статус. Знать охотно принимала греческий образ жизни, включая язык общения. Низшие слои населения, напротив, дольше держались за собственные обычаи¹⁵. Возможно, от этого зависело и место, которое занимал, включённый в апойкию варвар.

Союз с местным земледельческим населением был чрезвычайно важен и для самих эллинов. Вряд ли их первоначальный контингент насчитывал достаточное количество людей для того, чтобы не попасть в зависимость от номадов, использовавших Боспор для прохода во время сезонных миграций. Поэтому в данном случае нельзя полностью согласиться с мнением Ю.А. Виноградова об отсутствии «добровольной трудовой кооперации» или чего-нибудь подобного» с местным населением и с отнесением освоения территории Боспора исключительно к заслугам греческих переселенцев¹⁶. То, что невозможно было в отношениях с кочевниками, было вполне реально с местным земледельческим населением, которое в тот момент на Европейском Боспоре было.

Включение в состав Боспора европейских туземцев и их быстрая эллинизация под воздействием более высокой греческой культуры обеспечили надёжную базу для установления постепенного контроля над глубинными районами Керченского полуостро-

¹² Храпунов И.Н. 2004, 60.

¹³ Виноградов Ю.А. 2005, 232.

¹⁴ Храпунов И.Н. 2004, 60.

¹⁵ Крушкел Ю.С. 1972, 29.

¹⁶ Виноградов Ю.А. 2005, 228.

ва. По-видимому, это и стало одной из основных задач политики Спартокидов в европейской части Боспора. Эта задача была успешно решена к IV в. до н.э.

В архаическое время одной из особенностей освоения сельскохозяйственной территории Европейского Боспора было отсутствие (в отличие от Ольвии) сравнительно некрупных поселений (деревень) и развитие в этом районе крупных поселений, «аграрных городков» по определению Ю.А. Виноградова, которые составляли сельскую округу Пантикапея и других полисов¹⁷. Однако к концу V – началу IV вв. до н.э. при Сатире I появляется низшая территориальная единица – кома («деревня»), а примерно с середины второй четверти IV вв. до н.э. как к западу, так и к востоку от Узунларского вала в большом числе появляются варварские (условно скифские) деревни-селища¹⁸.

Оставим вопрос об этническом составе этих деревень за рамками нашей работы. Он достаточно сложен и требует специального исследования. К тому же археологическая изученность этих объектов пока оставляет желать лучшего. Отметим лишь, что подъёмный материал с них мало чем отличается от материала небольших греческих поселений на побережье, что косвенно свидетельствует о степени эллинизации населения внутренних районов полуострова.

Интересен и тот факт, что в титулатуре Спартокидов отсутствует какое-либо упоминание о негреческом населении в европейской части Боспора, в то время как азиатские синды и меоты присутствуют во всех случаях (КБН №№ 6, 8–11 и др.). Более того, Спартокиды именуют себя «архонтами Боспора», в отличие от царского титула по отношению к зависимым племенам. Топоним «Боспор» в данном случае вряд ли связан исключительно с Пантикапеем. Имеется в виду вся территория к востоку от Феодосии (либо к востоку от Узунларского вала?), включающая и варварские селища. А это уже свидетельство совсем другого уровня инкорпорированности не эллинов в рамки греческого мира, нежели простая зависимость или сотрудничество. Что касается статуса поселенцев в греческом мире, то, если принять точку зрения А.А. Масленникова и рассматривать эту территорию как «царскую хору»¹⁹, они могли выступать в качестве арендаторов, зависимых от царской администрации.

¹⁷ Виноградов Ю. А. 2005, 223–224.

¹⁸ Масленников А. А. 2003, 209.

¹⁹ Там же.

Благоприятные условия развития сложились к этому времени не только на Боспоре. Под влиянием эллинов существенные перемены происходили и в самом скифском обществе Северного Причерноморья. Почти повсеместно в нём наблюдается переход к иным формам хозяйственной деятельности, быта и территориально-организационной «структуре»²⁰, а следовательно опасность миграции кочевников через Керченский полуостров на этом этапе исчезла, что и дало возможность освоить внутренние земли. Однако, как уже отмечалось выше, особенностью процесса эллинизации в Северном Причерноморье был постоянный приток новых кочевых племён, результатом которого являлась необходимость всё начинать заново.

Такая ситуация на Боспоре сложилась в конце первой трети III в. до н.э. Она была связана с общей дестабилизацией в Северо-причерноморском регионе и появлением новых агрессивных племён (возможно сарматских). Попыткой защититься от них стали укрепление и реконструкция Узунларского вала, которые А.А. Масленников датирует как раз этим временем.²¹ Причём опасность в это время заключалась «не столько в военных набегах, сколько в массовых передвижениях-переселениях каких-то варварских орд, двигавшихся практически тем же маршрутом, что и неоднократно, многие столетия назад»²².

К сожалению для боспорян, защититься на этот раз им, по видимому, не удалось. Сельские поселения степной части Восточного Крыма пустеют. Население уходит на побережье, где вместо незащищённых деревень на новых местах возникают укрепленные усадьбы и компактные поселения в удобных для обороны местах.²³ Всё возвращается к прежнему состоянию: эллинам и эллинизированным местным земледельцам – побережье, кочевникам для их миграций – путь через внутренние районы полуострова.

Новая попытка решения этой проблемы была предпринята при Асандре. Во всяком случае, у нас нет никаких свидетельств о каких-либо мероприятиях в этом направлении вплоть до сообщения Страбона о строительстве Асандром стены, отгородившей от кочевников «перешеек у Меотиды» (*Strabo*, VII, 4, 6). Внутренняя часть Керченского полуострова, по большей части оставалась пустынной.

²⁰ Гаврилюк Н.А. 1999, 280–294.

²¹ Масленников А. А. 2003, 210.

²² Там же, 252.

²³ Масленников А.А. 1980, 5.

Вопрос о локализации стены Асандра до сих пор остаётся дискуссионным. Мы не будем касаться в данной работе всех «плюсов» и «минусов» различных мнений по этому вопросу. Отметим лишь, что наша точка зрения осталась неизменной. Под стеной Асандра следует понимать первую линию обороны Европейского Боспора, включающую в себя Узунларский вал и два фланговых прикрытия, – на севере от Ново-Отраденского городища до городища Генеральское – Восточное, а на юге – от городища на горе Атаманской до городища на горе Опук²⁴.

Сообщение Страбона о стене Асандра идет после сообщения о Феодосии (соответственно *Strabo*, VII, 4, 3 и VII, 4, 6). Следовательно, логика повествования указывает на расположении стены между Феодосией и Пантикапеем, а на этом отрезке уже имелось внушительное сооружение – Узунларский вал, которое в III в. до н.э. уже использовалось для защиты земледельческого района от кочевников. Его следовало лишь укрепить и модернизировать, что и было осуществлено при Асандре. Это становилось особенно важно в условиях ослабления скифов и активизации сарматских племён, активно проникавших на полуостров и тревоживших боспорян²⁵. Возможно, в дальнейшем предполагалось активное освоение сельхозугодий внутри полуострова, в том числе и с привлечением сил местного населения, однако этому помешали известные события внутри самого Боспорского царства и активное вмешательство Рима, стремившегося ликвидировать остатки митридатизма на Боспоре и окончательно поставить его под свой контроль.

Переломным моментом в изменении отношений эллинов с местным населением стали боспоро-римская война 44/45–49 гг. н.э., следы которой в настоящее время хорошо фиксируются археологически²⁶, и приход к власти Котиса I, положивший начало римскому политическому и культурному влиянию на Боспоре. Одним из проявлений этого влияния стал переход от политики «эллинизации» «варваров» к их «романизации», естественно с учётом местных особенностей.

На Европейском Боспоре начинается активное освоение долгое время пустовавших внутренних территорий. Однако, в отличие от практики IV в. до н.э., это уже не деревни, а хорошо укреплен-

²⁴ Зубарев В.Г. 2005, 283–284.

²⁵ Масленников А.А. 2003, 253.

²⁶ Винокуров Н.И. 2010, 46–65.

ные крепости и населённые пункты. По сути, возрождается путь освоения сельскохозяйственных угодий через сеть т.н. «аграрных городков», только не по побережью, как это имело место в начале греческой колонизации Боспора²⁷, а внутри полуострова.

В отличие от политики «эллинизации» местного населения, предполагавшей относительно мирный путь его включения в сферу эллинского влияния, новые правители Боспора использовали методы «романизации». Сначала вперёд шла армия, а затем уже всё остальное. Большинство новых поселений первоначально являлись местом стоянки воинских контингентов, участвовавших в экспансии Боспора в западном направлении, и лишь позднее они эволюционировали в сторону «аграрных городков». Подобная практика хорошо прослеживается археологически, например, в отношении городища «Белинское»²⁸.

В результате такого освоения внутренней территории Керченского полуострова, вся она оказалась покрыта густой сетью хорошо укрепленных городищ, каждое из которых контролировало определённый сектор сельскохозяйственных угодий, с одной стороны, и обеспечивало надёжное укрытие населения в случае внешней угрозы, с другой. Относительно этнической принадлежности жителей этих городищ сказать что-либо определённое достаточно трудно. Анализ погребений одного из наиболее изученных некрополей этого времени – некрополя городища «Артезиан» – позволяет говорить как о смешанном греко-варварском составе населения, так и о наличии на поселении определённого воинского контингента²⁹.

Западная экспансия Боспора в I–II вв. н.э. была направлена против крымских скифов. Она во многом являлась результатом смены правящей династии и, вероятно, должна была ликвидировать остатки их политического, экономического и культурного влияния на институты Боспора. Одержав победу, бопоряне одновременно лишились, хотя бы и временного, но все-таки определённого прикрытия от новых волн номадов. Ведь, как правило, первый удар пришельцы наносили не эллинам, а своим предшественникам, т.е. местным племенам³⁰.

Сложившаяся ситуация вызвала необходимость срочного укрепления оборонительной линии собственно Боспора. Археологи-

чески эта деятельность зафиксирована практически везде, но особенно укрепляется линия по узунларскому валу. На городище «Артезиан» реконструируются пришедшие в ветхость оборонительные сооружения и городище в целом³¹, какие-то строительные работы проводятся на городище «Белинское», наконец, сооружается новая крепость практически на самом валу (Савроматий).

Все эти усилия не помогли отразить натиск очередного врага в середине III в. н.э. По-видимому, сказались и затраты на организацию военной компании против скифов, и затраты на масштабные строительные работы по обустройству внутренних районов Керченского полуострова. Всё это конечно подорвало экономику Боспора. Рим сам стоял на пороге кризиса и вряд ли существенно мог помочь своему сателлиту. Но главное, пожалуй, это отказ от союзнических отношений с крымскими скифами. Как показали раскопки городища «Белинское», оно было взято в результате штурма, возможно, с применением осадной техники, а ею, как известно, крымские скифы владели ещё со времён царя Скилура³². Кроме того, в полиэтнической орде, обрушившейся на Боспор, могло оказаться немалое число бывших наёмников боспорской армии, для которых жажда наживы всегда стоит на первом месте. А это уже не просто «варвары», а хорошо обученные войны. Такова оборотная сторона силового решения «цивилизаторской» миссии в отношении т.н. «варваров».

С другой стороны, возможно, именно участие бывших «своих варваров» в нападении на Боспор позволило последнему сохраниться как государство, на короткое время оказавшись в числе врагов Рима, правда, уже под контролем варваров.

В последний раз боспоряне попытались решить проблему защиты внутренней части полуострова от очередных набегов в конце III – начале IV вв. н.э. И вновь, как и прежде, реконструируется и укрепляется оборонительная линия по Узунларскому валу. На городище «Белинское» частично восстанавливаются старые стены, частично возводятся новые, уже в иной строительной традиции. Угловые башни укрепляются противотаранными поясами (учтены ошибки предыдущего штурма).

Новая фортификационная система городища «Белинское», пришедшая на смену старой в последней четверти III в. н.э., по-

²⁷ Виноградов Ю.А. 2005, 224.

²⁸ Зубарев В.Г., Седых Е.Е. 2012, 163–169.

²⁹ Винокуров Н.И. 2011, 236–244.

³⁰ Андреев Ю.В., Марченко К.К. 2005, 401.

³¹ Винокуров Н.И. 2011, 244.

³² Виноградов Ю.Г. 1987, 86.

видимому, отражала общую тенденцию развития фортификации на Европейском Боспоре в этот период. Так в конце III в. н.э. дополнительным панцирем были усилены башни в Ките³³, а к первой половине IV в. н.э. относится возведение комплекса крепости на горе Опук³⁴.

Этнический состав жителей городища также претерпел некоторые изменения. При сохранении общей эллинской основы в материальной культуре, особенно в конструкции погребальных сооружений, произошли серьёзные изменения. Подобные изменения фиксируются и на соседнем городище «Артезиан»³⁵.

Очередная попытка утвердиться во внутренней части полуострова с привлечением туземного населения (возможно, с азиатской части Боспора) не увенчалась успехом. В конце первой четверти IV в. н.э. городище было разрушено и, хотя жизнь на нём какое-то время продолжалась, в прежнем статусе оно уже никогда не возрождалось³⁶. Внутренняя часть полуострова опустела, а боспорские эллины, уже в немалой степени смешавшиеся с различными местными и пришлыми этносами в который уже раз сконцентрировались в прибрежных районах. Новое оседлое население во внутренних районах появляется лишь в салтово-маяцкий период не ранее VIII в. н.э. В 2012 году остатки салтовского поселения были выявлены и в восточной части плато, на котором в античный период располагалось городище «Белинское».

Итак, приведённый выше краткий обзор взаимоотношений античной цивилизации с местным племенным миром на примере европейской части Боспора, позволяет сделать некоторые общие замечания.

Во-первых, здесь достаточно ярко проявились оба возможных пути взаимодействия цивилизации, оценивающей себя исключительно в превосходной степени, с окружающим «варварским миром».

Во-вторых, оба эти пути (культурная или военная экспансия), равно, как и их сочетание, имеют в итоге отрицательные последствия как для «цивилизаторов», так и для «цивилизуемых». И дело здесь не только в специфике региона. В конце концов, античная культура потерпела фиаско и в прочих уголках тогдашней Ойкумены, а многие народы потеряли свою идентичность и растворились

³³ Молев Е.А. 2002, 304.

³⁴ Голенко В.К. 2007, 107–112, 125.

³⁵ Винокуров Н. И. 2011, 244.

³⁶ Зубарев В.Г. 2011, 247.

лись в общекультурном поле античной цивилизации. По образному выражению Ю.В. Андреева, «колоссальный этнокультурный массив Евразии, как бы взорванный изнутри в начале I тыс. до н.э. духовно чуждой ему греческой цивилизацией и распавшийся на несколько обособленных частей, теперь вновь сомкнулся и надолго похоронил в своих недрах отколовшуюся от него античную Европу»³⁷.

В-третьих, сохранение идентичности народа во многом зависит от двух факторов: поведения элиты и численности этноса в целом. Безоговорочное принятие элитой чуждой культуры при малочисленности этноса, ведёт к потере им идентичности, приостановке собственного развития и, в конечном итоге, к растворению в чужом этнокультурном пространстве.

И, наконец, в-четвёртых, военная экспансия с «цивилизаторской» миссией может привести либо к полному уничтожению «цивилизуемых», либо вызывает у последних активное сопротивление, что при условии приобщения к более высоким технологиям (а это неизбежно при постоянном контакте) приводит к проигрышу цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев Ю.В. 1999: Цена свободы и гармонии. – СПб.
 Андреев Ю.В., Марченко К.К. 2005: Основные теоретические и методологические аспекты проблемы греко-варварских контактов в Северном Причерноморье скифской эпохи // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. – СПб.
 Виноградов Ю.А. 2005: Боспор Киммерийский // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. – СПб.
 Виноградов Ю.Г. 1987: Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н.э. // ВДИ. 1, 55–87.
 Винокуров Н.И. 2010: Новые находки времени начала боспоро-римской войны на городище Артезиан в Крымском Приазовье в 2009 г. // ДБ. Т. 14, 46–65.
 Винокуров Н.И. 2011: Греко-варварское взаимодействие в Крымском Приазовье в римское время (по материалам городища Артезиан) // БФ, 236–244.
 Гаврилюк Н.А. 1999: История экономики степной Скифии в VI–III вв. до н.э. – Киев.
 Голенко В.К. 2007: Древний Киммерик и его округа. – Симферополь.
 Зелинский Ф. Ф. 1995: История античной культуры. – СПб.

³⁷ Андреев Ю.В. 1999, 386.

- Зубарев В.Г. 2005: Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. – М.
- Зубарев В.Г. 2011: К вопросу о западной границе Боспора во второй половине IV – начале V в. н.э. // БФ, 244–247.
- Зубарев В.Г., Седых Е.Е. 2012: Городище «Белинское» во II – первой половине III вв. н.э. // БЧ. XIII, 163–169.
- Крушквал Ю.С. 1972: Взаимоотношение греческой и местной культуры на территории Синдики // Авторско-читательская конференция журнала «Вестник древней истории». Тезисы докладов. – М. 29.
- Масленников А.А. 1980: О населении прибрежных районов Восточного Крыма в VI–I вв. до н.э. // СА. I, 5–47.
- Масленников А. А. 2003: Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. – М.
- Молев Е.А. 2002: Система обороны Китея // БИ. II, 297–312.
- Храпунов И.Н. 2004: Этническая история Крыма в раннем железном веке // БИ. VI, 1–239.
- Шауб И.Ю. 2007: Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н. э.). – СПб.

Е.В. Вдовченко

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ «ВАРВАРОВ» В ТАНАЙСЕ ВО II–III ВВ. Н.Э.: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. Статья посвящена анализу социокультурной трансформации сарматов в Танаисе, появившихся в городе после середины II в. н.э. По мнению автора, сарматы, выполнявшие роль военных поселенцев и встроившихся в военно-политическую систему Боспора, вынуждены были осесть на землю, осваивать новые социальные и культурные практики.

Ключевые слова: сарматы в Танаисе, танаиты, сарматизация, седентаризация, средне- и позднесарматская археологическая культура, Боспорское царство, тамги, фиасы.

Социальные реконструкции, опирающиеся на археологические источники, всегда гипотетичны. Ограничения, накладываемые наличными источниками, кажутся непреодолимыми. Тем не менее, мы можем увидеть социальные процессы за теми материалами, что у нас есть: подкурганными погребениями в степи, часто ограбленными; греческими надписями и их обломками; культурными остатками на развалинах городища и некрополе Танаиса. Трудность состоит еще и в том, что проблема реконструкции истории обществ Нижнего Подонья первых веков нашей эры располагается на пересечении трех исследовательских областей – античной истории и эпиграфики, античной и сарматской археологии. Специалисты редко совмещают знание античной традиции и материальной культуры древнего населения, поэтому в настоящее время решение этих проблем требует усилий многих ученых и не может обойтись без использования междисциплинарного подхода.

Следует обратить внимание на то, что многие исследованные археологические комплексы еще не введены в научный оборот. В последние годы (2007–2009, 2012–2013 гг.) проводились интенсивные раскопки грунтового некрополя Танаиса, и эти данные дают нам существенное пополнение уже существующей базы¹. Однако, наряду с первичной обработкой и публикацией исследованных комплексов (а эта задача, которая растягивается не на один

¹ Шелов Д.Б. 1961; Арсеньева Т.М. 1977; Арсеньева Т.М., Безуглов С.И., Толочко И.В. 2001.

десяток лет) сохраняется потребность в осмыслении решаемых проблем, исходя из известного на настоящий момент материала.

Изучение социальной истории Танаиса и его окружи в первые века нашей эры видится через постановку и решение следующих вопросов:

- Каковы отношения Танаиса, нижнедонских меотских городищ и сарматов (треугольник взаимодействия, который является ключом к анализу политических реалий Подонья в первые века нашей эры)? Если учесть, что культурные и социальные различия между носителями среднесарматской и позднесарматской культурами весьма значимы, то конфигурация взаимоотношений является еще более сложной.

- Какое население заселяет Танаис во II–III вв.? В последних исследованиях достаточно убедительно показано, что это сарматы – выходцы из степной зоны². Вопрос в том, какие это сарматы, и зачем они появляются в Танаисе.

- Зачем и кем Танаис был уничтожен в середине III в.?

- Кто заселил позднеантичный Танаис в IV–V вв.?

- Чем определяется специфическая религиозная ситуация в Танаисе – почему в пограничном боспорском городе так развит культ Бога Высочайшего?

- Что происходит со степняками в городе, как они встраиваются в новую жизнь, и что с ними при этом происходит?

Весьма перспективным представляется использование достижений социальной антропологии для решения поставленных проблем. Ключевая идея при анализе взаимодействия кочевников и оседлого мира – это неавтаркичность кочевников³. У кочевников существует жизненная потребность в контактах с земледельцами, торговцами, ремесленниками – потребность, которая заставляла торговать, нападать, облагать данью, угрожать и вымогать подарки. И жители Танаиса учитывали эту потребность, торгуя, договариваясь, поддаваясь очевидному культурному влиянию. Однако переселение кочевников в города было редкостью. Весьма существенно, что эти два мира – античный греко-римский и кочевой иран-

² О том, что сарматы включаются в состав городского населения, уже неоднократно доказывалось на самом разном материале: Шелов Д.Б. 1972; Шелов Д.Б. 1974; Гугуев Ю.К., Ильяшенко С.М., Казакова Л.М. 2007; Батиева Е.Ф. 2011 и др.

³ Анализу этой идеи посвящена известная монография А.М. Хазанова: Хазанов А.М. 2000.

ский – сосуществуют рядом, взаимодействуют, но не смешиваются. Тезис о сарматизации, столь популярный в прошлом, был в значительной степени пересмотрен и уточнен. О сильном влиянии кочевников, и их включении в жизнь Боспора можно говорить только со II в. н.э.⁴ Обстоятельства и причины переселения сарматов в Танаис уже рассматривались мною⁵. В настоящей статье поставлена другая цель – выяснить, как же кочевники встраивались в жизнь города. Проблема состоит в том, чтобы понять, что же происходит с кочевниками. Нам еще не вполне ясны механизмы седентаризации кочевников и включения их в оседлые общества, особенно города. Что происходит после того, как кочевник переселяется в город? Этот вопрос важен для понимания жизни боспорских городов в римскую эпоху, особенно самого крайнего города античного мира – Танаиса.

В социальной антропологии этот вопрос нельзя признать решенным. Например, кочевники массово оседали в XX в. в Средней и Центральной Азии, в других уголках планеты. Но этот опыт не всегда был прослежен, не всегда осмыслен. Внимание советских исследователей было обращено больше на пережитки прошлого, а не миграционные трансформации и закономерности седентаризации кочевников⁶. Особо проблемы седентаризации актуальны при изучении городищ Предкавказья, меотских городищ Подонья и Кубани, поселений и городищ Хазарского каганата. Во всех этих поселениях кочевники играют значимую роль.

Не следует преувеличивать пропасть, лежащую между оседлым миром и миром кочевым. Ограниченность ресурсов у кочевников предполагает высокую адаптивность кочевников, поскольку в противном случае кочевникам не выжить в суровых условиях экстенсивного кочевого скотоводства. При необходимости часть племени могла перейти к оседлому образу жизни, земледелию, но при возможности старались возвращаться к более престижному кочевничеству. Можно, пожалуй, предположить цикличность седентаризации кочевников в рамках происходящих экономических процессов, климатических колебаний, политических событий. В силу нерешенности ряда задач и состояния источниковой базы в своей статье я ставлю целью не решить, а скорее поставить проблему ана-

⁴ Масленников А.А. 1990.

⁵ Вдовченков Е.В. 2012.

⁶ Чвырь Л.А. 2009, 247–248.

лиза процесса оседания номадов в пограничном античном городе и показать возможные направления ее решения.

В середине II в. Танаис переживает крупное потрясение – в Танаисе обнаружены следы разрушений. Эти разрушения соотносятся исследователями с миграцией новой волны кочевников с востока, приведшей к появлению позднесарматской культуры. Период разрушений датируется С.И. Безугловым по монетам из закрытых комплексов городища с конца 30-х до начала 70-х гг. II в. н.э. (реально этот промежуток мог быть значительно меньше – примерно около середины II в. или несколько раньше)⁷.

Культурные изменения в Танаисе второй половины II – первой половины III вв. н.э. связывают с проникновением кочевников в город. Самым ярким и очевидным свидетельством этого являются имена, известные по надписям из Танаиса. До середины II в. в надписях в Танаисе встречается совсем немного иранских имен⁸. Д.Б. Шелов, анализируя *ономастику Танаиса*, приходит к выводу о постепенной сарматизации Танаиса во II–III вв. н.э.⁹, которая во многом вызвана увеличением численности жителей не позже третьей четверти II в. за счет притока нового населения с новыми иранскими именами. Иранцы фиксируются в Танаисе еще до разгрома¹⁰, но с каждым поколением численность иранцев и их удельный вес в городской общине увеличиваются¹¹.

Самый массовый материал по социальной истории Танаиса дает археология. Исследователи традиционно осторожно относятся к возможностям археологии в этнокультурных реконструкциях. Однако набор культурных признаков, известных в комплексах с городища и некрополя, позволяет говорить о миграции степного населения. К числу таких фактов могут быть отнесены следующие находки.

Кавказская сероглиняная керамика (происходящая с раннеаланских памятников Центрального Предкавказья) встречается практически во всех помещениях на момент гибели Танаиса в середине III в. н.э.¹² Ее появление связано с волной переселенцев II в. н.э. Соотношение местной, т.н. меотской керамики к кавказской

⁷ Безуглов С.И. 2001, 110.

⁸ Даньшин Д.И. 1990, 52–53.

⁹ Шелов Д.Б. 1972, 248.

¹⁰ Шелов Д.Б. 1972, 238.

¹¹ Шелов Д.Б. 1974.

¹² Гугуев Ю.К., Ильищенко С.М., Казакова Л.М. 2007, 434.

Ю.К. Гугуев определяет как 1 к 2, 1 к 4, и это связано с культурными предпочтениями и экономическими связями переселенцев¹³.

Элементы погребального обряда и погребального инвентаря: оселки, бусы, подбой, курильницы¹⁴, долбленные гробы-колоды, грунтовые ямы с заплечиками, южная и особенно северная ориентировка погребений, положение костяка с кистями рук на тазовых костях и т.п. К числу погребальных комплексов сарматов в первую очередь, на мой взгляд, надо относить погребения с наличием сразу нескольких сарматских культурных черт. Данные погребального обряда не поддаются однозначному толкованию. Так, северная ориентировка известна не только у сарматов, но и на Боспоре. Тип погребального сооружения – катакомба, подбой, яма с заплечиками – также может быть соотнесен как с боспорской, так и сарматской традицией. Однако резкое увеличение количества погребений с подбоем и заплечиками именно с середины II в. позволяет видеть в этом сарматское влияние. Конская сбруя, остатки седла, удила, детали ременных гарнитур, длинные мечи, наконечники стрел для т.н. гуннских луков тоже связаны, скорее всего, с сарматской миграцией, хотя можно трактовать их как заимствованный у сарматов комплекс снаряжения и вооружения всадника.

Топография некрополя Танаиса. В северо-восточной части некрополя выделяется группа курганная погребений, связанная с сарматскими комплексами. Упомянутые элементы снаряжения и вооружения всадника концентрируются на этом участке могильника.

Важно отметить *остатки одежды и обуви* в некрополе и самом городище, которые трактуются С.А. Яценко в своей монографии как элементы сарматского костюма: использовании красной обуви, высоких сапог, бус и бисера и обшивание ими полога, нагрудников, рукавов одежды и обуви, остатки платья, особенности декора и т.п.¹⁵

О проникновении в город нового иранского населения свидетельствуют также находки *изображений тамг* на плитах и других предметах. Тамги в Танаисе встречаются в комплексах II–III вв. или на плитах преимущественно этого времени, то есть датируются позднесарматским временем. Также тамги встречаются в позднеантичном Танаисе – в комплексах IV–V вв. Среди находок тамг

¹³ Там же.

¹⁴ Базилович Л.О., Гугуев Ю.К. 2012.

¹⁵ Яценко С.А. 2006, 133–168.

преобладают изображения на плитах, из которых особое внимание исследователей привлекают т.н. «энциклопедии тамг». По мнению С.А. Яценко, помещение на плиты нескольких (иногда десятков) тамг свидетельствует о проведении общественных акций, пиров, политических мероприятий (заключение союза, переговоры и т.п.). По материалам девяти плит «энциклопедий тамг» С.А. Яценко приходит к выводу, что большая часть знаков относится к типам, имевшим основное хождение в степной зоне в I–II вв. н.э., но встречаются и знаки, характерные для II–III вв., т.е. для позднесарматского периода¹⁶. Следует обратить внимание на то, что, по мнению С.А. Яценко, энциклопедии являются свидетельством коллективных акций и переговоров, участвовать в которых могли и сарматы из степной зоны, обладающие значительной военной и политической мощью. Поэтому тамги позднесарматского круга на плитах не обязательно говорят об этнокультурном составе населения Танаиса, но могут быть свидетельством политических и культурных контактов с позднесарматскими племенами. Переговоры предполагают несколько сторон, и одной из этих сторон являются степные племена, другой, вероятно, представители города. Также следует обратить внимание на наличие так называемых царских тамг на этих энциклопедиях, что позволяет предположить участие царей или, скорее, их представителей в этих акциях¹⁷.

Тамги на отдельных предметах с городища и некрополя Танаиса дают более адекватное представление о культуре и происхождении сарматской общины города, нежели «энциклопедии», поскольку их принадлежность его жителям более вероятна (хотя для ряда находок мы не можем исключать их проникновение в город и иными путями, т.е. в результате торговли, дарообмена, как военная добыча и т.п.). Тамги встречаются на глиняных сосудах¹⁸, бронзовой обкладке деревянных сосудов¹⁹, серебряном канфаре²⁰, свинцовых гирях²¹, бронзовых зеркалах²², оберегах (кабаны челюсти с прочерченными тамгами), оселках, ткацких грузиках и пр.²³

¹⁶ Яценко С.А. 2001, 73–74.

¹⁷ Яценко С.А. 2001. Рис. 20, 1, 2. Рис. 21, 2. Рис. 22а. Следует отметить иную трактовку этих знаков Н.В. Завойкиной. В них она видит знаки нескольких знатных сарматских родов: Завойкина Н.В. 2013, 191–203.

¹⁸ Ильяшенко С.М. 2007. С.38; Яценко С.А. 2001. Рис. 6, 28.

¹⁹ Яценко С.А. 2001. Рис. 6, 23.

²⁰ Яценко С.А. 2001. Рис. 7, 26, 27.

²¹ Яценко С.А. 2001. Рис. 6, 35.

Данные антропологии подтверждают данные археологии. В некрополе зафиксирован *новый антропологический тип*, напрямую связанный со степным населением²⁴. Одним из признаков сарматского присутствия в нижнедонских городищах считается *искусственная деформация черепа*, обнаруженная у некоторых погребенных в некрополе Танаиса. Деформация черепа стала одной из характерных черт сарматских погребений позднесарматского времени, и тогда же (со II в. н.э.) эта традиция фиксируется в погребениях не только Танаиса, но и т.н. меотских нижнедонских городищ. Традиция деформации черепов, которая пришла с мигрантами во II в. н.э., убедительно свидетельствует о включении в состав населения Танаиса степняков. Если в степной зоне этот обычай стал очень популярен, превратившись, видимо, в значимый социальный маркер, то для античного населения обычай номадов были чужими. Вполне возможно, что часть местного населения могла перейти к этой традиции, но только в случае миксации и сильного влияния выходцев из кочевой среды.

Если исходить из локального критерия миграции по Л.С. Клейну, т.е. переносу комплекса признаков на новое место, то в случае с культурными изменениями в Танаисе II–III вв. он вполне соблюдается (с учетом миграционных трансформаций культуры).

Закономерно, что прямых соответствий между культурой сарматов и комплексами Танаиса мы не увидим. Это неудивительно – активнейшее усвоение оседающими кочевниками новых элементов культуры неизбежно. Материальный мир оседлого населения, тем более города несоизмеримо богаче такового у номадов. От прежней жизни у мигрантов остаются только наиболее значимые предметы, символы, связывающие настоящее людей с их прошлым. Попав в город, кочевники вынуждены встраиваться в новую систему социальных отношений, хозяйствования.

Анализу культурной эволюции переселенцев мешает ограниченность наших знаний, не все комплексы, связанные со степным регионом, выделены. Собственно, наивно было бы полагать, что в будущем возможно точное определение этничности погребенных и

²² Яценко С.А. 2001. Рис. 6, 27.

²³ Материал готовится к печати в рамках гранта РГНФ № 01 (a1) – 12–31–01054 «Сарматские тамги Танаиса и его округа: публикация и историческая интерпретация».

²⁴ Батиева Е.Ф. 2011.

элементов погребальной традиции. Сохранение неопределенности в этом вопросе неизбежно при работе с археологическим материалом.

В глаза бросается смешанный характер погребального обряда. В комплексах с деформированными черепами наблюдается восточная ориентировка (типичная для Боспора). В погребениях с сарматскими чертами попадаются «обола Харона» (в виде обрывков золотой фольги, оттисков монет), погребальные венки, сделанные из золотой и серебряной фольги. Совершенно естественно пришлым населением усваивается керамический комплекс, характерный для местного населения Танаиса, а также стеклянная посуда и тому подобные элементы материальной культуры.

Можно выделить дома, принадлежащие иранцам. Так, усадьба 2 раскопа IV Танаиса принадлежала выходцу из степей²⁵. Об этом говорит иранское имя владельца усадьбы, известное по дипinti на амфорах. Интересно сохранение старых связей и предпочтений жителей усадьбы, поскольку в поместье встречена кавказская керамика.

Часть элиты поселялась в городе, осваивала жизнь в новом месте. При анализе материала из Танаиса создается впечатление, что переселенцы по-разному встраивались в жизнь античного города. Род занятий бывших кочевников в городе – военная служба, торговля, может быть, скотоводство и ремесло. Одни перешли к полной оседлости, занялись торговлей. Другая часть была больше связана с кочевым образом жизни, специализируясь на военном деле.

Может быть, высокая концентрация подкурганых погребений с сарматскими чертами, наблюдаемых к северо-востоку от основного четырехугольника Танаиса²⁶, свидетельствует об обособленном положении общины танаитов или же ее части. Именно там найдены ременные наборы, которые становятся популярными в Танаисе II–III вв.²⁷ Из курганов нам известны находки черешковых наконечников стрел и длинного меча, а также элементов конской упряжи²⁸. Погребения же грунтового некрополя соответствуют танаитам, более включенным в городскую жизнь. Насколько это предположение соответствует действительности, покажут дальнейшие исследования.

²⁵ Гугуев Ю.К., Ильашенко С.М., Казакова Л.М. 2007.

²⁶ Гугуев В.К. 1983, 77–79.

²⁷ Толочко И.В. 2004, 191–193.

²⁸ Толочко И.В. 2004, 193–195.

Этнонимы, топонимы и антропонимы могут дать информацию по сарматскому обществу. Так, С.А. Яценко, опираясь на данные скифо-сарматского словаря В.И. Абаева, считает, что анализ танаисской ономастики позволяет узнать профессии или социальный статус сарматов Нижнего Дона²⁹. О занятиях сарматов, по его мнению, говорят имена «строитель», «кожевник», «медовар». Имя, означающее «носитель небесного слова», принадлежало, судя по всему, жрецу. А «любимый дружиной», «князь», «имеющий избыток коней» – знати. О дружинной прослойке говорят имена «имеющий силу 10 мужей», «стальной Ас», «попирающий стрелой». Следует, однако, указать на то, что такого рода выводы требуют комментария лингвиста, поскольку далеко не все прочтения этих имен настолько прозрачны и бесспорны, как и соотнесение их с профессией носителя.

С.Ю. Внуков отметил один важный факт – неоднородность общины танаитов³⁰. Эта неоднородность может проистекать оттого, что проникновение сарматов в город шло поэтапно, и уровень аккультурации был разным. Иранское население прослеживается по эпиграфическим данным, а степное влияние отражается в материалах некрополя ещё до разгрома II в. н.э., и в дальнейшем с каждым поколением численность его увеличивается. Сразу после переселения начинается эллинизация ираноязычных мигрантов – усваивается греческий язык, детям даются новые имена, заимствуется местная материальная культура. Греческие имена танаитов хорошо известны³¹. Так, в надписи о строительстве Деметрий, сын Аполлония называет себя танаитом (КБН, 1249).

Можем ли мы предполагать сохранение племенной структуры у пришлых номадов? Упоминание нескольких архонтов танаитов (КБН, № 1245), по-моему, явно свидетельствует о том, что в Танаисе было несколько объединений танаитов, различие между которыми было различием между племенами и родами³².

Любопытны выводы В.П. Яйленко о гунно-болгарах в степях Европы со II в. н.э. и их именах в надписях Танаиса II–III вв.³³

²⁹ Яценко С.А. 1998, 54–55.

³⁰ Внуков С.Ю. 2007, 168.

³¹ Шелов Д.Б. 1972, 266.

³² Возможна и другая трактовка – упоминание в ряду архонтов танаитов тех, кто мог занимать эти должности в прошлые годы и занимал в этот момент.

³³ Яйленко В.П. 2002.

Среди новых имен упоминаются 17 гунно-болгарских. Если он прав, то эти данные показывают нам этническое разнообразие среди пришлого населения Танаиса. Но важно отметить доминирование иранцев в городе. За последние 60 лет существования города (конец II в. – первая половина III в.) упоминаются 395 полных имен, и греческие имена и отчества носили чуть более 100 человек³⁴.

Перспективным источником по социальной истории Нижнего Подонья являются тамги. Их значение и информативность в исследовании родоплеменной структуры сарматских обществ еще не в полной мере осмыслены. Тамги – знаки клана – встречаются на разных предметах из Танаиса, и это показывает нам, насколько значимой была родовая принадлежность в городской жизни. Неслучайно широкое распространение тамг с рубежа эр, в среднесарматскую эпоху. Усложнение социальной структуры, появление новых политических центров и ярко выраженных элитарных погребений в I в. н.э., особенно на Нижнем Дону, масштабные миграционные процессы (сдвиг сарматских племен на запад, фиксируемый Страбоном, Помпонием Мелой, Плинием Старшим) должны были актуализировать проблему социальной принадлежности кочевников. Поэтому тамги, ранее известные в Центральной Азии, получают распространение в степях Восточной Европы. Подчеркивание родоплеменной принадлежности через тамги является свидетельством значимых социальных последствий наступления среднесарматской эпохи.

На сохранение диаспорами, мигрантами своей идентичности большое значение оказывает сохранение как своей этнокультурной общности, так и связи с родственными обществами. Наличие таких контактов для сарматов весьма вероятно.

Сохранение политических связей со степным миром очевидно. Об этом свидетельствуют «энциклопедии тамг». Об экономических связях говорит обилие кавказской керамики. Социально и политически новые горожане были обособлены – их отличало название «танаиты», наличие своей верхушки – нескольких архонтов танаитов (КБН, № 1245) и своих лохагов (КБН, № 1251а). На мой взгляд, сарматы в Танаисе были военными поселенцами (но не только), и их военный быт мог способствовать консервации некоторых существенных черт кочевнической жизни. Сохранение традиции сооружения курганов позволяет допустить предположение,

³⁴ Завойкина Н.В. 2013, 288, прим. 111.

что далеко не все сарматы на службе Боспора могли перейти к оседлости, или же эта оседлость была не полной.

Интересно, в какой степени с Танаисом были связаны сарматы, оставившие ближайшие к Танаису могильники, например, могильник Валовый и могильники донского левобережья. В монографии, посвященной Валовому, справедливо указывается, что: «предметный мир позднесарматской степной знати низовий Дона в абсолютном большинстве позиций был определен северопонтийской (а еще скорее боспорской) культурной средой»³⁵. Но преобладание в их материальной культуре предметов северопонтийского происхождения еще не говорит об их подчинении Боспору. Их взаимодействие с Боспором могло быть довольно сложным. Но они могли иметь «прописку» в фиасах Танаиса и играть в жизни города очень большую роль.

При рассмотрении проблемы седентаризации кочевников в Танаисе нельзя не учитывать синхронные процессы, происходящие как на Нижнем Дону, так и в Предкавказье. В меотских городищах мы видим волну мигрантов, чей погребальный обряд фиксируется с середины II в.³⁶ В Нижне-Гниловском и Кобяковом городищах особенно значима новая традиция подбоев – под западную стенку могилы, и примечательно, что в таких погребениях встречаются костяки с деформированными черепами³⁷.

В первые века нашей эры на Кавказе начинают свою долгую историю городища, в которых иранцам принадлежала ведущая роль. Показательна готовность перейти к оседлому и полuosедлому образу жизни бывших кочевников. Не менее показательны связи Танаиса с этими городищами. Что это – торговля или родственные связи близких кланов и активный обмен предметами обихода и удовольствием?

При рассмотрении танаитов нельзя пройти мимо проблемы частных союзов Боспора. Существуют две гипотезы об истоках танаисских союзов. Ю.Б. Устинова и Н.В. Завойкина считают наиболее вероятной связь союзов (по крайней мере их части – в Танаисе существовало несколько типов союзов) с институтом возрастных классов. Гипотеза Ю.Б. Устиновой предполагает возникновение фиасов из иранских мужских союзов, сильно эллинизиро-

³⁵ Безуглов С.И., Глебов В.П., Парусимов И.Н. 2009, 115.

³⁶ Безуглов С.И., Гузев В.К. 1988; Гузев В.К. 2008.

³⁷ Гузев В.К. 2008, 132, 136.

ванных³⁸. По мнению Н.В. Завойкиной, в основе возрастных союзов Танаиса доминировало греческое начало³⁹. Объем проделанной работы Н.В. Завойкиной и изданная ею монография склоняют к ее точке зрения⁴⁰. Все же система союзов была вписана в боспорский социально-политический контекст. По моему убеждению, общества Танаиса играли в первую очередь военную роль и были той системой, в рамках которой проходила военная подготовка жителей Танаиса. Они способствовали инкорпорации новых жителей в военную систему Боспора. Следует отметить также факт, что в фиасах участвовали как эллины, так и танаиты, что способствовало вхождению переселенцев в состав городской общины.

Религиозная ситуация в Танаисе традиционно привлекает внимание исследователей. В данной статье эта проблема не может быть рассмотрена сколько-нибудь подробно. Хочу обратить внимание на одно обстоятельство распространения культа Бога Высочайшего. Соотнесенность этого культа с иудаизмом не очевидна, и происхождение этого культа – дискуссионный вопрос. Но важны условия, в которых этот культ получают свою популярность. Появление большого количества переселенцев на территории Боспора вызывает очевидную потребность их аккультурации и приспособления к боспорским реалиям. Принятие ими культа Бога Высочайшего – способ их встраивания в религиозную систему Боспора. Н.В. Завойкина обратила внимание на близость изображений орлов, венков и гирлянд на плитах с упоминанием Бога Высочайшего с победной символикой на монетах боспорских царей⁴¹. Это наблюдение важно, ибо царская власть играла в Танаисе особую роль. Посредником между центром и городом был пресбевт – царский наместник, ответственный, судя по всему, за военную сферу. Царская власть была значима в условиях разделения города на две общины. Н.В. Завойкина считает, что существует связь между возрастными классами, союзами приемных братьев и военными акциями правящей династии⁴². Интересна точка зрения М.И. Ростовцева о том, что союзы организовывались и поддерживались при помощи царской власти очень ценно и помогает понять реальные механизмы взаимодействия города и центральной власти⁴³.

³⁸ Ustinova Yu. B. 1999, 280–282.

³⁹ Завойкина Н.В. 2007, 303–305.

⁴⁰ Завойкина Н.В. 2013.

⁴¹ Завойкина Н.В. 2013, 207.

⁴² Там же.

⁴³ Ростовцев М.И. 1989.

Таким образом, распространение нового культа было во многом связано с потребностями Боспора в новой идеологии, ориентированной на слои военных переселенцев. Однако из этого отнюдь не следует, что происхождение Бога Высочайшего связано с Танаисом или греческим миром. Вполне возможно, что корни культа надо искать в кочевом иранском мире, как это утверждает Ю.Б. Устинова⁴⁴, однако правомерность этого предположения покажут дальнейшие исследования.

Переселение кочевников в город, их быстрая эволюция показывает нам высокую адаптивность кочевников, способность быстро встраиваться в новые изменившиеся условия существования, усваивать новые практики и приспосабливать к боспорским реалиям свои.

Танаис не является «плавильным котлом» – мы видим сохранение своеобразия пришлым населением. Но при этом можно зафиксировать подчинение своему ритму и своим задачам сарматами далекого города на пограничье Боспора. Создается впечатление, что сарматы появились в городе на условиях, продиктованных боспорской верхушкой, вписались в систему боспорских союзов, организованных, возможно, при участии государства. Но это новое население, появившееся в Танаисе и заполонившее его улицы, изменило облик города и этнокультурную и политическую ситуацию на Боспоре.

ЛИТЕРАТУРА

- Арсеньева Т.М. 1977: Некрополь Танаиса. – М.
 Арсенъева Т.М., Безуглов С.И., Толочко И.В. 2001: Некрополь Танаиса. Раскопки 1981–1995 гг. – М.
 Базилиевич Л.О., Гугуев Ю.К. 2012: О средне- и позднесарматских компонентах в составе населения Танаиса в сер. II – первой пол. III в. н.э. // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XVII Крупновские чтения. Материалы международной научной конференции. – Махачкала, 159–162.
 Батиева Е.Ф. 2011: Население Нижнего Дона в IX в. до н.э. – IV в. н.э. (палеоантропологическое исследование) / М.М. Герасимова (ред.). – Ростов-на-Дону.
 Безуглов С.И. 2001: Денежное обращение Танаиса, III в. до н.э. – V в. н.э.: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. – М.
 Безуглов С.И., Глебов В.П., Парусимов И.Н. 2009: Позднесарматские погребения в устье Дона (курганый могильник Валовый I). – Ростов-на-Дону.
 Безуглов С.И., Гугуев В.К. 1988: Меоты и сарматы на Нижнем Дону в I–III вв. н.э. (структура и эволюция погребального обряда) // Проблемы сарматской археологии и истории (тезисы докладов конф.). – Азов, 19–27.

⁴⁴ Ustinova Yu.B. 1999.

- Блаватский В.Д.* 1964: Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. – М.
- Вдовченко Е.В.* 2012: Сарматизация Танаиса как частный случай взаимодействия цивилизации и варварства // *Цивилизация и варварство: трансформация понятий и региональный опыт* / В.П. Буданова, О.В. Воробьева (ред.). – М., 197–219.
- Внуков С.Ю.* 2007: Время и политические последствия появления племен позднесарматской культуры в Причерноморье // *ВДИ.* 4, 163–177.
- Гугуев В.К.* 1983: Новые подкурганые захоронения в Танаисе и их этническая принадлежность // *Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа.* – Ростов-на-Дону, 77–79.
- Гугуев В.К.* 2008: Структура погребального ритуала Нижнее-Гниловского некрополя (к вопросу о донском варианте меотской культуры) // *Novensia.* 18-19, 129-137.
- Гугуев Ю.К., Ильяшенко С.М., Казакова Л.М.* 2007: О возможности этнической и социальной идентификации владельца усадьбы середины III в. н.э. в Танаисе // *Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. Сборник памяти М.П. Абрамовой.* – М., 432–457.
- Даньшин Д.И.* 1990: Танаис и танаисцы II–III вв. н.э. // *КСИА.* 197, 51–56.
- Завойкина Н.В.* 2013: Боспорские фиасы: между полисом и монархией. – М.
- Ильяшенко С.М.* 2007: Верхний и нижний город Танаис (предварительные наблюдения) // *Вестник Танаиса.* 2, 23–39.
- Маслеников А.А.* 1990: Население Боспорского государства в первых веках н.э. – М.
- Ростовцев М.И.* 1989: Государство и культура Боспорского царства // *ВДИ.* 4, 124–133.
- Толочко И.В.* 2004: Некрополь Танаиса (начало III в. до н.э. – V в. н.э.): опыт сравнительного изучения: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 – М. РГБ ОД, 61:04-7/373.
- Хазанов А.М.* 2000: Кочевники и внешний мир. – Алматы.
- Чевыр Л.А.* 2009: Этнографические заметки о проблеме миграций // *КСИА.* 223, 243–259.
- Шелов Д.Б.* 1961: Некрополь Танаиса (раскопки 1955–1958 гг.). – М.
- Шелов Д.Б.* 1972: Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. – М.
- Шелов Д.Б.* 1974: Некоторые вопросы этнической истории Приазовья II–III вв. н.э. по данным танаисской ономастики // *ВДИ.* 1, 80–93.
- Яйленко В.П.* 2002: Гунно-болгары II–V вв. н.э. на Боспоре по данным эпиграфики и антропоники // *Древности Боспора.* 5, 303–333.
- Яценко С.А.* 1998: Имена аланов из Танаисов второй половины II – первой половины III в. н.э. как исторический источник // *Донская археология.* 1, 54–55.
- Яценко С.А.* 2001: Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. – М.
- Яценко С.А.* 2006: Костом древней Евразии (ираноязычные народы). – М.
- Ustinova Yu.B.* 1999: The Supreme Gods of the Bosporian Kingdom. Celestial Aphrodite and the Most High God. – Leiden; Boston; Köln.

А.А. Клейменов

ВЛИЯНИЕ ДИХОТОМИИ «ЭЛЛИНЫ – ВАРВАРЫ» НА ОЦЕНКУ ПОЛКОВОДЧЕСКОГО ИСКУССТВА ФИЛИППА II В АНТИЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Аннотация. В статье рассматривается дихотомия «эллыны – варвары» как причина преобладания в античной историографии отрицательной оценки полководческого искусства Филиппа II. Определяется, что это связано, прежде всего, с принадлежностью македонского царя к категории варваров, которые, согласно бытовавшему в греческом общественном сознании мнению, хитры, бесчестны и лишены настоящей доблести. Связать победы Филиппа с его хитростью и коварством позволила пространная в греческом общественном сознании позднеклассического времени концепция «честной войны».

Ключевые слова: эллыны, варвары, Филипп II.

Особенности мировосприятия античных авторов, без всякого сомнения, оказывают большое влияние на характер их сочинений, и, как следствие того, на процесс исследования того или иного аспекта древней истории. К числу наиболее влиятельных идеологических установок древнегреческих авторов следует отнести дихотомию «эллыны – варвары», проникающую практически во все сферы жизни общества, отразившуюся на большинстве проявлений эллинской письменной культуры¹. Ее влияние обнаруживается и в области военного дела, прежде всего – в сообщениях источников о вооруженных конфликтах, среди участников которых были варвары.

Насколько позволяют судить имеющиеся у нас данные, военная культура греков классического времени имела ряд уникальных черт, позволяющих противопоставить ее военным системам хронологически синхронных варварских народов. В современной литературе отмечается такая особенность греческого военного дела, как нацеленность на быстрый и полный разгром противника в одном открытом полевым сражении между фалангами гоплитов, напрямую связанная со спецификой полисной государственной системы, при которой армия изначально комплектовалась из граждан-ополченцев².

¹ Рунг Э.В. 2005, 125.

² Hanson V.D. 1989, XXVI; Hanson V.D. 1991, 6–7; Hanson V.D. 1999, 54–55; Lee J.W. 2008, 5–6; Dawson D. 1996, 51; Wees H. van, 2004, 134–135; Lonsdale D.J. 2007, 27.

К классическому времени сформировалось представление о войне как об агоне – регламентируемой системой неписанных норм и обычаев открытом поединке противоборствующих армий³. По сути война превращалась в своеобразное состязание граждан разных полисов в силе и храбрости, в итоге которого победу должны были одержать наиболее достойные. Ключевым понятием греческого военного менталитета было ἀρετή – главное проявление доблести, «пассивная храбрость», позволяющая воинам удерживать свое место в строю и победить⁴. Конечно, в определенной степени это представление о войне было идеализированным. Греки классического периода четко различали два вида войн – «войну по правилам» и «войну без правил», не ограниченную какими-либо нормами и сопровождавшуюся использованием разнообразных методов, в том числе засад и набегов⁵. Видимо, наиболее жестко регламентировались межгреческие вооруженные конфликты⁶, в то время как столкновения с варварами были более кровавыми, отличались широким применением военных хитростей⁷. В особых случаях подобные методы использовались и в межполисных конфликтах. По сценарию «войны без правил» велась Пелопонесская война, во время которой большая часть вооруженных столкновений проходила в виде морских сражений, осад, набегов, блокад, а враждующие стороны стремились нанести максимальный урон социально-экономической базе противника⁸. Однако даже после того как военное противостояние с Персидской империей и Пелопонесская война внесли значительные изменения в стратегию и тактику, идеалистические представления о «честной войне» в виде открытого боя фаланги гоплитов сохранились, причем как среди историков, так и военачальников⁹. Применение тактических хитростей и обманных маневров часто считалось делом недостойным, близким по своей сути к воровству¹⁰. Как полагает П. Крентц, широкое распространение к концу классической эпохи концепции «честной войны», войны-агона, было связано с

³ Gröschel S. 1989, 20–24; Krentz P. 2002, 37.

⁴ Lendon J.E. 2005, 51–53.

⁵ Wheeler E.L. 2007, 190.

⁶ Connor W.R. 1988, 22–21

⁷ Wheeler E.L. 2007, 189.

⁸ Ober J. 1993, 67.

⁹ Wheeler E.L. 2007, 189.

¹⁰ Lendon J.E. 2005, 86.

ностальгическими настроениями, родившимися под впечатлением от суровых военных реалий V века до н.э.¹¹

Особый греческий стиль ведения войны в общественном сознании противопоставлялся варварскому. Самым ярким свидетельством этого является знаменитый отрывок сочинения Геродота, в котором описывается заседание персидского военного совета накануне похода Ксеркса в Грецию. По словам «отца истории», Мардоний на совете заявил, что эллины привыкли вести войну, но по невежеству и глупости воюют самым безрассудным образом. Объявив друг другу войну, они ищут гладкое поле битвы и там сражаются, нанося друг другу большие потери (VII, 9). Персы показаны весьма далекими от греческих представлений о приемлемых способах ведения боевых действий, от эллинского понимания воинской доблести. Как справедливо отмечает Л.П. Маринович, всячески подчеркивая различия между персами и греками, Геродот называет мужество главной добродетелью персов, однако, при этом уверен в моральном превосходстве эллина над варваром¹². После Геродота антиварварские настроения лишь возросли¹³. В общественном сознании греков возникло мнение о том, что главной чертой греческого военного дела является ведение ближнего боя, этим мужественные и смелые эллины отличаются от слабых и женоподобных персов, которые ведут бой на дистанции, используя лошадей и прибегая к разного рода уловкам¹⁴. Превосходство эллинов в мужестве над персами позволяло оценивать победы над варварами как предопределенные и естественные¹⁵. Конечно, в качестве главного доказательства превосходства греков выступала победа в греко-персидских войнах, однако, греческие авторы видели много подтверждений этого постулата, в том числе и в институте наемничества. Так, согласно Ксенофону, персы сами знают собственные недостатки и пытаются компенсировать свою трусость тем, что не вступают в войны не заручившись помощью со стороны эллинов (Сугор, VIII, 8, 26). Убеждение в полном военном превосходстве мужественного грека над трусливым азиатским варваром стало краеугольным камнем в доктрине панэллинизма¹⁶.

¹¹ Krentz P. 2002, 25.

¹² Маринович Л.П. 2006а, 20–21.

¹³ Суриков И.Е. 2011, 270.

¹⁴ Lee J.W. 2006, 485.

¹⁵ Hall E. 1995, 116.

¹⁶ Рунг Э.В. 2005, 125; Фролов Э.Д. 1983, 157.

Более сложная картина возникала при оценивании воинских качеств европейских варваров, к которым греки классической эпохи относили и македонян, в ряде случаев соглашаясь с тезисом об эллинском происхождении представителей царского дома Аргеадов¹⁷. Ввиду явного отличия балканских варваров от подданных персидского царя, уже в конце V века до н.э. возникла идея об общем моральном превосходстве европейцев над азиатами, окончательно оформившаяся в известной концепции Аристотеля, согласно которому азиатские варвары умны, но трусливы, европейские – наделены мужеством, но обделены разумом, а превосходящие и тех и других эллины сочетают в себе и ум, и мужество¹⁸. Сложно судить о степени распространенности этой концепции в общественном сознании. Так, ее влияние обнаружено в «Анабасисе Александра» Флавия Арриана, но лишь в одном из фрагментов¹⁹. Безусловно, рассуждения о низких «варварских» моральных качествах в обозначенное время были связаны преимущественно с персами²⁰, однако у нас в распоряжении есть данные о том, что тезис об изначальном моральном превосходстве греков над варварами в обыденном сознании распространялся на неэллинское население Балкан, в том числе – македонян дофилипповского времени. Если верить Геродоту, еще во времена греко-персидских войн спартанский посол, говоря о македонском царе Александре I, заявил, что у варваров нет ни верности (οὔτε πίστιν), ни искренности (οὔτε ἀληθῆς) (VIII, 141–142). Критически оценивались и воинские качества этого народа. Об этом свидетельствует широко обсуждаемый фрагмент сочинения Фукидида, описывающий поход войск спартанского полководца Брасида в Македонию в 423 г. до н.э. В речи, произнесенной военачальником перед сражением с многочисленным объединенным войском македонского племени линкестов и иллирийцев, указывается, что варвары могут страшить только по неведению и воины могут судить о них по прошлым столкновениям с варварами македонскими (τοῖς Μακεδόσιν). Отмечается, что вселить ужас могут вид грозных полчищ, громкий боевой клич и

¹⁷ Hammond N.G.L. 1989, 19; Worthington I. 2003, 70; Cartledge P. 2004, 33; Starr C.G. 1991, 260; Anson E.M. 2004, 201–202; Hornblower S. 2011, 94; Шофман А.С. 1960, 97.

¹⁸ Маринович Л.П. 2006а, 27–28.

¹⁹ Маринович Л.П. 2006б, 4.

²⁰ Рунг Э.В. 2005, 164–166; Меланиченко И.В. 2001, 5.

бряцание оружием, однако вступить в решительный бой с теми, кто способен стойко выдержать все это, варвары не в состоянии. Это Брасид объясняет тем, что варвары не строятся в правильный боевой порядок и не считают позором покинуть под натиском врага порученные позиции, считая бегство и нападение одинаково похвальными. Спартанский вождь замечает, что если сдержать первый натиск врага, то «дикие полчища» смогут лишь издали через угрозы показывать свою храбрость. Их мужество проявляется исключительно в преследовании отступающего противника (*Thuc.*, IV, 126, 3–6). Этот фрагмент породил бурную полемику среди исследователей. Во-первых, не решен вопрос о достоверности речи: приведенные Фукидидом слова в литературе признаются как подлинными словами Брасида²¹, так и результатом творческих усилий самого Фукидида²². Во-вторых, не вполне ясно чье именно военное искусство описывается в данном пассаже. Согласно выводам Т.Д. Златковской, Брасид в своей речи опирается на опыт ведения военных действий во Фракии и, соответственно, описывает фракийское воинское искусство²³. Существует также мнение, трактующее данный фрагмент как характеристику военного дела иллирийцев²⁴. Тем не менее, необходимо подчеркнуть: Фукидид прямо указывает, что спартанский полководец напоминал своим подчиненным на предшествующие сражения именно против македонян. В интересующем нас фрагменте автор не видит никакой разницы между македонянами и иллирийцами²⁵. В глазах Брасида или Фукидида, людей весьма компетентных в военных вопросах, македонский способ ведения войны сильно отличался от греческого, имея гораздо больше общего с «варварской» иллирийской военной практикой. Различия пролегают, в том числе, и в характере воинской доблести – неуправляемая отвага варваров противопоставляется стойкой уравновешенной храбрости греков-гоплитов, являвшейся в глазах автора речи проявлением доблести более высокого порядка²⁶.

²¹ Hornblower S. 1996, 396.

²² Hansen M.H. 1993, 161–180.

²³ Златковская Т.Д. 1971, 250.

²⁴ Рунг Э.В. 2005, 158; Matijašić I. 2011, 307.

²⁵ Hornblower S. 2011, 95.

²⁶ Lendon J.E. 2005, 53.

Как и в случае с персами, причиной для подобной оценки македонян стала их идентификация как варваров, принадлежавших, безусловно, к иной, неэллинской военной культуре. В научной литературе отмечается, что Македония по характеру своего развития в дофилипповское время более походила на Фракию, Иллирию или Пеонию, чем на Элладу²⁷. Для формирования «гоплитии» как института в Македонии, в отличие от Греции, не было естественных предпосылок в виде многочисленного зажиточного городского населения, представители которого имели бы возможность приобрести дорогое гоплитское снаряжение²⁸. Набранное из свободных общинников пешее ополчение македонян было слабо подготовлено и редко призывалось на военную службу²⁹. Основной и наиболее боеспособной частью вооруженных сил были всадники-гетайры³⁰. Аргеады, так же как и их враждебные соседи – фракийцы и иллирийцы – вели войны «варварского» межплеменного типа, неизменным спутником которых был грабёж³¹. В этих условиях умение сдерживать напор врага, стоя в боевом порядке во время открытого полевого сражения, не являлось главным качеством воинов и полководцев. Война здесь носила мобильный характер, а залогом успеха была изворотливость, способность чередовать атаки и отступления, умение максимально эффективно использовать фактор неожиданности. Так, Фукидид, описывая вторжение громадного войска одрисского царя Ситалка в Македонию в 429 году до н.э., сообщает, что македоняне не стали действовать против неприятеля силами пехоты, а, вызвав конницу союзников, при каждой возможности небольшими отрядами нападали на многочисленных фракийцев. Никто не мог выдержать атак этих всадников: окруженные многократно превосходящими силами врага, они сами бросались навстречу опасности. Наконец, считая, что против большего количества врагов сражаться невозможно, они успокаивались (*Thuc.*, II, 100, 5–6). Фукидид, по мнению которого македоняне занимали промежуточное положение между варварами и на-

²⁷ Блаватская Т.В. 1952, 79; Хаммонд Н. 2008, 566–567; Крыкина О.В. 2002, 135.

²⁸ Griffith G.T. 1979, 423–424.

²⁹ Шахермайр Ф. 1986, 14–15; Грейнджер Дж.Д. 2010, 23; Bosworth A.B. 1988, 10; Rhodes P.J. 2006, 297; Gabriel R.A. 2010, 61.

³⁰ Hammond N.G.L. 1998, 12; Griffith G.T. 2006, 58–59.

³¹ Hammond N.G.L. 1979, 166.

стоящими эллинами³², проявляет большой интерес к тактике македонских всадников и называет их людьми храбрыми (*ἀγαθοὺς*). Тем не менее, здесь историк описывает лишь частный случай эффективного использования варварских методов ведения боевых действий, столь последовательно критикуемых в речи Брасида и противопоставляемых победоносной стойкости доблестных греческих гоплитов, не имеющих себе равных в открытых полевых сражениях.

Ситуация кардинально изменилась в эпоху правления Филиппа II. Регент, а затем и полновластный царь Македонии усовершенствовал военную систему своего государства, в том числе посредством заимствования передовых достижений греческого военного искусства³³. Умело сочетая военные и политические средства, Филипп проводил активную внешнюю экспансию, апофеозом которой стало установление гегемонии македонского царя над Балканской Грецией. В связи с этим в общественном сознании греков того времени возникло существенное противоречие: а priori уступающие эллинам в воинской доблести и других моральных качествах варвары-македоняне выходили победителями в сражениях, захватывали города и земли. Мыслящая часть общества, находившегося под влиянием дихотомии «эллины – варвары» и специфических представлений о приемлемых способах ведения военных действий, пыталась дать объяснение этому процессу.

При обращении к античной письменной традиции становится очевидным, что греческие авторы позднеклассического и раннеэллинистического времени считали причиной военных успехов Филиппа отнюдь не полководческое искусство македонского царя или отвагу его подчиненных, так как не могли согласиться с мыслью о превосходстве варваров, научившиеся воевать в правильных боевых порядках, над «природными» эллинами. Противоречащий прежней идеологии войны-агона принцип «победили, но не потому что лучше» особо четко проявляется в приписываемой Демосфену эпитафии, посвященной павшим в сражении при Херонее афинянам: враг победил не благодаря своей доблести (*ἀρετή*), навыкам или смелости командующего (LX, 21). Согласимся с выводом Дж. Лендона о

³² Zahrnt M. 2006, 595; Engels J. 2010, 84–85.

³³ Lee J.W. 2006, 503; Sekunda N. 2007, 329; Sekunda N. 2010, 449; Griffith G.T. 2008, 59; Шлофман А.С. 1960, 184.

том, что уже в этой фразе содержится попытка оправдать поражение, указание на «нечестную» победу врага³⁴.

Похожей позиции придерживался Феопомп, труд которого, к сожалению, известен лишь фрагментарно. Мы знаем, что Феопомп был настроен по отношению к македонскому царю сверхкритично, акцентировал внимание, прежде всего, на его личных пороках, чем вызвал негативную оценку со стороны Полибия, указывавшего, что Феопомп оболгал царя и его соратников, забывая об их мужестве, выносливости и доблести (VIII, 11–12). Феопомп подчеркивал пороки Филиппа неслучайно. Как отмечает Ф. Поунелл, этот греческий историк противопоставляет военный успех македонского монарха его низкому моральному облику, видя причину македонских побед в аморальности Филиппа и слепом везении³⁵. Иными словами, произошел любопытный переворот – моральная неполноценность противника-варвара из причины его военной слабости превратилась в причину его побед.

В схожем ключе полководческий почерк Филиппа оценивает и Юстин, эпитоматор Помпея Трога. Коварство (*per insidias*) Филиппа выступает как причина победы царя над афинским войском в первый год правления (VII, 6, 6). Македонский царь хитростью завоевал (*fraude captos*) области дарданов и других соседей (VIII, 6, 3). Рассказывая о битве между Филиппом II и скифским царем Атеем, Юстин пишет, что скифы превосходили и доблестью и числом, но были побеждены хитростью Филиппа (*astu Philippi*) (X, 2, 14). Конечно, необходимо отметить, что в сочинении Помпея Трога вообще вся политическая деятельность Филиппа II оценивается весьма отрицательно, а скифы описываются как народ справедливый, умеренный и доблестный³⁶, однако в данном случае автор дает нелестную оценку именно полководческим качествам македонского царя, проявляющимся не в доблести, а в хитрости. Возможно, здесь римский писатель, как это было для него свойственно, использовал материал враждебной по отношению к деятельности Филиппа письменной традиции раннеэллинистического времени, а в характеристике скифов примыкал к идеализирующему их направлению³⁷. Существует мнение, что информация о

³⁴ Lendon J.E. 2005, 88.

³⁵ Pownall F. 2004, 174.

³⁶ Зельин К.К. 1954, 192–195; Козулин В.Н. 2007, 30–31.

³⁷ Каллистов Д.П. 1968, 214

борьбе Филиппа с Атеем восходит к Феопомпу³⁸. С другой стороны, среди источников Помпея Трога был и Эфор³⁹, так же как и Феопомп критично настроенный по отношению к Филиппу, при этом склонный к идеализации скифов⁴⁰. Противопоставляя Филиппа и его сына Александра, эпитоматор Помпея Трога указывает, что Александр вел войны открыто, а Филипп пользовался военными хитростями и радовался, если ему удавалось обмануть врагов (IX, 8, 12). Похожую оценку Филиппу дал такой знаток греческой истории как Павсаний: никто из македонских царей, живших до или после, не совершил более великих подвигов, но назвать его хорошим полководцем нельзя из-за нарушения клятв, договоров, несоблюдения данного слова (VIII, 7, 4).

Что же стало причиной того, что Филиппа лишили лавров полководца? Прежде всего, это варварское происхождение македонского царя. Н. Хаммонд справедливо отмечает: Филипп мог быть двуличным и использовать подкуп, однако этого не чурались и его греческие современники, а на войне македонский царь проявлял не больше жестокости, чем фиванцы или афиняне⁴¹. Чрезвычайно негативный образ Филиппа возник из-за того, что действия этого варвара греки оценивали с использованием другого мерил, чем при анализе собственных поступков. Неслучайно на негреческое происхождение македонского царя постоянно указывал в своих речах Демосфен – оратор использовал негативный образ варвара в общественном сознании эллинов для того чтобы изобразить своего противника бесчестным и вероломным⁴². Как и любого другого варвара, греческие авторы изображали Филиппа подлым и коварным, лишая его права на настоящую военную доблесть, имевшуюся только у «природных» эллинов. В качестве иллюстрации заметим, что и молодого Александра Демосфен, по словам Эсхина, оценивал как человека лишённого доблести, так как доблесть приобретает кровью. Здесь подразумевается кровь, не пролитая человеком, а текущая в нем, так как Эсхин далее замечает, что в жилах самого Демосфена течет кровь труса (III, 160).

³⁸ Граков Б.Н. 1971, 8.

³⁹ Шофман А.С. 1960, 68.

⁴⁰ Граков Б.Н. 1971, 7.

⁴¹ Хаммонд Н. 2008, 606.

⁴² Маринович Л.П. 2006а, 24; Кошеленко Г.А. 1972, 69.

Механизм, позволивший греческим авторам увидеть в хитрости и коварстве главную причину побед Филиппа над греками, скрыт в особенностях эллинской военной идеологии. Обратим внимание на еще одну интересную мысль Н. Хаммонда: эллины судили о Филиппе так, как грек судит о греке⁴³. Этот вывод кажется противоречивым лишь на первый взгляд: эллины-современники называли Филиппа варваром, но оценивали его действия с типично греческих позиций. Красноречиво об этом свидетельствует «Третья речь против Филиппа». Демосфен, описывая манеру Филиппа II вести войну, противопоставляет ей прежние войны, во время которых лакедемоняне, как и все остальные, в течение четырех или пяти месяцев вторгались, опустошали страну противников го-плитами, а потом уходили обратно домой. По словам оратора, это был старинный и правомерный образ действий, честная и открытая война. Отмечается, что теперь большинство дел погубили предатели и ничего не решается выступлениями на поле битвы или правильными сражениями. Филипп воюет не с помощью фаланги го-плитов (τῷ φάλαγγα ὀπλιτῶν), а использует легковооруженных (ψιλοῦς), кавалерию (ἵππεας), лучников (τοξότας) и наемников (ξένους), действует вообще такого рода войсками (IX, 48–50). Здесь Демосфен практически обвиняет Филиппа в том, что он не придерживается принципов «честной и открытой войны» прежнего времени, правил войны-агона. Конечно, подобную идеологию Филипп не разделял, так как не принадлежал к породившему ее обществу. Особенности стратегии македонянина находились в тесной взаимосвязи с остальными сторонами его внешнеполитической деятельности, часто осуществляемой весьма циничными методами, соответствующими принципу «цель оправдывает средства». Филипп мог решить судьбу военной кампании не только в открытом поле сражении, но и стремительным ударом по ничего не подозревавшему противнику – именно так были захвачены Крениды⁴⁴, разгромлены наемники Хареса и Проксена под Амфиссой⁴⁵. Во время полномасштабных полевых сражений Филипп использовал разнообразный тактический арсенал, в том числе обходные маневры и ложные отступления. Видимо, благодаря последнему приему ему удалось одержать верх над войсками антимакедонской коалиции в судьбо-

⁴³ Хаммонд Н. 2008, 606.

⁴⁴ Griffith G. T. 1979, 246–250; Грейнджер Дж. Д. 2010, 64.

⁴⁵ Ashley J. R. 1998, 152; Ellis J. R. 1994, 781; Worthington I. 2008, 146.

носной битве при Херонее⁴⁶. Использование Филиппом маневра с ложным отступлением позволило афинянам назвать македонскую победу «нечестной». Как представляется, подобный принцип действовал и при оценке других военных успехов македонского царя. Следует согласиться с выводом В. Д. Блаватского о том, что под «хитростью» Филиппа, позволившей ему, согласно Юстину, разгромить доблестных скифов, на самом деле скрываются особенности македонской тактики IV века до н.э., прежде всего – координированные действия различных родов войск⁴⁷. Тактическое искусство предвзятый комментатор превратил в коварство.

Таким образом, негативная оценка полководческого искусства Филиппа II в античной историографии возникла под влиянием дихотомии «эллыны – варвары» и концепции «честной войны», двух значимых идеологических установок позднеклассического времени. Последняя из них, безусловно, имела мало общего с реальной греческой военной практикой IV века до н.э., однако сыграла ключевую роль в формировании негативного образа Филиппа-военачальника: греческие авторы, более или менее терпимо относясь к нарушению принципов «честной войны» эллинскими полководцами, аналогичных действий македонскому варвару не простили.

ЛИТЕРАТУРА

- Блаватский В. Д. 1950: О стратегии и тактике скифов // КСИИМК. 34, 19–30.
- Блаватская Т. В. 1952: Западнопонтские города в VII–I веках до н.э. – М.
- Граков Б. Н. 1971: Скифы. – М.
- Грейнджер Дж. Д. 2010: Империя Александра Македонского. Крушение великой державы. – М.
- Зельин К. К. 1954: Помпей Трог и его произведение «Historiae Philippicae» // ВДИ. 2, 183–202.
- Златковская Т. Д. 1971: Возникновение государства у фракийцев. – М.
- Каллистов Д. П. 1968: Рабство в Северном Причерноморье V–III вв. до н.э. // Рабство на периферии античного мира. – Л., 193–221.
- Козулин В. Н. 2007: Особенности отношения к войнам и «антиимпериализм» Помпея Трога // Война и мир в истории Европы: сборник научных статей памяти профессора Е. П. Глушанина. – Барнаул, 24–34.

⁴⁶ Нефедкин А. К. 2007, 42; Ashley J. R. 1998, 156–157; Hanson V. D. 1999, 150; Rhodes P. J. 2006, 318.

⁴⁷ Блаватский В. Д. 1950, 26.

- Кошеленко Г.А. 1972: Восстание греков в Бактрии и Согдиане // ВДИ. 1, 59–78.
- Крыкина О.В. 2002: Формирование древнемакедонского государства (по археологическим данным) // ПИФК. XII, 130–136.
- Маринович Л.П. 2006а: Возникновение и эволюция доктрины превосходства греков над варварами // Античная цивилизация и варвары / Л.П. Маринович (ред.). – М., 5–29.
- Маринович Л.П. 2006б: Термин «варвар» в жизнеописаниях Александра Македонского // ПИФК. XVI, 3–18.
- Меланиченко И.В. 2001: Оппозиция «эллина – варвары» в IV в. до н.э. // Антиковедение и медиэвистика: Сб. науч. тр. Вып. 3 / В.В. Деметьева (ред.). – Ярославль, 3–7.
- Нефедкин А.К. 2007: Конница эпохи эллинизма: дисс.,... докт. ист. наук. – Ставрополь.
- Рунг Э.В. 2005: Представление персов как варваров в греческой литературной традиции V в. до н.э. // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. 4. – СПб., 125–166.
- Суриков И.Е. 2011: Очерки об историописании в классической Греции. – М.
- Фролов Э.Д. 1983: Панэллинизм в политике IV в. до н.э. // Античная Греция. Проблемы развития полиса. 2. – М., 157–207.
- Хаммонд Н. 2008: История Древней Греции / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. – М.
- Шахермайр Ф. 1986: Александр Македонский / Пер. с нем. М.Н. Ботвинника и Б. Функа. – М.
- Шофман А.С. 1960: История античной Македонии. Ч. I. – Казань.
- Anson E.M. 2004: Eumenes of Cardia: a Greek among Macedonians. Boston – Leiden.
- Ashley J.R. 1998: The Macedonian Empire: The Era of Warfare under Philip II and Alexander the Great, 359–323 BC. – Jefferson.
- Bosworth A.B. 1988: Conquest and Empire: The Reign of Alexander the Great. – Cambridge.
- Cartledge P. 2004: Alexander the Great: The Hunt for a New Past. – London.
- Connor W.R. 1988: Early Greek Land Warfare as Symbolic Expression // The Past and Present Society. 119, 3–29.
- Dawson D. 1996: The Origins of Western Warfare: Militarism and Morality in the Ancient World. – Oxford.
- Ellis J.R. 1994: Macedonian hegemony created // The Cambridge Ancient History. Vol. VI / D.M. Lewis, J. Boardman (eds.). – Cambridge, 760–790.
- Engels J. 2010: Macedonians and Greeks // A Companion to Ancient Macedonia / J. Roisman and I. Worthington (eds.). – Oxford, 81–98.
- Gabriel R.A. 2010: Philip II of Macedonia: Greater than Alexander. – Washington.

- Griffith G.T. 2008: Philip as a General and the Macedonian Army // Philip of Macedon / M.B. Hatzopoulos and L.D. Loukopoulos (eds.). – Athens, 58–77.
- Griffith G.T. 1979: The Reign of Philip the Second // Hammond N.G.L., Griffith G.T. A History of Macedonia. Vol. II: 550–336 BC. – Oxford, 201–646.
- Gröschel S. 1989: Waffenbesitz und Waffeneinsatz bei den Griechen. – Frankfurt am Main.
- Hall E. 1995: Asia unmanned: Images of victory in classical Athens // War and Society in the Greek World / J. Rich and G. Shipley (eds.). – London – New York, 108–133.
- Hammond N.G.L. 1989: The Macedonian State: Origins, Institutions and History. – Oxford.
- Hammond N.G.L. 1975: The Classical Age of Greece. – London.
- Hammond N.G.L. 1979: The Development of the Macedonia State and the Struggle for Survival // Hammond N.G.L., Griffith G.T. A History of Macedonia. Vol. II: 550–336 BC. – Oxford, 1–200.
- Hammond N.G.L. 1998: The Genius of Alexander the Great. – London.
- Hansen M.H. 1993: The Battle Exhortation in Ancient Historiography. Fact or Fiction? // Historia. 42, 161–180.
- Hanson V.D. 1989: The Western Way of War: Infantry Battle in Classical Greece. – New York.
- Hanson V.D. 1991: Hoplités: The Classical Greek Battle Experience. – London.
- Hanson V.D. 1999: The Wars of the Ancient Greeks and Their Inventions of Western Military Culture. – London.
- Hornblower S. 1996: A Commentary on Thucydides. Vol. 2. – Oxford.
- Hornblower S. 2011: The Greek world, 479–323 BC. – London – New York.
- Krentz P. 2002: Fighting by the rules: the invention of the hoplite agon // Hesperia. 71, 23–39.
- Lee J. W. A 2008: Greek Army on the March: Soldiers and Survival in Xenophon's Anabasis. – Cambridge.
- Lee J.W. 2006: Warfare in the Classical Age // A Companion to the Classical Greek World / K. H. Kinzl (eds.). – Oxford, 480–508.
- Lendon J. E. 2005: Soldiers and ghosts: a history of battle in classical antiquity. – New Haven – London.
- Lonsdale D.J. 2007: Alexander the Great: Lessons in strategy. – London – New York.
- Matijašić I. 2011: «Shrieking like Illyrians». Historical geography and the Greek perspective of the Illyrian world in the 5th century BC // Arheološki vestnik. 62, 289–316.
- Ober J. 1993: The Origin of Strategy // MHQ. Vol. 5. 3, 62–67.
- Pownall F. 2004: Lessons from the past: the moral use of history in fourth-century prose. – Ann Arbor.
- Rhodes P.J. 2006: A History of the Classical Greek World, 478–323 BC. – Oxford.

- Roisman J.* 1993: The general Demosthenes and his use of military surprise (Historia Einzelschriften №78). – Stuttgart.
- Sekunda N.* 2007: The Hellenistic World and the Roman Republic: Land forces // The Cambridge history of Greek and Roman Warfare. Vol. I / P. Sabin, H. Van Wees, M. Whitby (eds.). – Cambridge, 325–357.
- Sekunda N.* 2010: The Macedonian Army // A Companion to Ancient Macedonia / Ed. J. Roisman and I. Worthington. – Oxford, 446–471.
- Starr C.G.* 1991: A History of the Ancient World. – New York – Oxford.
- Webber C.* 2001: The Thracians 700 BC–AD 46. – Oxford.
- Wees H. van* 2004: Greek Warfare: Myths and Realities. – London.
- Wheeler E.L.* 2007: Archaic and Classical Greece: Land battles // The Cambridge history of Greek and Roman Warfare. Vol. I / P. Sabin, H. Van Wees, M. Whitby (eds.). – Cambridge, 186–223.
- Worthington I.* 2008: Philip II of Macedonia. – New Haven – London.
- Worthington I.* 2003: Alexander, Philip, and the Macedonian Background // Brill's companion to Alexander the Great / J. Roisman (eds.). – Leiden – Boston, 69–98.
- Zahrnt M.* 2006: Macedonia and Thrace in Thucydides // Brill's companion to Thucydides / A. Rengakos and A. Tsakmakis (eds.). – Leiden – Boston, 589–614.

SECURITAS РИМЛЯН И TUTUM ВАРВАРОВ*

Аннотация. Отношение к личной и коллективной безопасности – один из вневременных цивилизационных маркеров любого общества. Поиск этого маркера в иной культуре сопровождается преодолением стереотипов, либо их укоренением. В статье приводятся оценочные суждения античных авторов относительно стратегий безопасности варварских племен. Прослеживается стабильность в восприятии данных стратегий (I в. до н.э. – VI в. н.э.), которая позволяет говорить об определенном литературном топосе, играющем роль обвинительного аргумента.

Ключевые слова: римская армия, варвары, безопасность, уязвимость.

«nam sunt non satuta decori, non virtute graves, non instructi armis, non consiliis prudentes, sed hoc solo securi, quod in editis positi adiri nequeunt».

SHA. Tyr. Trig. XXVI. 7¹

Античные авторы многие столетия искали и находили причины для того, чтобы считать кельтов и германцев «варварами». Они видели несоответствия собственным представлениям о цивилизованной жизни не только в бытовых аспектах повседневной действительности указанных этносов, но и в особенностях их мироощущения. Жители древней ойкумены по-разному воспринимали проблему общественной безопасности.

Понятие «безопасность» обозначается не только термином *securitas*, хотя он и является преобладающим. Кроме него используется слово *tutum*, которое иногда принимает значение безопасного места, убежища. Как «здоровье», «благополучие», «спасение» переводится *salus*². *Tranquillitas* (безмятежность, покой, тишина), четвертое слово из семантического ряда, встречается редко (табл. 1).

* Работа выполнена при финансовом содействии Министерства образования и науки РФ, проект «Междисциплинарные исследования публично-правовых систем и политической культуры античных социумов с применением информационных технологий», темплан ЯрГУ (ЗН-1094).

¹ Требеллий Поллион об исаврах: «Ведь они не отличаются статностью, не обладают доблестями, не снабжены в достаточном количестве оружием, не способны принимать разумные решения; они пребывают в безопасности только благодаря тому, что, живя на возвышенностях, трудно досягаемы» (Пер. С.П. Кондратьева).

² «Summa salus rei publicae» – общее благополучие (безопасность) государства (Cic. Cat. I. 11. 4–5: «Non est saepius in uno homine summa salus periclitanda rei publicae», Cic. Cat. I. 33. 1: «Hisce omnibus, Catilina,

Грекоязычные писатели, говоря о безопасности, употребляют чаще всего слово – ἀσφαλεία, которое может также означать «прочность» и «надежность». Иногда мы встречаем выражение σωτηρία, переводимое не только как «безопасность», но и «спасение», «сохранение» или «благо». Также используется существительное ὄβεια в плане не только безопасности, но и «безнаказанности» (табл. 2).

Обратимся к нашим источникам. Цезарь, описывая обычаи германцев, отметил, что они часто разбойничают вне пределов своей страны. Отдельные общины, осуществляя набеги на соседей, преследовали вполне определенные цели: устраняли праздность, упражняли молодежь и обеспечивали собственную безопасность. Данная практика не считалась позором, участие в военном походе было проявлением истинной доблести (*Caes. B.G. VI. 23*)³. Наблюдательный полководец подчеркнул, что отдельные германские племена в случае опасности ищут спасение в скрытых местах, лесах и болотах (*Caes. B.G. VI. 31*). Причина этого – отсутствие не только какого-либо регулярного войска, но и города или укрепленного пункта, способного к вооруженной обороне (*Caes. B.G. VI. 34*)⁴. Цезарь, победив нервиев и севов, предложил кельтам и германцам альтернативный вариант бегству, панацею от всех страхов: дружба с римским народом может всех обезопасить (*Caes. B.G. II. 28, IV. 16*).

Как сообщает Страбон, галльский народ менапиев спасался благодаря Ардуеннскому лесу. Во время вражеских нападений жители устремлялись на тайные островки в болотистых местах. Греческий географ добавляет, что хотя в дождливое время они находили безопасные убежища (ἀσφαλεῖς τὰς καταφυγὰς), но в сухой период легко попадали в руки завоевателей. Под владычеством же римлян племена живут мирно (*Strabo. IV. 3. 5*). Что касается самих римлян, то они не ждут благополучия от укреплений, их безопас-

cum summa rei publicae salute, cum tua peste ac pernicie cumque eorum exitio, qui se tecum omni scelere parricidioque iunxerunt, proficiscere ad impium bellum ac nefarium); «expedire salutem» – спасти жизнь, обеспечить безопасность («expediendae salutis» - *Cic. Mil. 10*).

³ «Noc proprium virtutis existimant, expulsos agris finitimos cedere, neque quemquam prope audere consistere; simul hoc se fore tutiores arbitrantur repentinae incursionis timore sublato».

⁴ «Erat, ut supra demonstravimus, manus certa nulla, non oppidum, non praesidium, quod se armis defenderet, sed in omnes partes dispersa multitudo». Грамматик Фест дал два объяснения слову «oppidum» (Р. 201, 223) – место, куда люди сносят свои пожитки (opes) и укрепленный город, предоставляющий защиту (opem praebet).

ность изначально была построена на мощи оружия и доблести (*Strabo. V. 3. 7*)⁵.

Идея мирного и взаимовыгодного подчинения Риму нашла своё отражение в речи царя Агриппы II к иудеям. В этом обращении, переданном Иосифом Флавием, правнук Ирода Великого противопоставляет своих неблагоприятных подданных другим народам, включённым в состав империи. По его мнению, богатые галлы мирятся с положением данников не из-за трусости или врожденного раболепия, а по причине могущества римлян, которое выражается в силе и счастье последних. Многочисленные и гордые германцы всё ещё ищут спасения в бегстве (*Joseph. V.J. II. 16. 4*). Но «варварами», по крайней мере для Веспасиана, оказываются не только и не столько галлы с германцами (*Joseph. V.J. VII. 4. 2*), а иудеи, которые неосмотрительны на войне и безрассудны до того, что забывают о собственной безопасности чаще римлян (*Joseph. V.J. IV. 1. 6*)⁶.

Народы Римской империи, по мысли Тацита, отличаются от соседей-варваров тем, что объединены под одной властью против общих опасностей. Они обладают универсальной стратегией выживания: подчинившись, наслаждаются миром (*Tac. Hist. IV. 74*)⁷. Кельты сражаются в одиночку и терпят поражения (*Tac. Agr. 12*). Объединенным бриттам (*Tac. Agr. 29*) кажется, что их безопасность заключается в отдаленности их острова (*Tac. Agr. 31*)⁸. Херуски пытаются защититься, прослав добрыми и ни с кем не воюя, но в итоге вынуждены покориться хаттам, поскольку ослабли после длительного мира (*Tac. Germ. 36*). Лангобарды из-за своей малочисленности ведут постоянные битвы с сильными племенами и тем поддерживают свое существование. Они думают, что сбере-

⁵ Ср. *Sall. Cat. 6. 5*: «Но римляне и у себя дома, и на войне были настороже: спешили, готовились, ободряли друг друга, выступали навстречу врагам, оружием защищали свободу, родину и родителей. Впоследствии, доблестью своей отвратив опасности, они приходили на помощь союзникам и друзьям и, не столько получая, сколько оказывая услуги, завязывали дружеские отношения» (Пер. В.О. Горенштейна).

⁶ «Рассказывают, что когда Марк Аврелий на пути в Египет проезжал через Палестину, то, испытывая отвращение к ...нередко производившим смуты иудеям, скорбно воскликнул: «О маркоманны, о квады, о сарматы! Наконец я нашел людей хуже вас» (*Amm. Marc. XXII. 5. 5*. Пер. Ю.А. Кулаковского, А.И. Сонни. Курсив наш – Е.Д.).

⁷ Подробнее см.: Данилов Е.С. 2012.

⁸ «et longinquitas ac secretum ipsum quo tutius, eo suspectius».

гутся, идя навстречу опасностям (*Tac. Germ.* 40). Неудивительно, что у того же Тацита, Гней Домиций Корбулон во время переговоров с армянским царем Тиридатом I хвалит последнего за то, что, сойдя с чреватого опасностями пути, он предпочел ему верный и безопасный, т.е. подчинился требованиям римлян (*Tac. Ann.* XV. 29).

Далёким от идеализации, менее щепетильным и внимательным по отношению к «варварам» был Луций Анней Флор. Он считал возможным писать о глупости кимвров (*Flor.* I. 38. 12), неразвитости далматов (*Flor.* II. 25. 12), в любви фракийцев к свободе видел бессмысленное сопротивление дикарей, пытающихся укутить свои оковы (*Flor.* II. 27. 17). Для него храбрость германцев была лишь производным от их бешенства и неукротимости (*Flor.* I. 38. 5; II. 30. 31). В глазах Флора суровые лигурийцы осмеливаются на разбойничьи набеги лишь потому, что имеют возможность потом скрыться в безопасных лесных зарослях (*Flor.* I. 19. 4). В этом отношении они не отличаются от аквитанов, моринов (*Flor.* I. 45. 6) и кантабров (*Flor.* II. 33. 47–49).

Аппиан Александрийский считал, что бедные варварские народы приносят мало выгоды Риму. Убыточно приобщать их к благам мирной жизни, затратно обеспечивать их безопасность⁹. Лишь интересы государственного престижа заставляют принцепсов принимать варваров в подданство (*App. Rom. Hist. Prooem.* 7).

Элий Аристид, младший современник Аппиана, нашел свои доводы для прославления Вечного города¹⁰. В основе его концепции – рассуждения о характере политической системы имперского Рима. Римляне преуспели в искусстве управления (*Ael. Arist. Laud. Rom.* 51), так как правят законно и справедливо (*Ael. Arist. Laud. Rom.* 58). Свою власть они используют не для господства, а для защиты и поддержания свободы (*Ael. Arist. Laud. Rom.* 36). Власть римлян повсюду установила разумный порядок, благодаря которому царит мир (*Ael. Arist. Laud. Rom.* 103). Для Элия Римская империя является идеальным государством, обеспечивающим всеобщую безопасность («σαφής πάνσι πάντων ἄδεια» – *Ael. Arist. Laud. Rom.* 104)¹¹. Оно заботится об эллинах и воспитывает варваров (*Ael. Arist. Laud. Rom.* 96), делая в итоге тех и других римлянами (*Ael. Arist. Laud. Rom.* 63).

⁹ Императорская власть является гарантом асфален. См.: *Hahn I., Nemeth G.* 1993, 372.

¹⁰ О скептическом отношении Элия к Риму см.: *Pernot L.* 2008.

¹¹ *Данилов Е.С.* 2013, 25–26.

Для Геродиана ключевой мотив, побуждающий варваров к действиям, это корыстолюбие. Ради выгоды они, презрев опасности, добывают всё необходимое для существования; в обмен за большую плату соглашаются на мир (*Herodian.* I. 6. 9). По отношению к ним следует быть далёким как от неуместной милости, так и от жестокого насилия (*Herodian.* I. 4. 5, II. 4. 3). Варвары улавливают страх противника и от этого наполняются смелостью (*Herodian.* I. 6. 5). Германцы при столкновении с римлянами чувствуют себя уверенно тогда, когда знают местность и на этом знании строят тактику засад и вылазок (*Herodian.* VII. 2. 5)¹². К открытому и продолжительному бою они фактически не приспособлены (*Herodian.* VIII. 1. 3).

Характерно, что эту мысль поддерживает анонимный реформатор IV века, автор трактата «*De rebus bellicis*». Несмотря на признание за варварскими народами некоторых дарований (*Anon. De reb. bell. Praef.* 4), он вынужден констатировать их вероломство, проявляющееся в нападениях на римские границы. По его словам, варвары защищены естественными преградами и не могут быть легко выслежены (*Anon. De reb. bell. VI.* 1–2)¹³.

Аммиан Марцеллин, один из самых обстоятельных авторов по вопросу взаимоотношений варваров и римлян в IV столетии¹⁴, думал, что храбрость и уровень культуры взаимосвязаны. Легко покоряются те народы, которые испытали на себе смягчающее влияние цивилизации (*Amm. Marc.* XV. 11. 4–5). Когда мужество в силу различных причин уступает место беспочвенной заносчивости (*Amm. Marc.* XVI. 12. 1–4; XVII. 1. 3), варвары перестают оказывать действенное сопротивление. Им ничего не остаётся, как полностью покориться или скрыться в поисках безопасных убежищ (*Amm. Marc.* XVI. 11. 8–10; XVII. 8. 4–5; 10. 10; 13. 17–23, 29; XX. 10. 1; XXIV. 7. 2; XXXI. 3. 7). Сдавшиеся получают самоуправление и возможность с помощью римлян защитить свою вновь приобретённую свободу от любых внешних посягательств и внутренних раздоров (*Amm. Marc.* XVII. 12. 18–20, 13. 1, 23). Часто

¹² Ср. *Zos.* IV. 48. 2: «Когда варвары узнали о победоносном возвращении императора, они совершали рейды с болот, стараясь теперь что-либо тайно украсть и возвратиться в свои пристанища на рассвете. Таким образом, император начал думать, что эти мародёры были скорее призраками, чем людьми» (Пер. Н.Н. Болгова).

¹³ Ср.: *SHA. Aurel.* XXI. 1–3.

¹⁴ См.: *Wiedemann T.E.J.* 1986.

природное коварство и непостоянство толкает варваров на измену, они поднимают восстания и всё повторяется по кругу (*Amm. Marc.* XVIII. 2. 18). В подобных экстремальных условиях им помогает выжить физическая выносливость и неприхотливость (*Amm. Marc.* XV. 12. 3; XXXI. 2. 3). Этим они отличаются от изнеженных римлян, привыкших к тихому спокойствию. Можем ли мы вслед за Аммианом сказать, что варвары действительно находили наслаждение в войнах и опасностях (*Amm. Marc.* XXXI. 2. 22)? Эта точка зрения, возможно, противоречит здравому смыслу и не отражает объективную картину бытования аланов и других племенных обществ, описанных античным историком. Но она очень чётко разграничивает две, на первый взгляд, диаметрально противоположные ментальности, одна из которых предусматривала стремление к всеобщему согласию, а другая в силу обстоятельств не могла исключить насилие из обыденности.

У Синезия Киренского, в его трактате «О царстве», «скифы» одержимы трусостью. Они блуждают как изгой без отечества, выжидая, когда можно будет неожиданно на кого-либо напасть. Римляне приютили варваров, избавив их от скитаний, дали землю и должности, но кочевники не понимают добродетели, считают милосердие слабостью, постоянно предадут своих великодушных хозяев. Невежество не позволяет им познать истинную ценность статуса римского союзника и гражданина (*Synes. De regno*, 21; ср. *De prov.* 3)¹⁵.

Для Виктора Витенского варвары – это вандалы-ариане, преследующие католиков в Северной Африке¹⁶. Суть варварства состоит в дикости, кровавой жестокости и распространении страха. Цель варваров – уничтожение римлян (*Vict. Vitens. Hist.* V. 18). Из ненависти произрастает их ярость (*Vict. Vitens. Hist.* I. 2) и неистовство (*Vict. Vitens. Hist.* I. 3) в первую очередь по отношению к добродетельным людям, которые погибают от многих опасностей (*Vict. Vitens. Hist.* I. 7, 11). Вероломные еретики (*Vict. Vitens. Hist.* I. 9) лишают ортодоксальных христиан имущества и свободы (I. 4), повсюду сеют смерть (*Vict. Vitens. Hist.* II. 7). Германцы пришли в мирную и спокойную страну (*Vict. Vitens. Hist.* I. 1), чтобы изгнать служителей церкви в пустыню (*Vict. Vitens. Hist.* II. 8–12), отнять основополагающие права граждан, в том числе право на неприкосновенность

¹⁵ О проблемах межкультурных контактов и преодолении стереотипов см.: Ziche H. 2011.

¹⁶ Подробнее см.: Howe T. 2007.

(*Vict. Vitens. Hist.* IV. 2–3; V. 1). Так варвары и римляне поменялись местами: первые обрели новую родину, вторые потеряли безопасные места проживания (*Vict. Vitens. Hist.* V. 15–16).

В сочинении Агафия Миринейского немаловажным предстаёт всё тот же правовой контекст. Варварам присуще стремление к переменам, они не признают договоров, поэтому не могут обеспечить собственную безопасность, освободиться от непрерывных угроз (*Agath.* I. 1). Самыми культурными из варваров являются франки¹⁷. Критерии для подобного вывода следующие. Они ведут оседлый образ жизни, пользуются римскими законами, являются приверженцами христианской веры. Кроме того, франки склонны к справедливости, способны поддерживать гражданское согласие, ставят общественные интересы превыше частных. Благодаря отмеченным достоинствам их государство неуязвимо для врагов, в нём поддерживаются мир и безопасность. Если бы не особенности языка и одежды, то франков, по убеждению Агафия, можно было бы назвать римлянами (*Agath.* I. 2). Гражданственность и законность свойственны также колхам, жителям христианской Лазики (*Agath.* III. 5). Соответственно к противоположным, варварским ценностям относятся: любовь к опасностям (*Agath.* I. 4, 16, 20, 28) и языческие верования (*Agath.* I. 7). Варвары уступают римлянам не только силой (*Agath.* V. 17–18), но и умом (*Agath.* II. 12), а потому с трудом переносят бремя законов, стремятся к смутам, не допускают мысли о безмятежной жизни (*Agath.* IV. 8). Отсюда весь набор чисто варварских черт: заносчивость (*Agath.* I. 15), безрассудство (*Agath.* I. 16, V. 21), жестокость (II. 31), непостоянство (*Agath.* IV. 9), алчность (*Agath.* V. 12–13, 25).

В римском понимании быть гражданином означало быть уверенным в *securitas publica*. Племенные союзы по другую сторону лимеса вынуждены были жить в условиях крайней незащищённости. Так называемые «варвары» стремились сохранить привычный образ жизни, ведя войны и находясь в постоянном поиске убежищ. Лишь в крайних случаях они принимали идею дружбы с Римом, идею мирного сосуществования (табл. 3). Эта упрямая непримиримость, являвшаяся частью специфических представлений о доблести и свободе, интерпретировалась римлянами как признак дикости. В реальности же «варварская дикость» была обусловлена морально-нравственными, религиозными, военно-тактическими аспектами традиционной культуры.

¹⁷ Cameron A. 1968.

ЛИТЕРАТУРА

- Данилов Е.С. 2012: Концепт securitas как часть коллективной самоидентификации римских граждан периода Империи // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 4/2, 127–130.
- Данилов Е.С. 2013: Трансформация политического грекоцентризма глазами Элия Аристиды // Кризис идентичности в мировой истории и культуре: сборник материалов региональной научной конференции. 11–12 апреля 2013 г. / Т.М. Гавристовой (ред.). – Ярославль, 22–26.
- Cameron A. 1968: Agathias and the Early Merovingians // Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa. 37, 95–140.
- Hahn I., Nemeth G. 1993: Appian und Rom // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. II. 34/1, 364–402.
- Howe T. 2007: Vandalen, Barbaren und Arianer bei Victor von Vita. – Frankfurt am Main.
- Pernot L. 2008: Aelius Aristides and Rome // Aelius Aristides between Greece, Rome, and the gods / W.V. Harris, B. Holmes (eds.). – Leiden, Boston, 175–202.
- Wiedemann T.E.J. 1986: Between men and beasts: Barbarians in Ammianus Marcellinus // Past Perspectives. Studies in Greek and Roman historical writing / I.S. Moxon, J.D. Smart, A.J. Woodman (eds.) – Cambridge, 189–201.
- Ziche H. 2011: Barbarians Raiders and Barbarian Peasants: Models of Ideological and Economic Integration // Romans, Barbarians, and the Transformation of the Roman World: Cultural Interaction and the Creation of Identity in Late Antiquity / R.W. Mathisen, D.R. Shanzer (eds.). – Farnham, 199–219.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1

Употребление лексем со значением «безопасность»
латиноязычными авторами

Термин	Цезарь	Тацит	Флор	SHA	Аноним	Аммиан	Виктор
salus	+	+	-	+	-	+	+
securitas	-	+	+	+	+	+	+
tranquillitas	+	+	-	+	-	+	-
tutum	+	+	+	+	+	+	-

Таблица 2

Употребление лексем со значением «безопасность»
грекоязычными авторами

Термин	Страбон	Иосиф	Аппиан	Элий	Геродиан	Синезий	Агафий
ἀδεια	+	+	+	+	+	+	-
ἀσφαλεία	+	+	+	+	+	+	+
σωτηρία	+	+	+	+	+	+	-

Таблица 3

Пути обеспечения безопасности у варваров и римлян

Автор	Стратегии безопасности варваров	Истоки безопасности римлян
Гай Юлий Цезарь (100–44 гг. до н.э.)	ведение войн, поиск убежищ, заключение мира	военный опыт, дисциплина
Страбон (63 г. до н.э. – 23 г. н.э.)	поиск убежищ	мощь оружия, доблесть
Иосиф Флавий (37–100 гг.)	поиск убежищ, заключение мира	военный опыт, дисциплина, политическая стабильность
Публий Корнелий Тацит (58–120 гг.)	ведение войн, поиск убежищ, заключение мира	сильная армия, правосудие
Луций Анней Флор (70–140 гг.)	поиск убежищ	мудрое правление императоров
Аппиан Александрийский (95–170 гг.)	заключение мира	мудрое правление императоров
Элий Аристид (117–180 гг.)	заключение мира	мудрое правление императоров
Геродиан (180–250 гг.)	поиск убежищ	мудрое правление императоров
Авторы жизнеописаний Августов (III–IV вв.)	поиск убежищ, заключение мира	мудрое правление императоров
Аноним (IV в.)	поиск убежищ	сильная армия, правосудие
Аммиан Марцеллин (330–395 гг.)	поиск убежищ, заключение мира	военный опыт, дисциплина, политическая стабильность
Синезий Киренский (340–412 гг.)	заключение мира	мудрое правление императоров
Виктор Витенский (430–484 гг.)	ведение войн	поиск убежищ
Агафий Миринейский (536–582 гг.)	ведение войн, поиск убежищ, заключение мира, поддержание законности	военный опыт, дисциплина

**ВАРВАРСТВО В ДИНАМИКЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ:
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ**

А.А. Чекалова

**АРАБЫ-ГАССАНИДЫ
И СУДЬБЫ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ***

Аннотация. В статье прослеживается роль арабов у восточных пределов Византии в ранний период ее истории. Особое внимание уделено арабам-гассанидам, которые преданно служили империи более чем столетие. В качестве федератов Византии они принимали активное участие практически во всех военных конфликтах, имевших место между Византией и Ираном, занимались транзитной торговлей. Огромную роль сыграли гассаниды в сохранении монофиситства. Если бы императоры, в частности, Маврикий, относились бы с большим доверием к гассанидам, консолидации арабов под знаменем ислама могло бы не быть, либо ее масштабы были бы значительно скромнее.

Ключевые слова: Византия, ранний период, Иран, варвары Востока, арабы-гассаниды, торговля, монофиситство.

В геополитическом положении Византии, ее социально-политической, административной, военной, религиозной и культурной жизни немалую роль играло присутствие арабов у ее восточных границ и на самой территории империи. Один из крупнейших специалистов в области византийско-арабских отношений И.Шахид в своем многотомном, фундаментальном труде, посвященном этой обширной и сложной теме, считает арабский элемент в византийской цивилизации третьей, после греческой и сирийской, важнейшей составляющей ее синкретической культуры¹. В связи с этим исследователь называет Византию трикультурным (tricultural) регионом². Арабские племена расселились в передней

* Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ № 10-01-00286а

¹ *Shahid I.* 1995. 1, XXIX.

² *Ibidem.*

Азии с конца первого тысячелетия и особенно в I в. н.э., в результате чего уже к V–VI вв. арабы составляли основную массу населения Палестины, Иордании, южной Сирии, ряда областей Междуречья. Роль арабов в качестве федератов империи была для Востока так же велика, как германцев для Запада³.

С другой стороны, становление арабской цивилизации, рождение ислама происходило в самых тесных контактах с более высокой византийской цивилизацией. Достаточно вспомнить, что пророк арабов Мухаммед, выросший в семье своего дяди, не раз отправлялся с ним и по его торговым делам в Византию и именно в ее границах соприкоснулся с монотеистическими верованиями христиан и иудеев, под сильным влиянием которых им была создана новая монотеистическая религия – ислам. Связи византийцев с арабами, их непосредственный жизненный опыт живого общения с ними привели к появлению в византийских исторических сочинениях сведений о доисламских арабах, представляющих особенно большой интерес, поскольку только с их помощью можно восстановить хронологическую последовательность событий и установить факты, не вызывающие сомнения, среди общей, в значительной мере легендарной традиции собственно арабских нарративных и поэтических памятников.

В IV в. связь Византии с арабскими племенами еще не была столь тесной и постоянной, как это стало в последующие века. Тем не менее, присутствие арабов у византийских пределов и внутри ее границ уже ощущается византийцами, что проявилось в колоритных рассказах о них византийскими авторами. Аммиан Марцелин, который, по его собственному утверждению, сам видел их собственными глазами, считал арабов «зловредным народом»⁴. Спутник Юлиана Отступника, войску которого во время персидского похода императора в 363 г. не раз приходилось и достаточно близко соприкасаться с этими кочевыми и полукочевыми племенами, выражая, по-видимому, точку зрения некоторых византийцев, утверждает: «Нам не следовало желать иметь их ни друзьями, ни врагами. В своих налетах, то там, то здесь они опустошали все, что им попадалось, словно хищные коршуны, которые, если зави-

³ *Ibid.* 2, 990–997.

⁴ *Amm. Marc.* XIV. 4. 7.

дят сверху добычу, похищают ее стремительным налетом, а если не удастся схватить, летят прочь в один миг»⁵.

Аммиан описывает область распространения арабских племен и колоритно живописует внешность и нравы. Все они, по свидетельству историка, воины и ходят полуголые, в цветных одеждах, покрывающих их до бедер. На быстрых конях и сухощавых верблюдах они передвигаются как во время мира, так и в пору военных тревог. Никогда и никто из них не берется за рукоять сохи, не сажит дерева, не ищет пропитания, обрабатывая землю. Они вечно блуждают на широких пространствах без дома, без определенного местожительства, без законов. Не выносят они долго одного и того же места под небом. Не нравятся им долго одно и то же пространство земли. Жизнь их проходит в вечном движении. Брак у арабов рисуется Аммианом Марцеллином как временное соглашение по договору. А чтобы это имело подобие брака, будущая жена подносит мужу в виде приданого копье и палатку и может сама его покинуть, если сама того пожелает, в оговоренный срок. При этом автор замечает, что «страстность в любви у того и другого пола у них просто невероятна»⁶. И вновь, подчеркивая их постоянное передвижение, Аммиан говорит, что женщина в одном месте выходит замуж, в другом рождает, а детей уводит с собой вдаль, никогда не зная покоя⁷. Прimitивному образу жизни арабов соответствует их пища. Это мясо диких зверей, молоко, которое имеется у них в изобилии, а также различные травы и пернатая дичь, если удастся ее захватить. Историк-солдат сам встречал многих арабов, которым было совершенно неизвестно употребление хлеба и вина.

В то время как император Юлиан со своим войском находился в крепости Каллиник, расположенной на левом берегу Евфрата, к нему явились «царьки сарацинских племен» и, преклонив колени, преподнесли ему золотую корону и воздали почести как «господину народов мира и своему властителю»⁸. Юлиан принял царьков сарацин очень любезно, поскольку знал их пригодность к скрытой, тайной войне. Очевидно, на арабов возлагались надежды как на умеющих вести разведку и захватить «языка».

Арабы действительно оказали византийцам помощь: их легкие передовые части добыли пленных к радости императора и бы-

⁵ Ibidem.

⁶ Ibid. 4. 4.

⁷ Ibid. 4. 5.

⁸ Ibid. XXIII. 3. 8.

ли отпущены с дарами с тем, чтобы и впредь поступали подобным образом⁹. Военачальники имперских войск считали подобные действия арабов чрезвычайно выгодными для себя, поскольку пленные могли дать сведения для дальнейших военных действий.

В 378 г. после страшного разгрома византийцев готами в битве при Адрианополе, когда император Валент пытался скрыться от преследовавших его варваров в какой-то хижине, те, обнаружив убежище, обложили его хворостом, сожгли все вместе с Валентом и находившимися при нем людьми. Окрыленные успехом готы и присоединившиеся к ним гунны и аланы двинулись на Константинополь, «неисчислимые сокровища которого возбуждали их грабительские инстинкты»¹⁰. Незадолго до этого в Константинополь прибыл посланной царицей Мавией отряд сарацин, «пригодных скорее для грабительских набегов, чем для правильной битвы»¹¹. Внезапно увидев отряд варваров, сарацины смело сделали вылазку из города, чтобы померяться силами в схватке. Бой затянулся надолго и обе стороны разошлись без решительного исхода. Но отряд арабов одержал победу новым и раньше никогда невиданным способом. Один араб, с копной волос на голове, голый по пояс, издавая хриплые зловещие звуки, бросился в гущу готов с кинжалом в руке. Сразив врага, он приблизил свой рот к его горлу и стал сосать брызнувшую кровь. Эта чудовищная сцена нагнала на готов такой ужас, что потом они выступали, когда им приходилось что-нибудь предпринимать, не со свойственной им дикой отвагой, но с явной нерешительностью¹². Мало-помалу сломлена была их дерзость, когда они разглядели огромное протяжение стен, широко раскинувшиеся группы зданий, недоступные для них красоты города, несчетное количество населения и возле города пролив, соединяющий Понт с Эгейским морем¹³.

Арабы играли значительную роль в общей экономической жизни Востока, в широких торговых связях, в живом и интенсивном денежном хозяйстве, которое имело место как у кочевых, так и у оседлых арабских племен Передней Азии в V в. Прекрасным свидетельством тому является история о некоем Амореке, рассказанная византийским историком V в. Малхом Филадельфийским.

⁹ Ibid. XXIV. 1. 10.

¹⁰ *Amm. Marc.* XXXI. 16. 4.

¹¹ Ibid. 16. 5.

¹² Ibid. 16. 6.

¹³ Ibid. 16. 7.

Аморкес (греческая транскрипция арабского Амрулькайс) принадлежал к арабам-скинитатам (т.е. обитавшим в палаточных городках) на юго-восточной границе Византийской империи и признавали над собою власть одни - иранского шаха, другие византийского императора. По договору империи с Ираном 442 г. обе стороны не позволять арабам менять наладившиеся в прежнее время отношения зависимости. Но недовольный своим положением в Иране, Аморкес покинул «Персиду», переселился со своим племенем на запад, в соседнюю Аравию, и стал оттуда производить набег¹⁴. Никакого звания Аморкесу Малхом не дано; по всей видимости, он являлся одним из глав или шейхов своего рода. В Иране ему не было оказано достаточной «чести», где он не занял видного положения. По этой причине он счел, что «Ромейская земля лучше» и возымел надежды достигнуть власти и почета при поддержке Константинополя.

Аморкес, о котором сообщает Малх, принадлежал к одному из киндских родов, располагавшихся у границ византийских провинций Палестины II и III. Эти роды не теряли связи с племенами Кинда и Маад, кочевавшими в центральных и северных областях Аравийского полуострова¹⁵. Постепенно «сила Аморкеса возрастала», ибо он подчинил себе другие арабские племена, однако, показательно, что он никогда не воевал с ромеями¹⁶. Когда он достаточно окреп и почувствовал свою силу, он направил свое внимание на остров Иотабу, географическое положение которого делало его перепутьем ряда морских и сухопутных дорог. Расположенная к югу от Синайского полуострова при входе в Акабский (Эланский) залив, Иотаба играла существенную роль в политике византийских императоров, Аксумитского государства, Ирана, арабских племен Сирии и иудейских колоний Аравии. Для торговых сношений Передней Азии с Африкой, в том числе с Эфиопией, для морского пути по Красному морю и в Индийский океан Иотаба занимала ключевую позицию¹⁷. На азиатском материке, в конце залива стоял город Аил (Эла, Элат, Элана). Таможенный пункт Византийской империи находился на острове Иотаба, где взимались пошлины с товаров с товаров, которые ввозились морем в Аил.

¹⁴ Malch. 385.

¹⁵ Stein E. 1949, 90; Пигулевская Н.В. 1964, 51.

¹⁶ Malch. 385.

¹⁷ Abel F.M. 1938. 510–538; Пигулевская Н.В. 1964, 51–52.

Аморкес, сообщает Малх, «отобрал» Иотабу и «изгнал декатологов ромеев»¹⁸. Декатологи являлись сборщиками налогов и взимали десятую долю в качестве таможенного сбора (декатон по-гречески – десять). Таким образом Аморкес занял прочное положение тем, что господствовал или держал в повиновении арабские племена у границ Византии, а с захватом Иотабы он занял важную позицию и мог контролировать торговые отношения Ближнего Востока в большей ее части. Наконец, его богатство значительно выросло, поскольку взимание пошлин приносило ему немалые деньги.

Теперь наступил для Аморкеса момент, когда он счел возможным закрепить свое положение. Он пожелал официально стать «союзником ромеев и филархом находившихся в области Петры ромейских арабов»¹⁹. Следовательно, несмотря на то, что он отнял у империи возможность собирать на Иотабе пошлины, он, по всей видимости, не без основания считал, что это ему будет прощено и он станет федератом Византии. Более того, он претендовал на то, чтобы стать «филархом ромейских сарацин, обитавших в области Петры». Если к этому времени Петра и забыла о своей самостоятельности, арабы, тем не менее, продолжали быть господствующим населением этих областей, хотя и находились в некоторой зависимости от Византии.

Чтобы добиться желаемого признания, Аморкес отправил послом к императору Льву I (457–474) «епископа своего племени Петра». Сам Аморкес христианином не был, но, насколько это известно из сочинений Кирилла Скифопольского, среди его племени христиане были, также как и среди бедуинов, кочевавших в провинциях Палестины Первой и Второй. Ходатайство Петра увенчалось успехом, император милостиво отнесся к нему и «тотчас послал, чтобы прибыл к нему Аморкес». Арабский вождь поспешил на зов и когда он явился в столицу, император «приветливо» принял его, угощал за своим столом, ввел в сенат и усадил в кресло перед протопатрикиями. Лев I отдал ему остров Иотабу и «соседние селения», о которых тот просил, а также предоставил ему возможность стать «архонтом племен, каких он желал», иными словами, полностью внял его просьбам. Чтобы теснее связать арабского вождя с интересами империи, Лев задумал склонить его к христианству. С этой целью император подарил ему свой «золотой

¹⁸ Malch.

¹⁹ Ibidem.

образ, украшенный драгоценными камнями» и приказал выдать денег из казны. Кроме того, тем, «кто состоял в сенате», государь также повелел одарить араба. Этот необычайный почет, оказанный варвару из далекой окраины, стал предметом живого обсуждения в столице, отголоски которого сохранились в рассказе Малха. Верхушка константинопольский общества полагала, что, находясь в недоступном отдалении от варваров, византийский император и его столица оставались в ореоле недосыгаемой силы и мощи; а этот варвар видел на своем пути ромейские города без охраны, пользовался гостеприимством государя и потому не будет более с прежним страхом смотреть на провинциальные власти, с которыми ему придется иметь дело на месте. Быть может, в этих толках следует видеть отголосок того, что Аморкес не сохранил верности империи.

Вполне очевидно, что император Лев, учитывая значение бедуйской периферии, необходимость сохранять спокойствие на своих границах, наконец, самое положение Иотабы и Петры считал необходимым вести мирную политику в отношении филарха, который мог оказать ему ряд услуг, хотя и лишил казну на целых 25 лет таможенных сборов на острове Иотаба²⁰. Эпизод, сохранившийся в сочинении Малха, характерен и для всей последующей истории арабских племен до возникновения ислама. Он показывает их значительную роль в общей экономической жизни Востока, в широких торговых связях, в живом и интенсивном денежном хозяйстве, которое имело место как у оседлых, так и у кочевых арабских племен Передней Азии в V в.

Византийская историческая литература IV–V вв. отражает два направления политики империи в отношении арабов. Первое заключается в стремлении их подчинить или привязать договорными обязательствами, что осуществлялось с помощью оружия или дипломатических отношений. Другим методом, которым Византия пыталась приблизить к себе арабов, как и другие варварские народы, было приобщение их к своей культуре, в частности к религиозной идеологии – христианству.

В IV в. среди арабов, граничивших с Византией преобладали танухиды, затем в V в. их сменили салихиды. И те и другие племена, видимо, склонны были поддерживать официальное византийское

²⁰ Остров Иотаба вновь перешел под власть Византии только при императоре Анастасии, когда в 498 г. дукс Палестины Роман выступил против гассанида Джабалы, взял в плен киндида Худжра и таким образом вновь починил остов империи (*Theoph.* 141.)

православие. В VI в. среди арабов, тяготевших к Византии, на первое место выходит племя гассанидов. В начале VI в. в правление императора Анастасия гассаниды приняли христианство в монофиситском варианте. Конечно, важную роль в этом обстоятельстве сыграло монофиситское вероисповедание самого императора. Но принимая во внимание то рвение, с которым гассаниды отстаивали совсем недавно принятое ими вероисповедание, можно с большой долей вероятности предположить, что оно было им значительно ближе и понятнее, нежели официальное православие. Тут следует учесть тот немаловажный факт, что географически арабы граничили с областями империи, где монофиситство имело самое широкое распространение. Известно, что жившие по соседству с арабами сирийцы являлись самыми страстными приверженцами и проповедниками этого учения. А сирийцы были просветителями арабов, общались с ними на сиро-арабской койне и несли им свое учение и свои взгляды. Живя среди греческого населения, сирийцы сохранили свой язык, свои традиции. Это справедливо и относительно учебных и ученых традиций, хранившихся сирийцами, литературные, философские и религиозные взгляды складывались веками.

Приняв вслед за сирийцами монофиситство, арабы-гассаниды пламенно ему служили. И все же, несмотря на это, Юстиниан именно этой группе арабских племен отдал предпочтение. Гассаниды набирали силу, и Юстиниан, вынашивавший планы отвоевания Запада, считал, по всей видимости, что именно с этими арабами в качестве федератов они сможет обеспечить спокойствие на восточных рубежах империи. Поэтому, не разделяя их взгляды в религиозном плане, он счел вполне возможным использовать их как преданных солдат.

Кроме того, Юстиниан, в известном смысле даже благоволил монофиситам, в чем, несомненно, сказывалось влияние его жены Феодоры, которая сама как восточная женщина являлась страстной монофиситкой. На каждом этапе религиозной политики своего царственного супруга она активно вмешивалась во все дела, связанные с монофиситским движением, постоянно отстаивала его интересы и оказывала покровительство его лидерам.

По приходу к власти император в изданном против еретиков указе предал анафеме Евтихия и Аполлинария, но ни словом не упомянул крупнейшего деятеля монофиситского движения Севера и гассанидов.

Наиболее яркой фигурой среди арабских филархов по праву считается Арефа (Харит). Он прожил длинную, яркую, наполненную разнообразными событиями жизнь. Его связь с Византией была очень тесной. С 528 г., времени, когда он впервые появился на страницах византийских исторических сочинений, Арефа участвовал практически во всех военных предприятиях против персов, принимал активное участие в подавлении восстания самаритян²¹. Арефа обеспечивал империи внутреннее спокойствие, и, оценивая его заслуги, Юстиниан поставил его в 530 г. во главе всех союзных с византийцами арабов и пожаловал ему звание царя²². Таким образом Юстиниан уравнивал Арефу в статусе с главой союзных с Ираном арабов-лахмидов Аламундаром (Мундаром), который «имея царский титул, один правил всеми царицами, находящимися в персидских пределах, и мог со всем своим войском делать набеги на любую часть Римской державы [т.е. Византии], какую хотел»²³. В 531 г. Арефа принимал самое активное участие в битве, происшедшей между персами и византийцами при Каллинике, и хотя сражение оказалось для византийцев неудачным, он со своими арабами, даже после того как полководец Велисарий бежал с поля битвы, продолжал храбро сражаться²⁴. Велисарий после этого сражения был смещен со своего поста, а Арефа в том же году вместе с византийским войском под началом полководца Ситы принимал участие в очередном походе против персов²⁵. Подобных походов в жизни главного филарха сарацин, как называли их в Византии, было немало. В 541 г., в частности, он совершил удачный набег в Ассирию на персидской территории. Тогда Велисарий осаждал крепость Сисвранон. Полагая, что арабская конница при штурме города не принесет особой пользы, полководец приказал Арефе со своим войском, насчитывающим пять тысяч всадников, вторгнуться в персидские пределы. Вместе с арабами он послал и тысячу двести византийских воинов под началом Траяна и Иоанна, приказав им во всем подчиняться Арефе. Арабского филаха таким

²¹ Пугулевская Н.В. 1964, 187–189.

²² Procop. В.Р. I. 17. 48.

²³ Procop. В.Р. I. 17. 45.

²⁴ Malal. Р. По сообщению историка Прокопия, напротив, арабы бежали с поля сражения. В.Р. I. 18. Но историк, обожавший Велисария, в данном случае проявил явное пристрастие. См. Rubin В. 1954, 100; Пугулевская Н.В. 1964, 190–191. Shahid I, 1995, 134–142.

²⁵ Zach. Rhet. 67. 4–28.

образом следует рассматривать не просто как вождя опустошителей-арабов, но как главу части византийской армии, совершавшего военную операцию по приказу магистра милитум Велисария. Арефа проник вглубь персидской территории, подвергнув грабежу и разорению персидскую Ассирию. Успех Арефы отозвался эхом в исторических сочинениях²⁶, и его поход может быть сопоставлен в известной степени с действиями пальмирского царя Одената против шаха Шапура I (243–273)²⁷.

Тогда для Велисария открылась благоприятная возможность для вторжения в Иран и, по словам Прокопия, «если бы он с самого начала захотел перейти Тигр со своим войском, ...он разорил бы все земли Ассирии и, не встретив на своем пути ни малейшего сопротивления, достиг бы города Ктесифона»²⁸. Однако, обеспокоенный своими семейными делами, Велисарий не хотел пребывать вдали от Византии, заботясь лишь о том, чтобы оказаться от родной земли не дальше, чем на расстоянии одного дня пути²⁹. «Потому-то, - говорит Прокопий в «Тайной истории», - Велисарий и заслужил упреки со стороны всех римлян [т.е. византийцев], что он жизненно важным интересам государства предпочел домашние дела»³⁰.

Важную роль сыграл Арефа в том, что Хосрову не удалось подчинить Лазик и получить выход к Черному морю, чего он так добивался. Арефа смог оттянуть силы подчиненных персам арабов-лахмидов во главе с грозным, предприимчивым и решительным Аламундаром и не дать им принять участие в походе Хосрова³¹. В 554 г. гассаниды одержали в жестоком сражении, разразившемся недалеко от города Антиохии, важную победу над ляхмидами. Арефа и Аламундар вступили в единоборство, в котором этот это возмутитель спокойствия у восточных границ империи был убит Арефой, что было с большой радостью воспринято Юстинианом и его подданными³², ибо в течение пятидесяти лет Аламундар, пользуясь выражением Прокопия Кесарийского, истощал силы империи.

²⁶ Procop. В.Р. I. 19 47; Н. а. II. 28–29.

²⁷ Shahid I. 1995. 1, 228–230

²⁸ Procop. Н. а. II. 25.

²⁹ Ibid. II. 21–23.

³⁰ Ibid. II. II. 25.

³¹ Shahid I. 1995. 1, 261–262.

³² Mich. Syr. II. 269.

«От границ Египта до Месопотамии он разорял все местности, угонял и увозил все подряд, жег попадавшие ему строения, обращал в рабство многие десятки тысяч людей; большинство из них он тотчас же убивал, других продавал за большие деньги. Никто не выступал против него, так как он никогда не совершал набега необдуманно и всегда выступал так неожиданно и в такой благоприятный для себя момент, что обычно со всей добычей находился уже далеко, когда военачальники и солдаты римлян [т.е. византийцев] только начинали узнавать о случившемся и собираться в поход против него»³³.

И вот благодаря Арефе с этим страшным и грозным врагом было покончено навсегда. До самой смерти Арефы, последовавшей в 569 г., арабы-лахмиды не осмеливались нападать на византийские пределы или завязывать конфликты с гассанидами. Пятнадцатилетний мир был обеспечен восточным областям империи.

Арефа занимал определенное официальное положение в Византийской империи и обладал целым рядом ее званий. Как филарх арабов он имел титул *clarissimus*, затем после того стал главным филархом византийских арабов и их царем, он был удостоен звания *spectabilis*. Именно с этим титулом он упомянут в 102 новелле Юстиниана от 536 г. Далее, по всей видимости, за участие в войне с Ираном в 540–545 гг. Арефа был удостоен сенаторского звания *illustrius*, а после внушительной победы над Аламундаром в 554 г. он получил сан *gloriosissimus*³⁴, который позволял ему присутствовать на заседаниях константинопольского сената³⁵. Наконец в 50-х годах VI века (возможно одновременно с саном *gloriosissimus*) ему был пожалован высший в империи титул: он стал патриkiem³⁶, что означало быть отцом самого василевса³⁷. По всей видимости, именно так - «отец мой» - величал Юстиниан Арефу, когда тот прибыл в 563 г. Константинополь. Разумеется, подобный титул отражал особые отношения, установившиеся между императором Юстинианом и царем гассанидов. Кроме того, подобно василевсу ромеев, Арефа имел эпитеты благочестивый и христоролюбивый³⁸. Более того, Арефа усвоил и имя Флавий, родовое имя Константина и его династии, ставшее по существу царским титулом³⁹.

³³ *Procop.* В.Р. I. 17. 41–42.

³⁴ *Shahid I.* 1995. 1, 289–290.

³⁵ Чекалова А.А. 2010, 91.

³⁶ *Kawar I.* 1967, 195.

³⁷ Чекалова А.А. 1997, 42.

³⁸ *Shahid I.* 1995. 1, 295.

³⁹ *Ibidem.*

Но при всем том, что в Византии Арефа был признан и высоко почтен самим императором, среди некоторых византийцев отношение к арабам было весьма негативным, а образ самого Арефы был замаран в предательстве, о котором пишут некоторые историки и за которыми следуют некоторые современные исследователи⁴⁰. Этим образом Арефа обязан главному историографу эпохи Юстиниана – Прокопию Кесарийскому. Так, описывая битву при Калликнике в 531 г., Прокопий целиком возлагает поражение в ней на арабов во главе с Арефой, которые, по сообщению историка бежали с поля сражения⁴¹. Но тут мы имеем иное свидетельство - хрониста Иоанна Малалы, который, напротив, говорит о том, что с поля битвы бежал полководец Велисарий, а арабы во главе с Арефой продолжали храбро сражаться⁴².

Прокопий был очевидцем событий. Как секретарь и советник Велисария он, конечно же, принимал участие и в этом событии и, вне всяких сомнений, он видел и знал Арефу. И все же еще до описания битвы он позволил себе слухавить, сказав: «Точно о нем мы ничего не знаем»⁴³. Когда же речь дошла до битвы, Прокопий как человек, состоявший при Велисарии, обожавший его и видевший в нем лишь один недостаток – потворство своей жене Антонине, при рассказе о ней проявил явное пристрастие. Желая выгородить своего начальника, он взвалил тяжкое обвинение на Арефу⁴⁴.

В другой раз он обвинил Арефу в предательстве при описании военной кампании Велисария в 541 г. В «Истории Войн» Прокопий, как уже упоминалось, пишет, что Велисарий приказал Арефе с его людьми двинуться в Ассирию, дав ему под начало еще тысячу двести византийских воинов во главе с своими копьеносцами, которым повелел во всем повиноваться Арефе. Арефе же он приказал разорять все, что попадется ему на пути, а затем вернуться в лагерь и сообщить, как обстоят дела в Ассирии с точки зрения ее мощи. Арефа со своими людьми перешел Тигр и оказался в Ассирии. Они нашли там страну плодородную, давно не подвергавшуюся опустошениям и никем не охраняемую. За время набега они разорили много тамошних местечек и собрали огромные богатства⁴⁵. Далее Прокопий говорит, что

⁴⁰ Удальцова З.В. 1967, 328.

⁴¹ *Procop.* В.Р. I. 18.

⁴² *Malal.*

⁴³ *Procop.* В.Р. I. 17. 48.

⁴⁴ См. *Rubin B.* 1954, 100; *Пигулевская Н.В.* 1964, 190.

⁴⁵ *Procop.* В.Р. I. 19. 15–18.

«Арефа, испугавшись, как бы римляне [т.е. византийцы] не отняли у него добычу, не захотел больше возвращаться в лагерь. Отправив некоторых из своих людей якобы в качестве лазутчиков, он тайком приказал им как можно скорее вернуться и объявить всем, что большое вражеское войско находится у переправы через реку»⁴⁶.

Но тут Прокопий противоречит самому себе, ибо и «Тайной истории» он, описывая эту кампанию утверждает, что Велисарий

«совершенно не желал находиться вдали от римской [т.е. византийской] земли, с тем чтобы, как только станет известно, что его жена прибыла из Византии, тотчас схватить ее и воздать ей за ее измену»⁴⁷.

Об Арефе историк упоминает совсем вскользь, сказав только, что, он со своими людьми «ничего не сделав вернулся восвояси»⁴⁸. Показательно, однако, что в предательстве Прокопий его не обвиняет. Во второй книге своей «Истории войн с персами» Прокопий описывает эпизод о жестокой казни Аламундаром одного из сыновей Арефы, что является веским доказательством преданности Арефы интересам Византии. Историк рассказывает, как во время одного набега Аламундар взял в плен одного из сыновей Арефы и принес его в жертву богине Уазе, которую Прокопий называет Афродитой. Далее он сам добавляет: «Отсюда можно заключить, что Арефа не предавал персам интересы римлян [т.е. византийцев]»⁴⁹.

Продолжая изложение, Прокопий рассказывает, как после казни сына Арефы войска Арефы и Аламундара

«вступили в сражение друг с другом. Люди Арефы одержали решительную победу и, обратив врагов в бегство, многих из них убили. Арефа чуть было не взял живыми в плен сыновей Аламундара»⁵⁰.

А между тем в полном противоречии с описанным событием находятся сказанные ранее слова историка, рискнувшего утверждать: «Арефа при каждом нападении и стычке либо терпел явную неудачу, либо действовал предательски, как скорее всего следует допустить»⁵¹.

⁴⁶ *Procop.* В.Р. I. 19. 26–27.

⁴⁷ *Procop.* Н. а. I. 2. 22.

⁴⁸ *Ibid.* I. 2. 23.

⁴⁹ *Procop.* В.Р. II. 28. 13.

⁵⁰ *Ibid.* II. 28. 14.

⁵¹ *Ibid.* I. 17. 48.

Следует упомянуть и о том, что о сражении Арефы с Аламундаром в 554 г., когда Арефа одержал над своим врагом важнейшую победу, убив его в бою, Прокопий не упоминает вовсе, хотя, несомненно, он об этом знал. Буквально за несколько строк, заклеивших Арефу в предательстве, Прокопий заявляет, что Аламундар «в течение пятидесяти лет истощал силы римлян [т.е. византийцев]»⁵². Иными словами, он точно знал, когда Аламундара не стало. И уж, конечно, ему было известно, каким образом тот погиб.

В этой связи следует заметить, что, будь Прокопий прав и Арефа оказался бы предателем, империя отказалась бы от его услуг уже сразу после битвы при Каллинике в 531 г. Однако Арефа прослужил и прослужил верно Юстиниану в течение тридцати семи лет. Незадолго до смерти императора он прибыл в Константинополь в качестве патрикия, что свидетельствовало о огромном доверии, которое питал к нему василевс.

Надо сказать, что Прокопий написал об арабах удивительно мало. Он ничего не сказал об отце Арефы Габале (Джабале), хотя он явно доминировал в византийско-арабских отношениях в первой четверти VI в. Он упустил много других важных фактов, свидетельствующих важной роли арабов-гассанидов и арабов вообще у восточной границы империи.

Прокопий прибегал и в других случаях к подобному литературному приему, но делал он это исключительно для того, чтобы, освободив описание от мелких, с его точки зрения, деталей, сделать более яркой и впечатляющей общую картину того или иного события⁵³. В случае с Арефой и арабами пострадала общая картина событий. Великий историк, создав дурную славу арабам и их предводителю Арефе, опустил до мифотворчества.

В чем причины столь необъективного подхода Прокопия к арабам?

Тут можно строить более или менее вероятные догадки. Конечно, Прокопий хотел выгородить Велисария. Ведь именно его, а не императора Юстиниана, как полагалось бы и как следовало из вступления к его сочинению, он сделал главным героем своей «Истории войн». А Велисарий похвастаться особыми успехами на Востоке, хотя бы отдаленно напоминающими его

⁵² *Ibid.* I.17. 40.

⁵³ См.: Чекалова А.А. 2001, 358–359.

блестящие победы на Западе, не мог. Прокопий и переложил неудачи обожаемого им полководца на предводителя арабов Арефу. Это как-то решало проблему. Возможно также, что Прокопия раздражала благосклонность к Арефе императора Юстиниана и особенно императрицы Феодоры, к которой он ничего, кроме неневыисти не испытывал.

Можно допустить также, что, наряду с антипатией к варварам, Прокопий имел какую-то личную обиду на Арефу, которого он как человек приближенный к Велисарю, вне всяких сомнений, видел и знал. Особенно сильное негодование Прокопия, на наш взгляд, могло вывать участие Арефы в подавлении восстания самаритян, разразившегося в его родной Палестине.

По свидетельству сирийского автора Захарии Ритора, самаритяне оказались под влиянием Ирана. «Узнав, что персы время от времени вторгаются в землю ромеев», они вспомнили, будто они выходцы из Южного Междуречья и «были посланы Салманасаром, царем Асура» на новое местожительство и «осели в Самарии». Они восстали, желая помочь персам, основываясь на этой старой связи, на том, что они «вышли из их земли», обосновавшись в ромейских пределах⁵⁴.

Сходное свидетельство сохранилось в «Хронографии» византийского автора IX в. Феофана. Согласно этому источнику, шах Хосров, получив полагающиеся дары от византийского посла, каким оказался на этот раз видный государственный деятель империи магистр Гермоген, не пожелал заключить мир, така перебежчики-самаритяне обещали «передать ему всю свою Палестину». Шах надеялся, что его союзниками станут иудеи и самаритяне числом пятьдесят тысяч человек⁵⁵. Разразилось восстание самаритян, в подавлении которого приняли участие арабы во главе с Арефой, о чем свидетельствуют тот же Захария Ритир и хронист VI в., выходец из Антиохии Иоанн Малала. Согласно его рассказу, «филарх арабов взял добычу в двадцать тысяч юношей и девушек, которых захватил как пленных и затем продал в персидских пределах и в Индике»⁵⁶, т.е. на Аравийском полуострове. Видимо, действительно существовала какая-то связь восставших с Ираном, которая вселяла в них большие надежды. В

⁵⁴ Zach. Rhet. IX. 8.

⁵⁵ Theoph. 178.

⁵⁶ Malal. 447.

этих условиях Византии пришлось мобилизовать все свои силы. Поэтому к византийскому войску были присоединены подвластные империи арабы. Судя по тому, что Арефа захватил огромное число пленных, проданных им затем в рабство, при всем том, что действовал он в интересах Византии, вел он себя очень решительно и жестко, что отнюдь не снискало ему славы среди местного населения, к которому принадлежал и историк Прокопий.

Иначе рассудил император Юстиниан, пожаловавший Арефе царский титул, чего, - пишет с осуждением Прокопий, - раньше никогда не бывало⁵⁷. Как бы то ни было, наличие идиосинкротизма Прокопия к Арефе и к арабам вообще налицо, и не будь других источников по этому периоду, их роль как хранителей восточных рубежей Византийской империи оказалась бы малоизвестной и, к тому же, сильно искаженной. Сам Арефа вел и, по всей видимости, осознавал себя как подвластный Византии государственный деятель, отстаивающий в первую очередь ее интересы. В 539 г., когда между персидскими и византийскими арабами возник спор из-за так называемой Страты, дороги, построенной Диоклетианом и пролежавшей несколько южнее Пальмиры, Арефа доказывал, что эта дорога принадлежала империи издавна, ссылаясь на самое ее латинское название (страта по латыни означала мощеную дорогу)⁵⁸. Иными словами, он отстаивал эту территорию не для себя и своего государства, а для державы римлян, т.е. Византии.

В другой раз, когда к царю химьяритов Абрахе стали со всех сторон стекаться посольства, чтобы склонить его к участию в войне между Ираном и Византией на той или иной стороне, Арефа отправил ко двору Абрахи своего представителя, дабы помочь византийским послам в их сложной миссии. Это, с одной стороны, показывает, насколько возросла важность государства гассанидов на Востоке, а, с другой стороны, как велико было доверие Константинополя к гассанидам и их возможностям в дипломатической сфере при дворе химьяритов⁵⁹. Таким образом и военные действия, и дипломатическая роль Арефы в Химьяре свидетельствуют о преданности гассанидов империи, а также о большом доверии, которое им оказывал Константинополь, не раз испытывавший их на де-

⁵⁷ Procop. B.P. I. 47.

⁵⁸ Procop. B.P. II. 1. 1-15.

⁵⁹ Shahid I. 1995. 1, 224-225.

ле. Два этих эпизода достаточно ясно показывают, насколько поступки Арефы соответствовали его обязанностям перед Византией, которые он выполнял сполна и которые совершенно не согласуются с обликом предводителя арабов пустыни, наделенного грабительскими инстинктами, склонного к предательству и всегда действующему по своему усмотрению, нарисованным Прокопием.

Наряду с охраной восточных рубежей империи, арабы, как хорошо известно из источников, принимали самое активное участие в транзитной торговле, в том числе торговле шелком. При этом они не забывали и самих себя, пользовались обходными путями, искусно обходя таможенные посты и оставляя часть шелка и сырка для самих себя⁶⁰.

Военное участие гассанидов и их значение в торговых делах Византии упомянуто особо в договоре между империей и Ираном, подписанном между этими державами в 561 г.⁶¹ Это является веским свидетельством возрастания роли государства гассанидов в общем политическом и экономическом положении на Ближнем Востоке.

Чтобы сохранить и закрепить это значение за своим родом Арефа явился в ноябре 563 г. в Константинополь, дабы решить с императором Юстинианом вопрос о своем преемнике. Ему хотелось, чтобы государство гассанидов возглавил после него его сын Мундар (Мундир) и справедливо считал очень важным заручиться в этом деле мощной поддержкой византийского престола. Импозантной внешности, облеченный самыми высокими титулами Арефа предстал перед императором и столичной знатью со своим сыном, который произвел на Константинополь не меньшее впечатление, чем его отец. И Арефа, и Мундар были введены в тесный круг императорской семьи и имели тесное, непринужденное общение с племянником Юстиниана, будущим византийским императором Юстином II, и его женой Софией.

Заметную роль сыграл арабский филарх в истории монофиситства, явившись мощным фактором его поддержки. Арабы-гассаниды приняли христианство в самом начале VI в. и, как и киндиты, они по началу являлись православными⁶². Но как племена, обитавшим по близости от сирийского региона и тесно с си-

⁶⁰ Пигулевская Н.В. 1964, 111.

⁶¹ Menandr. 180–181.

⁶² Shahid I. 1995. 2, 696.

рийцами связанными, они тяготели к монофиситству. На престоле в Византии находился тогда Анастасий, воспринявший монофиситство от своей матери⁶³, а в Сирии, да и в самой столице кипучую деятельность развивал один из крупнейших деятелей монофиситского движения патриарх Антиохии в 513–518 гг. Север. При его непосредственном и чрезвычайно активном участии гассаниды во второй декаде VI в. перешли в монофиситство⁶⁴. Север знал лично отца Арефы Габалу. Знал он и Арефу. Именно Север привлек внимание императрицы Феодоры к филарху арабов как к важной политической силе, способной оказать поддержку монофиситам. У Севера были довольно близкие контакты с Феодорой еще со времен ее пребывания в Египте, где Север находился тогда в ссылке. Он произвел на будущую императрицу огромное впечатление, и когда Феодора вступила на престол, она поддерживала с Севером контакты и оказывала ему всяческую поддержку. В 535 г., когда уже не первый год Юстиниан искал способы примирить монофиситов с православными, Север по приглашению императора прибыл в Константинополь. Он, конечно же, имел встречи с императрицей⁶⁵. Именно в это время авторитет Севера был огромен и в столице, и на всем Востоке, хотя он и не занимал в то время патриаршую кафедру в Антиохии. В своих беседах с Феодорой Север, несомненно, обсуждал с ней и проблему монофиситства федератов-арабов, ставших важным оплотом этого религиозного течения. Вполне вероятно, что Феодора познакомилась с Арефой еще в 530 г., когда он прибыл в Константинополь, где ему было пожаловано царское достоинство за воинские доблести и подавление восстания самаритян. Своей импозантной внешностью Арефа, несомненно, произвел впечатление на императрицу, а о монофиситских взглядах арабов-гассанидов ей, скорее всего, было (или стало) известно. Вероятно, с этого времени у Феодоры с Арефой установились личные контакты. Так что увещания Севера пали на благодатную почву⁶⁶.

В 536 г. отношение к монофиситам со стороны императора Юстиниана под давлением обстоятельств изменилось. Триумф монофиситов был в значительной мере обязан союзу императрицы Феодоры и опальному патриарху Северу. В 536 г. этому союзу бы-

⁶³ Чекалова А.А. 1973: 228.

⁶⁴ Shahid I. 1995. II. 696.

⁶⁵ Shahid I. 1995. 2, 738–739.

⁶⁶ Ibid., I. 2. 739.

ло противопоставлено объединение усилий папы Агапита и антиохийского патриарха Ефрема, занявшего в 518 г. место Севера и потому очень обеспокоенного возрастанием его авторитета не только на Востоке, но и в самой столице. Войска Велисария, отправившегося со своей армией на Запад, заняли тогда Сицилию, а Далмации находилось войско полководца Мунда. Обеспокоенный этим король остготов Теодат потребовал, чтобы римский папа Агапит срочно отправился в Константинополь послом к императору и ходатайствовал о мире. В политическом отношении его посольство не имело никакого значения, но его приезд оказался роковым для той примирительной религиозной политики, которую вел в течение нескольких лет Юстиниан. После поместного собора, проходившего со 2 мая по 4 июня 536 г. в Константинополе и осудившего монофиситов, Юстиниан поручил антиохийскому патриарху Ефрему, исполнявшему до того должность комита Востока и, следовательно, человеку влиятельному в тех местах, объехать восточные области и устранить врагов Халкидонского собора. Объехав многие восточные города (Берою, Батну, Эдессу, Сергиополь, Рейтану, Константину, Амиду) Ефрем (личный враг Севера, ибо он занял именно его кафедру) повсюду низлагал монофиситских епископов, прибегая при этом к военной силе. Монофиситы подверглись страшным преследованиям, многие из них были брошены в тюрьмы, претерпев жестокие муки.

Между тем Ефрем явился с миссией к гассаниду Арефе, дабы приобщить его к халкидонской вере. Колоритный рассказ о встрече Ефрема с Арефой сохранил в своем сочинении Михаил Сириец, который, по всей видимости, позаимствовал его из «Церковной истории» Иоанна Эфесского, дошедшей до нас далеко не в полном объеме⁶⁷. По словам хрониста, Ефрем, прибыв к Арефе, начал склонять его к халкидонскому вероисповеданию. Арефа отказался, обвинив халкидонитов в том, что они из Святой Троицы сделали «четверицу». Ефрем спросил его, отрицает ли он то, что решили в Халкидоне 630 епископов, и следует за небольшим числом еретиков. На что Арефа сказал: «Если в котел, куда положили огромную массу чистого мяса для пиршества, попала маленькая заразная крыса, скажи, клянясь своей жизнью, о патриарх, не окажется ли мясо испорченным?». Патриарх, согласившись, ответил: «Да». Тогда Арефа сказал: «Если огромная масса мяса портится от малень-

⁶⁷ О датировке события см.: *Shahid I.* 1, 749.

кой заразной крысы, разве все те, кто впали в нечистую ересь, не были подвергнуты осквернению? Ибо они письменно согласились с Томом Льва, который и является заразной крысой». Тогда патриарх предложил ему принять приобщение святых тайн из своих рук. Арефа в ответ пригласил его на пир, повелев арабам на родном языке, чтобы они приготовили только верблюжье мясо. Когда принесли верблюжатину, Арефа попросил патриарха благословить трапезу. Патриарх, придя в замешательство, благословлять не стал. Арефа по своему обыкновению начал есть. Патриарх сказал: «Вы осквернили трапезу, поскольку вы поставили перед нами верблюжье мясо». Арефа ответил:

«Как ты хочешь принудить меня принять от тебя причастие, если считаешь, что тебя оскверняет моя пища? Так вот знай, что твое причастие для нас более презренно, чем для тебя верблюжатина, которую мы едим, ибо в нем скрывается отступление от истинной веры».

Ефрем покраснел и удалился, оказавшись не в силах убедить Арефу⁶⁸. В этом пассаже Михаила Сирийца Арефа предстает не только как доблестный воин, но и мудрый правитель не чуждый теологических познаний, хотя бы в их основах.

Арефе удалось отстоять монофиситство у своих соплеменников, но он этим не ограничился. Спустя некоторое время он принялся бороться за него внутри самой империи. Монофиситские источники совершенно определенно подчеркивают огромную роль гассанидского царя в восстановлении церковной иерархии монофиситов в начале 40-х годов VI в., относя эти важные события к шестнадцатому году правления Юстиниана, то есть к 542/543 гг. Современные историки признают эту роль и подчеркивают ее⁶⁹.

Для Византии это было трудное время, ибо в 540 г. Хорсов начал вновь военные действия против Византии, разрушив один из важнейших и прекраснейших городов империи – столицу Востока Антиохию. Понимая большое значение Востока для империи, Юстиниан вновь начал искать пути примирения с монофиситами. Именно тогда Арефа опять оказался в Константинополе и при содействии императрицы Феодоры обеспечил Востоку восстановление монофиситской церковной иерархии⁷⁰.

⁶⁸ *Mich. le Syr.* 247–248.

⁶⁹ *Honigmann E.* 1951, 159–160; *Stein E.* 1949, 624–625; *Devreese R.* 1945, 75; *Frend W.H.C.* 1972, 284–285.

⁷⁰ *Shahid I.* 1995, 1, 755–774.

Примерно в то же время имело место еще одно знаменательное событие. У будущей императорской четы, племянника Юстиниана Юстина и его супруги Софии, племянницы императрицы Феодоры, родилась дочь, которую называли Аравией. Это имя уникальное в византийской ономастике, особенно для императорской семьи. Даже языческие имена считались для этой среды неподходящими. Известно, дочь афинского философа Леонтия Афинаида при выходе замуж за Феодосия II была вынуждена сменить свое звучное имя на Евдокию, а жена Тиверия Ино приняла имя Анастасии. Если языческие имена вызывали неодобрение, то что говорить о варварских именах, которые казались византийцам нелепыми и смешными. Вспомним жену Юстина I варварку Луппикину, которую переименовали в благочестивую Евдокию⁷¹.

Учитывая, что образ арабов для многих византийцев, взгляды которых отразил Прокопий Кесарийский, был явно непривлекателен и даже замаран предательством, невозможно отказаться от предположения, что тот факт, что византийскую принцессу называли Аравией, имел историческую подоплеку. Вполне очевидно, что это событие являлось отражением проарабских и промонофиситских настроений при византийском дворе. Нетрудно догадаться, что главной фигурой здесь была страстная монофиситка и влиятельная императрица Феодора. Скорее всего, монофиситка Феодора хотела и даже вынашивала планы оставить императорский трон монофиситским представителям императорской фамилии, какими являлись Юстин и София⁷², а военной поддержкой им и верным союзником являлись бы, по ее мнению, арабы-гассаниды. Жаль, что Феодора слишком рано скончалась (она ушла из жизни в 548 г.), и ее мечтам не удалось сбыться. Вся мировая история сложилась бы иначе.

В 563 г. Арефа вновь, теперь уже последний раз оказался в Константинополе, на этот раз вместе со своим Мундиром, которого он хотел видеть своим наследником. В этом деле он и просил содействия императора Юстиниана. Во время своего пребывания в столице империи он опять открыто поддерживал монофиситов и оказывал им содействие. В то пребывание он был представлен будущему императору Византии – Юстину II и его супруге Софии. Арабский царь произвел на них огромное впечатление. Иоанн Эфесский рассказывает, что когда впоследствии Юстин, уже буду-

⁷¹ *Procop.* H. a. VI. 17, IX. 49.

⁷² *Cameron Av.* 1976, 51–76; *Cameron Av.* 1975, 5–21.

чи императором, страдая нездоровьем, близким к безумию, начал буйствовать, ему говорили: «Смотри, Арефа идет». Он тут же затихал, пускался в бегство, прячась куда-нибудь⁷³.

Умер Арефа в 569 г. В течение 40 лет он сумел сохранить добрые отношения с Константинополем, хотя ни разу не отступил от своих религиозных убеждений и даже служил оплотом монофиситства. Он являлся бесспорным лидером арабских племен, и несмотря на свой грозный облик, стремился к миру, проявляя себя и проницательным и мудрым государственным деятелем. До своей смерти он уладил проблему наследия своей власти, что имело немалое значение для стабильности филархата Востока, состоящего из многих племен.

Сын Арефы Мундар продолжал политику своего отца, хотя отношения его с императорами Византии складывались гораздо сложнее. Сам Мундар отличался воинственным характером, обладая к тому же недюжинными тактическими способностями. Он предпочитал молниеносные войны, нападал всегда быстро и внезапно, не оставляя врагу возможностей для сопротивления. Эти его качества проявились сразу же после прихода к власти в 569 г., чему способствовали развернувшиеся тогда события. Дело в том, что у лахмидов тоже произошли изменения на престоле. На смену Амру, сыну Аламундара, пришел его брат Кабус, который хорошо помнил битву при Халкисе в 554 г., когда от руки отца Мундара Арефы погиб его отец – Аламундар. Теперь он решил, что пришло время отомстить за смерть отца и таким образом отметить свое вступление во власть. Перед Арефой «все персидские арабы находились в трепете и страхе великом»⁷⁴. Когда же они узнали, что он умер, они «презрели и пренебрегли всеми его сыновьями, его знатными и его войском и подумали, что именно теперь попадет им в руки весь его лагерь»⁷⁵. Итак Кабус со своими арабами вторгся в области гассанидов, где были все их стада, и угнали всех верблюдов. Узнав об этом, Мундар страшно разгневался, быстро собрал свое войско и внезапно напал на Кабуса, когда тот совершенно этого не ожидал. Победа была полной. Мундар истребил все его войско. Увидев ужас опустошения, Кабус с немногими оставшимися в живых людьми бежал. А Мундар расположился в его па-

⁷³ *Shahid I.* 1995. 1, 288.

⁷⁴ *Joan. Eph.* III. VI. 3.

⁷⁵ *Ibidem.*

латке, завладев всем его лагерем. Он схватил и связал его родственников и некоторых из знатных, остальных уничтожив. Затем он отправился и разбил палатку в области Кабуса, в трех днях пути, там, где были все стада и все имущество персидских арабов. Лазутчики Кабуса нашли палатку Мундара и полагая, что в ней находится их царь Кабус, доверчиво вошли и проникли в лагерь Мундара. Их тотчас же схватили и убили, а самых известных из них связали. Пробыв там столько времени, сколько он пожелал, Мундар возвратился оттуда с большой добычей, лошадьми, многими табунами верблюдов, оружием и прочим⁷⁶.

Сын Аламундара Кабус не смирился. На следующий год, собрав большое войско, он двинулся против Мундара, послав сказать ему, что идет на него войной: «Вот мы придем к тебе. Ты напал на нас, как разбойник, и думаешь, что победил нас, так вот теперь мы открыто идем войной на тебя». Мундар лаконично и с насмешкой ответил: «Почто гневаетесь? Я и сам приду». И поступил соответственно сказанному. Неожиданно напав на Кабуса и его людей в пустыне, он многих из них перебил, обратив оставшихся в бегство⁷⁷.

Скромное в своей простоте описание этого сражения сохранилось в Сирийской хронике, составленной в 724 г.: «В четверг праздника Вознесения этого года [имеется в виду 570 г.] дал сражение Мундар. Бог помог Мундару, он победил Кабуса, и восторжествовал Крест»⁷⁸. Это краткое, но красноречивое свидетельство позволяет ощутить образ Мундара, сложившийся в сознании христианского семитского Востока – воина Креста, которому помогает Господь, и победы которого являются триумфом христианства над язычеством лахмидов и огнепоклонством персов. Новость о победе Мундара, надо полагать, быстро облетела весь Восток, и ее, несомненно, восприняли здесь как победу восточного христианства – монофиситства. Благодарственные молебны, по всей видимости, служились в церквах по случаю этой победы, особенно если учесть, что это было Вознесение Господне. Как событие большой важности оно было занесено в местные хроники, откуда и было заимствовано Сирийской хроникой 724 г.⁷⁹

⁷⁶ Ibidem.

⁷⁷ Ibidem.

⁷⁸ Цит. по: Пигулевская Н.В. 1964, 118.

⁷⁹ *Shahid I.* 1995. 1, 345.

Кабус стал набирать новое войско, для чего отправился в Иран, где намеревался привлечь в свою армию множество персов⁸⁰.

Между тем Мундар «после большой славы и великой победы в двух войнах ожидая, что император примет его и похвалит», сообщил Юстину о своих победах. При этом он добавил в послании, чтобы император прислал ему золота для оплаты войска, поскольку ему было известно, что лахмиды соберутся опять и на этот раз с множеством персов. Получив послание, Юстин, унаследовавший от Юстиниана истощенную казну, пришел в страшный гнев, сильно бранился, жестоко угрожал Мундару и задумал его «убить тайно, хитростью»⁸¹.

Конечно, гнев Юстина, в царствование которого проблема финансов стояла особенно остро, как-то понять можно, тем более что он страдал умственным расстройством, постепенно приведшем его к безумию. Но речь шла о преданном слуге империи, который умело охранял восточные рубежи империи и от которого во многом их спокойствие зависело. Поэтому реакция императора мало объяснима и особенно его желание убить Мундара. Возможно, на Юстина оказывали влияние православные круги Константинополя. Не обошлось, вероятно и без участия в заговоре против Мундара православного патриарха Антиохии Григория, начавшего свою деятельность на духовном поприще в православных монастырях Палестины. Его предшественник Ефрем пытался как-то одолеть монофиситов, для чего в том числе он побывал, хотя и безуспешно, у отца Мундара Арефы. Григорий, занявший антиохийский престол примерно в то же время, что и Мундар – царский, знавший о его воинственной энергичности и приверженности к монофиситству, вознамерился, как показывает его участие и в следующем заговоре против Мундара, вообще убрать с лица земли этого активного борца за ненавистное и причинявшее ему массу хлопот течение.

Как бы то ни было, Юстин не отошел от гнева и приказал своему родственнику, патрикию Маркиану, «снять с Мундара голову без промедления», о чем и написал ему. В то же время послал сказать Мундару, чтобы тот явился к Маркиану по какому-то делу. Адресаты писем были перепутаны, и Мундару было доставлено письмо, предназначенное для Маркиана, где тому повелевалось снять с филарха голову. Возможно, здесь действительно имела место оплошность. Однако позволительно предположить, что у известного в столице

⁸⁰ *Bar-Heb.* I. 79–80.

⁸¹ *Joan. Eph.* III. VI. 3.

блестящего и мужественного Мундара оказался тайный доброжелатель (скорее всего монофисит), пожелавший спасти ему жизнь. Монофиситов в столице, в самом деле, было не мало, особенно, если учесть, что до 562 г. сам Юстин II и его жена София являлись монофиситами, перейдя в православие лишь по политическим мотивам.

По приходу к власти Юстин II даже пытался примирить православных с монофиситами⁸², но эта попытка не удалась, и в 70-х годах он начал издавать направленные против монофиситов законы, дойдя до того, что в 572 г. перешел к их активному преследованию⁸³. Именно в это время и был задуман заговор, имевший целью убить Мундара.

Когда Мундар прочел адресованное Маркиану послание, предписывавшее «снять с него голову без промедления», он пришел в дикое негодование, говоря: «За мои труды и тягости за ромейскую землю я вознагражден тем, что с меня хотят снять голову. Разве я это заслужил?»⁸⁴ Забрав всех своих людей, он удалился в пустыню, «избавив себя от всяких трудов за ромейские земли»⁸⁵.

Уход Мундара от границ Византии, его отказ охранять ее восточные рубежи, создали персам и лахмидам благоприятные условия для нападения на империю. Огромным полчищем они вторглись в ее пределы. Уничтожая и сжигая все на своем пути, они дошли до самой Антиохии, «разрушив множество селений, таких же больших, как города», забрали много пленных, огромную добычу и вернулись в свою землю»⁸⁶.

⁸² *Frend W.H.C.* 1972, 319; *Cameron Av.* 1976, 62–64. В 566 г. Юстин II издал эдикт в пользу монофиситов, вернув из ссылки их епископов. Монофиситскому патриарху Феодосию он устроил царский прием, а затем через год, когда тот умер, пышные похороны. Своего апогея попытки Юстина II и его жены Софии достигли в 567 г. на заседании монофиситских и православных епископов, которое имело место в самом сердце монофиситских областей – монастыре Мар Заккаи в Каллинике. На заседании патриархом Иоанном был зачитан примирительный эдикт Юстина II. Собравшиеся епископы, в том числе и епископ гассанидов Феодор, были уже готовы подписать эдикт, но фанатичные монахи-монофиситы свели все на нет. Монах Косьма разорвал эдикт на куски. Тогда епископ гассанидов Феодор, известный монофисит Яков Барадей другие убедили патриарха возобновить заседания, однако, результата добиться не удалось.

⁸³ *Frend W.H.C.* 1972, 319.

⁸⁴ *Joan. Eph.* III. VI. 4

⁸⁵ *Joan. Eph.* III. VI. 4.

⁸⁶ *Ibidem.*

Пришло время пожалеть о содеянном, и Юстин начал пытаться вернуть Мундара и его гассанидов к охране византийских рубежей. Он велел важным чиновникам и военачальникам, находившимся на Востоке, «отправиться к нему и помириться с ним». Мундару много писали, к нему многие хотели придти, но он не шел ни на какие уговоры. Так прошло три года.

Наконец Мундару стало известно, что магистром *militum* Востока был назначен Юстиниан, сын Германа, двоюродного брата императора Юстиниана. Мундар, отец которого, да и он сам не раз бывали в Константинополе и имели неплохое представление об императорской семье, знал нового магистра. Известно ему было и то, что до вступления в новую должность Юстиниан был магистром *militum* Армении, где население в своем подавляющем большинстве являлось монофиситским. Эти факторы сыграли для Мундара решающую роль.

К тому же Мундар был «исполнен гнева на персидских арабов за то, что они осмелились пройти с персидским войском до Антиохии, уничтожать, жечь, брать в плен и возвратиться в свою страну с большой добычей и бесчисленными пленниками». Итак Мундар склонился к миру и к борьбе за ромейскую землю⁸⁷. Он послал сказать Юстиниану, что согласен с ним увидеться, назначив местом встречи храм св. Сергия в Сергиополе (Русафе). Они встретились перед ракой св. Сергия, особо чтимого гассанидами. «Они переговорили между собой о многом, прося и предоставляя слово друг другу по желанию. Так доверчиво и мирно они расстались друг с другом в великой радости»⁸⁸. Так тепло и сердечно описал эту встречу Иоанн Эфесский. Узнав об этом, император Юстин и сенат Константинополя преисполнились радости. Затем произошел обмен грамотами мира.

Вскоре после этого Мундар задумал вернуть то, что лахмиды захватили в Византии. Показательно, как осторожно и мудро он поступил. Он повелел всем своим братьям, всему своему роду, всем сыновьям и всем войскам тихо собраться, вооружиться и на следующий день явиться к нему. Когда все собрались и находились уже в полной готовности, Мундар открыл им тайну, сказав:

«Теперь, когда никто из нас не отделился и не отсутствует, мы все как один нападём на Хирту Нааманову [столицу лахмидов] в пер-

⁸⁷ *Ibidem.*

⁸⁸ *Ibidem.*

сидских пределах. За их городость и страшнейшую дерзость перед христианами Бог предаст их в наши руки»⁸⁹.

Затем они спешно оправались в персидские пределы и внезапно напали на Хирту, когда люди ее отдыхали, находясь в полном неведении. Они перебили все тамошнее войско, уничтожили и сожгли все, кроме церквей. Сам Мундар разбил палатку среди Хирты и жил в ней пять дней. После этого он забрал богатую добычу из Хирты со всеми табунами лошадей и со всеми стадами верблюдов, взяв и то, что было награблено лахмидами в византийских пределах, возвратился в свою землю «с большим торжеством и мощной победой»⁹⁰.

Захват Хирты красноречиво свидетельствует о возрастании мощи гассанидов при сильном, мужественном и решительном Мундаре, который своей новой тактикой контрастирует даже со своим не менее прославленным отцом. Вершиной военной деятельности Арефы была победа над Аламундаром в 554 г. Но эта победа была одержана на византийской территории. Мундар, который, по всей вероятности, участвовал в битве при Халкисе, пошел значительно дальше. Он сам глубоко вторгся на территорию подвластного Ирану сильного и мощного до того лахмидского царства, захватив и подвергнув пожару его столицу – знаменитую Хирту. В довершение всего он разбил там свой шатер и прожил в нем несколько дней. Прекрасный венец прекрасной победы. По утверждению Иоанна Эфесского, два государства удивлялись и поражались могучей храбрости этого мужа и победам, которые он совершил⁹¹. За двадцать лет лахмиды и гассаниды поменялись местами в той роли, которую они играли на Ближнем Востоке.

Между тем отношения Византии с Ираном ухудшились. В 579 г. престол шахиншаха перешел к Хормизду IV (579–590), сыну Хосрова от тюркской принцессы. С первых дней своего правления шах достаточно четко обозначил антивизантийскую направленность своей политики. Он, в частности, отказался послать известие императору Тиверии (578–582) о своем вступлении на трон, как это было принято между обоими государствами. Переговоры о мире, к которому был склонен отец нового шаха, результатов не

⁸⁹ Ibidem.

⁹⁰ Ibidem.

⁹¹ Ibidem.

дали⁹². В этих условиях империя особенно дорожила союзом со своими федератами-гассанидами и шла им навстречу. К тому же военные успехи Мундара, охрана границ, недавнее примирение, требовали внимания и новых поощрений.

Мундара пригласили в Константинополь, который он посетил в 580 г. Он находился в столице империи с 8 февраля до 2 марта по меньшей мере. Царь гассанидов был принят императором Тиверием «с большим торжеством и особой честью». Иоанн Эфесский, который подробно рассказывает в своей «Церковной истории» о пребывании Мундара в столице империи, особо подчеркивает, что он прибыл в Константинополь по приглашению василевса, озабоченного распрями внутри монофистского движения⁹³.

Тиверий еще ранее пытался примирить монофиситов между собой с помощью послов, которых он отправлял в Иран. Послы, однако, в этом деле не преуспели⁹⁴. Дело в том, что обширный лагерь монофиситов был охвачен борьбой между сторонниками знаменитого Иакова Барадея и Павла Уккамы, епископа Антиохии. Различия между сторонниками того и другого касались не столько собственно вопросов веры, сколько живого лица того и другого епископа, которому они, поддавшись обаянию их страстного отношения к вере, горячо и ревностно служили.

Мундар, который, как и его отец Арефа, пользовался большим авторитетом среди монофиситов, энергично принялся за дело. Иоанн Эфесский, являвшийся очевидцем событий, в главах 39–41 IV-й книги своей «Церковной истории» живо рассказывает о тогдашних событиях. В его изображении Мундар предстает как личность, сочетающая в себе доблесть отважного солдата с набожностью истинного христианина. На заседании монофиситов, которое Мундар сам проводил, он, прежде чем посоветовать клирикам придти к согласию, в крепких выражениях бранил и упрекал их за их распри. Поскольку как истинный христианин он не страдал отсутствием почтения к клиру, его поведение было явно вызвано нетерпеливым желанием прекратить споры внутри монофиситского лагеря, и как полководец он жаждал действий и результатов, а не долгих словопрений. Переговоры привлекли большое внимание столицы, его участниками оказались не только клирики, но и ми-

⁹² Christensen A. 1944, 441–443.

⁹³ Ioan. Eph. IV. 40.

⁹⁴ Shahid I. 1995. 2, 894.

ряне, «главы и известные люди»⁹⁵. По всей вероятности, Мундар обращался к собравшимся по-гречески, который был единственным общепонятным языком для этой разноэтничной массы, включавшей в себя сирийцев, коптов и греков⁹⁶. Вполне очевидно, что влияние Мундара не ограничивалось областями, с которыми гассаниды находились в непосредственной близости, как-то провинции Сирия, Финикия, Аравия. Царь оказался в состоянии поддерживать монофиситов в столице. Со страниц сочинения Иоанна Эфесского Мундар предстает не просто как местный царек, а как могущественный союзник византийцев в этот период, более того - как действительно важная фигура на всем Ближнем Востоке.

Переговоры между монофиситами увенчались успехом. К тому же Мундару удалось убедить императора Тиверия прекратить преследования монофиситов, возобновившиеся при Юстине II.

Была еще одна цель визита Мундара в Константинополь, и, по всей видимости, более важная с точки зрения Тиверия, озабоченного в первую очередь войной с персами. Переговоры о мире, предпринятые императором результатов не дали, поскольку Иран требовал, чтобы Армения и Иверия, а также крепость Дара остались за персами. Византия на это пойти не могла. Поэтому в ответ на требования соседа летом 579 г. ее войска перешли Тигр и вторглись в наиболее богатые области Ирана. С наступлением зимы они вернулись восвояси. И тут в столицу был приглашен Мундар для обсуждения следующей военной кампании. Окрыленный летней удачей, Тиверий задумал поход на столицу Ирана – Ктесифон. Поход предполагался через Месопотамию и Сирийскую пустыню, где роль Мундара была бы чрезвычайно важна. К тому же ни один византийский полководец не проникал так далеко на восток, как Мундар, недавно вторгавшийся в Хирту, расположенную поблизости от Ктесифона. Мундар прекрасно знал места, великолепно в них ориентировался и, к тому же, был прекрасным воином. Лучшего военачальника было не найти. Поэтому Тиверий решил его отправить в этот важный поход вместе с будущим императором, а в то время магистром *militum* Мавриkiem⁹⁷.

⁹⁵ *Ioan. Eph.* III. 4. 40. 165–166.

⁹⁶ *Shahid I.* 1995. 2, 904.

⁹⁷ *Shahid I.* 1995. 1, 409–410. По предположению И. Шахида, Мундар во время встречи с императором сам предложил поход на Ктесифон. Это представляется маловероятным, поскольку Мундар предпочитал молниеносные, внезапные войны и скрывал цель предстоящего похода

Кампания планировалась на лето, а пока Мундара надо было приласкать. Ему было преподнесено множество даров, были удовлетворены все его просьбы. Среди царских подарков арабам было вручено «золото, много серебра, великолепные одежды», а также седла, золотые уздечки и оружие. Сыновья, сопровождавшие Мундара, были почтены императором высокими знаками отличия. Сам он был удостоен царского венца, который «не давался не одному из царей арабских до того времени». Обычно они получали право лишь «на диадему», т.е. тонкий обруч, который возлагали на голову⁹⁸. Таким образом было подчеркнуто то огромное значение, которое приобрел для Византии арабский филарх.

По возвращению на родину Мундар посетил столицу Востока – Антиохию, принеся с собой весть о прекращении преследования монофиситов. Учитывая наличие огромного количества здесь монофиситов, это известие было воспринято как событие чрезвычайной важности. Мундар был удостоен восторженной встречи⁹⁹.

Между тем лахмиды, полагая, что Мундар еще находится в Константинополе, вторглись в его пределы и начали грабеж. Узнав об этом еще в дороге, Мундар внезапно появился перед ними, многих перебил и взял обратно всю их добычу. Эта его победа также принесла ему немалую славу¹⁰⁰.

Летом начался поход Маврикия и Мундара в Иран. Чтобы войти в «Вавилонию» в нижнем течении Тигра, надо было пройти несколько дней через «Аравийскую пустыню». Дойдя вдоль Евфрата до места, которое было расположено напротив местности Бет Арамаие, в которой находился Ктесифон, войска обнаружили, что большой мост через реку сломан. Стало ясно, что осуществить поход было невозможно. Несомненно, мост сломали персы, которые догадались что византийские и арабские войска «переправятся и осадят их столицу»¹⁰¹. Маврикий стал обвинять Мундара в том, что это он послал к персам предупредить их, и они разрушили

даже от своих близких, как это было перед нападением на Хирту. Длинный, заранее готовящийся поход трудно было бы скрыть, поскольку и у персов, и у лахмидов, равно как и у византийцев и у гассанидов были хорошо налаженная разведка, которая все узнавала достаточно рано. Так случилось и во время похода на Ктесифон.

⁹⁸ *Пигулевская Н.В.* 1941, 61.

⁹⁹ *Downey G.* 1961, 565.

¹⁰⁰ *Ioan. Eph.* III. 4. 42.

¹⁰¹ *Ioan. Eph.* III. 3. 40.

мост¹⁰². Разумеется, это была полнейшая нелепость, доказательством чему является вся предшествующая жизнь Мундара¹⁰³. И что бы мог получить Мундар в Иране взамен того высокого статуса и огромных почестей, которых он уже достиг в Византии? Переходить на сторону врага в подобной ситуации не стал бы и самый заурядный человек, а Мундар отнюдь не был заурядным.

Итак вражда и ссоры возникли между Маврикием и Мундаром, и они возвратились, ничего не совершив. Император поначалу пытался их примирить, но из этого ничего не вышло.

Между тем Мундар, возвращаясь домой, узнал, что лахмиды вместе с персами хотят на него напасть. Он разослал лазутчиков и через них узнавал, где и как они. Как всегда, внезапно он напал на них, когда они этого совсем не ожидали, и перебил их. Затем он отправился в их лагерь, уничтожил и сжег его. С большой добычей и многими пленными он вернулся обратно, еще раз заслужив большую славу¹⁰⁴. Для Мундара эта победа была своего рода компенсацией за неудачный поход вместе с Маврикием. Но там Мундар был вынужден, что называется, играть не в свою игру. Его тактика заключалась в неожиданности, быстроте и внезапности, когда враг находился в полном неведении. Маврикий придерживался другого метода военных действий, в значительной степени статичного и старомодного¹⁰⁵. Он задумал продолжительный поход, который осуществлялся практически на глазах у врага, под тщательным его наблюдением. Когда же Мундар избавился от чуждой ему тактики ведения войны, он вновь ощутил себя в своей стихии и,

¹⁰² Ibidem.

¹⁰³ Версию о предательстве Мундара высказывают греческие историки – Евагриус (*Evagr. V. 20*) и Феофилакт Симокатта (*Theoph. Sim.*), но они являлись современниками императора Маврикия и, конечно же, старались ему угодить и его выгородить. К тому же они придерживались православия и, с их точки зрения, Мундар являлся еретиком. Из современных историков за Евагрием и Феофилактом Симокаттой следуют Р. Деврес (*Devrees R. 1945, 276*) и правоверный священник П. Губер. (*Goubert P. 1951, 252–253*). Аргументировано оспаривают версию о предательстве Мундара такие серьезные и авторитетные исследователи, как Т. Нзльдеке (*Nödeke Th. 1887, 273*) Э. Штейн (*Stein E. 1919, 95–96*), Пигулевская Н.В. (*Пигулевская Н.В. 1941, 61; Пигулевская Н.В. 1946, 68*), В.Э. Кэги (*Kaegi W.E. 1989*) Абсурдным и нелепым считает обвинение Мундара в предательстве И. Шахид (*Shahid I. 1995, 1, 448*), заново подробно и обстоятельно разобравший обе версии (*Ibid. 439–455*).

¹⁰⁴ *Joan. Eph. III. 6. 18.*

¹⁰⁵ *Shahid I. 1995, 1, 424.*

как всегда, одержал решительную победу. Но и это сослужило ему плохую службу. Ибо он опять проявил себя как мужественный и талантливый воин, в то время как Маврикий, который, согласно емкой и удачной характеристике, данной ему Н.В. Пигулевской¹⁰⁶, не являлся ни талантливым полководцем, ни способным дипломатом, возвращался ни с чем.

Опасаясь, последствий за провал кампании, а также, вне всяких сомнений, ревниво относившийся к славе Мундара, он по прибытии в Константинополь, «зло и тяжко оговорил Мундара». На этот раз Тиверий внял его словам и стал помышлять, как обмануть Мундара и сделать так, чтобы его схватили и доставили в Константинополь. Тогда куратор Магн, сириец, «друг и патрон» Мундара, желая угодить василевсу, пообещал привести его связанным, что несомненно, обрадовало Тиверия. Этот куратор Магн достаточно хорошо известен по письменным и эпиграфическим источникам¹⁰⁷. Он являлся куратором дома Хормизды, т.е. персидского царевича Хормизды, старшего сына шаха Хормизда II (302–309) и брата шаха Шапура II (309–379). Опасаясь его притязаний на шахский трон, Шапур заключил его в свое время в темницу, из которой его вызволила его жена¹⁰⁸. Хормизда бежал в Византию и затем служил в византийской кавалерии при императоре Констанции II. В 357 г. как знатный сановник он сопровождал императора в Рим. При Юлиане Отступнике Хормизда участвовал в качестве высокого военачальника в походе императора против персов и заметно отличился в нем. Согласно Ливанию, Юлиан намеревался посадить его на персидский престол¹⁰⁹. У Хормизды было имение в Сирии и дом-квартира в Константинополе. Эта собственность отошла впоследствии к императору, получив название дома Хормизда. В VI в. ею в качестве куратора (так называлась эта должность) управлял вышеупомянутый Магн. Надо сказать, что в этом столетии кураторы императорского имущества пользовались особым влиянием и даже возглавляли константинопольский сенат¹¹⁰.

Насколько явствует из законодательных источников, кураторы императорского имущества, управители отдельных доменов, также как и арендаторы императорских владений, которыми, как

¹⁰⁶ *Пигулевская Н.В. 1946, 67.*

¹⁰⁷ *Feissel D. 1985.*

¹⁰⁸ *Joan. Ant. Fr. 178; Zos. II. 27; III. 13; PLRE. I. P. 443: Hormisdas 2; Janin R. 1964, 368.*

¹⁰⁹ *Lib. Ep. 1402.*

¹¹⁰ *Чекалова А.А. 2010, 167.*

правило, являлись наиболее могущественные в империи лица, старались любыми способами и средствами приобрести как движимое, так и недвижимое имущество, принадлежащее императору или государству. Отсюда, как можно заключить из новеллы Тиверия¹¹¹, между высшими сановниками и императором возник и существовал не слишком явственный, но очень глубокий конфликт¹¹². Именно к этой категории лиц и принадлежал куратор Магн. Поскольку рыльце у этого куратора наверняка было в пушку, он, желая услужить императору, пообещал ему доставить Мундара.

Ложно обвиненный в предательстве Мундир был обманом захвачен, «унижен и потоптан, как лев пустыни загнанный в клетку»¹¹³. Когда он был доставлен в Константинополь, его по приказу императора поселили «там, где он жил прежде»¹¹⁴, т.е. в свой торжественный приезд в 580 г. Мундар, по всей видимости, пользовался относительной свободой. Тиверий позволил ему иметь при себе жену, двух сыновей и одну дочь, но принимать его не стал. Тем не менее, никакого разбирательства, никакого суда над царем гассадинов учинено не было, и это наводит на мысль о том, что император мало верил в предательство Мундара и просто пошел на поводу у Маврикия, который был стать его зятем и предполагаемым преемником на престоле. Он, вероятно, рассчитывал решить проблему Востока заменой Мундара кем-то из его родственников. Главным кандидатом был сын Мундара Нааман, который, по свидетельству Иоанна Эфесского, был «мужем мудрым и более боеспособным, чем Мундар»¹¹⁵.

Нааману было поставлено условие, чтобы он принял Халкидонский собор, на что он отказался, заявив: «Все арабы православные [монофиситы], если я присоединюсь к синодитами, они меня убьют»¹¹⁶. По этой причине, по свидетельству Михаила Сирийца, увеличилась ненависть, и когда Нааман удалялся, он поклялся, что больше никогда не увидит лиц ромеев добровольно¹¹⁷. Итак когда

¹¹¹ См.: издание новеллы М. Каплана: *Novelle de Tibère II sur les «Maisons divines»* // ТМ. 1981. Т. 8, 237–245.

¹¹² *Saradi H.* 1994, 69–117.

¹¹³ *Ioan. Eph.* III. 3. 41.

¹¹⁴ *Ibidem.*

¹¹⁵ *Ibid.* III. 3. 42. Возможно, эта оценка является известным преувеличением, ибо эта характеристика, скорее всего, была дана Нааману самим Мундаром в одной из бесед с Иоанном Эфесским во время его пребывания в Константинополе в 581–582 гг.

¹¹⁶ *Mich. Syr.* X. 19.

¹¹⁷ *Ibidem.*

он был в дороге, его схватили и доставили в Константинополь, где, насколько явствует из рассказа Евагрия, он находился под домашним арестом¹¹⁸.

Когда же на трон взошел злейший враг Мундара Маврикий, человек ограниченного ума и негосударственного склада¹¹⁹, царь гассанидов был сослан на Сицилию. По данным Михаила Сирийца, с ним был отправлен и Нааман, но это представляется маловероятным¹²⁰. Мундар вернулся из ссылки только после смерти Маврикия, т.е. через двадцать лет¹²¹. Между тем филархат гассанидов был разделен между пятнадцатью шейхами. Многие из них, по свидетельству Михаила Сирийца, присоединись к персам. «И прекратилось царство арабов-христиан по причине лукавства ромеев и кончилось. Ереси распространились среди арабов»¹²².

Отдельные представители рода гассанидов еще всплывают в различных эпизодах истории ирано-византийских войн¹²³, но государства арабов, дружественного Византии и находившегося в зависимости от нее, а также в значительной степени служившего ее интересам, не стало, и империя жестоко за это поплатилась. Возможность опереться на единоплеменников завоевателей в период арабских завоеваний могло бы в значительной мере смягчить жесткость столкновений и помочь в наиболее острые моменты. Самое обращение в ислам, принявшее массовый характер вследствие принудительных мер завоевателей, могло бы иметь иной вид при наличии христианского государства арабов, дружественного Византии.

Если бы государство гассанидов не прекратило свое существование, ситуация была бы иной не только у восточных границ Византийской империи, но и в Аравии, где начинали укрепляться позиции гассанидов и куда благодаря им стало проникать христианство. Каким глубоким было проникновение греческого элемента на восток, а арабского в Византию и как беспрерывно осуществлялась диффузия, свидетельствуют археологические и эпиграфические данные провинции Аравии¹²⁴.

¹¹⁸ *Evagr.* VI. 2.

¹¹⁹ *Пигулевская Н.В.* 1946, 62.

¹²⁰ См. убедительные доводы И. Шахида: *Shahid I.* 1995. I.

¹²¹ *Ibid.*

¹²² *Mich. Syr.* X. 19.

¹²³ *Кривов М.В.* 1981, 154–158.

¹²⁴ *Пигулевская Н.В.* 1964, 227.

Недальновидная политика Маврикия помешало этому процессу, оказавшись роковой не только для Византии, но и для Запада, ибо она, в конечном счете, способствовала распространению ислама, консолидировавшего арабские племена¹²⁵.

ЛИТЕРАТУРА

- Кривов М.В. 1981: Последние гассаниды между Византией и халифатом // ВВ. 42, 154–158.
- Пигулевская Н.В. 1941: Арабы VI в. по сирийским источникам. – Л.
- Пигулевская Н.В. 1946: Византия и Иран на рубеже VI и VII веков. – М.; Л.
- Пигулевская Н.В. 1951: Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком в IV – VI вв. – М.; Л.
- Пигулевская Н.В. 1964: Арабы у границ Византии и Ирана в IV–VI вв. – М.; Л.
- Пигулевская Н.В. 2011: Сирийская средневековая историография. – СПб.
- Удальцова З.В. 1967: Внешняя политика Юстиниана. Попытки реставрации империи на Западе. Войны с Ираном. Византийская дипломатия // История Византии / С.Д. Сказкин (ред.). – М.: Наука, Т. 1, 298–336.
- Чекалова А.А. 1973: О датировке Актов Калоподия // Античная древность и средние века. 10, 225–228.
- Чекалова А.А. 1997: Патрикиат в ранней Византии // ВВ. 57 (82), 32–44.
- Чекалова А.А. 2001: Прокопий Кесарийский. Личность и творчество // Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с Вандалами. Тайная История / Пер., ст., комм. А.А. Чекаловой. – СПб., 345–373.
- Чекалова А.А. 2010: Сенат и сенаторская аристократия Константинополя. – М.
- Abel F.M. 1938: L'île de Iotabé // Revue biblique. 47, 510–538.
- Allen P. Evagrius Scholasticus, the Church historian. – Louvain, 1981.

¹²⁵ По мнению И. Шахида, отрицательную роль в сложившейся ситуации на Востоке сыграло монофиситство гассанидов. Будь они православными, их судьба, как и судьба всего Востока, сложилась бы иначе. В данном случае исследователь сопоставляет судьбу царства арабов-гассанидов с судьбой основанного Теодорихом Остготского королевства в Италии, где было распространено арианство, предопределившее его гибель от византийских войск. См. *Shahid I.* 1995. 2, 991–992. Это суждение представляется исторически неоправданным. Королевство остготов погубило не из-за арианства, к распространению которого среди готов-федератов в самой империи относились весьма снисходительно, а из-за желания Юстиниана восстановить Римскую империю в прежних размерах. Что же касается монофиситства арабов-гассанидов, то отказаться от него значило бы для них отказаться от собственной идентичности. Этого они сделать не могли, как не могли на это пойти и другие народности восточных областей империи, в частности сирийцы и копты. Императорам следовало с этим считаться и проявлять большую гибкость и терпимость к населявшим ее этносам. Только таким образом можно было сохранить империю в прежних размерах и мощи, что благоприятно отразилось бы на судьбе всего человечества.

- Ammianus Marcellinus.* Römische Geschichte / Ed. W. Seyfarth. – B., 1968–1971.
- Cameron Av.* 1975: The Empress Sophia // Byzantion. – Bruxelles. 1975. 45, 5–21.
- Cameron Av.* 1976: The Early Religious Policies of Justin II // The Orthodox Church and the West / D. Baker (ed.). – Oxford. 51–67.
- Christensen A.* 1944: L'Iran sous les Sassanides. – Copenhagen.
- Devreese R.* 1945: Le patriachat d'Antioch, depuis la paix de l'église jusqu'à la conquête arabe. – Paris.
- Downey G.* 1961: A History of Antioch in Syria: from Seleucus to the Arab Conquest. – Princeton.
- Euagrius.* The Ecclesiastical History / Ed. J. Bidez, L. Parmentier. – London, 1898
- Feissel D.* 1985: Magnus, Mégas et les curateurs des «maisons divines» de Justin II à Maurice // TM. 9, 465–476.
- Frend W.H.C.* 1972: The Rise of the Monophysite Movement: Chapters in the History of the Church in the Fifth and Sixth Centuries. – London.
- Goubert P.* 1951: Byzance avant l'Islam. – Paris.
- Janin R.* 1964: Constantinople byzantine. – Paris.
- Ioannis Ephesini* Historiae ecclesiasticae pars tertia / Inter. E.W. Brooks // CSCO. Scriptores Syri Series tertia. T. 3 (Versio). – Lovanii, 1936.
- Kawar I.* 1957: The Patriciat of Aretha // BZ. 50.
- Joannis Antiocheni* Fragmenta // FHG. Vol. 4. 535–622; Vol. 5. 27–39.
- Joannis Malalae* Chronographia / Rec. L. Dindorf. – Bonnae, 1831
- Malchi* Philadelphensis Fragmenta // FHG. Vol. 4.
- Honigmann E.* 1951: Evêques et évêchés monophysites d'Asie antérieure au Ve siècle // Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium. Subsidia, 127. – Louvain.
- Nödeke Th.* 1887: Die Ghassanidische Fürsten aus dem hause Gafnas. Abhandlungen der königlichen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. – Berlin, 1887.
- Kaegi W.E.* 1989: Tradition and Innovation in Late Antiquity / Ed. F. Clover and S. Humphreys. – Madison (Wisc.)
- Novelle de Tibère II sur les «Maisons divines»* / Ed. M. Kaplan // TM. 1981. 8, 237–245.
- Procopius Caesariensis.* Opera omnia / Ed. J. Haury, G. Wirth. – Leipzig, 1962–1965. Vol. I–IV.
- Rubin B.* 1954: Prokopios von Kaisareia. – Stuttgart.
- Saradi H.* 1994: On the «Arhcontke» and «Ekklesiastike Dynasteia» and «Prostasia» in Byzantium with Particular Attention to the Legal Sources: A Study in Social History of Byzantium // Byz. 1994. 64. Fasc. 1, 69–117.
- Shahid I.* 1995: Byzantium and the Arabs in the Sixth Century. – Washington, DC, 1995. Vol. 1–2.
- Stein E.* 1919: Studien zur Geschichte des byzantinischen Reiches vornehmlich unter den Kaisern Justinus II und Tiberius Constantinus. – Stuttgart.
- Stein E.* 1949: Histoire du Bas-Empire. T. 2: De la disparition de l'empire d'Occident à la mort de Justinian. – Paris; Bruxelles; Amsterdam.
- Theophanis* Chronographia / Rec. C. de Boor. – Lipsiae, 1883.
- Zacharias Rhetor.* Die sogenannte Kirchengeschichte / Ed. K. Fhrens, G. Krüger. – Leipzig, 1889.
- Zosime* Histoire nouvelle / Ed. F. Paschoud. – P., 1971–1986. T. 1–3.

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ЭПОХ: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВАРВАРСКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ В СОЧИНЕНИЯХ СИДОНИЯ АПОЛЛИНАРИЯ

Аннотация. В статье речь идет об индивидуальном опыте осмысления и оценки галло-римским интеллектуалом Сидонием Аполлинарием стремительных перемен и происходящих событий. На основе анализа писем Сидония Аполлинария реконструируется, как он представлял себе нарождающуюся варварскую королевскую власть. Под его пером германская королевская власть делает первый шаг из эпохи героической и воинственной, чтобы войти одним из важнейших элементов в новую политическую и социальную систему. Говоря о *civilitas* Теодориха II, автор хочет специально подчеркнуть, что вестготский правитель уже доказал свою принадлежность к римскому миру. Эта первая встреча *civilitas* и «варварского» правителя является признаком того, что *гех* и королевская власть больше не воспринимаются как нечто абсолютно чуждое римской традиции и системе ценностей. Сидоний Аполлинарий никогда прямо не говорит о крушении Западной Римской империи, но он всегда отдавал себе отчет в происходящих событиях, никогда не жил мечтами и не строил иллюзий. Он видел, как усиливалось и распространялось влияние вестготской королевской власти, и оставил нам доказательства этого своего понимания: от идеализированного, окрашенного римской политической философией портрета Теодориха II, к признанию, впрочем, без чрезмерной симпатии и аффектации, могущества Эйриха.

Ключевые слова: Сидоний Аполлинарий, римская Галлия, королевская власть, латинская риторика, Теодорих II Вестготский, *civilitas*, римская традиция.

Процесс расселения варварских племен по территории Западной Римской империи растянулся почти на целое столетие. Условными датами начала и завершения этого длительного процесса можно считать переход через Дунай первой волны вестготов в 378 г. и основание на землях Италии королевства Одоакра в 476 г. Это медленное проникновение варварских переселенцев на территорию империи не следовало какому-либо четкому плану, и ситуация, сложившаяся к концу V века, во многом стала результатом череды случайностей, которыми удалось воспользоваться удачливым и предприимчивым предводителям варварских племен. Довольно долгое время бурный поток завоевателей производил примерно тот же эффект, что и стихийное бедствие: сносил все на своем пути, разрушал ради разрушения. Первым литературным свидетельством, в котором сообщается о том, что предводитель

германского племени преследовал собственно политические цели, т.е. имел некий четкий план действий, ориентированный в будущее, является знаменитый фрагмент из Орозия, в котором повествуется о сомнениях и колебаниях, одолевавших вождя вестготов Атаульфа, решающего, следует ли создавать Готию, чтобы она встала на месте империи, или надо поднимать и спасать империю при помощи готов¹. После долгих размышлений король склоняется ко второму решению, причем основным доводом для него стало осознание неспособности готов подчиняться законам. Уже этот факт нам наглядно демонстрирует, что в начале V века не пробил еще час радикального преобразования Запада: даже Атаульф у Орозия рассуждает, тем не менее, категориями и терминами, присущими империи². Что касается же собственно империи, то здесь какие-либо изменения появлялись еще медленнее. Перед лицом кризиса, а то, что империя столкнулась именно с кризисом, к этому времени стало ясно всем, рассматривались только два возможных выхода: или империи удастся справиться и победить, или она рухнет, но тогда это крушение будет концом мира³. Мысль, что на руинах империи в принципе могут возникнуть какие-нибудь новые политические образования, новый тип властной организации, не мелькала ни у кого.

Впрочем, в течение второй половины V века некоторые изменения в устроении римлян, как кажется, начали все-таки происходить. Вандалы и вестготы, укрепляя свое могущество, проявляли столь неслыханную мощь и политическую волю, что римляне не могли не взглянуть на складывающуюся ситуацию с большим реализмом. Надежды на восстановление сил империи, на возвращение сильной императорской власти, становились день ото дня все более призрачными, впрочем, так же как и ожидания скорой и неминуемой эсхатологической развязки. Два новых мощных

¹ *Oros. Hist. VII, 43, 4–8.* См.: Bertolini O. 1955, 13–33; Wallace-Hadrill J.M. 1961–1962, 213–237. О влиянии Галлы Пладиции, супруги Атаульфа, о котором упоминает Орозий, см.: Oost S.I. 1968, 114–121.

² *Oros. Hist. VII, 43, 5,* так излагает содержание первого готского проекта Атаульфа: «se imprimis ardentier inhiasse ut, oblitterato Romano nomine omne solum Gothorum imperium et faceret et vocaret essetque, ut vulgariter loquar, Gothia quod Romania fuisset et fieret nunc Athaulfus quod quondam Caesar Augustus».

³ Эта точка зрения чрезвычайно ясно выражена, например, у Иеронима: *Hier. Ep. CXXIII, 15:* «Qui tenebat, de medio fit et non intelligimus adpropinquare Antichristum, quem Dominus Jesus interficiet spiritu oris sui».

центра влияния в Тулузе и в Карфагене противостояли императору, власть которого, в той мере, в какой она еще вообще существовала, практически ограничивалась теперь только пределами Италии. Гензериху (428–477) и Эйриху (466–484) сомнения и колебания Атаульфа были уже не свойственны. Во второй половине V века события начинают развиваться стремительно и входят в свою решающую фазу, менее чем за четверть века исчезнет Западная Римская империя, и не ее территории возникнет несколько суверенных королевств, часто соперничающих друг с другом.

Об этом периоде нам известно сравнительно немного. Хроники позволяют реконструировать последовательность событий, но источников, по которым мы могли бы судить, как эти события воспринимались современниками, т.е. судить о состоянии умов, очень мало. Одним из немногих исключений является комплекс произведений Сидония Аполлинария, представляющий существенный интерес не только своим объемом, но также как свидетельство индивидуального опыта осмысления и оценки галло-римским интеллигентом стремительных перемен и происходящих событий⁴. В письмах, панегириках, стихах перед нами возникает образ человека, глубоко взволнованного разворачивающейся на его глазах исторической драмой последних лет существования Западной Римской империи. Без его произведений не только знание некоторых деталей, которые прошли бы мимо нас, но особенно наше понимание эпохи было бы несостоятельным. Мы лишились бы как

⁴ Нельзя сказать, чтобы масштабная фигура писателя, государственного и церковного деятеля Сидония Аполлинария была обойдена вниманием исследователей. Без, как минимум, упоминаний о нем не обходится ни одна работа, посвященная древней истории Франции. Основными исследованиями непосредственно о Сидонии Аполлинарии являются монографии и установочные статьи К. Стивенса (*Stevens C.E.* 1933), А. Луайена (*Loyen A.* 1943; 1942; 1955, 265–284), У. Семпля (*Semple W.H.* 1967, 136–158), Дж. Чианеа (*Chianea G.* 1969, 353–389), П. Курселя (*Courcelle P.* 1970, 46–59), Р. Латуша (*Latouch R.* 1962, 379–409). Последней монографией, посвященной Сидонию Аполлинарию, в которой его биография и творчество рассматриваются в широком контексте политической, социальной и культурной истории поздней Римской империи, является книга Джил Харрис (*Harries J.* 1994). В нашей работе мы пользуемся изданием (кроме отдельно оговоренных случаев) стихотворений и писем Сидония Аполлинария, подготовленным А. Луайеном в *Collection des Universités de France (Sidoine Apollinaire. Poèmes et lettres / Texte établi et traduit par André Loyen. 3 vols. Paris. Vol. 1: Poèmes. 1960; Vol. 2: Lettres (livres 1–5); Vol. 3: Lettres (livres 6–9), 1970).*

свидетельств спонтанных, подчиненных первому душевному порыву реакций, так и результатов долгих размышлений, взвешенных и обдуманных решений, которые придают глубину и насыщенность историческому знанию.

Зять правившего недолго эфемерного императора, дипломат, поддерживающий контакты с вестготским двором в Тулузе, знатный галло-римский аристократ, высокопоставленный чиновник при императорском дворе, епископ, одаренный писатель, Сидоний в полной мере подходит под определение «человека, эпохи перемен». Разнообразие его жизненных интересов делает из него уникального свидетеля, суждения которого, как кажется, оказали существенное влияние не только на наше восприятие этой сложной эпохи, но и на ее восприятие современниками. При этом мы можем быть уверены, что имеем дело с достаточно гибким человеком, избегающим односторонних и категоричных оценок, его произведение в полной мере отражают все противоречия этого противоречивого времени. Наряду с панегириками императорам в комплексе его сочинений находится и знаменитое письмо о Теодорихе II, исключительная важность которого подчеркивается тем, что именно им открывается собрание писем Сидония. Это первый случай в латинской литературе, когда варварский король предстает перед нами как «обычный» человек, в окружении узкого круга друзей и соратников, лишенный той ауры загадочности и страха, доходящего порой до мистического ужаса, с которыми мы сталкиваемся в произведениях римских авторов предшествующего периода. Если рассматривать это письмо с точки зрения адресата, то оно свидетельствует об определенной зрелости, которой достигло вестготское тулузское королевство. Если же смотреть на него с точки зрения римлянина, то Сидоний демонстрирует не просто этнографическое любопытство, но и тонкое предвидение неумолимо приближающегося будущего, поэтому-то так показателен его знаковый отказ в этом письме от традиционной имперской идеологии.

Политическая комбинация, в результате которой Авит стал императором, смогла успешно реализоваться только благодаря поддержке, оказанной вестготским королем Теодорихом II. Конечно, это не первый случай в римской истории, когда император получал власть, опираясь на варваров. Но прежде речь всегда шла о варварах, находившихся на службе империи, правители которых занимали видные посты в римской армии и государстве, тогда как Теодорих II был уже независимым королем, если не де-юре, то, по

крайней мере, де-факто, чего мы не можем сказать ни о Стихихоне, ни о Рицимере. Таким образом, вмешательство короля вестготов приобретает совершенно иное значение, сговор, в который вступила с ним галльская аристократия, окрашивается новыми оттенками. Неважно, увидим ли мы в этом предательство или предвидение будущего, в конце концов, одно не исключает другое, ведь нередко то, что сегодня кажется незаконным, завтра оказывается вполне приемлемым и легитимным. Во всяком случае, это первый раз, когда германский правитель, именно в таком своем качестве, вмешивается в политику империи. И это вмешательство не могло не найти отзвука в литературе.

Мы уже упоминали, что большое письмо Сидония Аполлинария, посвященное Теодориху II, является документом первостепенной важности, причем важность его определяется не содержанием, весьма и весьма банальным, а тем, что оно оказывается первым проявлением существенного изменения позиции, занимаемой Сидонием Аполлиналием по отношению к королевской власти. До этого письма в латинской литературе существовал устойчивый топос варварской королевской власти, подобно тому, как существовал, например, топос тирана. Король или вождь германцев оценивался с точки зрения его отношения к империи; как всякий варвар, он рисовался черными или белыми красками, в зависимости от его *perfidia* или *fides*⁵. Таким образом, в глазах латинских писателей он существовал только для того, чтобы подтвердить своим поражением и унижением славу победоносного императора. Типичные портреты подобного рода мы находим у Аммиана Марцеллина. Обратимся, например, к описанию короля Хонодомария в битве под Аргенторатом. Речь идет исключительно о тщеславии, надменности, отсутствии чувства меры: «Душой и зачинщиком всего движения был царь Хонодомарий, который вел усиленную агитацию, появляясь повсюду, вмешиваясь во все и побуждая к опасным предприятиям. Он держал себя крайне надменно, гордясь своими неоднократными удачами»⁶. В ходе битвы образ короля, в котором присутствуют и некоторые элементы вели-

⁵ Очень показательны в этом отношении портреты Арминия и Сегеста в «Анналах» Тацита (*Tac. An. I, 55*).

⁶ *Amm. Marc. XVI, 12, 4*: «Agitabat autem miscebatque omnia, sine modo ubique sese diffunditans et princeps audendi periculosa, rex Chnodomarius, ardua subrigens supercilia, ut saepe secundis rebus elatus». В предыдущем параграфе Аммиан использует выражение *fastus barbaricos*.

чия, наделяется, чертами варвара-разрушителя, выступая фактически в роли бича божьего:

«Преступный зачинщик всей этой войны, Хонодомарий, с пунцовым султаном на голове, смело выступал, полагаясь на свою огромную силу впереди левого крыла, где предполагался наиболее ожесточенный бой. Конь под ним был в пене, в руке его торчало копье ужасающих размеров, блеск от его оружия распространялся во все стороны; прежде – храбрый солдат, теперь – полководец, далеко превосходивший всех остальных»⁷.

Цель автора – убедить нас, что речь идет о чудовище ужасающего вида, в котором нет ничего человеческого, полагающемся только на свою физическую силу. Для завершения целостности картины, Аммиану оставалось только показать это чудовище побежденным, что он и делает: «король шел теперь как раб чужой воли, бледный от волнения, онемев от сознания своих преступлений»⁸. Даже этих нескольких цитат вполне достаточно, чтобы увидеть, насколько приведенные описания соответствуют эстетическим установкам эпохи: театральность, господство абстракций, готовых типажей и масок⁹. Хонодомарий лишен какой бы то ни было человеческой индивидуальности, это вождь варваров, нарисованный в полном соответствии с принятым литературным канонам. Напротив, у Сидония Аполлинария Теодорих II описывается как таковой, сам по себе, а не как малозначительная фигура на шахматной доске империи. Ни разу не заходит речь о том, где и в каких интересах можно было бы его использовать, и, что еще удивительнее, Сидоний Аполлиналий ничего не говорит о влиянии римской культуры на короля. Автор создает литературный портрет Теодориха II так же, как он описывал бы какого-нибудь галльского аристократа, владельца соседнего поместья.

⁷ *Ibid. 24*: «Et Chnodomarius quidem nefarius belli totius incentor, cujus vertici flammeus torulus aptabatur, anteibat cornu sinistrum, audax et fidens ingenti robore lacertorum, ubi arbor proelii sperabatur, immanis, equo spumante sublimior, erectus in jaculum formidandae vastitatis armorumque nitore conspicuus ante alios, et strenuus miles et utilis praeter ceteros ductor».

⁸ *Ibid. 61*: «...servus alienae voluntatis trahebatur pallore confusus, claudente noxarum conscientia linguam...».

⁹ Об эстетических установках Аммиана Марцеллина см.: Ауэрбах Э. 1976, 69–110. Об идеологии, предполагающей подобное изображение варваров, см.: Vogt J. 1967.

Таким образом, под пером Сидония Аполлинария германская королевская власть делает первый шаг из эпохи героической и воинственной, чтобы войти одним из важнейших элементов в новую политическую и социальную систему. Уже в самом начале письма Сидоний Аполлинарий произносит одно из важнейших ключевых понятий – *civilitas*¹⁰. *Civilitas*, как и большинство римских общекультурных понятий, очень трудно перевести. По-видимому, одного слова, которое могло бы отразить все нюансы значения латинского *civilitas*, в русском языке нет. Может быть, точнее всего было бы перевести это слово как «уважение к закону». Понятие *civilitas* связано со словом *civis* и, таким образом, оказывается вовлеченным не только в социальную, но и в политическую сферу. Говоря, что «слава подчеркивает *civilitas* короля в глазах людей», Сидоний Аполлинарий очень точно демонстрирует важность политического измерения этой добродетели¹¹. К тому же необходимо учитывать и ту жанровую форму, в рамках которой появляется данная характеристика, а именно литературный портрет правителя. Безусловно, в этом жанре употребление слова *civilitas* имеет свою давнюю историю. Светоний перечисляет ее среди добродетелей Божественного Августа наряду с *clementia*.¹² У *Scriptores Historiae Augustae* довольно часто говорится о *civilitas* императоров, и мы знаем, как часто будет применять это понятие Кассиодор по отношению к Теодориху Великому¹³. Из всех этих примеров следует, что *civilitas* это не только вежливость и учтивость, но также способность и склонность правителя вести себя как подобает гражданину¹⁴. Таким образом, *civilitas* является одним из основных элементов республиканского фасада принципата, а следовательно, предполагает и определенную манеру поведения, дос-

¹⁰ *Sid. Apoll.* Ep. 1, 2: «...quia Theudorici regis Gothorum commendat populis fama civilitatem...».

¹¹ Ср. нейтральный и в то же время двусмысленный перевод А. Луйяна («в мире»). К. Стивенса удивляет, что слово *civilitas* употребляется Сидонием Аполлинарием по отношению к братоубийце. Подобное словоупотребление становится понятнее, если принять, что автор этим словом воздает хвалу не личности короля, а его образу и способу управления (*Stevens C.E.* 1933, 24).

¹² *Svet. Aug.* 51; *Claud.* 35.

¹³ Шкаренков П.П. 2004, 90–93.

¹⁴ Соответствующие выражения из приведенных выше фрагментов Светония М.Л. Гаспаров переводит как «гражданственная умеренность» и «простота и доступность».

таточно почтительную, по отношению к сенату, и это очень четко проявляется при употреблении этого слова у SHA и в «*Variae*». Политические коннотации, связанные с этим понятием, столь значительны, что трудно себе представить, будто бы Сидоний Аполлинарий, блестящий стилист и искушенный политик, мог употребить его лишь для того, чтобы просто назвать вестготского короля человеком хорошо воспитанным и культурным. Мы полагаем, что Сидоний Аполлинарий, говоря о *civilitas* Теодориха II, хочет специально подчеркнуть, что вестготский правитель уже доказал свою принадлежность к римскому миру. Конечно, речь еще не идет о том, чтобы Сидоний Аполлинарий приписывал одно из качеств, присущих императору, вестготскому королю. Однако эта первая встреча *civilitas* и «варварского» правителя, сама по себе достойная внимания, уже, безусловно, является признаком того, что *rex* и королевская власть больше не воспринимаются как нечто абсолютно чуждое римской традиции и системе ценностей.

Прежде чем продолжить рассмотрение письма Сидония Аполлинария посвященного Теодориху II, мы должны поставить один немаловажный вопрос, зачем оно все-таки было написано. Все сказанное нами выше по поводу *civilitas*, позволяет предположить, что данное письмо может иметь программный характер. Впрочем, его расположение в самом начале сборника объясняется, скорее всего, датой написания (около 455 г.). Однако данное объяснение проблему не снимает, а лишь уточняет. Надо понять, почему Сидоний Аполлинарий счел необходимым сохранить это раннее послание, притом, что остальные письма сборника написаны существенно позже. Привлекает внимание и личность адресата послания. Письмо адресовано Агриколе, шурина Сидония Аполлинария, сыну Авита. Если мы вспомним, что в 455 году Авит поддерживал с вестготским двором в Тулузе очень тесные дружеские отношения, вылившиеся, в конечном итоге в провозглашение Авита императором, то выглядит очень сомнительным, чтобы сын будущего императора обращался за сведениями о друге и покровителе их семьи к своему шурина Сидонию Аполлинарию. Скорее можно предположить другое. Возможно, это послание является своего рода литературной мистификацией, фиктивным письмом, и сделано это с той целью, чтобы придать документу явно пропагандистского характера вид более спонтанный, личный, а написание подобного послания было доверено самому выдающемуся литератору из ближайшего окружения Авита.

Кроме того, в начале послания мы сталкиваемся с очень примечательным оборотом – *seapeniterno postulasti*, который тут же напоминает нам первые слова из «De oratore» Цицерона. Затем, в самом конце текста Сидоний Аполлинарий особо оговаривает, что он хотел написать «письмо», а не «историю», как будто читатель мог в чем-то засомневаться¹⁵. К тому же любопытно, что Сидоний Аполлинарий не довольствуется простым уточнением, что пишет по просьбе своего шурина, но сверх того, выражает свое удовольствие «благодарством его столь тактичной любознательности»¹⁶. Совершенно очевидно, что комплимент предназначен скорее королю, чем адресату послания, и его наличие объяснимо, только если это «открытое письмо» действительно было ориентировано на широкую аудиторию. Все это очень понятно, учитывая ситуацию и ту поддержку, которую оказал Авиту Теодорих II. Тем не менее, трактовка письма будет существенно корректироваться в зависимости от того, считаем ли мы это послание фактом частной переписки, ставшей достоянием публики лишь после публикации корреспонденции Сидония Аполлинария, или же, как мы и предполагаем, оно с момента написания должно было в качестве политической прокламации немедленно распространяться.

Прежде всего, в письме дается детальный физический портрет короля вестготов, причем Сидоний Аполлинарий особо выделяет его красоту и силу. Подробно останавливаясь на внешности Теодориха II, автор получает возможность в полной мере блеснуть своими литературными талантами. Сидоний Аполлинарий очень любит развернутые описания, в его сочинениях много примеров подобного рода¹⁷. Однако, если мы вспомнили эти тексты, то только для того, чтобы подчеркнуть, насколько портрет Теодориха II от них отличается. Действительно, в данном случае Сидония Аполлинария совершенно не заботит этнографическая проблематика. Лишь один раз, говоря об обычае закрывать волосами уши, автор отсылает нас к традициям варварского мира: «по обычаю своего народа»¹⁸. Автор ни словом не

¹⁵ *Sid. Apoll. Ep. I, 2*: «...non historiam sed epistulam efficere curavi». Об обстоятельствах написания письма см.: *Stevens C.E.* 1933, 23–24. Он предполагает, что Сидоний Аполлинарий стремился выяснить намерения Теодориха II в отношении галло-римской аристократии.

¹⁶ *Ibid.* 1: «laudans in te tam delicatae sollicitudinis ingenuitatem...».

¹⁷ Портрет гуннов (*Sid. Apoll. Carm. II, 243–251*); франков (*Sid. Apoll. Carm. V, 237*); саксонцев (*Sid. Apoll. Carm. VIII, 6*) и др.

¹⁸ *Sid. Apoll. Ep. I, 2*: «...sicut mos gentis est». Портрет Теодориха II подробно рассматривается Г. Фогтом (*Vogt H.* 1934, 26–38).

говорит по поводу варварской одежды, тогда как в другом письме Сидоний Аполлинарий противопоставляет меха, в которых ходят варварские короли, императорскому пурпуру¹⁹.

Затем Сидоний Аполлинарий обращается к описанию обычного распорядка дня правителя. Сначала король посещает церковную службу, и автор подчеркивает, что верность Теодориха II арианству идет скорее от привычки, нежели от глубокого убеждения²⁰. После службы, король посвящает себя государственным делам. Касается Сидоний Аполлинарий и способов репрезентации личности короля. Верша дела, Теодорих II восседает на троне, окруженный своими сановниками и приближенными²¹. Далее Сидоний Аполлинарий упоминает портьеры и балюстраду (*cancelli*): перед нами описание той же самой обстановки, которую мы видим на мозаике, изображающей дворец в Равенне, в Сент-Аполлинерле-Неф в верхней части правого нефа. Читая все эти описания, мы не находим ничего, что бы говорило о том, что перед нами правитель варваров, наоборот, очень многое прямо напоминает императора. Единственная деталь, отсылающая нас к германцам, это стража, те самые *pelliti satellites*, которые, действительно, держатся

¹⁹ *Sid. Apoll. Ep. VII, 9*: «...vel ante pellitos reges vel ante principes purpuratos». Обратим внимание, что оппозиция здесь двойная: *pelliti/satellites* и *reges/principes*.

²⁰ *Sid. Apoll. Ep. I, 2*: «Quamquam, si sermo secretus, possis animo advertere quod servet istam pro consuetudine potius quam pro ratione reverentiam». Выражение *si sermo secretus* А. Луайен предлагает понимать «между нами говоря». Мы же скорее понимаем его по-другому: «если беседуют с ним частным образом», так же как и В. Андерсон в своем издании Сидония Аполлинария (I. P. 338). Сам он переводит следующим образом: «between ourselves», однако в примечании добавляет: «Or possibly “if one talks to him in private”». Х. Гизек толкует этот фрагмент весьма вольно: «Kam man jedoch in engerem Kreise darauf zu sprechen, war klar erkennbar, dass er das mehr aus äusserlichen Gründen denn aus Überzeugung tat». Сидоний, действительно, только что упоминал арианских священнослужителей в выражении: «sacerdotum suorum coetus». Перед своими епископами король строит из себя праведника, но в частной жизни совсем другое дело. Такая интерпретация кажется тем более обоснованной, если, как мы и предполагаем, основная цель письма – пропаганда Теодориха II. Терпимость, проявляемая им в религиозных вопросах, является как раз той добродетелью, о которой следовало говорить, дабы снискать ему симпатии римлян.

²¹ *Sid. Apoll. Ep. I, 2*: «Circumsistit sellam comes armiger». Немного ниже: «surgit e solio». Внимание Сидония Аполлинария к роскоши и блеску германской королевской власти ярко проявляется также в описании кортежа Сигисмера, жениха дочери короля Бургундии (*Sid. Apoll. Ep. IV, 20*).

за портъерами²². Желая показать короля при исполнении его *cura regni administrandi*, Сидоний Аполлинарий решает описать не заседание короля в своем совете, но церемонию, где бы король мог к тому же предстать еще и во всем блеске своего великолепия, т.е. торжественную аудиенцию. При этом надо учитывать, что прием *legationes gentium*²³ сам по себе является привилегией носителя верховной власти, т.е. в том мире это была безусловная прерогатива императора²⁴. Принимая этих послов *gentes* и беседуя с ними, вестготский король Теодорих II ведет себя скорее как их суверен, принимающий решения, нежели как король народа, подобного тем, которые они представляли:

«он много слушает, но отвечает мало; словно он откладывает на более позднее время все, что требует размышления, и быстро решает то, что не представляет трудности. Наступил второй час, он поднимается со своего трона...»²⁵.

Даже избранный Сидонием Аполлинарием стиль описания подчеркивает этими бессюзными связями властность, холодность и бесстрастность, присущие его манере править.

Величие, демонстрируемое Теодорихом II, является одним из элементов его *civilitas*. Мы полагаем, исходя из того, что это слово вводится Сидонием Аполлинарием в самом начале письма, что именно им определяется главная, сквозная идея текста, охватывающая все его части, а не только раздел, где говорится о приветливости Теодориха. Таким образом, мы можем отметить следующее. Как мы уже говорили, понятие *civilitas*, которое до Сидония и в те времена, когда идеал принципата как республиканской магистратуры был еще осязаемым, служило для выражения способности правителя абстрагироваться от своей функции и вести себя как *privatus*, в процессе развития, при всей его внешней противоречивости и непоследовательности, принимает значение соответствия образа поведения римской традиции и системе ценностей: таким

²² *Sid. Apoll. Ep. I, 2*: «pellitorum turba satellitum ne absit, admittitur, ne obstrepat, eliminatur...».

²³ *Ibid.*: «Inter haec intromissis gentium legationibus audit plurima, pauca respondet...».

²⁴ Понимание А. Луайеном под *gentium* «чужеземных народов», как кажется, не совсем корректным. *Gentes* – это варвары и, принимая их, Теодорих II ведет себя как верховный правитель.

²⁵ *Sid. Apoll. Ep. I, 2*: «...audit plurima, pauca respondet; si quid tractabitur differt; si quid expeditur, accelerat. Hora est secunda: surgit e solio».

образом, для *rex* обладать *civilitas* значило вести себя подобно императору²⁶. Если принять и негативное определение, то тогда *civilitas* будет означать разрыв с варварским миром, вхождение в римскую политическую «цивилизацию», символически обыгранное в письме как исключение из *pellitorum turba satellitum*.

Из следующего раздела мы узнаем о ловкости, проявляемой королем на охоте, о том, чем и как он питается, и о развлечениях, в которых он принимает участие²⁷. В ходе своего рассказа Сидоний Аполлинарий неоднократно подчеркивает простоту и доступность короля, присущие ему любезность и приветливость в обхождении. При этом, конечно, надо учитывать, что речь идет о короле, и какие бы черты создаваемого портрета ни имелись в виду, автор всегда мысленно соотносит сказанное с нормативным, идеальным представлением о достоинстве королевской особы. На всем протяжении этого не столь уж длинного фрагмента прилагательное *regius* встречается, по меньшей мере, пять раз²⁸. Таким образом, все похвалы, которые Сидоний Аполлинарий расточает Теодориху II, приобретают дополнительную политическую окраску. Даже в тех качествах, которые, казалось бы, относятся к его образу действий в частной жизни, все равно проявляется истинно королевский характер. Та самая *civilitas*, которая в случае, если бы речь шла о сенаторе, была бы просто учтивостью, для Теодориха II является знаком его приверженности концепции королевской власти, противоположной тирании. Здесь Сидоний Аполлинарий не просто создает портрет правителя, чрезвычайно заботящегося о соблюдении своего королевского достоинства, но и сам представляет себе этот портрет в соответствии с идеальным образцом *rex*. Даже в такой незначительной детали, как отказ нести лук на боку даже на охоте, проявляется важность тщательного соблюдения этикета и забота о поддержании королевского достоинства, доведенные до мелочей²⁹. Впрочем, мы уже говорили о том, с какой тщательностью разрабатывался и соблюдался церемониал проведения королевской аудиенции.

²⁶ У Кассиодора понятие *civilitas* будет служить для подтверждения соответствия образа и характера правления Теодориха Великого императорской модели. Ср.: *Sid. Apoll. Ep. VI, 4*: «*medicinam civilitatemque*».

²⁷ *Aymard J. 1964, 47–53*.

²⁸ *Sid. Apoll. Ep. I, 2, 5*: *gravitas regia*; 6: *regia disciplina*; 8: *regia severitas*; 9: *cena regia*; 10: *regia domus*.

²⁹ *Sid. Apoll. Ep. I, 5*: «*arcum lateri innectere citra gravitatem regiam iudicat*». См.: *Aymard J. 1964, 47–53*.

С другой стороны, Сидоний Аполлинарий старается показать, что за рамками выполнения, так сказать, официальных обязанностей короля, связанных с задачами управления, король стремится вести себя как обычный человек, как бы забывая о своем высоком статусе. Сам факт употребления дважды слова *privatus* служит дополнительным подтверждением высказанной точки зрения. Например, при проведении королевских пиров достигается сочетание среди прочего *privata diligentia* и *regia disciplina*³⁰. В обычные дни *convivium* представляет собой *simile privato*³¹. Кроме того, мы должны обратить внимание еще на некоторые авторские приемы и приводимые формулы, например, с использованием литоты, которые снимают с короля готов всякие подозрения в склонности к тиранической форме правления: король легко краснее, но это происходит от скромности, а не от гнева; в игре, когда он пропускает удар или сам действует неудачно, то никогда не выходит из себя, а относится ко всему происходящему как философ³². Конечно, оппозиция *irasci* и *philosophari*, касающаяся игры в кости, вряд ли призвана вызывать в воображении образы короля и тирана. Хотя, тот факт, что *philosophari* практически никогда не употребляется в переносном смысле, позволяет, может быть, видеть в этом словоупотреблении аллюзию на знаменитый платоновский образ правителя-философа. К тому же, в традиционном портрете тирана *ira* сопровождается *timor*, а Сидоний Аполлинарий завершает свой рассказ о невозмутимости и уравновешенности Теодориха II примечательным психологическим замечанием: *timet timeri*³³. Наконец, разве нельзя увидеть философский подтекст в замечании Сидония Аполлинария по поводу музыкальных пристрастий короля? Ему доставляет удовольствие звучание только тех инструментов, «сила которых пленяет душу не

³⁰ *Sid. Apoll.* Ep. I, 2, 6: «Videas ibi elegantiam graecam, abundantiam Gallicanam, celeritatem Italiam, publicam pompam, privatam diligentiam, regiam disciplinam». Королевская трапеза всегда и везде занимала важное место в придворном церемониале. Авит Вьеннский посвятил ее описанию довольно-таки юмористическое письмо (*Avit.*, Ep. 86). Кассиодор формулирует правило, согласно которому на ней должно царить изобилие. Венанций Фортунат с почтением называет некоторых сановников *conviva regis*, что, впрочем, было и официальным титулом (См.: Zöllner E. 1970).

³¹ *Sid. Apoll.* Ep. I, 2, 6.

³² *Sid. Apoll.* Ep. I, 2, 3: «non ira sed verecundia»; 7: «in neutris irascitur, in utrisque philosophatur».

³³ *Sid. Apoll.* Ep. I, 2, 8: «Dicam quod sentio: timet timeri».

меньше, чем мелодия слух»³⁴. Разделяемый Теодорихом II интерес к проблеме морального воздействия музыки, делает его отдаленным последователем Аристоксена Тирентского.

Возможно, что предложенный нами комментарий послания Сидония Аполлинария, посвященного Теодориху II, покажется излишне подробным и местами натянутым. Впрочем, если некоторые наши интерпретации являются спорными, то все же два соображения самого общего порядка нельзя поставить под сомнение: первое, что письмо, безусловно, проникнуто личной симпатией автора к королю готов, второе, в том, что касается правителей германских народов, рассмотренное послание является первым образцом подобного рода. Конечно, в римской литературе были авторы, относившиеся благосклонно, или даже идеализировавшие, иностранных государей. В подтверждение этого можно было бы привести одобрительные замечания Цицерона о Массиниссе³⁵, или же отношение к Александру Македонскому на всем протяжении истории Римской империи. Но все это касается эллинистических правителей, или таких, как Массинисса, т.е. испытавших эллинистическое влияние, относительно германских правителей ничего подобного не встречалось, что подтверждается приведенными выше ссылками на Цезаря, Тацита и Аммиана Марцеллина. Таким образом, основное значение письма Сидония Аполлинария о Теодорихе II заключается в том, что впервые, и по сути, и хронологи-

³⁴ *Ibid.* 9: «sic tamen quod illic nec organa hybraulica sonant nec sub phonasco vocalium concentus mediatum acroama simul intonate; nullus ibi lyristis, choraulis, mesochorus, tympanistria, psaltria canit, rege solum illis fidibus delinito, quibus non minus mulcet virtus animum quam cantus auditum». При кажущейся простоте, некоторые детали приведенного фрагмента не вполне очевидны. Так, требует пояснения, что такое *fides*, которые противопоставляются всех прочим инструментам, включая лиру и кифару? Бесспорно только то, что, во-первых, Теодорих не любил музыку ради самой музыки, и, второе, что сам Сидоний Аполлинарий не слишком хорошо разбирается в этих вопросах. В начале *Carmen XVI* Сидоний Аполлинарий призывает свою *fides* пренебречь «Phoebum <...> ogygiatque chelym». А. Луайен, стремясь разобраться со значениями слов, различает лютню поэта и лиру: «пренебреги, моя лютня, лирой Феба». Однако это странное и с музыковедческой точки зрения различие, отнюдь не способствует разрешению проблем, вызванных неточностью словоупотребления у Сидония Аполлинария. Об увлечении королей музыкой говорит и Кассиодор, сообщая о кифареде, посланном Теодорихом Великим Хлодвигу (*Cassiod. Var.* II, 41).

³⁵ *Cic. Lael.*, 34; *Rep.*, VI, 9.

чески, правитель народа, происходившего из-за Рейна или из-за Дуная, в данном случае король вестготов, вводится в сообщество государей, признанных таковыми римской традицией, в первую очередь литературной, но также и политической. Здесь мы видим, как методом проб и ошибок, мучительных сомнений и колебаний, интеллектуальных, морально-этических, эстетических, начинается процесс, требующий в будущем еще колоссальных усилий, выработки форм и средств, подходящих для формирования и выражения новой реальности, в которой германская традиция и германская королевская власть заговорит риторическим языком латинской мысли.

Личность Теодориха II, его римское образование³⁶, поддержка, оказанная им Авиту и позволившая ему стать императором, являются, конечно же, важнейшими факторами, определившими столь благосклонное отношение Сидония Аполлинария к королю вестготов. Есть ли у нас, тем не менее, основания подозревать, что Сидоний Аполлинарий не верил в том, о чем так убедительно писал? Историк, находящийся в курсе того, как закончил Авит, оставленный без вестготской поддержки, свое недолгое правление, может считать соглашение между Авитом и Теодорихом II ловким дипломатическим маневром, или даже западней. В таком случае, чего стоят свидетельства панегирика Авиту? Нам нужно было бы знать мнение Сидония Аполлинария после смерти его тестя.

Впрочем, у нас есть одно подтверждение тому, что Сидоний Аполлинарий не изменил свою позицию относительно Теодориха II. В *Carmen XXIII*, которая была написана между 463 и 466 годами³⁷, т.е. явно после краха Авита, Сидоний Аполлинарий прославляет год Нарбонну, захваченный вестготами:

«Поэтому Теодорих, любимый Марсом военачальник, превосходящий даже своего великого отца, честь и украшение готов, спасение и оплот римского народа, любит тебя, и находит в твоём прошлом, в твоём прежнем сопротивлении, гарантию твоей верности по отношению к себе»³⁸.

³⁶ *Sid. Apoll. Carm.* VII, 481–490.

³⁷ См.: Издание А. Луайена. I. P. 196. Note 4.

³⁸ *Sid. Apoll. Carm.* XXIII, 69–73. См. замечание А. Луайена в предыдущем примечании, относительно исторических событий, составляющих подтекст данного прославления. «Hinc te Martius ille rector atque / magno patre prior, decus Getarum / Romanae columen salusque gentis, / Theudoricus amat sibi que fidem / Adversos probat ante per tumultus»

Следует признать, что Сидоний Аполлинарий руководствовался не только личными или семейными интересами. За союзом Теодориха II и Авита ему виделся союз римлян и вестготов. Для того чтобы выразить мысль одно слово иногда оказывается важнее целой речи. Когда Сидоний Аполлинарий говорит об Авите, бывшем еще *magister militum*, который направлялся в Тулузу заключать мир с вестготами, он сравнивает его и Теодориха II с Ромулом и Татием³⁹. Подобное сравнение чрезвычайно многозначительно. Ведь, как подчеркивает Тит Ливий⁴⁰, речь шла не просто о заключении мирного договора между римлянами и сабинянами, но именно о слиянии двух народов. Т.е. Сидоний Аполлинарий представляет соглашение Авита с вестготами, опираясь на модель слияния, которое, можно сказать, стало некогда фактически вторым основанием Рима. Тот фон и то окружение, состоявшее из собрания старейшин готов, перед которым разворачиваются дальнейшие переговоры короля и военачальника, также скорее навивают воспоминания о благородной простоте прежних времен, нежели чем о грубости и неотесанности варваров: «Они совещались стоя, быть может, старые годами, но твердые в суждениях»⁴¹.

Мы видим по многим деталям, что, подробно не разрабатывая эту тему, Сидоний Аполлинарий, тем не менее, довольно чувствительно относится к престижу того, что в недалеком будущем можно будет называть вестготским престолом. Из нескольких текстов мы можем понять, какое место стало занимать вестготское королевство в окружающем мире. Жена Аэция сетует по поводу зарождающейся славы Майориана, которого она считает потенциально опасным соперником для своего сына Гауденция:

«какое королевство я доставлю своему сыну, потеряв права на вестготский престол, если республика меня забудет, если, сверх того, мой маленький Гауденций будет сокрушен судьбой Майориана?»⁴².

³⁹ *Sid. Apoll. Carm.* VII, 437: «Haud secus insertis ad pulvinaria palmis / Romulus et Tadius foedus jecere...».

⁴⁰ *Liv.* I, 13, 4: «Nec pacem modo sed civitatem unam ex duabus faciunt. Regnum consociant: imperium omne conferunt Romam».

⁴¹ *Sid. Apoll. Carm.* VII, 453: «...stat prisca annis viridisque senectus / consilijis».

⁴² *Sid. Apoll. Carm.* V, 203: «...gnato quae regna parabo / exclusa sceptris geticis, respública si me / praeterit et parvus super hoc Gaudentius hujus / calcatur fati?».

Далее она видит в дружбе, связывающей Майориана и Рицимера, несокрушимый союз двух могущих сил:

«Кроме того, его связывают узы дружбы с молодым человеком, в котором ожила великая душа его королевского предка. Куда ты повернешь? Один влечет свою судьбу к вершинам мира, оба туда стремятся»⁴³.

Таким образом, вестготский трон, наряду с императорским, оказывается одной из *culmina mundi*. Именно поэтому вполне уместна и прилична просьба богини Ромы, чтобы Алипия, дочь Антемия, вышла замуж за Рицимера: «у вас есть девушка королевской крови, а у меня есть сын короля»⁴⁴.

В мире Сидония Аполлинария королевская власть, будь она римской или варварской, сама по себе является и признается ценностью. Ее обладатель воспринимается как человек, отмеченный благосклонностью фортуны, ему выпадает на долю лучший удел. В подобном восприятии легко увидеть отражение умонастроения аристократа, живущего в обществе, где происхождение и семейные связи предстают гарантией успеха. Но не менее важно отметить, что, осмысленная в рамках традиционных римских понятий и категорий, королевская власть в значительной степени сглаживает противостояние римлян и варваров, но, что еще серьезнее, трансформирует понимание императорской власти как магистратуры. Это уже не единственная должность, обладание которой представляет высшую власть. Наряду с ней существуют люди, которые, по праву рождения, или по выпавшему на их долю жребия судьбы (*fatum* в приведенном выше фрагменте), заслуживающие королевскую власть. Исходя из подобной перспективы, очень важную роль начинают играть всякие знаки и знамения, предвещающие получение этой власти, то, что Сидоний Аполлинарий называет *notae imperii*⁴⁵. Конечно, всяческие *omina* подобного рода хорошо известны по всей истории Рима, как республиканского, так и императорского. Очень важное место занимают они у Светония, у SHA⁴⁶, но там речь идет о знаках, можно сказать космического,

⁴³ Sid. Apoll. Carm. V, 266: «...Coniunctus amore / praeterea est juveni, grandis quem spiritus armat / regis avi. Quo te veritas? Ad culmina mundi / hic fatum fert, ambo animum». По женской линии Рицимер был внуком Валия, короля вестготов.

⁴⁴ Sid. Apoll. Carm. II, 485: «...est vobis regia virgo, / Regius ille mihi».

⁴⁵ Sid. Apoll. Carm. II, 103.

⁴⁶ См.: Kisch Y. de. 1973, 190–207 и Balland A. 1974, 39–56.

вселенского значения, ибо они предвещают появление повелителя мира. Предзнаменования, предвещающие Антемию императорскую власть, тоже, конечно, представляют собой особые, необычные природные явления, однако, они указывают не на появление повелителя мира, а только на правителя *pars Occidentis*. Наряду с этим есть пример Рицимера, которому его предназначение и права на *regnum* гарантированы двойным королевским происхождением. Значение, которое Сидоний Аполлинарий придает королевскому происхождению, можно в полной мере оценить по тем обвинениям, которые он выдвигает против Гензериха:

«Король вандалов кичится отцом, о котором ничего не известно, тогда как определено установлено, что его мать – рабыня. И чтобы сейчас считаться сыном короля, он объявляет об адюльтере своей матери. Так он завидует, что Рицимера призывают царствовать два королевства, ибо он свев по отцу и гот по матери»⁴⁷.

Конечно, мы прекрасно понимаем, что панегирик Антемию является одновременно и панегириком Рицимеру. Однако можно было найти другие формы и способы похвалить патрикия, и они были бы найдены, если бы указание на королевское происхождение как на явное преимущество не соответствовало менталитету эпохи или данного социального круга. Таким образом, Гензерих считался дискредитированным неопределенностью своего происхождения, более того, он не имел королевского предназначения и королевского духа⁴⁸. Даже если допустить, что сам Сидоний Аполлинарий не придавал большого значения подобной аргументации, тем не менее, само ее использование свидетельствует о том, что в целях пропаганды, развернутой вокруг Рицимера, она была вполне уместна⁴⁹.

⁴⁷ Sid. Apoll. Carm. II, 358: «Incertum crepat ille patrem, cum serva sit illi / certa parens; nunc ut regis sit filius, effert / matris adulterium. Tum livet quod Ricimerem / in regnum duo regna vocant...».

⁴⁸ Sid. Apoll. Carm. V, 335–337. Фактически перед нами настоящее сатирическое изображение Гензериха, в котором он предстает новым Ганнибалом, алчным, прожорливым и разрушенным всяческими излишествами.

⁴⁹ Sid. Apoll. Ep. I, 9. Автор пишет о браке Рицимера, что если их брачный союз и «разорил» обе империи, то это потому, что они обе отдали самое дорогое: Восток предоставил невесту, а Рицимер воплощает в себе *pars Occidentis*.

Вряд ли нуждается в особых пояснениях то, что все, о чем выше шла речь, не несет на себе ни малейшего следа германской традиции. Королевская власть, представленная в изложении Сидония Аполлинария, равным образом присуща и римской императорской традиции и германским *reges*. При таком понимании власти между ними нет никаких существенных различий. Сидоний Аполлинарий ни разу не упоминает о мифологических источниках германской королевской власти. И нам не важно, знал ли он о них вообще, или сознательно обошел молчанием: для него эта сторона вопроса интереса не представляла. Также необходимо отметить, что королевская власть для Сидония Аполлинария не связана напрямую с осуществлением высшей власти. Рицимер является только высоким должностным лицом империи, хотя он и обладает королевским происхождением, которое передаст своим потомкам. Гензерих по сути дела тоже обладает в своем королевстве высшей властью, но при этом он не «сын короля». Подобное различие королевской власти, понимаемой как занятие определенной должности, ранга или положения, и действительным осуществлением высшей власти, полностью укладывается в традиционную римскую систему представлений. Наконец, третье наблюдение. Для Сидония Аполлинария принцип наследования играет самую важную роль при передаче королевской власти.

Пока был жив миролюбивый Теодорих II, Сидоний Аполлинарий вполне мог позволить себе быть оптимистом. На это время приходится написание его основных панегириков, хотя панегирик Антемию был создан спустя год после смерти вестготского короля⁵⁰. Если наша интерпретация обличенной в риторическую форму концепции Сидония Аполлинария достаточно корректна, мы можем допустить, что с течением времени Сидоний Аполлинарий поверил в возможность мирного сосуществования с вестготами⁵¹. Разве не расселились они в Аквитании на основании *foedus*, надлежащим образом заключенного с императором? Примирительная позиция Сидония Аполлинария признается большинством исследователей⁵², и, если мы сочли необходимым еще раз вернуться к

⁵⁰ Теодорих II умер в 466 г. Панегирик Антемию Сидоний Аполлинарий произнес 1 января 468 г. См.: *Loyen A.* Introduction. P. XIX.

⁵¹ См.: *Courcelle P.* 1964, 166–171.

⁵² Амбивалентность позиции Сидония Аполлинария, римлянина по духу и друга вестготов, прекрасно проанализирована в работе Р. Латуша: *Latouch R.* 1962, 389–390. См. также: *Harries J.* 1994, 127–129; 1996, 31–

этому, то только для того, чтобы четко определить, какое место занимало отношение к королевской власти в его системе представлений. Он видел в Теодорихе II не только образованного человека и трезвого политика, но также воплощение истинно королевского достоинства. Для него Теодорих II является скорее королем *par excellence*, чем королем готов. Мы также видим, каким образом Сидоний Аполлинарий согласовывает свои представления об империи с возможностью присутствия внутри этой империи носителей королевской власти⁵³. Разумеется, Сидоний Аполлинарий продолжал испытывать чувства неприязни к варварам, но эта неприязнь была социального, культурного, религиозного, но не этнического порядка. При этом он совершенно не возражает против самого факта присутствия вестготов на римских землях, ибо в этом и заключается смысл существования империи.

Если бы преемник Теодориха II унаследовал бы вместе с королевством и его качества политика и человека, тогда, возможно, Галлия стала бы целиком вестготской, а не франкской. Эйрих совершил немало ошибок, но роковой оказалась проводимая им религиозная политика⁵⁴. Без его воинствующего арианства завоеванные территории легче было бы впоследствии удержать. Тем не менее, примечательно, что протесты Сидония Аполлинария против передачи Оверни вестготам были вызваны скорее чувством сострадания к согражданам, нежели заботой о сохранении единства империи. В его глазах это не пролог к разрушению *Respublica*, а предательство интересов местного населения, которое до сих пор оказывало решительное сопротивление вторжениям⁵⁵. Резкие возмущения Сидония Аполлинария против передачи Оверни вестготам окрашены сильным чувством регионального патриотизма⁵⁶. Он решительно отвергает попытки оправдать императорское решение заботой о солидарности и общих интересах: «Наше рабство

44; *Heather P.J.* 1992, 237–240; *Bruguière M.B.* 1974, 212–214; *Gualandri I.* 2000, 119–120; *Loyen A.* 1963, 447–448; *Mascoli P.* 2003, 302; *Mathisen R.W.* 1993, 117–118; *Prévot F.* 1999, 74–75; *Sivan H.* 1989, 87.

⁵³ См. интересные наблюдения по этому поводу: *Harries J.* 1996, 31–44.

⁵⁴ О религиозной политике Эйриха см.: *Stroheker K.F.* 1937, 175–181; *Giesecke H.E.* 1939, 94–103; *Ewig E.* 1960, 21–25; *Harries J.* 1994, 222–231; *Mathisen R.W.* 1989, 214–217.

⁵⁵ *Sid. Apoll.* Ep. VII, 7.

⁵⁶ Именно в этом письме (*Sid. Apoll.* Ep. VII, 7) содержится указание на происхождение арвернов от троянцев, правда, автор далее не развивает тему героической жертвенности.

стало ценой, которую заплатили за безопасность других»⁵⁷. Он охотно принес бы в жертву другую провинцию, чтобы сохранить Овернь⁵⁸. Опасения епископа Клермона, безусловно, понятны, ведь его родина переходит под контроль правителя, фанатичная приверженность которого арианству была хорошо известна. Страх перед возможными репрессиями был тем более оправдан, поскольку провинция упорно сопротивлялась вестготам и была передана им непобежденная, т.е. у арвернов не было еще необходимости просить короля о милосердии. Однако Эйрих был братом Теодориха II, права которого на Аквитанию Сидоний Аполлинарий никогда не ставил под сомнение. Получает, что Сидоний Аполлинарий не хочет для себя того, что считает вполне нормальным для других?

В действительности, позиция, занятая Сидонием Аполлинарием, объясняется его возмущением из-за разрыва *foedus* 418 года. Король готов вдруг начал проводить агрессивную «внешнюю» политику. Сидоний Аполлинарий пишет Василию, епископу Экса (Aquensis):

«Пусть король Эйрих, после того как он нарушил и разорвал прежний договор, защищает или расширяет правом оружия пределы своего королевства, и не позволено ни нам, грешным, обвинять его в этом, ни вам, святым, оспаривать это»⁵⁹.

⁵⁷ Sid. Apoll. Ep. VII, 7: «Facta est servitus nostra pretium securitatis alienae».

⁵⁸ Sid. Apoll. Ep. VII, 7: «Namque alia regio tradita servitium sperat, Arverna supplicium».

⁵⁹ Sid. Apoll. Ep. VII, 6: «Evarix, rex Gotorum, quod limitem regni sui rupto dissolutoque foedere antique vel tutatur armorum jure vel promovet, nec nobis peccatoribus hic accusare nec vobis sanctis hic discutere permissum est». Приведенная здесь форма написания имени короля *Evarix* заслуживает отдельного обсуждения. Это единственный случай ее использования у Сидония Аполлинария, и интересно, что эту же форму использования и Григорий Турский (*Greg. Tur.* HF, II, 25), где он точно ссылается на это письмо Сидония Аполлинария епископу Василию. Исходя из этого, можно предположить, что подобное написание восходит к самому Сидонию Аполлинарию, и не является искажением, допущенным в рукописной традиции. Во всяком случае, написание *Evarix* никак не может считаться кельтской трансформацией латинского *Euricus*, см.: Jullian C. 1902, 90. Исследователь отмечает: «в одно и то же время писали *Biturix* и *Bituricus*, совсем как если бы *rix* и *ricus* являлись аналогичными суффиксами». Следует ли на основании этого написания предположить, что Сидоний не случайно воспользовался народным произношением имени короля вест-

Эта фраза Сидония Аполлинария, историческое содержание которой подчеркивал еще А. Луайен⁶⁰, заслуживает особого внимания точностью избранного словоупотребления. Она, как нам представляется, скорее затрагивает правовую сторону вопроса, нежели фактическое положение дел. Сидоний Аполлинарий рисует здесь Эйриха не разнузданным, жаждущим завоеваний варваром, а скорее королем, добившимся независимости и отстаивающим ее. Владеть территорией, защищать ее, а в случае необходимости расширять силой оружия, из всего это складывается понятие суверенитета⁶¹. Выражение «право оружия», которое использует Сидоний Аполлинарий, не имеет никакого иронического оттенка: оно с абсолютной точностью определяет, соотносясь с прежним договором о союзе с империей, характер новых отношений одного государства с другим. Именно поэтому так настойчиво звучит в письме тема границ, может быть, следовало бы переводить этот *genetivus possessivus* в словосочетании *litem regni sui* особенно его акцентируя: «границы королевства, которое принадлежит ему». Когда А. Луайен замечает по поводу этого фрагмента, что в результате разрыва *foedus* преобразуется *sors gothica* в *regnum*, он, безусловно, прав, если придерживаться строгой терминологии императорской канцелярии⁶². Но повседневная языковая практика была другой, и Сидоний Аполлинарий со времен Теодориха II говорил о *regnum*⁶³. Впрочем, в этом последнем примере, возможно, *regnum* означает исполнение королевских функций, т.е. должности или королевской власти, а не собственно территорию, т.е. королевство⁶⁴, тогда как в тексте об Эйрихе значение слова *regnum* в смысле территории – очевидно.

Таким образом, мы встречаем в сочинениях Сидония Аполлинария два прямо противоположных портрета короля. Теодориху II, в королевском титуле которого воплощается идеаль-

готов, и что подобный выбор мог бы рассматривать как косвенный знак признания власти Эйриха?

⁶⁰ Luyen A. III. P. 190.

⁶¹ Ср. с Исидором Севильским: *Isid. Etym.*, XVIII, 2, 1: «omne regnum saeculi hujus bellis quaeritur, victoriis propagator».

⁶² Luyen A. III. P. 190. P. 190. N. 23.

⁶³ Sid. Apoll. Ep. I, 2, 4: «regni administrandi cura».

⁶⁴ А. Луайен переводит вышеприведенные слова как «свои королевские обязанности». Впрочем, следует отметить, что глагол *administrare* чаще употребляется с дополнением, указывающим на какую-то функцию, чем на территорию, которой правят, см.: ThLL. I. Col. 732.

ный образ королевской власти, исполненной истинного благородства в чувствах и действиях, противопоставляется его брат Эйрих, которого Сидоний Аполлинарий описывает в лучших традициях историков классического периода:

«Могучий своим оружием, неистовый в своих амбициях, кипучий своей молодостью, он стал жертвой только одной ошибки, он вообразил, что успех его решений и его предприятий предоставляется ему за надлежащее следование своей религии, тогда как он обязан им скорее своей земной удаче»⁶⁵.

Разница в тональности этих двух портретов Теодориха II и Эйриха бросается в глаза. И дело не в том, что Сидоний Аполлинарий не испытывает никакого восхищения перед Эйрихом, вполне возможно в чем-то оно даже ощущается, но что исчезает точно, так это решительное и недвусмысленное признание королевского достоинства. Вплоть до того, что Сидоний Аполлинарий даже задается вопросом, не является ли Эйрих скорее «королем своей секты, нежели своего народа»⁶⁶.

Конечно, этот портрет Эйриха соответствует, как наблюдениям Сидония Аполлинария над конкретной ситуацией в Галлии, так и его пастырской обеспокоенности за судьбу своей паствы, — реакция вполне естественная для епископа. Но, размышляя над историческими условиями, оказавшими влияние на автора, не следует пренебрегать и литературными архетипами, который существуют сами по себе в воображении писателя. И именно этот аспект нас сейчас интересует в гораздо большей степени. Создавая свое знаменитое послание о Теодорихе II, Сидоний Аполлинарий, конечно же, не обращался к королю за разъяснениями по поводу его отношения к той или иной концепции королевской власти. Рисуя портрет короля, он творил его образ в соответствии с тем, что он сам считал совместимым с *gravitas regia*. И вот тот же самый взгляд, направленный уже на Эйриха, видит за этой фигурой уже совсем другой образ, основывающийся на любопытном переплетении

⁶⁵ *Sid. Apoll. Ep. VII, 6*: «Ad hoc armis potens, acer animis, alacer annis hunc solum patitur errorem, quod putat sibi tractatum consiliorumque successum tribui pro religione legitima, quem potius assequitur pro felicitate terrena». Именно на этом тексте строится аргументация Х. Гизека по поводу существования связи между арианством и «Heil» (felicitas) германского правителя (*Giesecke H.E.* 1939, 94–103).

⁶⁶ *Sid. Apoll. Ep. VII, 6*: «...ut ambigas ampliusne suae gentis an suae sectae teneat principatum».

двух архетипов из двух великих традиций: это образ тирана, существующий в римской традиции, и образ чужеземного правителя-преследователя, египетского фараона или ассирийского царя, из традиции библейской⁶⁷.

Впрочем, мнение Сидония Аполлинария об Эйрихе менялось в зависимости от времени и обстоятельств. В письме, относящемся к самому началу его царствования, Сидоний Аполлинарий по просьбе своего друга пишет стихи в честь королевы Рагнахильды, жены Эйриха⁶⁸. Эти двенадцать стихотворений не содержат ничего примечательного, и интересны лишь тем, что представляют собой один из самых первых известных нам образцов той придворной поэзии, которой так прославится Венанций Фортунат столетие спустя. Мы не случайно вспомнили здесь певца Радегунды и Брунгильды. Ведь, действительно, в данных стихотворениях Сидония Аполлинария содержится практически весь спектр тем, которые вновь станут актуальными под пером придворного поэта правителей Австразии. Не пропадет втуне и призыв содействовать дальнейшей карьере автора, мотивированное тем, что его возвышением будет возвеличиваться и сам правитель⁶⁹. Также будет использоваться и еще один прием, когда в одной фразе перечисляются имена державных предков, родственников и потомков адресата, сопровождающиеся пожеланием, чтобы его славная династия продолжалась и оставалась на троне⁷⁰.

Безвестная Рагнахильда из письма Сидония Аполлинария оказывается обладательницей всех качеств и достоинств, присущих идеальной правительнице; таким образом, ее литературным портретом, как кажется, открывается целая галерея портретов германских

⁶⁷ *Sid. Apoll. Ep. VII, 4*: «Quin potius, si requires, ordinis res est, ut et dives hic purpura byssoque veletur et Lazarus hic ulceribus et paupertate feriat; ordinis res est ut, dum in hac allegorica versamur Aegyptio, Pharaon incedat cum diademate, Israelita cum cophino; ordinis res est ut, dum in hac figuratae Babylonis furnace decoquimur, nos cum Ieremia spiritalem Ierusalem suspiriosis plangamus ululatibus et Assur fastu regio tonans sanctorum sancta proculcet». *Fastus regius* со времен Цицерона принадлежит к топике тирана. Заметим также, что то смирение, которое Сидоний Аполлинарий здесь обнаруживает, аналогов в его сочинениях не имеет.

⁶⁸ *Sid. Apoll. Ep. IV, 8*. А. Луайен датирует это письмо 466–467 г.

⁶⁹ *Sid. Apoll. Ep. IV, 8, 5–6*: «Evodiumque libens non aspernare clientem / Quem faciens grandem tu quoque major eris».

⁷⁰ *Sid. Apoll. Ep. IV, 8, 7–8*: «Sic tibi cui rex est genitor, socer atque maritus / Gnatus rex quoque sit cum patre postque patrem».

королев, роль которых в истории будет уже весьма значительной. Было бы, конечно, абсурдно, отрицать влияние женщин на политическую жизнь Рима. Ливия, две Агриппины, сирийские императрицы, Евсевия, жена Констанция II, Галла Платидия, все эти умные и энергичные женщины сыграли существенную роль не только в политической, но и в интеллектуальной истории Рима⁷¹. Однако в своей основе императорский Рим был, конечно, мужским. Даже если некоторые женщины получали титул августы (*Augusta*), это было результатом специально принятых решений, а не естественного хода вещей. *Princeps* не имел соответствующей формы женского рода: грамматика находится здесь в полном соответствии с государственным правом. Королевская власть, напротив, обращается к паре *rex-regina*. Возникает закономерный вопрос, ответ на который совсем не очевиден. Оказал ли влияние принцип наследственной передачи власти, о котором мы уже упоминали и еще не раз в нашей работе будем к нему обращаться, неразрывно связанный с романо-германской традицией королевской власти, на усиление общественной роли и статуса женщины-королевы, или все было с точностью наоборот⁷². Это краткое отступление отнюдь не бесполезно, так как позволило нам показать, каким образом Сидоний Аполлинарий в сложных и весьма переменчивых обстоятельствах смог точно уловить атмосферу времени и оказаться тонким интерпретатором политических и социальных изменений своей эпохи.

Наконец, нужно еще отметить краткую хвалу Эйриху, содержащуюся в письме, адресованном Сидонием Аполлинарием своему близкому другу Льву, знаменитому высокопоставленному чиновнику и придворному Эйриха. Это послание, датированное А. Луайеном 476–477 годами, свидетельствует об изменении отношения Сидония Аполлинария к королю вестготов:

«Отставь на некоторое время столь прославленные речи, которые ты составляешь в качестве официального рупора двора и благодаря которым твой славный король сам лично, то внушает страх в сердца народов, обитающих за морями, то с высоты своего решения навязывает как победитель прочный договор варварам, трепещущим на берегах

⁷¹ См.: *Holum K.G.* 1982.

⁷² Этот вопрос волновал уже современников, как показывает, например, дискуссия относительно прав незаконнорожденных королевских отпрысков, о которой нас сообщает Григорий Турский.

Вакала, то в пределах своей увеличивающейся территории подчиняет свое оружие силе законов, как он подчиняет народы силой оружия»⁷³.

Буйный молодой человек первых лет правления превращается в законодателя, а угнетатель и гонитель христианского населения Оверни получает теперь право называться *rex inclitus*. Сидоний Аполлинарий, безусловно, учитывает то влияние и могущество, которого смог добиться для себя Эйрих на Западе. К этому моменту Западная Римская империя уже перестала существовать, и употребление эпитета *inclitus*, может быть, демонстрирует робкое желание Сидония Аполлинария передать упавшее знамя Запада в руки короля готов. Правда, Сидоний Аполлинарий никогда прямо не говорит о крушении Западной Римской империи, но мы также видели, что он всегда отдавал себе отчет в происходящих событиях, никогда не жил мечтами и не строил иллюзий. Он прекрасно понимал, какие новые центры силы возникли и поднимаются, он видел, как усиливалось и распространялось влияние вестготской королевской власти, и оставил нам доказательства этого своего понимания: от идеализированного, окрашенного римской политической философией портрета Теодориха II, к признанию, причем, без чрезмерной симпатии и аффектации, могущества Эйриха⁷⁴.

⁷³ *Sid. Apoll. Ep. VIII, 3, 3*: «Sepone pauxilium conclamatissimas declamationes, quas oris regii vice conficis, quibus ipse rex inclitus modo corda terrificat gentium transmarinarum, modo de superiore cum barbaris ad Vachelin trementibus foedus victor innodat, modo per promotae limitem sortis ut populos sub armis, sic frenat arma, sub legibus». Отметим употребление словосочетания *promotae sortis*, которое напоминает о *promovet* из письма VII, 6, рассмотренного выше. Также следует обратить внимание и на употребление слова *sors*, которое сохраняется, несмотря на разрыв договора 418 года, подтверждая тем самым наши замечания, сделанные выше. У Григория Турского слово *sors* будет означать часть или долю *regnum*, предназначенную для каждого из наследников Хлодвига.

⁷⁴ Ср.: *Sid. Apoll. Ep. IV, 22, 3*, адресованное также Льву Нарбоннскому и написанное приблизительно в 476–477 годах, где он признает за Эйрихом положение арбитра западного мира, которого вестготский король смог добиться: «Cotidie namque per potentissimi consilia regis, totius sollicitus orbis, partier ejus negotia et jura, foedera et bella, loca, spatia, merita cognoscis. Unde quis justius sese ad ista succinxerit, quam ille quem constat gentium motus, legationum varietates, facta ducum, pacta regnantum, tota denique publicorum rerum secreta didicisse, quique praestanti positus in culmine non necesse habet vel suppressere verum vel concinnare mendacium?». Из приведенного фрагмента ясно, что у Льва больше возможностей для написания истории своего времени, нежели у Сидония Аполлинария. Ко-

ЛИТЕРАТУРА

- Ammiani Marcellini Rerum Gestarum libri qui supersunt / Versehen von W. Seyfarth.* – Berlin, 1968–1971. Bd. I–IV.
- Apollinaire Sidoine.* Poèmes et letters / Texte établi et traduit par André Loyen. 3 vols. – Paris. Vol. 1: Poèmes. 1960; Vol. 2: Lettres (livres 1–5); Vol. 3: Lettres (livres 6–9), 1970.
- Apollinaris Sidonii Gai Sollii Epistulae et carmina / Rec. Chr. Luetjohann // MGH. AA. T. VIII.* – Berolini: Apud Weidmannos, 1887.
- Apollinaris Sidonius.* Poems and Letters / With an English translation by William B. Anderson, finished by W.H. Semple and E.H. Warmington. 2 vols. – Cambridge (Mass.). Vol. 1: Poems and Letters (books 1–2), 1936; Vol. 2: Letters (books 3–9), 1965.
- Aviti Alcimi Ecdicii.* Opera quae supersunt / Rec. R. Peiper // MGH. AA. T. VI. Pars 2. – Berolini: Apud Weidmannos, 1883.
- C. Suetoni Tranquilli Caesares / Ed. M. Ihm.* – Lipsiae, 1908.
- Cassiodorus. Variarum / Rec. Th. Mommsen // MGH. AA. T. XII.* – Berolini: Apud Weidmannos, 1894.
- Claudius Claudius.* Opera omnia / With an English transl. by M. Platnauer. Vol. 1. – Cambridge (Mass.): Harvard Univ. press, 1956.
- Claudien.* Oeuvres. T. II.1 et II.2: Poèmes politiques (395–398) / Texte établi et trad. par J.-L. Charlet. – Paris: Les Belles Lettres, 2000.
- Cornelii Taciti ab excessu divi Augusti libri.* – Oxonii, 1917.
- Gregorii Episcopi Turonensis Historiarum libri X / Rec. B. Krusch // MGH. Scriptorum rerum Merovingicarum. T. I. Pars I. Fasc. 1, 2, 3.* – Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1951.
- Hieronymus.* Contra Johann. Hierosolymit // PL. T. XXX.
- Paulus Orosius.* Historia adversum paganos libri VII / Ed. C. Zangemeister // CSEL. – Lipsiae. 1882. Vol. V.
- Ауэрбах Э.* 1976: Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе. – М.
- Уколова В.И.* 1989: Античное наследие и культура раннего средневековья (конец V – середина VII века). – М.
- Уколова В.И.* 1992: Поздний Рим: пять портретов. – М.
- Уколова В.И.* 1992а: «Последние римляне» и парадигмы средневековой культуры // ВДИ. 1, 104–118.
- Шкаренков П.П.* 2004: Римская традиция в варварском мире. Флавий Кассиодор и его эпоха. – М.
- Aymard J.* 1964: Sidoine Apollinaire et la chasse // Hommages à Jean Bayet, 47–53.
- Balland A.* 1974: Un taureau dans un arbre // Mélanges P. Boyancé. – Rome, 39–56.

- Bertolini O.* 1955: Gotia e Romania // Settimane di studio del Centro italiano di studi sull'alto Medioevo. III, 13–33.
- Bruguière M.B.* 1974: Littérature et droit dans la Gaule du Ve siècle. – Toulouse.
- Chianea G.* 1969: Les idées politiques de Sidoine Apollinaire // Revue historique de droit français et étranger. XLVII, 353–389.
- Courcelle P.* 1964: Histoire littéraire des grandes invasions germaniques. Paris.
- Courcelle P.* 1970: Sidoine philosophe // Mélanges K. Büchner. – Wiesbaden. I, 46–59.
- Ewig E.* 1960: Die Kathedralpatrozinien im römischen und im fränkischen Gallien // Historisches Jahrbuch. 79, 21–25.
- Giesecke H.E.* 1939: Die Ostgermanen und der Arianismus. – Leipzig.
- Gualandri I.* 2000: Figure di barbari in Sidonio Apollinare // Il Tardoantico alle soglie del Duemila. Diritto, religione, società: Atti del quinto convegno nazionale dell'Associazione di Studi Tardoantichi. – Pisa, 119–120.
- Harries J.* 1994: Sidonius Apollinaris and the Fall of Rome, AD 407–485. – Oxford.
- Harries J.* 1996: Sidonius Apollinaris and the frontiers of Romanitas // Shifting Frontiers in Late Antiquity. Aldershot, 31–44.
- Heather P.J.* 1992: Goths and Romans, 332–489. – Oxford.
- Holum K.G.* 1982: Theodosian Emperresses. Woman and Imperial Dominion in Late Antiquity. – Berkeley.
- Jullian C.* 1902: Vercingétorix. – P.
- Kisch Y. de.* 1973: Sur quelques omnia imperii dans l'Histoire Auguste // REL. 51, 190–207.
- Latouch R.* 1962: De la Gaule romaine à la Gaule franque: Aspects sociaux et économiques de l'évolution // Settimane di studio del Centro italiano di studi sull'alto Medioevo. IX, 379–409.
- Loyen A.* 1942: Recherches historiques sur les panégyriques de Sidoine Apollinaire. – Paris.
- Loyen A.* 1943: Sidoine Apollinaire et l'esprit précieux en Gaule aux derniers jours de l'Empire. – Paris.
- Loyen A.* 1955: Sidoine Apollinaire et les derniers éclats de la culture classique dans la Gaule occupée par les Goths // Settimane di studio del Centro italiano di studi sull'alto Medioevo. III, 265–284.
- Loyen A.* 1963: Résistants et collaborateurs en Gaul à l'époque des grandes invasions // Bulletin de l'Association Guillaume Budé. 22, 447–448.
- Mascoli P.* 2003: Gli ultimi difensori della civiltà galloromana: il padre di Sidonio Apollinare e i suoi contemporanei // Annali della Facoltà di lettere e filosofia dell'Università di Bari. 46.
- Mathisen R.W.* 1989: Ecclesiastical Factionalism and Religious Controversy in Fifth-Century Gaul. – Washington.
- Mathisen R.W.* 1993: Roman Aristocrats in Barbarian Gaul. Strategies for Survival in an Age of Transition. Austin.
- Oost S.I.* 1968: Galla Placidia and the law // Classical philology. LXIII, 114–121.

- Prévo F. 1999: Sidoine Apollinaire et l'Auvergne // Saint-Julien de Brioude (Haute-Loire): approche archéologique. – Clermont-Ferrand, 74–75.
- Semple W.H. 1967: Apollinaris Sidonius, a Gallo-Roman seigneur // Bulletin of the John Ryland's Library. – L., 136–158.
- Sivan H. 1989: Sidonius Apollinaris, Theoderic II and Gothic-Roman politics from Avitus to Anthemius // Hermes. 117, 74–107.
- Stevens C.E. 1933: Sidonius Apollinaris and his age. – Oxford, 1933.
- Stroheker K.F. 1937: Eurich, König der Westgoten. – Stuttgart.
- Vogt H. 1934: Die literarische Personenschilderung des frühen Mittelalters. – Leipzig-Berlin. (Beiträge zur Kulturgeschichte des Mittelalters und der Renaissance. Bd. 53).
- Vogt J. 1967: Kulturwelt und Barbaren. Zum Menschheitsbild der spätantiken Gesellschaft. – Wiesbaden.
- Wallace-Hadrill J.M. 1961–1962: Gothia and Romania // Bulletin of the John Ryland's Library. XLIV, 213–237.
- Zöllner E. 1970: Geschichte der Franken bis zur Mitte des VI. Jahrhunderts, auf der Grundlage des Werkes von L. Schmidt. – München.

О.В. Ауров

**«PRIMUSQUE INTER SUOS REGALI UESTE
OPERTUS SOLIO RESEDIT»¹:
О СИМВОЛАХ ВЛАСТИ ВЕСТГОТСКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ
V – СЕРЕДИНЫ VI ВЕКА**

Аннотация. В статье на основе широкого круга латинских и греческих текстов, с привлечением археологических материалов рассматривается проблема наличия символов власти у вестготских правителей V – середины VI вв. Делается вывод о том, что отсутствие сведений об использовании последними знаков власти римского типа определялось преимущественной ориентацией королей на войско, являвшееся главной социальной опорой их власти. В дальнейшем, по мере сближения правителей с верхушкой римского населения, ситуация изменилась.

Ключевые слова: вестготы, королевская власть, инсигнии, варвары, римляне, войско, Тулузское королевство, Толедское королевство, Поздняя Римская империя, варварский Запад.

Вступительные замечания

В своей знаменитой «Истории готов, вандалов и севов», говоря о короле вестготов Леовигильде (568–586), итоги правления которого он оценивал весьма высоко (даже несмотря на его арианскую веру), Исидор Севильский (ок. 560–636), среди прочего, заметил, что этот монарх был первым, который использовал специальные символы власти – царские одежды и престол.

Это сообщение заслуживает тем большего внимания, что внешне оно прямо противоречит сложившимся представлениям о природе власти. Действительно, ныне, в эпоху всеобщего господства PR-технологий, кажется, уже нет смысла доказывать очевидную истину: власть – это в первую очередь образ, утвержденный и поддерживаемый в общественном сознании. Именно поэтому репрезентация власти – это ключевое условие ее бытия. Так неужели вестготские короли были исключением из общего правила? И (в случае положительного ответа на этот вопрос) означала ли эта особенность полный разрыв с античной традицией власти, по меньшей мере, на уровне ее символов? Поискам ответа на эти вопросы и посвящена настоящая статья.

¹ «И первым из своих, он, одетый в королевские одежды, воссел на престоле» (Isid. Hist. 51).

Для начала замечу, что на рубеже Античности и Средневековья, в границах умирающего западно-римского мира, вестготы и их правители вовсе не занимали маргинального положения. Наоборот, возникшее в начале V в. их Тулузское королевство стало первым в ряду романо-варварских королевств, сложившихся на территории Западной Римской империи. Король вестготов Эврих (467–485) вполне резонно претендовал на роль преемника власти императоров Западной Римской империи, и лишь начавшийся подъем могущества франков остановил этот бурный процесс.

Как известно, соперничество франков и вестготов при сыне Эвриха, Аларихе II (485–507), закончилось поражением в битве при Вуйе (Пуатье) и гибелью последнего. Но само королевство отнюдь не исчезло. Сохранившись благодаря включению в остготскую державу Теодориха Великого (493–526), оно пережило драматичный переходный период (507–567), утратив правящую династию (531 г.) и дало начало Толедскому королевству (567–711/713), история которого знаменует собой новый подъем в истории вестготской государственности. В этот период Толедское королевство являлось одним из наиболее влиятельных политических и культурных центров латинского Запада, с которым были вынуждены считаться даже его буйные франкские соседи². С учетом сказанного, история Тулузского королевства, а также переходного периода, завершающегося около 567 г., представляют особый интерес, что и предопределило хронологические рамки настоящего исследования.

Прежде, чем обратиться к анализу символики власти вестготских правителей V – середины VI вв., следует подчеркнуть, что политические практики императорского (в том числе – позднеримского) времени в полной мере подчинены известной закономерности: там, где власть не обозначалась символически, она как бы не существовала; и, наоборот, там, где присутствовал символ, власть проявлялась как бы сама собой. В этом смысле весьма показательным кажется рассказ Плутарха о гибели Тиберия Гракха. В условиях ожесточенной политической борьбы, для обвинения в стремлении к узурпации власти оказалось достаточно простого жеста прикосновения рукой к голове: противники мгновенно интерпретировали его как требование царской диадемы (αἰτεῖν διάδημα);

² Об основных этапах истории вестготского королевства см.: *Кляу-де Д.* 2002, 46–110; *Jiménez Garnica A.M.* 1983; *D'Abadal i de Vinyals R.* 1960; *Rouche M.* 1993, 281–290; *García Moreno L.A.* 1989, 21–109; *Вольфрам Х.* 2003, 245–352 и др.

реакция последовала молниеносно: несчастный вместе со своими сторонниками был буквально забит сенаторами, схватившимися за палки и обломки скамей³. Ибо (согласно представлениям и современников Гракха, и современников Плутарха) тот, кто символически изображал диадему, не мог не претендовать на нее, а следовательно – и на ту власть, которую она олицетворяет.

В греческих и латинских текстах V – середины VI вв. (разумеется, там, где это позволяли рамки жанра – в более подробных «историях» чаще, чем в лапидарных анналах)⁴, – упоминания об императорской власти и ее носителях включают и описания соответствующих символов. Разумеется, прежде всего, это касается описаний актов вступления на императорский престол, которые (и далеко не в последнюю очередь) оказываются и «встраиванием» вновь провозглашенного монарха в символическое пространство императорской власти. Элементы последнего – дворец (*palatium*), расположенный в столице (*urbs regia*), новый хозяин которого получал знаки вновь обретенной власти (*insignia*).

Дворец, столица, временная резиденция

Palatium – латинское понятие, изначально обозначавшее Палатинский холм в Риме⁵, но, как видно, например, из анализа языка «писателей “Истории Августов”»⁶, уже с III в. все более прочно ассоциировавшееся с императорской резиденцией, в том числе – расположенной и вне Палатина⁷. Именно в этом качестве термин фигу-

³ *Plut. Tib. Gracch.* 19. 2.

⁴ Общие сведения об историографической традиции позднеримского времени см.: *Альбрехт М. фон.* 2005, 1498–1565; об историографии вестготского времени см., например: *Hillgarth J.N.* 1970, 261–312.

⁵ См., например: “In *Palatio* pulcherrimo prospectu porticum cum conclavibus pavimentatam trecentum pedum concupierat, amplissimum peristylum, cetera eius modi facile ut omnium domos et laxitate et dignitate superaret” (*Cic. De Domo sua ad pontifices oratio.* 116. 4).

⁶ Общие сведения об этом памятнике и его датировке см., например: *Дуров В.С.* 2000, 509–511; *Гаспаров М.Л.* 1992, 327–328; *Альбрехт М. фон.* 2005, 1516–1517.

⁷ См., например: “educatus Lori in Aurelia, ubi postea *palatium* extruxit, cuius hodieque reliquiae manent” (SHA: Pius 1. 8. 3). См. также: SHA: Comm. Ant. 5. 4. 6; SHA: Pert. 5. 7. 1; SHA: Alex. Sev. 15. 2. 2; SHA: Valer. 6. 6. 2 etc. В римских правовых текстах слово “*palatium*” в значении императорской резиденции утверждается не позднее начала III в. (см. например: “Qui excubias *palatii* deseruerit, capite puniatur” (D. 49. 16. 10pr. (*Paulus libro singulari regularum*))) и др.

рирует в «Римской истории» Аммиана Марцеллина⁸, Орозия⁹, Идация¹⁰, Иордана¹¹ и ряда других писателей. Но ни один из них до конца V в. не использует понятие в связи с властью королей готов.

Особенно показательным представляется тот факт, что термин *palatium* не использовал и епископ Аверн (современный Клермон) Сидоний Аполлинарий (около 430 г. – после 480 г.) в своем панегирике вестготскому правителю Теодориху II – королевском портрете, который не имеет аналогов по степени подробности применительно к V в. Помещение, в котором король занимается управлением делами королевства и вершит суд (а также живет и проводит свободное время – играет в кости), Сидоний именуется *domus*¹², и может показаться, что речь идет о резиденции частного лица. Между тем, последнее не соответствует действительности; это видно по многим признакам, в том числе – и потому, что неотъемлемыми принадлежностями этого “*domus*” оказываются королевская казна (*thesaurus, aulica gaza*)¹³ и должностные лица, составляющие непосредственное окружение короля. Правда, и применительно к последним прослеживается все та же неопределенность. Показательно, например, что клермонский епископ ни разу не называет их устоявшимся в позднеримской практике словом *palatini*. Вместо этого мы видим целых три термина (что немало для небольшого текста), каждый из которых имеет весьма нечеткое значение: *comes* (точнее – *comes*

⁸ *Amm.* XXXI. 10. 3; 12. 15; 13. 18; 14. 3; 15. 10 etc. (в данном случае приведены упоминания только в 31-й книге, почти целиком посвященной «готской» проблематике; в остальной части текста подобных упоминаний много больше). О самом Аммиане подробнее см.: фон Альбрехт М. фон. 2005, 1550–1565.

⁹ См. например: “Interea cum a Theodosio imperatore seniore singulis potissimis infantum cura et disciplina utriusque *palatii* commissa esset, hoc est Rufino orientalis aulae, Stiliconi occidentalis imperii...” (*Oros.* VII. 37. 1). См. также: *Oros.* VII. 6. 17; 8. 8; 10. 7; 28. 18; 29. 10 etc. Общие сведения о христианском историке Павле Орозии см.: Alonso-Núñez J.M. 1993, 143–158.

¹⁰ *Hyd.* 160: “Aetius dux et patricius fraudulenter singularis accitus intra *palatium* manu ipsius Valentiniani imperatoris occiditur et cum ipso per spatharium eius aliqui singulariter intromissi iugulantur honorati”. См. также: *Hyd.* 99; 100; 104. Общие сведения об Идации и его хронике см., например: Томпсон Э. 2003, 122–144, 194–198, 199–206.

¹¹ *Iord.* 239; 289; 290; 306. Общие сведения об Иордане см., например: Скржинская Е. Ч. 1997 (1), 9–58.

¹² *Sid. Apoll.* Ep. I. 2. 10. Общие сведения о Сидонии см., например: Loyen A. 1956, 265–284.

¹³ *Sid. Apoll.* Ep. I. 2. 4, 10.

*armiger), satellites, aulici*¹⁴, четко разграничить которые исходя из текста письма не получается.

К сожалению, иных развернутых описаний дворов готских или других германских королей не сохранилось. Единственное, что можно выбрать для сопоставительного анализа, – данное Иорданом описание двора Аттилы, правителя несомненно «варварского». Тот факт, что оно дошло к нам через вторые руки (поскольку восходит к сочинению восточно-римского дипломата и писателя Приска Панийского¹⁵), является скорее позитивным, чем негативным: пересказывая своего предшественника, Иордан несомненно ориентировался на известные ему остготские реалии, которые и сами по себе представляют для нас существенный интерес.

Начну с понятийной системы. Иордан четко разграничивает императорскую резиденцию (*palatium*) и ставку варварского вождя (*aula*); последний термин используется им для обозначения императорского дворца лишь эпизодически¹⁶. Ставка Аттилы, как показывает Е. Ч. Скржинская, располагалась в Паннонии, у р. Тисы¹⁷. Со слов Приска, Иордан дает подробное описание ее внешнего вида; обширная по площади, она была построена из дерева; и включала целый комплекс помещений, в том числе – триклинии (горницы, столовые комнаты) и портики¹⁸. Убранство внутренних помещений ставки составляли оружие, «драгоценные фалеры, сияющие многоцветным блеском камней» и иные дорогие предметы¹⁹.

Очевидно, что масштабы *domus* вестготского короля Теодориха II, известные по описанию Сидония, были скромнее. Однако кое в чем его резиденцию можно все-таки соотнести со ставкой Аттилы. Во-первых, в том, что касается терминологии: до конца V в. латинские писатели упорно отказываются именовать резиденции предводителей варваров *palatia*; в следующем столетии ситуа-

¹⁴ *Sid. Apoll.* Ep. I. 2. 4: “circumsistit sellam comes armiger; pellitorum turba satellitum”; *Sid. Apoll.* Ep. I. 2. 9: “et per aulicos deinceps pro patronorum varietate dispergitur”.

¹⁵ Скржинская Е. Ч. 1997 (1), 53.

¹⁶ Таких примеров только два; вот они: “ferebatur enim, quia haec Honoria, dum propter *aulae* decus ad castitatem teneretur nutu fratris inclusa...” (*Iord.* 224); “...*aulam regiam* fovit Ravenna...” (*Iord.* 311). Остальные два упоминания того же понятия касаются ставки Аттилы.

¹⁷ Скржинская Е. Ч. 1997 (2), 308–309.

¹⁸ *Iord.* 178–179.

¹⁹ *Iord.* 258: “... arma hostium caedibus acquisita, faleras vario gemmarum fulgore praetiosas et diversi generis insignia, quibus colitur *aulicum* decus”.

ция изменилась (что видно, в частности, из хроники Кассиодора²⁰ и «Сарагосского хроникона»²¹), но, как показывает анализ лексики иордановой «Гетики», даже тогда эта новация еще окончательно не стала нормой²². Во-вторых, и резиденция Теодориха, и ставка Аттилы при ближайшем рассмотрении оказываются никак не связанными со столицами соответствующих королевств²³.

И действительно, ставка Аттилы, описанная Приском, являлась одной из многих резиденций гуннского лидера, постоянно перемещавшегося из конца в конец своей огромной державы. На ее необозримых просторах затерялась и его могила, создатели которой были перебиты, чтобы избежать огласки места захоронения (*Iord.* 258). По всей видимости, то же самое можно сказать и о *domus* Теодориха II. В письме Сидония ничего не позволяет четко связать его исключительно с Тулузой, которую Х. Вольфрам считает полноценной столицей вестготского королевства²⁴. Тем не менее, даже Идаций, который употребляет применительно к этому городу понятие *sedis*²⁵, ни разу не сообщает ни о провозглашении в этом городе готских королей²⁶, ни об их смерти там же (что свидетельствовало бы об их более или менее постоянном проживании в Тулузе).

По другим источникам мы хорошо знаем, что вестготские правители не только проводили значительное время в других городах юго-западной Галлии и северо-восточной Испании, но и со-

²⁰ В случае Кассиодора следует специально оговорить, что остготские правители находились в особом положении, т.к. являлись прямыми преемниками инфраструктуры (в т.ч. – дворцов), созданных для нужд правителей Западной империи. Однако Кассиодор уверяет, что строились и новые здания: “... consurgunt admiranda *palatia*, magnisque eius operibus antiqua miracula superantur” (*Cassiod. Chron.* 1339). Общие сведения о Кассиодоре см., например: *Шкаренков П.П.* 2004.

²¹ *Chron. Caesar.* [a. 510]: “His coss. Gesalecus Goericum Barcinone in *palatio* interfecit”.

²² По всей видимости, таковая складывается лишь ближе к концу того же столетия; во всяком случае, во времена Григория Турского этот процесс уже завершился.

²³ Ср.: *Iord.* 311.

²⁴ *Вольфрам Х.* 2003, 300.

²⁵ *Hyd.* 69: “Gothi sedentes in Aquitania Tholosa sibi sedem elegerunt”; см. также: *Ibid.* 244.

²⁶ Единственным королем, действительно провозглашенным в Тулузе за весь период существования Тулузского королевства, был Аларих II. Об этом сообщает Исидор Севильский: “... Eurico mortuo, *Alaricus* filius eius apud Tolosanam urbem princeps Gothorum constituitur” (*Isid. Hist.* 36).

вершали там важные политические акты, по статусу соответствующие столице. Одним из таких мест был город Атурры (ныне – Эр-сюр-л'Адур), который для встречи с королем Эврихом посещал галло-римский магнат Серонат²⁷, и в котором в 506 г. был провозглашен «Бревиарий Алариха»²⁸. Важнейший по значению церковный собор, собравший 25 ортодоксальных епископов едва ли не со всей Галлии, состоялся в 506 г. в Агде²⁹. Кроме того, ряд королей в качестве резиденции явно предпочитал Нарбонну. В частности, именно там произошла свадьба Атаульфа и Галлы Платидии³⁰; там же был провозглашен королем незаконный сын Алариха II Гезалех³¹, а на военном смотре от рук воинов, если верить Исидору Севильскому, жестоко пресеклась жизнь последнего из Балтов – Амалариха, младшего брата Гезалеха³².

Наконец, вероятно в силу своего географического и стратегического положения, как крупнейшая крепость южнее Пиренеев, контролировавшая путь из Нарбоннской Галлии в Испанию, в качестве частого места пребывания короля в источниках фигурирует Барселона. В частности, именно там погиб Атаульф “inter familiares fabulas”³³, там же на длительное время обосновался незаконный сын Алариха II Гезалех, позднее отстраненный от власти Теодорихом Великим³⁴; в конце концов, туда же в 531 г. в страхе бежал разбитый франками Амаларих³⁵.

Итак, Атурры, Нарбонна, Агд, Набонна, Барселона ... – ряд, в котором Тулуза выступала не более чем в качестве первой среди равных, что явно отличало ее статус от настоящих столиц – Ме-

²⁷ *Sid. Apoll. Ep.* II. 1. 1: “rediit iste Catilina saeculi nosri nuper Aturribus...”.

²⁸ *LRV. P.* 4: “Aturris ... edidi”.

²⁹ *Conc. Agath.* (a. 506): “... in ciuitate Agatensi conuenissemus in sancti Andree basilica”.

³⁰ *Olymp. Hist.* [59b].

³¹ *Isid. Hist.* 37: “Aera DXLIII, anno XVII *imperii* Anastasii, Gisaleicus, superioris *regis* filius ex concubina creatus, Narbona *princeps* efficitur”.

³² *Isid. Hist.* 40: “ab exercitu iugulatus Narbonae in foro interiit”.

³³ *Hyd.* 60 (= *Isid. Hist.* 19).

³⁴ *Isid. Hist.* 37: “iste cum multo sui dedecore, et cum magna suorum clade, apud Barcinonam se contulit, ibique moratus quousque etiam *regni fascibus* a *Theuderico* fugae ignominia privaretur”;

³⁵ *Isid. Hist.* 40: “... Barcinonam trepidus fugiit”.

диолана³⁶, Равенны³⁷, но прежде всего – Константинополя³⁸. Иордан терминологически выделяет эти города, используя применительно к ним понятие *urbs regia*³⁹. Показательно, однако, что он ни разу не называет таким образом Тулузу или какой-либо другой галльский или испанский город. Лишь в самом конце шестого столетия статус *urbs regia* первым на пиренейской земле приобрел Толедо, ставший первой настоящей столицей вестготов⁴⁰. Однако понадобилось еще почти столетие для завершения этого процесса.

Инсигнии императорские и королевские

Еще одним заслуживающим внимания обстоятельством является показательное молчание наших источников о том, что касается инсигний – знаков королевской власти⁴¹. И это при том, что применительно к римским императорам соответствующей информации отнюдь не мало; при этом, в качестве ключевых императорских инсигний выделяются пурпурная одежда и диадема (венец)⁴². В частности, в уже упоминавшемся фрагменте «Римской истории» Аммиана Марцеллина (*Amm. XX. 4. 17–18*), где речь идет о про-

³⁶ *Hyd.* [a. 395]: “Theodosius valitudine hydropis apud Mediolanum defunctus est anno *regni* sui XVII”.

³⁷ *Hyd.* 25b: “Honorius apud Ravennam Constantium constortem sibi facit in *regno*”; *Hyd.* 76: “Constantius *imperator* Ravenna moritur in suo tertio consulatu”.

³⁸ *Hyd.* 4: “Theodosius Constantinopolim ingreditur in primo consulatu suo, quem cum Gratiano agebat Augusto”; *Hyd.* 84; 146; 185.

³⁹ Константинополь: *Iord.* 107; 142–144; 292; Равенна: “ad pontem applicavit Candidiani, qui tertio miliario ab *urbe* aberat *regia Ravennate*” (*Iord.* 147); *Iord.* 293; Медиолан: “*Mediolanum* quoque Liguria metropolim et quondam *regiam urbem* pari tenore devastant...” (*Iord.* 222).

⁴⁰ Conc. Tolet. III (a. 589): P. 107: “... haec sancta synodus habita est in *civitatem regiam* Toletanam”.

⁴¹ Сопоставление императорских и королевских инсигний – одна из традиционных тем исследований; специфика моей работы заключается лишь в том, что ниже речь пойдет исключительно о королях вестготов. В более общем плане см., например: *Arche J.* 2007, 23–31.

⁴² Источников, касающихся этой проблемы (в том числе – письменных) вполне достаточно, однако в контексте настоящей статьи позволю себе ограничиться краткими замечаниями компаративного характера. Интересующихся адресую к специальным работам об императорских инсигниях (включая пурпур и диадему): *Alföldi A.* 1935 (эта фундаментальная работа до сих пор в значительной мере сохраняет свое значение). См также: *Morrisson C.* 1997, 753–768; *Reinhold M.* 1970, 62–70; *Ritter H.W.* 1987, 290–301; *Váczy P.* 1972, 169–208.

возглашении Августом Юлиана в Паризиях в 360 г., невозможность обойтись без диадемы приводит к тому, что вместо нее на голову императора возлагается цепь знаменосца (точнее – драконосца)⁴³. В то же время, восточно-римский писатель Зосим упоминает пурпурную одежду (*άλουργίς*) и диадему (венец) (*διάδημα* (*στέφανος*)) (эти понятия используются как синонимичные), говоря как о возведении Аларихом на императорский престол в 409 г.⁴⁴ сенатора и префекта претория Приска Аттала⁴⁵, так и о его смешении тем же вестготским королем год спустя⁴⁶; в первом из этих случаев прямо упоминается императорский трон (*θρόνον*). Аналогичные атрибуты власти фигурируют и в описаниях других подобных эпизодов⁴⁷. О пурпуре в числе императорских инсигний упоминает Кассиодор⁴⁸ и т.д.

Разумеется, ни один латинский или греческий писатель указанного периода, говоря о политических событиях своего времени, не ставил перед собой задачи дать исчерпывающий перечень знаков императорской власти. Тем не менее, в приводимых ими свидетельствах достаточно четкости и определенности, позволяющей представить если не все, то важнейшие из императорских инсигний. А вот в случае варварских (и не только вестготских) королей подчеркивается совершенно обратное: сознательный отказ от использования знаков власти римского происхождения. В частности, применительно к узурпатору Одоакру этот факт прямо констатируется Кассиодором: “*nec purpura nec regalibus uteretur insignibus*”⁴⁹.

Ту же картину мы видим и применительно к королям готов. Так, у Олимпиодора Атаульф, вступающий в брак с Галлой Платидией в Нарбонне, в доме некоего Ингенция, предстает одетым «в хламиду и другие римские одеяния», но лишенным каких-нибудь

⁴³ *Amm. XX. 4. 18*: “abstractum sibi torquem, quo ut draconarius utebatur, capiti Iuliani inposuit confidenter”.

⁴⁴ *Zos. VI. 7. 1*: “...εις τὸν βασιλειον ἀναβιβάζουσι θρόνον, ἀλουργίδα καὶ στέφανον περιθέντες”.

⁴⁵ Биографические сведения об Атталe см.: PLRE. P. 180–181.

⁴⁶ *Zos. VI. 12. 2*: “...περιελών τὸ διάδημα καὶ τῆς ἀλουργίδος ἐκδύσας ταῦτα μὲν ἐπεμψεν Ὀνορίῳ τῷ βασιλεῖ”.

⁴⁷ *Zos. VI. 2. 1*: “καὶ ἀλουργίδα καὶ στέφανον ἐπιθέντες ἐδορυφόρου ὡς βασιλέα” (об узурпаторе Грациане, провозглашенном солдатами в Британии).

⁴⁸ *Cassiod. Chron.* 1303.

⁴⁹ *Ibid.*: “His cons. ab Odovacre Orestes et frater eius Paulus extincti sunt nomenque regis Odovacar adsumpsit, cum tamen *nec purpura nec regalibus* uteretur *insignibus*”.

внешних атрибутов власти, в противовес невесте, явившейся на церемонию «в царском уборе»⁵⁰.

То же самое можно сказать об одном из преемников Атаульфа, Теодорихе II, облик которого мы можем хорошо представить себе из тщательного описания Сидония Аполлинария. Последний не упоминает ничего сколь-нибудь похожего на инсигнии, и это при том, что клермонский епископ не жалеет слов для описания мельчайших деталей его внешнего облика – от цвета кожи и прически до манеры подстригать волосы в носу. Даже кресло, на котором он восседает, когда занимается государственными делами, едва ли отличается от аналогичного предмета частного обихода. Показательным кажется уже то, что писатель не считает нужным использовать какое-либо одно слово и для обозначения этого кресла, называя его то *sella*, то *solium*⁵¹.

В целом же, создается впечатление, что власть Теодориха II, – такого, каковым он предстает в рассматриваемом письме Сидония, – в весьма значительной степени основывается на неформальных, харизматических началах. Вероятно, в первую очередь последние проявляются в военное время: клермонский епископ не касается этого вопроса, однако считает необходимым подчеркнуть признаки большой физической силы во внешнем облике короля – его сильные руки, выступающие мышцы, твердые бедра, крепкие суставы, которые «подобают мужчине» и т.п.⁵² В мирное время средством подтверждения лидерских качеств оказывается охота: чего стоит одна только манера короля натягивать лук на полном скаку в седле, лишенном стремян, и стрелять из него с поразительной меткостью!⁵³

В механизме поддержания и укрепления королевского авторитета особое место занимает также застолье – неотъемлемый

⁵⁰ *Olymp. Hist.* [59b]: «Πλακιδίας ἐν παστάδι τε Ῥωμαϊκῶς ἐσκευασμένη καὶ σχήματι βασιλικῷ, συγκαθέζεται αὐτῇ καὶ Ἀδαούλφος ἐνδεδυμένος χλανίδα καὶ τὴν ἄλλην Ῥωμαίων ἐσθῆτα».

⁵¹ *Sid. Apoll. Ep. I. 2. 4*: “circumsistit sellam comes argmiger...”; “surgit ex solio...”.

⁵² *Sid. Apoll. Ep. I. 2. 3*: “teretes umeri, *validi* lacerti, *dura* brachia, patulae manus, recedente alvo pectus excedens. aream dorsi humilior inter excrementa costarum spina discriminat. tuberosum est utrumque *musculus prominentibus* latus. in succinctis regnat *vigor* ilibus. corneum femur, internodia poplitem *bene mascula*, maximus in minime rugosis genibus honor. crura suris fulta turgentibus et, qui *magna* sustentat *membra*, pes modicus”.

⁵³ *Sid. Apoll. Ep. I. 2. 5*.

элемент знатного образа жизни согласно известной классификации Ф. Ирзиглера⁵⁴. Помимо прочего, оно выступает в качестве основного места совещаний между королем и знатью. И Сидоний не жалеет эпитетов для восхваления этой стороны жизни вестготского короля – от продуманной сервировки и отказа от излишних возлияний до уровня обсуждения проблем государственной и общественной жизни между правителем и его гостями⁵⁵. Наконец, даже игра в кости становится частью механизма воспроизводства королевской харизмы: она превращается в тест на сохранение самообладания, который, если верить клермонскому епископу, Теодорих II выдерживает с неизменным успехом⁵⁶.

Разумеется, сказанное не означает, что вестготские (и шире – варварские) короли указанного периода *вообще никогда* не пользовались никакими инсигниями. По всей видимости, это все-таки не так. Однако археология дает до обидного мало свидетельств на этот счет: единственным исключением оказывается перстень с печатью из венского Музея истории искусств, с изображением короля и легендой “Alaricus Rex Gothorum”⁵⁷. Показательно, что ни одна деталь (кроме надписи) не указывает на монарший статус изображенного: представленный по грудь, в кольчуге, с гладко зачесанными на лоб волосами, он лишен каких-либо инсигний.

Остается предположить, что иные знаки королевской власти либо отсутствовали вовсе, либо были связаны с языческим прошлым и утратили свое значение сразу или вскоре после расселения на землях Империи и принятия христианства. Такое впечатление создают, в частности, свидетельства Иордана. Он несколько раз упоминает об каких-то инсигниях королей вестготов и остготов. Всего таких упоминаний три, и каждое по-своему показательное. Первые два касаются остготов. Мы узнаем, что какие-то «символы власти» (*potestatis insignia*) вручались правителям готов при их вступлении в должность (как это произошло с Тиудимером после

⁵⁴ *Irsigler F.* 1979, 105–136.

⁵⁵ *Sid. Apoll. Ep. I. 2. 6*: “...maximum tunc pondus in verbis est, quippe cum illic aut nulla narrentur aut seria”.

⁵⁶ *Sid. Apoll. Ep. I. 2. 7*: “in bonis iactibus tacet, in malis ridet, in neutris irascitur, in utrisque philosophatur”.

⁵⁷ Siegelstein Alarichs II., König der Westgoten. 484–507 n. Chr. Inv. No.: ANSA VIIb 23 //URL: <http://www.khm.at/en/visit/collections/collection-of-greek-and-roman-antiquities/selected-masterpieces/> (дата обращения: 22.09.2013).

смерти его брата Валамера⁵⁸), и что без их сохранения удержать королевскую власть было невозможно (что видно из казуса Винитария из рода Амалов, которому после смерти Германариха даже под властью гуннов удалось и первое и второе⁵⁹).

Оба рассмотренные случая касаются дохристианского времени, а потому инсигнии могли быть только языческими. Еще более четко это видно в третьем случае, на этот раз касающемся вестготов. В соответствующем месте у Иордана речь идет о каких-то символах власти, положенных в могилу вместе с телом Теодориха I, погибшего на Каталаунских полях и похороненного по королевскому протоколу⁶⁰. Разумеется, помещение таких символов в захоронение никак не могло соотноситься с христианскими нормами. Тем более, что показательную параллель этому описанию мы находим в другом месте у того же Иордана. Последний пишет об инсигниях, вместе с другим многочисленным инвентарем положенных в могилу несомненного язычника Аттилы, похороненного в полном соответствии с варварскими обычаями – под курганом с пышным инвентарем, в трех гробах – золотом, серебряном и железном, – рядом с останками (рабов?) копавших могилу и убитых для того, чтобы место захоронения осталось неизвестным (а возможно – также и в ритуальных целях)⁶¹.

О том, какие инсигнии имеются в виду как в случаях королей готов, так и в случае Аттилы можно только догадываться: никакой информации на этот счет Иордан, христианин далеко не в первом поколении, не дает. Единственный описанный им эпизод, на основе которого можно построить гипотезу – это знаменитая сцена с случайного обнаружения неким гуннским пастухом «меча Марса», который был принесен Аттиле и воспринят им как древняя релик-

⁵⁸ *Iord.* 278: “Gothi tunc Valamero defuncto ad fratrem eius Thiudimer confugerunt. qui quamvis dudum um fratribus regnans, tamen auctioris *potestatis insignia* sumens”.

⁵⁹ *Iord.* 245: “Vinithario tamen Amalo *principatus sui insignia* retinente”.

⁶⁰ *Iord.* 214: “quando tanti regis efferru cadaver *cum suis insignibus* conspiciabant”.

⁶¹ *Iord.* 258: “noctaque secreto cadaver terra reconditum copercula primum auro, secundum argento, tertium ferri rigore communiunt, significantes tali argumento potentissimo regi omnia convenisse: ferrum, quod gentes edomuit, aurum et argentum, quod ornatum rei publicae utriusque accepit. addunt arma hostium caedibus adquisita, faleras vario gemmarum fulgore praetiosas et diversi generis *insignia*, quibus colitur aulicum decus”.

вия скифских царей, приносящая могущество в войнах⁶². Учитывая степень развития культа военных божеств («Марса») у готов в языческий период их истории, что характерно для всех варварских народов и о чем прямо говорит Иордан⁶³, можно предположить, что и у готов знаками королевской власти могло быть какое-либо оружие, которому приписывался сакральный смысл; но, разумеется, это лишь предположение.

Если же вернуться на твердую почву источников, то следует обратить внимание на то, что некоторые варварские правители эпизодически использовали инсигнии римского типа. В частности, интересно замечание Григория Турского о том, что, в знак особых отношений между франками и Восточной империей, император Анастасий пожаловал Хлодвигу знаки консульского достоинства, получив которые, франкский правитель предстал перед собравшимися в базилике св. Марии в пурпурной тунике, хламиде (длинном плаще) и золотой диадеме⁶⁴. Вероятно, нечто подобное следует предполагать и в случае короля остготов Теодориха Великого, получившего консульское достоинство в Константинополе из рук императора Зенона; при этом, по совету последнего, в качестве правителя (*regnator*) готов и римлян король снял платье, обычное для своего народа, и облачился в пышные царские одежды⁶⁵.

Тем не менее, ни в случае Хлодвига и его потомков, ни в случае Теодориха и его преемников мы не встречаем никаких упоминаний о том, что торжественное облачение римского типа использовалось сколь-нибудь регулярно. И в этом-то, собственно, и состоит проблема.

⁶² *Iord.* 183: “qui quamvis huius esset naturae, ut semper magna confideret, addebat ei tamen confidentia *gladius Martis* inventus, sacer apud Scytharum reges semper habitus... quo ille munere gratulatus, ut erat magnanimis, arbitratur se mundi totius principem constitutum et per *Martis gladium* potestatem sibi concessam esse bellorum”.

⁶³ *Iord.* 40-41: “adeo ergo fuere laudati Gaetae, ut dudum *Marte*, quem poetarum fallacia deum belli pronuntiat, apud eos fuisse dicant exortum... quem *Martem* Gothi semper asperrima placavere cultura (nam victimae eius mortes fuere captorum), opinantes bellorum praesulem apte humani sanguinis effusione placandum”.

⁶⁴ *Greg.* Hist. II.38: “Igitur ab Anastasio imperatore codecillos de consolato accepit, et in basilica beati Martini *tunica blattea* indutus et *clamide*, inponens vertice *diademam*”.

⁶⁵ *Iord.* 295: “Zenonemque imp. consultu privatum abitum suaeque gentis vestitum seponens *insigne regio amictu*, quasi iam Gothorum Romanorumque regnator, adsumit”.

Власть, презирующая формальности? (Попытка объяснения)

Это доминирование неформальных основ королевской власти у вестготов (как, впрочем, и их соседей) в эпоху романно-варварских королевств может иметь целый ряд объяснений. Прежде всего, не следует забывать о том, что изложенные выше соображения о характере этой власти основаны исключительно на свидетельствах римских писателей. Даже те из них, кто позитивно оценивали конкретных правителей (как это видно, в частности, из панегирика Теодориху II, созданного Сидонием Аполлинарием), все равно воспринимали власть варварских королей как явление, чуждое римскому сознанию. Это хорошо видно на примере того же Сидония, в письмах которого встречается и совершенно иная оценка того же Теодориха II⁶⁶, не говоря уже об Идадии, крайне негативно высказывавшегося и о самих «неистовствующих в Испаниях варварах»⁶⁷, и об их правителях. Не случайно вторжению на полуостров франков, формально являвшихся его единоверцами, в хронике предшествует страшное знамение: кровь, сочащаяся из земли в городе Тулузе⁶⁸.

Разумеется, жизнь брала свое и требовала выстроить конструктивные отношения с новыми хозяевами римских земель. Так в текстах, адресованных, в первую очередь, представителям провинциальной римской верхушки, возникали образы германских правителей, в облике которых «варварские» черты либо исключались вовсе, либо, по меньшей мере, смягчались (о чем свидетельствует, например, сдержанная оценка Сидонием арианства Теодориха II), выступающего в его описании носителем «civilitas», одной из значимых римских добродетелей. И уж ни в коем случае не акцентировались атрибуты, восходящие к языческому прошлому соответствующих народов (в данном случае – вестготов).

⁶⁶ См. негативную оценку законодательной деятельности Теодориха II в связи с осуждением ориентированного на сближение с готами префекта претория Сероната: «exultans Gothis insultansque Romanis, includens praefectis concludensque numerariis, leges Theodosianas calcans *Theodoricianasque* proponens *veteres culpas*, nova tributa perquiri» (*Sid. Apoll.* Ep. II. 1. 3).

⁶⁷ *Hid.* 48.

⁶⁸ *Hyd.* 244b: «An. II *regni* Antimiae medio Tholose civitatis sanguis erupit de terra et tota die fluxit significans *Gothorum dominatione* sublata *Francorum* adveniente *regno*».

Не возьмусь судить, в какой мере подобное *игнорирование* варварского являлось следствием сознательного «конструирования» реальности, а в какой – выступало естественным проявлением духа бурной и драматичной эпохи, сталкивавшей и смешивавшей все и вся, и слишком часто не оставлявшей камня на камне – и в прямом, и в переносном смысле. В этом вселенском хаосе слишком многое складывалось второпях, *ad hoc*, применительно к конкретной ситуации; и в первую очередь это касалось системы власти, в том числе – и королевской.

На примере правителей Тулузского королевства хорошо видно, сколь спонтанно формировалось ее реальное наполнение, определялся конкретный круг властных полномочий. Оставаясь в первую очередь полководцами, вновь и вновь, вплоть до 475 г.⁶⁹, после все новых кровопролитных конфликтов, перезаключая определявшие их статус договоры с Империей⁷⁰, вестготские короли вместе с тем должны были рассматривать и многие другие вопросы, которые в условиях вакуума власти кроме них решать оказалось попросту некому; так постепенно, шаг за шагом, складывался все более широкий круг властных полномочий варварских правителей.

Тем мне менее, еще относительно долго, вплоть до времени, обозначенного свидетельством Исидора, короли вестготов не нуждались в формальных знаках и символах своей власти. Опиравшиеся на вооруженную силу своих соплеменников, во внешних проявлениях своей власти они, насколько это можно понять, апеллировали не столько к римской, сколько к варварской части своих подданных. Другое дело – бесконечно так продолжаться не могло; рано или поздно незыблемая до поры до времени опора должна была заколебаться, а потребность в более тесном сближении с верхушкой римского населения – существенно возрасти.

Поражение 507 г., которое вестготы потерпели от франков, значительно ускорило этот процесс. Однако понадобилось, как минимум, еще два события – смерть Теодориха Великого, правителя Италии и Испании (526 г.) и гибель Амалариха – последнего представителя династии Балтов (531 г.)⁷¹, чтобы преемник последнего – бывший остготский *armiger* Теода (531–548), не принадле-

⁶⁹ Вольфрам Х. 2003, 302.

⁷⁰ О договорном характере отношений с Римом вестготских королей от Атаульфа до Эвриха, см. замечания Идадия, датируемые полувековым периодом – 416–466 гг.: *Hyd.* 60; 166; 173; 177; 197; 238.

⁷¹ *Isid.* Hist. 40: «ab exercitu iugulatus Narbonae in foro interiit».

жавший к королевскому роду и не имевший возможности использовать в своих целях его харизму, обратился к арсеналу поздне-римских символов власти и первым из вестготских правителей стал называться «Флавием»⁷²; в дальнейшем это наименование закрепилось за его преемниками⁷³. Следующий же шаг на этом пути сделал тот самый Леовигильд, который, если верить Исидору, первым облек себя в особые королевские одежды и воссел на престоле.

Так начиналась новая эпоха в истории вестготской государственности. Однако разговор об этом требует отдельного исследования, частично уже предпринятого мной ранее⁷⁴.

ЛИТЕРАТУРА

- Альбрехт М. фон. 2005: История римской литературы от Андроника до Боззия и ее влияние на позднейшие эпохи / Пер. с нем. Т. 3. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина.
- Ауров О.В. 2010 (1): "Gladio vindice Leuwigildi": Король-реформатор перед лицом памяти // Вестник РГГУ. Сер. «Исторические науки. Всеобщая история». №18 (61)/10, 33–51.
- Ауров О.В. 2010 (2): Вестготские короли-ариане после эпохи Иордана (характер, идеология и символика власти) // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 31, 73–103.
- Вольфрам Х. 2003: Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии). – СПб.: ИД «Ювента».
- Гаспаров М.Л. 1992: Послесловие // Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана. – М.: «Наука», 326–329.
- Дуров В.С. 2000: История римской литературы. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ.
- Клауде Д. 2002: История вестготов. – СПб.: Евразия.
- Скржинская Е.Ч. 1997 (1): Иордан и его «Гетика» // Иордан. О происхождении и деяниях гетов. *Getica*. – СПб.: «Алетейя», 9–58.
- Скржинская Е.Ч. 1997 (2): Комментарий // Иордан. О происхождении и деяниях гетов. *Getica*. – СПб.: «Алетейя», 175–375.

⁷² Lex Theud.: "Flavius Theudis rex ... [uni]versis rectoribus et [iudicib]us... Conovimus provinciales adque universos populos nostros ... litium sumptibus vel expensis...". Х. Вольфрам указывает, что Теодорих Великий именовался таким образом начиная с 501 г., но испанских свидетелей этому нет. См.: *Wolfram H.* 1997, 109.

⁷³ См., например: "Flavius gloriosus Ervigius rex" (LI. II. 1. 1 (Erv.); "Flavius gloriosus Reccesvindus rex" (LI. II. 1. 2 (Recc.); "Flavius gloriosus Egica rex" (LI. II. 1. 7 Nov.); "Flavius Chindasvindus rex" (LI. II. 1. 8 (Chind., Ervig); "Flavius Sisebutus rex" (LI. XII. 2. 13 (Siseb.) etc. В середине VII в., начиная с короля Рецесвинта (649–672), к титулатуре добавился эпитет "gloriosus".

⁷⁴ См.: Ауров О.В. 2010 (2), 73–103; Ауров О.В. 2010 (1), 33–51.

- Томпсон Э. 2003: Римляне и варвары. Падение Западной Римской Империи. – М.: ИД «Ювента».
- Шкаренков П.П. 2004: Римская традиция в варварском мире. Флавий Кассиодор и его эпоха. – М.: РГГУ.
- Alföldi A. 1935: Insignien un Tracht der Römischen Kaiser. München: Verlag Bruckmann A.G. (Mitteilungen des Deutschen Archaeologischen Instituts. Roemische Abteilung. Bd. 50).
- Alonso-Núñez J.M. 1993: La transición del mundo antiguo al medieval en la historiografía. La primera historia universal cristiana: las *Historiae adversum paganos* del Paulo Orosio // De la Antigüedad al Medioevo. Siglos IV–VII. III Congreso de Estudios Medievales. Avila: Fundación Sánchez Albornoz, 143–158.
- Ammiani Marcellini Rerum Gestarum libri qui supersunt* / Ed. W. Seyfarth. 2 vols. – Berlin: Teubner, 1978.
- Arche J. 2007: Dagli imperatori ai re barbari: simboli e rappresentazione del potere // I Longobardi. Dalla caduta dell'Impero all'alba dell'Italia / A cura di G.P. Brogiolo, A. Chavarría Arnau. – Milano: Silvana Editoriale, 23–31.
- Chronica Magni Aurelii Cassiodori Senatoris* // MGH. AA. T. 11 (*Chronica minora*, 2). – Berolini, 1894. 109–161.
- Chronicorum Caesaraugustanorum Reliquiae* // MGH. AA. T. 11 (*Chronica minora*, T. 2). Berolini, 1894. 221–223.
- [*Concilium Toletanum III*] // La colección canonica Hispana. Vol. 5: Concilios Hispanos. Segunda parte / Ed. Por G. Martínez Diez, S.I., F. Rodríguez, S.I. – Madrid, 1984. 49–159.
- [*Concilium Agathense, anni 506*] // La colección canonica Hispana. Vol. 4: Concilios Galos. Concilios Hispanos. Primera parte / Ed. Por G. Martínez Diez, S.I., F. Rodríguez, S.I. – Madrid, 1984. 113–152.
- Digesta* / Ed. T. Mommsen // *Corpus Iuris Civilis*. Vol. 1: *Institutiones Digesta*. – Berlin: Weidmann, 1954.
- D'Abadal i de Vinyals R.* 1960: Del reino de Tolosa al reino de Toledo. – Madrid: Real Academia de la Historia.
- García Moreno L.A.* 1989: Historia de España Visigoda. – Madrid: Catedra.
- Gregorii episcopi Turonensis Libri historiarum* // MGH. SRM. T. 1. Ps. 1. – Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1951.
- Hidatii Lemici Continuatio Chronicorum Hieronymiarum* // MGH. AA. T. 11 (*Chronica minora*, T. 2). – Berolini, 1894. 1–37.
- Hillgarth J.N.* 1970: Historiography in Visigothic Spain // *Settimane di studi del Centro italiano sull'Alto Medioevo*. T. XVII (primo): La Storiografia altomedievale. – Spoleto, 261–312.
- Iordanis De origine actibusque Getarum* / A cura di F. Giunta, A. Grillone. Roma: Nella sede dell'Istituto. Palazzo Borromini, Piazza della Chiesa Nuova, 1991 (Fonti per la storia d'Italia pubblicate dall'Istituto storico italiano per il medio evo. N. 117).
- Isidori episcopi Hispalensis Historia Gothorum, Vandalorum Svevorumque* // *Las Historias de los Godos, Vandalos y Suevos de Isidoro de Sevilla* / Estudio, edicion critica y traduccion por C. Rodríguez Alonso. – Leon, 1975. 163–321.

- Irsigler F.* 1979: On the aristocratic Character of Early Frankish Society // The medieval Nobility. – Amsterdam, New York, Oxford, 105–136.
- Jiménez Garnica A.M.* 1983: Orígenes y desarrollo del Reino Visigodo de Tolosa (a. 418–507). – Valladolid: Universidad de Valladolid.
- Lex Romana Visigothorum* / Ed. G. Haenel. – Leipzig, 1849.
- Lex Theudis regis // Leges Visigothorum* / Ed. K. Zeumer. – Hannoverae et Lipsiae, 1902. 467–469 (MGH Legum Sectio I. T. 1).
- Liber Iudiciorum // Leges Visigothorum* / Ed. Karolus Zeumer. – Hannoverae et Lipsiae, 1902. (MGH: Legum Sectio I. T. 1).
- Loyen A.* 1956: Sidoine Apollinaire et les derniers éclats de la culture classique dans la Gaule occupée par les Goths // *Settimane di studi del Centro italiano sull'Alto Medioevo. III: I goti in Occidente. Problemi.* – Spoleto, 265–284.
- Martindale J.R.* The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. 2: A.D. 395–527. – London, New York, New Rochelle, Melbourne, Sydney: Cambridge University Press, 1980.
- Morrisson C.* 1997: Les insignes du pouvoir impérial au V-e et au VI-e siècle. // *Clovis: Histoire et mémoire. [1] Le baptême de Clovis, l'événement / Sous la dir. de M. Rouche.* – Paris: Presses de l'Université de Paris-Sorbonne, 753–768.
- Olympiodorus.* Fragmenta (Historia) // *Photius. Bibliothèque* / Ed. R. Henry. Vol. 1. – Paris, 1959. 166–187.
- Orosius Paulus.* *Historiarum adversus paganos libri VII* / Ed. C. Zangemeister. – Leipzig, 1889.
- Plutarchus.* *Tiberius Gracchus // Plutarch's Lives / With an English translation by B. Perrin.* – Cambridge (MA): Harvard University Press; London: Willam Heinemann Ltd., 1921.
- Reinhold M.* 1970: History of Purple as a Status Symbol in Antiquity. – Bruxelles; Latomus. *Revue d'études latines.*
- Ritter H.W.* 1987: Die Bedeutung des Diadems // *Historia. Zeitschrift für alte Geschichte.* Bd. 36. Hf. 1, 290–301.
- Rouche M.* 1993: Le royaume Wisigothique de Toulouse et d'Espagne // *De la Antigüedad al Medioevo. Siglos IV–VII. III Congreso de Estudios Medievales.* – Avila, 281–290.
- Scriptores Historiae Augustae* / Ed. E. Hohl. – Lipsiae: Teubner, 1965.
- Sidonius.* Poems and Letters / Ed. by W.B. Anderson. Vol. 1. – London, Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1936.
- M. Tulli Ciceronis De Domo Sua ad Pontifices Oratio* / Ed. R. G. M. Nisbet. – Oxford: Oxford University Press, 1939 [repr. 1979].
- Váczy P.* 1972: Helm und Diadem (Numismatische Beiträge zur Entstehung der Byzantinischen Kaiserkrone) // *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae.* T. 20, 169–208.
- Wolfram H.* 1997: The Roman Empire and Its Germanic Peoples / Transl. by T. Dunlap. – Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press.
- Zosimi comitis et exadvocati fisci Historia Nova* / Ed. L. Mendelson. – Lipsiae: In aedibus B.G. Teubneri, 1887.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Сидоний Аполлинарий
Письмо к Агриколе (Sid. Apoll. Ep.I.2)⁷⁵

Сидоний приветствует своего Агриколу⁷⁶.

1. Ты часто просил меня, чтобы, поскольку распространяется молва об учтивости Теодориха, короля готов, я описал тебе его внешность и его образ жизни – количественно и качественно. Я охотно следую просьбе, насколько это позволяют пределы моего письма, и благодарю тебя за столь благородную обязанность. Король – человек, достойный стать известным также и тем, кто видел его недостаточно близко: настолько в его личности объединились Бог-Повелитель и Природа, дополненные даром наивысшего счастья; нрав же его такого рода, что даже ненавидящие королевскую власть не лгут, восхваляя его.

2. О его внешности: он обладает соразмерным телом – не гигант, но выше и заметнее среднего. Его голова имеет круглую форму; по ней ото лба к макушке бегут вьющиеся кудри. Его шея широка не от выступов, а от жил. Глаза венчает арка мохнатых бровей; если же веки его глаз опускаются, концы его ресниц доходят почти до середины щек. Мочки ушей, по обычаю его народа, скрыты пучками волос. Нос с изящной горбинкой. Губы тонкие, не расширяющиеся от припущенных уголков. Волосы, растущие в ноздрях, ежедневно пострижены; борода временами лохмата; ее (обильно растущую в нижней части лица) усердный цирюльник

⁷⁵ Существующий перевод этого важного источника на русский язык, представленный в книге Х. Вольфрама (см.: *Вольфрам Х.* 2003, 291–293) является неточным, т.к. осуществлен с немецкого перевода. Настоящий перевод сделан непосредственно с латинского оригинала по изданию: *Sidonius. Poems and Letters* / Ed. by W.B. Anderson. Vol. 1. – London, Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1936. P. 336–346. В процессе работы использованы следующие переводы: *The Letters of Sidonius / Transl., with introd. and notes by O.M. Dalton.* Vol. 1. – London: Clarendon Press, 1915. P. 2–6; *Oeveres de C. Sollius Apollinaris Sidonius / Trad. par J.F. Grégoire et F.-Z. Collombet.* T. 1. – Paris, Lyon, 1836 (URL: <http://remacle.org/bloodwolf/historiens/sidoine/lettres1.htm>; дата обращения: 05.09.2013).

⁷⁶ Агрикола – vir illustris, шурин Сидония, сын императора Авита, родной брат Экция и Папианиллы (жены Сидония); упоминается у Сидония (Ep. I. 2; II. 12). См.: PLRE. T. 2. P. 37.

полностью выщипывает в верхней части щек, чтобы ниже они были скрыты.

3. Относительно его подбородка, гортани и шеи: они не толстые, но крепкие, кожа – молочно-белая, которая, если смотреть вблизи, покрыта юношеским румянцем; на самом деле часто этот цвет вызывает у него не гнев, но стыдливость. Его предплечья изящно-тонки, плечи крепки, руки мощны, ладони широки, грудь переходит во впалый живот. Пространство спины разделяет хребет, находящийся глубже выступающих ребер. Бока бугристы от выступающих мышц. В поясной части выдается крепкий живот. Его бедра тверды, коленные суставы подобают мужчине, ибо тем больше достоинства, чем меньше складок у колен. Крепкие голени с рельефными икрами и небольшие ступни, которые поддерживают мощные члены.

4. Если ты интересуешься его постоянными занятиями, которые следует совершать публично, то на рассвете с небольшой свитой он направляется в собрание своих епископов и молится с большим усердием. Впрочем, говоря по секрету, ты можешь искренне заметить, что делает он это более в силу привычки, чем из-за благочестия. Оставшуюся часть утра он уделяет заботе об управлении королевством. Его кресло окружают вооруженные комиты; допускаются большая группа спутников в покрытых мехом одеждах, и, чтобы они не шумели, она вытесняется за порог так, что бормочет вовне, прикрытая занавесом, отделенная загородкой. Между тем, впустив посланцев племен, он слушает много, отвечает же кратко; если дело требует обсуждения, он откладывает его; если же оно очевидно, то торопливо решает. Наступает второй час; он поднимается с престола и занимается инспекцией казны или конюшен.

5. Если он направляется на заранее объявленную охоту, то считает, что носить на боку лук недостойно королевского величия (*gravitatem*); если же ему случится либо лично охотиться на птицу или зверя, либо столкнуться с ними на пути, то слуга (*puer*) вкладывает этот лук в руку, запущенную за спину, при свободно болтающихся поводьях: и как лишь слуге подобает держать лук в чехле, так и лишь женщине следует принимать его с уже натянутой тетивой. Итак, приняв лук, он то натягивает его, согнув одновременно с обеих концов, то, повернув ту часть, где находится узел, к висящей пятке, он проводит скользящим пальцем по ослабленной петле болтающейся тетивы. И тотчас же берет стрелы, прикладывает, пускает; прежде он спросит тебя, что тебе хотелось

бы поразить стрелой; ты выбираешь, во что ему попасть – и попадает в то, что ты выбрал; и, если в одном из двух случаев произошла ошибка, реже случается промах стреляющего, чем дефект зрения наметившего цель.

6. Если тебя приводят к столу, который в обычные дни похож на застолье частного лица, задыхающийся от натуги слуга не ставит там беспорядочного нагромождения отливающего синевой серебра для гостей; главное значение имеет беседа, поскольку там либо вообще не говорят, либо рассказывают о серьезных вещах. Расшитые занавеси и ковры сделаны то из шелка пурпурового цвета, то из виссона. Блюда радуют искусным приготовлением, а не стоимостью, посуда – блеском, а не весом. Редкое предложение кубков и чаш легче, поскольку лучше пожаловаться на жажду, чем отказаться из-за чрезмерного пьянства. Что же более? Ты видишь там утонченность Греции, изобилие Галлии, проворство Италии, торжественность, достойную общественного деятеля, бережливость, подобающую частному человеку, строгий порядок, приличный королю. Пышность же субботнего застолья выходит за рамки моего рассказа: о ней не способны умолчать даже самые молчаливые.

7. Вернемся к сказанному. Полуденный сон по окончании трапезы всегда краток, а часто отсутствует полностью. Когда он желает играть, он быстро собирает кости, внимательно рассматривает, искусно перемешивает, с жаром бросает, шутливо к ним обращается, терпеливо ждет. При хороших бросках он молчит, при плохих – смеется, но никогда не сердится, и в любом случае философски рассуждает. Он слишком горд и чтобы бояться второго броска, и чтобы совершать его, и отвергает предложения об этом; наоборот, он переходит к следующему ходу. Без сопротивления он проигрывает, без плутовства выходит победителем. Кажется, что и делая ход он руководит войском: у него одно желание – победить.

8. Когда приходит время игры, он временно отбрасывает приличествующую королю суровость, призывает ко всеобщей свободе. Говорю, что чувствую: он боится проявить страх. Вообще, он забавляется переживаниям побежденного и только тогда верит, что партнер не уступил ему намеренно, когда его досада заставит короля убедиться в своей победе. И ты удивишься, что часто эта радость, проявляющаяся по незначительным причинам, оборачивается счастливым воздаянием в важных делах. Тогда для исков, днем ранее потерпевших кораблекрушение из-за вмешательства адвокатов, открывается гавань внезапного удовлетворения. Тогда

и я, кое в чем выступавший просителем, когда он наносил мне поражение за игровым столом, оказывался счастливым победителем, поскольку дело разрешалось удачно.

9. Около девятого часа возобновляется бремя управления королевством. Вновь являются просители, вновь приходят приставы, их выводящие, повсюду шум судебных разбирательств, продолжающийся до вечера и ослабевающий лишь, когда прерывается королевским ужином, и один за другим они расходятся по многочисленным патронам в числе придворных, бодрствующих вплоть до наступления глубокой ночи. Конечно, пусть и не часто, во время ужина в залы допускаются актеры, но так, чтобы никто из соотрапезников не был обижен желчными остротами, таким, однако, образом, чтобы там не играл гидравлический орган, и стройное пение хора во главе с запевалой не гремело бы исполнением музыкального произведения; нет там играющих на лире, флейте, типане и струнных, нет дирижеров, поскольку король пленяется только музыкой, которая очаровывает добродетельные души не меньше, чем пение услаждает слух.

10. Когда он встает, придворная казна берется под ночную охрану; воины занимают подступы к королевскому дому, которые надлежит охранять с первого часа сна. Но что из этого касается меня – того, который обещал рассказать тебе не многое о королевской власти, а немного о короле? Да и стиль уже требует закончить, поскольку и ты желал узнать об этом муже не более, чем о его вкусах и личности, и я заботился о составлении не истории, а письма. Будь здоров.

Г.Е. Захаров

ОБРАЗ ГОТОВ В ТВОРЕНИЯХ СВ. АМВРОСИЯ МЕДИОЛАНСКОГО

Аннотация. Статья посвящена представлениям о готах в творениях св. Амвросия Медиоланского, вдающегося иерарха и богослова второй половины IV века. Автор показывает, что для медиоланского епископа христианская вера была теснейшим образом связана с римским патриотизмом, а его негативное отношение к готам обусловлено не только их насилием против римского населения, но и их приверженностью арианству. Распространение ереси среди варварских племен не приводит к их сближению с римлянами, а имеет следствием варваризацию самого арианства.

Ключевые слова: св. Амвросий Медиоланский, готы, арианство, Великое переселение народов.

Вторжение гуннов в Северное Причерноморье в 70-е гг. IV в. имело катастрофические последствия для варварских (германских и сарматских) племен южно-русских степей и Подунавья. Часть из них была вынуждена подчиниться гуннам, часть (например, тервинги) – искать спасения в Римской империи. Вскоре расселенные во Фракии готы поднимают восстание против властей Империи, а в 378 г. в битве при Адрианополе наносят сокрушительное поражение армии императора Валента (364–378), который погибает в сражении. Готы и присоединившиеся к ним иные варварские группы растекаются по балканским провинциям Римского государства, придавая их разорению. Таким образом, в 70-е гг. IV в. четкая граница между варварским и римским миром оказывается разрушенной. Варвары теперь присутствуют в пределах Империи не только в качестве вспомогательных частей римского войска, но как самостоятельные племенные группы, способные играть важную роль в политической жизни Рима и навсегда изменить социокультурный облик позднеантичной цивилизации¹.

Катастрофичность событий, следовавших за гуннским вторжением, в полной мере осознавалась современниками. В первую очередь, в этой связи, стоит отметить труд римского языческого историка Аммиана Марцеллина, который прекрасно передает атмосферу, царящую в римско-варварском пограничье после вторжения гуннов:

¹ О варварских миграциях рубежа IV и V вв. см.: Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е. 2011, 71–95.

«...за пределами Империи расходились грозные слухи о том, что среди северных народов совершаются новые движения в необычайных размерах, и шла молва, что на всем пространстве от маркоманнов и квадов до самого Понта множество неведомых варварских народов, будучи изгнано из своих обиталищ внезапным натиском, пошло к Истру с женами и детьми»².

Еще более красноречивым является описание Аммианом Марцеллином участи населения балканских провинций Империи во время готского восстания:

«Когда теснины были открыты и своевременно отошли наши войска, варвары повсюду, где кто мог, обратились, не встречая никакого сопротивления, к новым неистовствам. Безнаказанно рассыпались они для грабежа по всей равнине Фракии, начиная от местностей, которые омывает Истр, до Родопы и пролива между двумя огромными морями. Повсюду производили они убийства, кровопролития, пожары, совершали всякие насилия над свободными людьми. Тут можно было наблюдать жалостные сцены, которые ужасно было видеть и о которых равно ужасно повествовать: гнали бичами пораженных ужасом женщин, и в их числе беременных, которые, прежде чем разрешиться от бремени, претерпевали всякие насилия; малые дети хватились за своих матерей, слышались стоны подростков и девушек благородного происхождения, уводимых в плен со скрученными за спиной руками. За ними гнали взрослых девушек и замужних женщин с искаженными от плача чертами лица, которые готовы были предупредить свое бесчестие смертью, хотя бы самой жестокой. Тут же гнали, как дикого зверя, свободнорожденного человека, который незадолго до этого был богат и свободен, а теперь изливал свои жалобы на тебя, Фортуна, за твою жестокость и слепоту: в один миг он лишился своего имущества, своей милой семьи, дома, который на его глазах пал в пепле и развалинах, и ты отдала его дикому победителю на растерзание или на рабство в побоях и муках»³.

События 70-х гг. IV в. не остались незамеченными и в трудах христианских авторов того времени, среди которых особое место занимает св. Амвросий Медиоланский – глава одной из самых значимых италийских церквей, известный пастырь и церковный писатель, обладавший огромным авторитетом в церковной среде и большим влиянием на политическую элиту Империи, включая носителей императорской власти: Грациана (375–383),

² *Amm. Marcell.* XXXI. 4. 2. Русский перевод цит. по: Аммиан Марцеллин. 2000, 496.

³ *Amm. Marcell.* XXXI. 8. 6–8; Аммиан Марцеллин. 2000, 506.

Валентиниана II (375–392) и Феодосия I (379–395). В этой связи его взгляд на проблему варваров не может не вызывать особый интерес у исследователей. Отметим, что данная тема стала предметом специального исследования двух италийских ученых М. Павана⁴ и К. Корбеллини⁵, а также нашла отражение в фундаментальных монографиях французских исследователей М. Мелена⁶ и А. Шово⁷, посвященных истории арианских споров на латинском Западе и восприятию варваров в римской культуре IV в. соответственно. Исследователи сходятся в том, что св. Амвросий рисует крайне негативный и эмоциональный образ варваров, как врагов Империи и истинной веры, особенно подчеркивая их жестокость. Он даже радуется преждевременной кончине, вероятно, в 378 г., своего брата Сатира, позволившей ему избежать страшной смерти от рук иноплеменников:

«Он был взят, чтобы не пасть от рук варваров. Он был взят, чтобы он не увидел разрушения по всему свету, конец мира, погребение близких, смерти граждан, и, наконец, поругание священных дев и вдов, что горше всякой смерти» (*Raptus est, ne in manus incideret barbarorum. Raptus est, ne totius orbis excidia, mundi finem, propinquorum funera, civium mortes, ne postremo sacrarum virginum atque viduarum, quod omni morte acceribus est, colluvionem videret*)⁸.

В то же время св. Амвросий в конце жизни уделял внимание христианизации германского племени маркоманнов. Как пишет Паулин Медиоланский, автор жития св. Амвросия,

«некая Фритигиль, царица маркоманнов, когда услышала из рассказа некоего христианского мужа, которому случилось прийти к ней из италийских областей, о славе Амвросия, уверовала во Христа, Чьего раба она в нем распознала, и, посла в Медиолан дары для Церкви, попросила через послов, чтобы он своими писаниями известил ее, как ей должно веровать. Он составил для нее превосходное послание в виде оглашения, в котором также увещевал, чтобы она убедила мужа хранить мир с римлянами. Получив это послание, женщина убедила своего мужа передаться со своим народом римлянам»⁹.

⁴ Pavan M. 1978, 167–187.

⁵ Corbellini C. 1977, 343–353.

⁶ Meslin M. 1967, 66–67.

⁷ Chauvot A. 1998, 277–281; 435–440

⁸ Ambros. De excessu fratris Satyri. I. 30.

⁹ Paulinus. Vita Ambrosii. 36. Русский перевод Д.Е. Афиногенова цит. по: Амвросий Медиоланский свт. 2012, 91.

Данное свидетельство прекрасно показывает неразрывную связь между христианской верой и римским патриотизмом в мировоззрении медиоланского епископа.

События 70-х гг. IV в. поставили в центр внимания христианских авторов этого периода готов, которые и нанесли сокрушительное поражение римлянам в битве при Адрианополе. Однако большая часть готов к тому моменту уже не была язычниками, а исповедовала т.н. «арианство» или точнее омиство, учение, пользовавшееся в правление Валента статусом официальной ортодоксии в восточной части Империи, но рассматриваемое как еретическое св. Амвросием и другими сторонниками никейской веры¹⁰. В этой связи образ готов в творениях св. Амвросия приобретает специфический характер – полемика против них оказывается теснейшим образом связана с полемикой против «ариан», что выделяет готов из общей массы варварских племен.

Впервые св. Амвросий выстраивает параллель между готскими вторжениями и арианством в своем трактате «О вере» (378 г.), адресованном императору Грациану, отправившемуся как раз на войну с готами и попросившему медиоланского епископа составить вероизложение, которое прояснило бы для него суть спора св. Амвросия с иллирийскими епископами, придерживающимися омиства¹¹. В своем трактате св. Амвросий подчеркивает правоверие императора и рассматривает его как залог будущей победы над врагами Империи. Образ готов окрашивается в апокалиптические тона. Святитель указывает на то, что события готской войны были предсказаны пророком Иезекиилем (*namque et futuram nostri depopulationem, et bella Gothorum Ezechiel illo iam tempore prophetavit...*)¹² и отождествляет готов с библейским Гогом, победа римлян над которым предсказана в Священном Писании (*Gog iste Gothus est, quem iam videmus exisse, de quo promittitur nobis futura victoria*)¹³. Однако, что не менее важно, св. Амвросий уподобляет в своем сочинении варварские вторжения действиям еретиков, подчеркивая, что наибольшему разорению от варваров подверглись именно те провинции Империи, в которых «арианская ересь» получила наибольшее распространение:

¹⁰ Об этом см.: Захаров Г.Е. 2010, 371–383.

¹¹ *Ambros. De fide. I. 1–3.*

¹² *Ambros. De fide. II. 137.*

¹³ *Ambros. De fide. II. 138.*

victoria)¹³. Однако, что не менее важно, св. Амвросий уподобляет в своем сочинении варварские вторжения действиям еретиков, подчеркивая, что наибольшему разорению от варваров подверглись именно те провинции Империи, в которых «арианская ересь» получила наибольшее распространение:

«Разве мы не слышали, что от пределов Фракии до прибрежной Даккии, Мезии и всей паннонской Валерии вся их граница приведена в трепет в равной мере святотатственными голосами и варварскими набегами?» (*Nonne de Thraciae partibus per Ripensem Daciam et Mysiam, omnemque Valeriam Pannoniorum, totum illum limitem sacrilegis partier vocibus et Barbaricis motibus audivimus inhorrentem?*)¹⁴.

Окружение Константинополя готами св. Амвросий также объясняет процветанием в городе арианской ереси, а его спасение от врага – изгнанием из города «ариан»¹⁵.

Интересно сопоставить данные высказывания святителя с оценкой тех же самых событий св. Григорием Богословом:

«Правда, что мы худо наблюдаем друг у друга обстоятельства каждого, и, расторгнув единодушие разноеверием, едва ли не более стали бесчеловечны и жестоки один к другому, нежели самые варвары, которые ныне воюют с нами, и которых соединила разделяемая ныне Троица; не говорю уж, что поражаем не чужие чужих, не иноязычные иноязычных (что было бы хотя малым утешением в бедствии), но принадлежащие почти к одному дому, расхищаем, и (если угодно) члены одного тела, истребляем друг друга, и сами истребляемся»¹⁶.

И у св. Амвросия, и у св. Григория бедствия 70-х гг. IV в. рассматриваются как результат арианских споров, однако если св. Амвросий уподобляет действие арианской ереси варварским набегам, то св. Григорий противопоставляет «ариан» варварам, рассматривая последних как орудие Божественного Промысла.

Противостояние с «арианской» общиной в Медиолане в начале 80-х гг. IV в. приводит к развитию в творениях св. Амвросия темы сотрудничества «арианского» духовенства с врагами Империи. Центральной фигурой в этой связи оказывается еп. Юлиан Валент, кото-

¹³ *Ambros. De fide. II. 138.*

¹⁴ *Ambros. De fide. II. 140.*

¹⁵ *Ambros. De Spiritu Sancto. I. 17.*

¹⁶ *Greg. Naz. Or. 33. 2.* Русский перевод цит. по: Григорий Богослов, свт. 2010, 407.

deformiter deiectus a plebe est, qui Patavione esse non potuit, is nunc Mediolani post eversionem patriae, dicamus prodicionem, inequitavit)¹⁷.

Кроме того, медиоланский епископ упрекает Юлиана Валента в том, что он,

«как утверждают, надевший по языческому обычаю еще ожерелье и браслет, осквернившийся готским нечестием, осмелился предстать пред лицом римского войска» (qui etiam torquem, ut asseritur, et brachiale, Gothica profanatus impietate, more indutus gentilium, ausus sit in conspectus exercitus prodire Romani).

Юлиан Валент, таким образом, как пишет св. Амвросий,

«отвратился от римского образа жизни, если не так только имеют обыкновение появляться готские идолослужители» (abhorret a more Romano nisi forte sic solent idololatras sacerdotes prodire Gothorum)¹⁸.

Исследователи по-разному определяют степень достоверности этого свидетельства, которое, безусловно, укладывается в рамки свойственной для св. Амвросия тенденции интерпретировать варварские вторжения и разорение балканских провинций Империи как наказание за приверженность части населения Иллирика и Фракии арианской ереси. М. Мелен высказывает сомнения в достоверности рассказа св. Амвросия¹⁹. Ж. Цейлер²⁰ и А. Алфёльди²¹ рассматривают описанный эпизод как результат установления естественной связи между иллирийским арианским духовенством и единоверными ему готами. К. Маркшис считает возможным объяснить действия Юлиана Валента как его вероятным осознанием неизбежности готинизации Империи, так и простым стремлением избежать кровопролития²². А. Шово также видит в них неудачную и неподдержанную населением города попытку выступить в роли посредника между римлянами и готами²³. Отметим в этой связи, что сама по себе полемическая заостренность свидетельств св. Амвросия не позволяет сделать однозначный вывод о том, что он намеренно искажает факты (которые император Грациан – адресат письма – мог бы и

¹⁷ *Ambros. Ep. X. 10.*

¹⁸ *Ambros. Ep. X. 9.*

¹⁹ *Meslin M. 1967, 66–67.*

²⁰ *Zeiller J. 1918, 340–341.*

²¹ *Alföldy A. 1938, 15.*

²² *Markschies Ch. 1995, 140.*

²³ *Chauvot A. 1998, 280–281.*

проверить), чтобы придать больший вес своему возникшему в ходе антиарианской полемики построению. Кроме того, в нашем распоряжении есть и другие свидетельства, указывающие на тесные контакты с готами омиийского епископата. Достаточно вспомнить, что автором своеобразного панегирика готскому епископу Ульфиле был его ученик омиийский епископ Доростора (диоцез Фракия) Авксентий²⁴, а омиийский епископ начала V в. Максимин во время диспута с блж. Августином заявил, что был послан в Гиппон германским (готским)²⁵ предводителем Сегисвультом (missus a comite Segisvulto)²⁶. Как бы то ни было, свидетельство св. Амвросия о предательских действиях Юлиана Валента и использовании им языческих символов указывает на одну важную особенность концепции св. Амвросия: если распространение истинного христианства среди варваров означает для них приобщение к римской культуре и нравам и потерю варварской идентичности, то распространение среди варваров арианства ведет к варваризации последнего и отчуждению «ариан» от римского социума.

Кульминацией противостояния св. Амвросия с «арианами» становится т.н. спор о базиликах 385–386 гг. После убийства императора Грациана узурпатором Максимом (383 г.) его брат Валентиниан II и мать последнего Юстина, исповедовавшая омиийскую веру, получили возможность проводить в Италии самостоятельную церковную политику²⁷. В Медиолан, где находился двор молодого августа, из Фракии прибывает некий Авксентий, омиийский епископ²⁸, и, возможно, ученик просветителя готов Ульфилы²⁹. Теперь он выступает в роли главы «арианской» общины города.

²⁴ *Diss. Max. 55.*

²⁵ *Possidius. Vita S. Augustini. 17: ...Arianorum episcopo quodam Maximino cum Gothis ad Africam veniente...*

²⁶ *Conl. cum Max. I. (CCSL. 87A, 383).*

²⁷ *См.: Meslin M. 1967, 48–53; Williams D.H. 1995, 210–215.*

²⁸ *Ambros. Sermo contra Auxentium de basilicis tradendis. 22: «Итак, Авксентий извергается, Меркурин отлучается ... Изменил, следовательно, имя, но не изменил вероломство ... Иначе в областях Скифии назывался, иначе здесь именуется: имена имеет в соответствии с областями. Имеет, следовательно, уже два имени, и если отсюда отправится в другое место, будет иметь и третье» (Ergo Auxentius eiicitur, Mercurinus excluditur ... Mutavit ergo vocabulum, sed perfidiam non mutavit ... Alius in Scythiae partibus dicebatur, alius hic vocatur: nomina pro regionibus habet. Habet ergo iam duo nomina; et si hinc alio perrexit, habebit et tertium).*

²⁹ *См.: Авксентий Доросторский. 2011, 105–116.*

Весной 385 г. гражданские власти обращаются к св. Амвросию с требованием предоставить омиям одну из базилик для совершения богослужений³⁰. Опираясь на поддержку своей паствы св. Амвросий отвечает решительным отказом. В январе 386 г. от имени Валентиниана II издается указ о признании сторонников омийского течения ортодоксальными христианами³¹. «Ариане» предпринимают попытку занять базилику Порциану, находящуюся за стенами города. Св. Амвросий отказывается уступить храм, а также принять участие и в инициированном двором диспуте с Авксентием, указывая, что епископы в вопросах веры (*in causa fidei*) не могут быть судимы императорами, а, напротив, сами имеют право судить о правоверии августов (*in causa, inquam, fidei episcopus solere de imperatoribus christianis, non imperatores de episcopis iudicare*)³². Кроме того, он решительно заявляет о своем неприятии постановлений омийского Ариминского собора 359 г. и о приверженности никейской вере³³. С помощью большой группы своих сторонников св. Амвросий не пускает в базилику омиев. Начинается своеобразная осада³⁴, в которой принимают участие и готские наемники³⁵. Часть воинов, испугавшись отлучения от Таинств, через некоторое время начинают переходить на сторону св. Амвросия³⁶. В результате, двор вынужден были отступить.

В полемических сочинениях этого периода образ готов становится уже не столь однозначно отрицательным. Св. Амвросий продолжает развивать тему взаимосвязи между готами и «арианами», подчеркивая готский и чужеродный характер «арианской» общины Медиолана³⁷. Кроме того, он рассматривает готов как орудие в осуществлении императорским двором насилия над Церковью. Обращаясь к готским трибунам (*Gothi tribuni*), св. Амвросий задает вопрос:

³⁰ *Ambros. Sermo contra Auxentium de basilicis tradendis. 29.*

³¹ *СTh. XVI. 1. 4.*

³² *Ambros. Ep. 21. 4.*

³³ *Ambros. Ep. 21. 14.*

³⁴ Рассказ об этих событиях см. в письме св. Амвросия своей сестре Марцеллине (*Ep. 20*) и в речи против Авксентия. Возможно, в этих текстах речь идет о двух различных столкновениях вокруг базилики. См.: *Williams D.H. 1995, 214.* Предметом столкновения стала также некая «новая» базилика внутри городских стен.

³⁵ *Ambros. Sermo contra Auxentium de basilicis tradendis. 2.*

³⁶ *Ambros. Ep. 20. 13.*

³⁷ *Ambros. Ep. 20. 12.*

«Для того ли вас приняли в римские владения, чтобы вы выступали как пособники общественных беспорядков?» (*Propterea vos possessio Romana suscepit, ut perturbationis publicae vos praebeatis ministros?*)³⁸.

Однако святитель с радостью отмечает тот факт, что и среди его защитников также оказываются готы и представители других варварских племен:

«Приходят готы и представители различных народов (*venerunt Gothi et diversarum nationum viri*)... Имею защитниками тех, кого почитал за врагов. Мои союзники те, кого я рассматривал как противников» (*defensores habeo quos hostes putabam: socios teneo quos adversarios aestimabam*).

По утверждению св. Амвросия, люди, пришедшие к нему как представители варварских племен, становятся христианами (*qui enim gentes venerunt facti sunt christiani*)³⁹. Дверь в Церковь для готов как и для других варваров оказывается открыта, однако христианизация для них означает и отказ от варварской идентичности и обращение к римско-христианскому универсализму.

Подводя итог настоящей статье, отметим, что идея взаимосвязи между готами и «арианами» в творениях св. Амвросия, безусловно, имеет полемический характер и развивается в различных направлениях в зависимости от контекста: в 378 г. он подчеркивает параллелизм физического разорения балканских провинций варварами и духовного опустошения этих мест «арианами», в 381 г. он обращается к проблеме сотрудничества «арианского» духовенства с готами как врагами Империи, а в 385–386 гг. подчеркивает варварское происхождение медиоланских «ариан» и использование готов в насильственных действиях против кафоликов. Однако фундаментальной особенностью мировоззрения св. Амвросия является представление о теснейшей взаимосвязи Империи и Церкви (при примате последней) и римского образа жизни и кафолического христианства. В этой связи св. Амвросий оказывается очень далек от своего младшего современника – блж. Августина, который признавал принадлежность готов-«ариан» к христианству, противопоставляя их язычникам, и рассматривал Римское государство как одно из порождений обреченного на гибель Града земного⁴⁰.

³⁸ *Ambros. Ep. 20. 9.*

³⁹ *Ambros. Ep. 20. 21.*

⁴⁰ См.: *Захаров Г.Е. 2008, 7–17.*

ЛИТЕРАТУРА

- Ambrosius Mediolanensis*. Opera omnia // PL. 16.
- Ammianus Marcellinus*. Roman history. Vol. I–III. – Cambridge; London, 1982–1986.
- Code Théodosien. Livre XVI // SC. 497. – P., 2005.
- Conlatio S. Aurelii Augustini cum Maximino Arianorum episcopo // CCL. 87A. Turnhout, 2009. P. 383–470; PL. 42. Col. 709–742.
- Dissertatio Maximini contra Ambrosium // *Gryson R. Scolies ariennes sur le concile d'Aquilée* (SC. 267). – P., 1980, 204–327.
- Possidius*. Vita S. Augustini // PL. 32. Col. 33–66.
- Авксентий Доросторский*. О вере, жизни и кончине Ульфила (вступ. статья, пер. и коммент. Г.Е. Захарова) // Вестник ПСТГУ. Серия II. 2011. №4 (41), 105–116.
- Аммиан Марцелин*. Римская история / Пер. с лат. яз. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни. – СПб., 2000.
- Григорий Богослов, свят.* Творения. Т. 1. – М., 2010.
- Павлин*. Житие св. Амвросия // *Амвросий Медиоланский, свят.* Собрание творений на латинском и русском языках. Т. 1. – М., 2012, 58–109.
- Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е.* 2011: Великое переселение народов. Этнополитические и социальные аспекты. – СПб.
- Захаров Г.Е.* 2008: Везеготы и Кафолическая Церковь в первой половине V века // Вестник ПСТГУ. Серия II. 3 (28), 7–17.
- Захаров Г.Е.* 2010: Переход через Дунай как пересечение границы готского мира: к проблеме обращения готов в арианство // Древнейшие государства Восточной Европы. 2009 год. – М., 371–383.
- Alfoldy A.* 1938: Tracce del Cristianesimo nell'epoca delle grandi migrazioni in Ungheria. – Roma.
- Corbellini C.* 1977: Ambrogio e i barbari: giudizio o pregiudizio? // Rivista di Storia della Chiesa in Italia. 3, 343–353.
- Markschies Ch.* 1995: Ambrosius von Mailand und die Trinitätstheologie: Kirchen- und theologischeschichtliche Studien zu Antiarrianismus und Neunizänismus bei Ambrosius und im lateinischen Westen (364–381 n.Chr.). – Tübingen.
- Mathisen R.W.* 1997: Barbarian Bishops and the Churches 'in barbaricis gentibus' during Late Antiquity // *Speculum*. 72, 664–695.
- Meslin M.* 1967: Les Ariens d'Occident, 335–430. – P.
- Pavan M.* 1978: Sant'Ambrogio e il problema dei barbari // *Romanobarbarica*. 3, 167–187.
- Williams D.H.* 1995: Ambrose of Milan and the End of the Arian-Nicene Conflicts. – Oxford.
- Zeiller J.* 1918: Les origines chrétiennes dans les provinces danubiennes de l'Empire Romain. – P.

А.А. Сазонова

ДИНАСТИЙНЫЕ ИМЕНОСЛОВЫ И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ АНГЛОСАКСКИХ КОРОЛЕВСТВ В VI–VII вв.

Аннотация. Династийный именовослов англосаксов репрезентативно рассматривается не только как социокультурный феномен германского двуязычного именовословия, но и как знаковый показатель этнополитического развития англосакских королевств. Антропонимическая ситуация в местных королевских династиях представляла собой уникальное сочетание древнегерманских традиций и иноэтнических влияний: наличие родовых элементов Eormen-/Eorcen- в кентской генеалогии и франкского политического заимствования; присутствие исконно сакских компонентов Супе-/Cyth-/Ceol-/Cen- и следы ранней ассимиляции с бриттами в родословной западных саксов; свидетельство глубокой мифопоэтической связи именовослова восточных англосаксов с их скандинавскими предками; появление «культурного» этнонима Swaef- в именовословиях восточных саксов как проявление популярности древнегерманского героического эпоса.

Ключевые слова: англосакские династии, королевские генеалогии, древнегерманский именовослов.

В современной историографии сложилось мнение, что королевская власть у варваров функционально стала тем историческим и символическим ядром, вокруг которого консолидируется и структурируется социум, происходит этническое самоопределение и патронимическая героизация происхождения народа. Представителями правящего рода интегрируются престижные заимствования и осуществляется дипломатическое взаимодействие с ближними и дальними соседями, принимаются самые важные решения о мирных и военных переселениях. Каждый институализировавшийся королевский род активно использует репрезентативную манифестацию своих властных прерогатив через уникальность династийного именовослова, приобретающего самоценность в качестве социокультурного феномена¹.

Королевская стратегия именного наречения обычно основывается на родовой и этнической традициях, на обусловленном политической конъюнктурой персональном выборе правителя и на связанных с высокостатусными брачными союзами неизбежных иноэтни-

¹ В этой статье продолжается исследование англосакской антропонимики, специфики оформления королевских генеалогий и механизма практического функционирования именовословных родовых традиций, начатое см.: Сазонова А.А. 2012, 249–265.

ческих заимствованиях. В связи с этим в исследовательской тени остается изучение обратного – ответного – процесса, который, напрямую не проговариваясь в сохранившихся источниках, выражается в глубоком подспудном влиянии «нивелирующей» яркие династические имянаречения общегерманской именовсловной традиции, функционирующей по собственным законам и медленно изменяющейся вместе с древнегерманской культурой всего социума.

В филологическом анализе экстралингвистических оснований древнегерманского ономастикона выделяют первичные и вторичные по характеру сложения имени собственные², по своему ономастическому принципу эволюционирующие от уникальных и неповторимых имен к механическому сложению двучленных композитов. Лингвистическое понимание явления первичности и вторичности в традиционном германском имянаречении можно попытаться переложить в рамках исторического исследования в исторических категориях живого и формализованного развития династических именовслов у англосаксов, предположительной границей между которыми будет являться хронологический рубеж VII–VIII вв.

Стремление разграничить живые (первичные) и искусственно-формализованные (вторичные) явления в практике династийного имянаречения и зафиксировать их переходные состояния, соотнося с объективными историческими особенностями этнополитического развития королевств и с субъективным личным выбором в нетривиальных обстоятельствах локальной политики, поддерживается исключительной репрезентативностью исторического материала по всем германским королевствам Англосаксонской Британии (антропонимика, ранняя топонимика, просопографическая база) и основывается на сравнительной верификации данных по аутентичным источникам VI–VIII вв. и более поздним спискам англосакских хроник.

Британская национальная историография традиционно уделяет большое значение роли и месту антропонимических и генеалогических данных в исследованиях по политической, социальной и этнокультурной истории раннего и среднего англосаксонского периодов. Современное изучение этнополитогенеза отдельных англосакских королевств на ранних стадиях их формирования неотделимо от формулирования оригинальных прочтений по историям происхождения королевских династий с использованием всего

² Топорова Т.В. 1996, 127, 187.

корпуса письменных источников. Региональные исторические исследования Д. Кирби, Б. Йорк, Н. Брукса, М. Карвера, П. Симс-Вильямса, объединяемые их авторами в монографии по политической истории Англосаксонской Британии, удачно дополняют обобщающие работы Дж. Кэмбелла, П. Вормалда и А. Такера³.

Для отечественной медиевистики основополагающим всегда оставался интерес к германскому этнополитическому развитию на европейском континенте (А.И. Неусыхин, Н.Ф. Колесницкий)⁴. Географический охват варварологических исследований (В.П. Буданова) гораздо шире, но будущие островные германцы из числа саксов, англов, фризов и ютов находились на периферии Переселения, не преодолев свою консервативность и не присоединяясь к миграционным потокам более мобильных соседей, находились еще в состоянии обретения этнического самосознания и лишь ожидали своей исторической судьбы для выхода на политическую сцену⁵.

В англоязычной историографии начала XX в. генеалогические, этимологические и топографические исследования по англосаксонской истории были комплексно синтезированы в цикле ранних статей Ф. Стентона и фундаментальном труде Г. Чэдвика⁶. Интерес к источниковедческому анализу и критической верификации англосакских хроник, а также введение в научный оборот древнеанглийских генеалогий и латинских агиографий привели к ренессансу узкоспециализированных генеалогических работ у англоговорящих и европейских ученых (К. Сизам, Д. Дамвилл, М. Миллер)⁷.

Отечественная научная школа по изучению древнегерманской антропонимики, продолжая уникальное начинание Э.А. Макаёва (1965), представлена в специализированных монографиях и статьях московских филологов-германистов – О.А. Смирницкой («Три имени из тулы Одина», «Имена великанш в «Эдде» и туле», «Поэтическое искусство англосаксов»), Т.В. Топоровой («Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные»), Н.А. Ганиной (этимологические исследования по Нибелун-

³ Kirby D. 1991; Yorke B. 1989; 1990; Brooks N. 1989; 2000; Carver M. 1998; Campbell J. 1982; Wormald P. 2005; Thacker A. 2005.

⁴ Неусыхин А.И. 1942; 1974; Колесницкий Н.Ф. 1985.

⁵ Буданова В.П. 2000, 105, 113, 118.

⁶ Searle W. 1969 [1897]; McClure E. 1972 [1910]; Stenton F. 1970; Chadwick H.M. 1924; Ekwall E. 1928.

⁷ Wheeler G. 1921; Dumville D. 1976; Miller M. 1979; Sims-Williams P. 1983; 2003; Wenskus R. 1986 [1970]; Taviani-Carozzi H. 1993.

гам, Валькириям, Норнам, Ильдико-Гримхильде, германским провидицам и готским именам) и Ф.Б. Успенского (по скандинавистике и русистике)⁸.

В современной историографии формулируется общая проблема «династического стыка», когда при составлении королевских генеалогий разных англосакских родов на хронологической границе второй половины – конца VI в. производилась «надстройка» перечня ранних германских правителей V–VI вв., которые выступали в качестве прямых предков по мужской линии для известных по письменным источникам реальным основателям королевских династий⁹.

В исторической перспективе подобный «компилятивный стык» мог свидетельствовать и о другом ракурсе проблемы. Если на начальном этапе завоевания в V в. у саксов и англов ведущую роль играли незнатные командующие отрядов германских воинов (носители одночленных имен, как например, Хэста у южных саксов; Кисса у западных саксов; Стоппа, Хрота в Мерсии; Фулла в Суррее; Гилла, Гедда, Гисла, Гума в лондонском регионе; Берека, Мукка, Фобба у восточных саксов; Тэппа, Сунна, Мимма у срединных саксов)¹⁰, то с середины VI в. руководство расселением и завоеванием внутренней территории Острова и процесс формирования сплошной линии англосакских королевств восточного и южного побережий мог перейти в руки представителей континентальной германской знати с двучленными благородными именами.

⁸ Смирницкая О.А. 2008; Топорова Т.В. 1996; Ганина Н.А. 2008; 2010; Успенский Ф.Б. 2001; 2006.

⁹ Так Д. Кирби поместил генеалогии королевских родов англосаксов в Приложении своей монографии без легендарных первопредков (единственным исключением стал отчет уэссекской династии от Гевиссия) см.: Kirby D. 1991, 221–228. Об искусственных манипуляциях по составке генеалогий см.: Basset St. 1989, 4. Изучению генеалогических источников посвящены основополагающие работы К. Сизама (1953), Д. Дамвилла (1976, 1977), М. Миллер (1972, 1979).

¹⁰ Традиционным является исходное предположение о том, что самые ранние англосакские топонимы связаны с одночленными именами, а появление композитов относят к следующему этапу. Хотя в историографии не исключают и более позднее происхождение всех топонимов антропонимического характера, но в данном случае переход англосаксов на благородные двучленные имена играет роль хронологического маркера по разным германским территориям. В тексте Беды приводятся три ранних топонима – Рендлесхейм (HE. III, 22), Кнобхересбург (HE. III, 19) и Тиовульфингкастер (HE. II, 16), из которых последний восходит к двучленному германскому имени Теодульф.

ми¹¹. В VI в. происходили изменения и в этническом составе правящих воинских элит – историографическая и источниковедческая проблема ютов в Кенте и Южной Британии, археологическая фиксация скандинавской династии в Восточной Англии¹².

Таким образом, к числу знаковых характеристик процесса литогенеза германцев на Британских островах можно отнести местные особенности генеалогического имянаречения в правящих династиях разных этно-территориальных образований. По моему предположению, именно во второй половине VI в. происходят значительные социокультурные изменения в этой традиционной сфере – переход на двучленные благородные имена в среде англосакской знати и осознанное конструирование уникальных родословных именовословов по всем королевствам.

Для кентской династии и местной знати, помимо престижности франкской традиции имянаречения (Хлотарь/Хлотхер)¹³ и выражен-

¹¹ С исследовательской точки зрения было интересным попытаться зафиксировать «промежуточную» стадию антропонимического состояния для синтеза простого германского имени с компонентом благородного. На данный момент однозначно интерпретируемой доказательной базы мною не было выявлено. Возможно, самым показательным примером по аутентичной топонимике является германское название римского Гарианн(ор)ума (*Notitia Dignitatum, XXVIII. Comes litoris Saxonici per Britanniam: «Gariannum»*) – Кнобхересбург. Несмотря на утверждение Беды (HE. III, 19: «...in castro quodam, quod lingua Anglorum Cnobheresburg, id est urbs Cnobheri, uocatur...»), предположение о существовании личного имени Cnobhere (см.: McClure E. 1972, 176) мною не разделяется. Название восточноанглского поселения, скорее, можно перевести как «Укрепление вооруженного отряда Кноббы». Упоминание хроник об историческом персонаже по имени Snebba относится к 568 г., когда кентский элдормен Кнебба был убит западносакскими королями. По поздним генеалогиям легендарный Кнебба, сын Икеля, назван одним из предков мерсийского королевского рода Иклинггов (ASC a. 626, 755). Сравнением к данному случаю может являться топоним Wihtgarabyrg, предполагаемое место захоронения ютского завоевателя Вихтгара на острове Уайт-Векта, этимология которого в историографии (см.: Yorke B. 1990, 27; Yorke B. 1989, 85–86) трактуется двояко ввиду общей дискуссионности вопроса о характере германского завоевания этого прибрежного острова. Более очевиден простой вариант значения – «Крепость Вихтгара», но не исключается и «Крепость народа Векты».

¹² В качестве примера исторической смены местной англосакской элиты V в. на «шведский» королевский род в Восточной Англии в VI в. см.: Campbell J. 1982, 34.

¹³ Показательна единичность факта династийного наречения Хлотхера (внука Эадвальда, по материнской линии внука Мервинга Хариберта, сы-

ного нейстрийского акцента на первом компоненте Ercin- (Эоркенберт, Эорконгота, Эоркенвальд), отмечается актуализация вплоть до середины VII в. архаического компонента Hermin- (начиная с Эорменреда)¹⁴. Подобное обращение к имени полупоэтического правителя Кента первой половины – середины VI в. Эорменрика позволяло кентским эскингам идеологически возводить к нему свое происхождение. Но эта отсылка, по моему мнению, уже не несла в качестве решающей этимологической нагрузки апеллирование к германскому богу войны Ирмину (скорее, речь шла о вторичной семантике «великий»). В дополнении следует отметить знакомое использование парных – аллитерированных – имянаречений Ercin-/Hermin- в королевском роду «на веку» двух кентских поколений.

Для первой половины VII в. выделяется комплекс новых идеологических стратегий – историческое фокусирование на мемориальном возвращении в активный именной фонд имен реальных или легендарных предков-основателей рода (Eor-men-; -red); большая ориентированность женского именованного на родовую память (Eap-) и склонность в мужском имянаречении к политически обоснованным инновациям (Eorsep-). Однако в объективных исторических реалиях, несмотря на всю политическую значимость программы династического наречения потенциальных наследников, конкретная идеологическая заданность именованного смогла удержаться в пределах короткого поколенческого периода – от родителей к детям и от детей к внукам.

Первый случай мужского наречения сыновей (Эоркенберт и Эорменред) кентского короля Эадвальда и франкской принцессы Имм(ан)ы¹⁵ мог символизировать упрочнение союза молодой кент-

на Хлотаря и внука Хлодвига), в имени которого маркировано использовался родовой мерovingский элемент Chlod- («слава»). Интересно и то, что в наречении детей (Эадвальда и Этельбурги) кентца Этельберта и франкской принцессы Берты не просматривается франкское влияние.

¹⁴ В историографии элемент Hermin- не признается характерным для островных германцев, поэтому случаи его использования в VII в. рассматриваются как связанные с королевским родом Эскингов и кентской знатью. Антропонимика континентальных германцев фиксирует популярность данного компонента среди саксов, франков, тюрингов, свевов, вестготов и вандалов. Об этом элементе среди соседей континентальных саксов – тюрингов и варнов см.: *Wenskus R.* 1976, 83, 126, 577, 580. О широкой распространенности элемента см.: *Morlet M.-Th.* 1968, 82–84.

¹⁵ По источникам не известно, чьей дочерью (или родственницей) была Эмма/Имм(ан)а – австралийского короля Теодоберта (595–612),

ской династии с мерovingским королевским родом и нейстрийской знатью (майордомом Эрхиноальдом) после первого франкского брака VI в. При этом политическое утверждение своего родства с великим кентским правителем Эорменриком не отменяло, на мой взгляд, у его «потомков»¹⁶ обращения к общегерманской традиции этого имени от гота Германариха до мерovingской знати VI–VII вв. (например, у представительницы нобилитета парижского региона и известной церковной покровительницы Эрментруды и убийцы майордома Эброина Эрменфрида). В качестве дополнительного фактора, повлиявшего на складывание и закрепление рассматриваемой именованной традиции, может рассматриваться предполагаемая полная форма франкского имени кентской королевы Иммы – Ирменгарда¹⁷.

Второй пример связан с женским имянаречением Эоркенбертом своих дочерей – Эорменхильды и Эорконготы (но не двух сыновей – Эгкберта и Хлотхера). Историческая интрига этого случая, на мой взгляд, заключается в том, что подобное парное наречение могло расцениваться как политико-идеологический ответ Эоркенберта на, безусловно, эталонный династический выбор имен его братом Эорменредом для собственных дочерей и сыновей (Эорменбурга и Эорменгута, Этельред и Этельберт)¹⁸. В условиях по-

внука Сигиберта и Брунхильды, или знатного франка Эрхиноальда, нейстрийского майордома (641–659) см.: *Thacker A.* 2005, 473. Франкский брак Эадвальда был заключен уже после его воцарения (616) и развода с вдовой отца (ок. 618), то есть после смерти Теодоберта и до прихода к власти Эрхиноальда. При скудости аутентичных данных и противоречивости поздних источников могут возникать определенные сомнения и относительно того, что могла ли королева Имма являться матерью Эорменреда.

¹⁶ В историографии (несмотря на данные Беды о происхождении Этельберта) не заостряют внимание на степени родства между Эорменриком и Этельбертом (как отца с сыном), наоборот, предполагается, что отцом Этельберта был один из кентских королей после Эорменрика, но какие-либо сведения о нем отсутствуют. На мой взгляд, следует обратить внимание на частотное использование (начиная с внука Этельберта Эорменреда и внука его сестры Риккулы Саксреда) именованного компонента -red (принц Этельред, король Вихтред), который мог восходить к имени отца Этельберта. Другим повторяющимся (возможно, от матери Этельберта) именованным компонентом у двух двоюродных сестер, внучек Этельберта по линии сына Эадвальда и дочери Этельбурги, стал первый элемент Eap- (Эансвот и Эанфледа).

¹⁷ OAS. 1969, XIX.

¹⁸ Если королеву Имму признавать родственницей Эрхиноальда, первый элемент имени которого она престижно транслировала в кентский родовой именованности, то отсутствие этого компонента у потомков Эорменреда (детей и внучек) может гипотетически свидетельствовать и

явления в одном поколении четырех принцев-наследников в будущем мог актуализироваться вопрос о внутривидовой борьбе за власть, что и произошло после смерти Эоркенберта, случившейся в разгар эпидемии (664). Другим вариантом к именной внутрисемейной комбинации по гендерному принципу у детей Эорменреда (Hermin-/Æthel-) является парное наречение в семье младших современников сыновей Эадбалда – будущего лондонского епископа Эоркенвальда (688–693) и его младшей сестры Этельбурги (Eorcen-/Æthel-), чье происхождение признается кентским и близким к королевскому роду¹⁹.

Другая модель использовалась в королевской династии западных саксов для формирования родового именованного фонда в VI – первой половине VII в. В качестве внешнего влияния на гевиссии в историографии признают бриттский фактор, который сводят к полубриттским и полугерманским именам ряда правителей Уэссекса. В этот «итоговый» список входят имена Кердика, Кинрика, Кевлина, Кенваллы и Кэдваллы. На мой взгляд, данную проблему следует рассматривать в двух ракурсах – в историографическом и в источниковедческом. Первоначально в историографической традиции заостряли внимание на общем – негерманском – характере лишь двух имен Кердика и Кэдваллы²⁰. Постепенное расширение списка «пробриттских» имен было призвано в глазах прокельтски настроенных исследователей свидетельствовать о смешанном бритто-сакском происхождении уэссекской династии²¹. Следует признать, что со-

об отсутствии между ними кровной связи. По поздней «Кентской легенде» предполагалось и возрастное старшинство Эорменреда и его соправительство с отцом в качестве *regulus* (см.: *Yorke B.* 1990, 34–35). Обращает на себя внимание и имянаречение «вторых» дочерей кентских королей-братьев – Эорменгуты и Эорконготы, оставшихся «темными» фигурами для местной истории, исходная транслитерация второго элемента имен которых до конца не ясна.

¹⁹ Kirby D. 1991, 97.

²⁰ В «старой» историографии господствовало мнение, что редкое германское имя *Cerdic* соответствует валлийскому *Ceretic*, а *Cædwalla* являлось германизированной формой бриттского имени *Cadwallōn* см.: *Stenton F.* 1970, 261; *Stenton F.* 1985, 24–25, 69; *Sawyer P.* 1978, 50. О кельтской составляющей в крови ранних западносакских королей на основании бриттского имени Кердика см.: *Kirby D.* 1991, 16; *Loyn H.* 1984, 15. О проблемах исторической интерпретации см.: *Chadwick H.M.* 1924, 25–29.

²¹ *Sims-Williams P.* 1983, 28–31; *Laing L., Laing J.* 1990, 92. В «старой» литературе положение о смешанном происхождении («mixed race») относили только к ранним королям Кердику и Кевлину см.: *Sheldon G.*

временное состояние источниковой базы не позволяет окончательно отвергнуть или опровергнуть возможность полного соответствия сакских имен или их элементов кельтским. Однако на основе лингвистических и антропонимических данных можно попытаться сократить список имен и показать несостоятельность формулирования данной проблемы лишь в двух ракурсах: как частного случая дискуссионного в современной историографии вопроса об этнически смешанных браках либо – путем выведения исторически «необъяснимых» заимствований из кельтского именованного.

Изначально неоднозначной представляется ситуация с имянаречением основателя уэссекской династии. Так как, с одной стороны, речь идет о подтверждении правильности письменной фиксации имени Кердика по ранним англосакским топонимам (*Ceardicesora*, *Ceardicesbeorg*, *Ceardicesford*, *Ceardicesleag*) без метатезной вариативности, а с другой стороны, об идентичности более позднему имени бриттского правителя Элмета – Кердика/Коротика²² (ум. ок. 617), изгнанного из своего королевства дейрнийским королем Эдвинном²³. Интерес вызывает и исследовательское предположение XIX в., по которому германский вариант имени *Cerdic* выводился как производный на *-ic* (*Cerda/Cerdic* в сравнении с топонимом *Cerdan hlæw*)²⁴.

Рассматривать имя следующего правителя Кинрика («Родом могучий») в качестве социокультурного заимствования из бриттского именованного некорректно ввиду того, что данное соответствие исторически зафиксировано как регулярное по всему германско-кельтскому ареалу (галльский, скандинавский, англосаксонский,

1932, 104. О бриттских именах Кердика, Кевлина и Кэдваллы, а также о возможных бриттских элементах в именованном мерсийского королевского рода см.: *Ward-Perkins B.* 2000, 515–516.

²² Для сравнения приводятся галльское имя *Caratinus* и древневаллийское *Cer(e)tic* см.: *Sims-Williams P.* 2003, 133. Ранее вопрос о неоднозначных итогах сопоставительного анализа германского имени *Cerdic/Ceardic* и кельтских *Ceretic/Coroticus/Caraticos* см.: *Ekwall E.* 1928, LXVIII–LXIX.

²³ Беда упоминает бриттского короля в связи с отравлением дейрнийского принца Херерика (HE. IV, 21: «...sub rege Bretonum Cerdice...»). О датировании изгнания Керетика по «Истории бриттов» Ненния и «Валлийским Анналам» см.: *Eagles B.* 1989, 212.

²⁴ Аналогичные примеры – *Beornic*, *Dunic*, *Otic* см.: OAS. XXIII. Возможно, этот же диминутивный суффикс в имени Кэлик (*Widsith*, v. 20: «*Casere weold Creacum ond Cælic Finnum...*»).

верхненемецкий)²⁵. В южнобританской истории первой половины VIII в. сохранилась память об убийстве западносакского этелинга Кинрика (ASC a. 748), а в хартийном материале второй половины столетия упомянут один из префектов уэссекского короля Куневульфа по имени Кердик²⁶.

Имя западного сакса Кевлина можно соотнести с аналогичным у английского священника из Нортумбрии Келина (HE. III, 23: «...uocabulo Caelin») ²⁷ и одного из руководителей монастыря Рипон перед смертью епископа Вилфрида (ум. 709) – провоста Келина (Celinus/Caelinus)²⁸, что подтверждается Бедой, который приводит два варианта написания имени уэссекского правителя (HE. II, 5: «...secundus Caelin rex Occidentalium Saxonum, qui lingua ipsorum Ceaulin uocabatur») ²⁹.

В имени Кенваллы/Кенвальха (Coinalch)³⁰ бросается в глаза второй элемент с необъяснимой – с точки зрения исторических реалий первой трети VII в. – семантикой -wealh («чужеземец, валлиец, кельт») ³¹. Однако сам именной компонент носит, безусловно,

²⁵ Топорова Т.В. 1996, 56, 210. О разных вариантах (бриттском, валлийском, ирландском, германском) происхождения и бытования частотного элемента Суп-/Супо- в романо-бриттском и кельтском островном ареалах см.: Sims-Williams P. 2003, 109, 146, 157–158, 160.

²⁶ Stenton F. 1970, 57.

²⁷ Имя Celen/Celyn в средневаллийском языке с неоднозначной этимологией см.: Sims-Williams P. 2003, 72.

²⁸ Eddius Stephanus. 1927 (LXIV: «Frater noster reverentissimus Celinus, aliquamdiu praepositus ...»).

²⁹ Топонимы Ceawan hlaew, Ceawwan leah от имени Ceaw(w)a см.: OAS. 126–127.

³⁰ HE. III, 7: «Defuncto autem et rege [Кинегисла], successit in regnum filius eius Coinalch...».

³¹ Используя богатый этимологический материал статьи (см.: Иванов В., Топоров В.Н. 1979, 61–85), можно предположить, что англосаксы могли перенести валлийский этноним на Альбион в готовом виде с континента (если он не употреблялся на Острове еще в позднеримский период). Пришлые германцы могли исторически востребовать из всего семантического многообразия этимологии этнонима, во-первых, пастушескую и скотоводческую характеристику валлийцев, во-вторых, захоронные представления о поле битвы с телами павших воинов. В-третьих, англосаксы могли осмыслить культурно чуждых им «горных» и «равнинных» бриттов как связанных с местным потусторонним миром, рассказы о котором так поразили в свое время византийца Прокопия самим фактом существования странной стены, отделявшей страну человеческой цивилизации от мира чудовищ, и описанием навых кораблей, по ночам пере-

германский характер и употребляется в разных языковых ареалах (бургундском, верхненемецком, англосаксонском, скандинавском)³². Нередко встречающееся в источниках смешение «похожих» компонентов композитов (как по фонетическому созвучию, так и по буквенным опискам на письме) привело к известной проблеме путаницы и вариантности в антропонимических данных, относящихся к раннему и среднему англосаксонскому периоду³³. В этом случае разные, но взаимозаменяемые формы транскрипции второго элемента имен Кенваллы, Этельвальха, Меревальха, Пенвальды (-welch/-ualla/-wald) лишают возможности сделать более определенный вывод о контексте появления у представителей сакской и мерсийской знати VII в. единичных примеров имянаречений с использованием -wealh.

Первый компонент имени короля Кэдваллы находит полное соответствие в бриттских именах королей Гвинета – Кэввана (Cadfan/Cadwan) и его сына Кэвваллона (Cadwallon)³⁴, а также Кэдваля (Cadafael) и правителя Линдси Кэдбэда (Caedbaed)³⁵. Однако не исключается и возможность сближения данного элемента с односложными англосакскими именами Ceadda и Cada (как например, имя поэта Кэдмона; топонимы Cadan hangra, Ceaden ford, Ceadelan wyrth, Chadshunt и Chaddlehanger от производного имени *Ceadel и Cheadle³⁶). Показательна и степень вариативности в транскрипции

возящих мертвых с материка через пролив. Возможно, что в дохристианский период эти представления, накладываясь друг на друга, и сформировали на мифопоэтической уровне у англосаксов этнический образ иноязычного чужака-валлийца, сопряченного опасному миру чужих мертвых.

³² Топорова Т.В. 1996, 34, 64.

³³ Примеры писцовых ошибок см.: OAS. XIV.

³⁴ Данный пример иллюстрирует неразрешимую дилемму – стало ли имя этого бриттского правителя Гвинета и галльского противника Юлия Цезаря по имени Cassivellanus / *Catuellaunos (см.: Matthews K. 2001) образцом для заимствования в сакском наречении середины VII в., или второй элемент имени носит типично германский характер.

³⁵ Примеры германских и бриттских имен с использованием о/г *badwō- «битва» (см.: Ганина Н.А. 2010, 53) и брит. caed-/cad- «битва» см.: Stenton F. 1985, 48; Калыгин В.П., Королев А.А. 1989, 39 (др.-ирл. cath «битва», кельт. catu-); Королев А.А. 1984, 128. О восприятии островными германцами разных вариантов именного компонента Caed-/Cad- как семантически близких свидетельствует (HE. III, 23) родовое имянаречение североанглийских клириков Хада (Ceadda/Chad), Кедда (Cedd) и Кинибилла (Cynibill), трех братьев вышеупомянутого священника Келина (Caelin).

³⁶ OAS. 124, 126; Gelling M. 1988, 86, 92, 172.

имени Кэдуаллы по ранним сочинениям (Caedvalla у Альдхельма; Ceadualla, Ceadual, Ceaduald у Беды; Cedoal у Павла Дякона)³⁷ и в средневековых агиографиях и историографиях (Chedwalla и Cedualla у Вильгельма Малмсберийского)³⁸.

По антропонимическим данным источников в поколении представителей королевского рода западных саксов, родившихся в первой четверти VII в. (Кенвалла, Кенберт, Кентвин, Кенред, Кенферт, Кенфус и плохо транскрибируемый на письме по имени отец Альдхельма – Kenten/Kenter), появляется «новый» первый элемент в имени (Сепкак «племня, народ»), который пришел на смену архаическим компонентам Cyth-/Cyne- («род») и Ceol- («защита», «корабль») ³⁹ и Ceol- («защита», «корабль») ⁴⁰. Это знаковое явление можно расценивать как отражение идеологического и политического переосмысления правящей сакской элитой значимости фактора меняющейся социальной реальности, выраженной в переходе от узкой «родо-племенной» организации эпохи переселения-

³⁷ *Aldhelmus*. <In Ecclesia Mariae a Bugge exstructa>, 18: «Rex Ceadvvalla, potens regni possessor et heres...» (см.: *Aldhelmus*. 1919); HE. V, 7: «...Caedualla, rex Occidentalium Saxonum...» (транскрипция по римской эпитафии HE.V,7: «...ipse **Caedual** armipotens...»); *Paulus Diaconus*. HL.VI, 15: «His diebus Cedoal rex Anglorum Saxonum, qui multa in sua patria bella gesserat, ad Christum conversus Romam properavit» и римская эпитафия «...ipse, **Cedoal** armipotens...»).

³⁸ *Willelmus Malmesburiensis*. 1855: GRA 988A (*Gesta regum Anglorum*); *Willelmus Malmesburiensis*. 1855: GPA 1631A (*Vita Aldhelmi // De gestis pontificum Anglorum*).

³⁹ Аналогичный именной элемент (fara – «род») существовал у лангобардов, но примеры его использования в силу особенностей этнической традиции в именовании знати единичны – Фарвальд (два одноименных герцога Сполето в 571–591 гг. и 703–724 гг.). Возможно, историческую роль при переходе королевского рода лангобардов на двучленные имена на рубеже V–VI вв. и в начале VI в. (при наречениях детей королей Тато и Вахо) сыграли внешние иноэтнические влияния. Свое социальное и экономическое значение фара у лангобардов сохранила на этапе завоевания Италии и была документально зафиксирована в период их расселения см.: *Неусыхин А.И.* 1942, 21–22. Такие реликты социально-политической организации германских народностей как «фара» лангобардов (см.: *Шервуд Е.А.* 1991, 266–269) и «генеалогия» аламаннов дожили до письменной кодификации в этнических правдах. О германских именах с элементом Fara- см.: *Morlet M.-Th.* 1968, 87–88.

⁴⁰ О семантике ceole- в древневерхненемецком, древнесакском и древнеанглийском языках см.: *Neumann G.* 2008, 249. Наиболее вероятное из значений для имени Кеолы «нос корабля-киулы». Этимология ceol- и ceole- см.: *Holthausen F.* 1934, 46.

завоевания и расселения на новую – более широкую этническую – форму этно-территориальной «народности»⁴¹.

Третий – самый архаизированный – религиозный вариант династийного именованного связан с консервацией при конструировании родовых двучленных имен памяти о племенном богехранителе. Это компонент Sæx/Sax- (Сакса, Саксвальд, Са(кс)берт⁴², Саксред), производный от имени сакского бога Сакнота (Saxnot/Sæxnæt)⁴³, региональной ипостаси общегерманского Тиу, у восточных саксов⁴⁴ и Os- (Освальд, Осрик, Осхер) от имени богов-асов в королевских родах северных англосаксов Дейры и Берниции⁴⁵, а также мерсийской Хвикки⁴⁶. Для нортумбрийского региона выделяются два примера, связанных с женским языческим пантеоном островных германцев. Это сокращенная форма имени

⁴¹ Общая таблица терминов индо-европейской социально-политической «общности» для OE *synn*-(*cyning*)-*þeod*-(*theoden*)-*folc*-*hlaford*-*dryhten* см.: *Wormald P.* 2005, 105–124.

⁴² Исторический вариант первого компонента в имени племянника Этельберта Са(кс)берта не совсем ясен (Sæ-/Sax-). Более традиционна поздняя транскрипция Sæbercht, но нельзя исключить не полную сохранность первой части композита, которая сходна с именем его внука Сэбби, известным по тексту Беды лишь в гипокористической форме.

⁴³ В развернутой королевской генеалогии само основание рода возводится к племенному верховному богу континентального периода («Gesecg Seaxneting»), что является исключением среди англосакских династий, ведущих свое происхождение от Водана. Об уникальности именованной традиции восточных саксов с неизменной начальной аллитерацией см.: *Stenton F.M.* 1985, 53–54.

⁴⁴ О ранних примерах исторического использования этнонима «саксы» и его этимологии см.: *Neumann G.* 2008, 58. Семантика двучленных германских имен подразумевает исходное значение этнического оружия саксов (по аналогии с франками и лангобардами), но не этническую принадлежность самого носителя (как в случаях свевов и кельтов).

⁴⁵ Для Кента известны два английских имени – супруги Эорменреда Ослаф («Асов наследница») и упомянутого в грамотах «кентского» короля Освина («Асов друг»), которые могли быть связаны с нортумбрийским происхождением королевы и ее родича.

⁴⁶ Предположения о нортумбрийских заимствованиях для местной династии Хвикки (на примере двух братьев-королей Эанфрида и Эанхера, известных до середины 670-х гг. или местных правителей последнего десятилетия VII в. – Осрика, Освальда и Осхера) мне представляются хронологически сомнительными. Еще менее ясна ситуация с ранним присутствием элемента Os- у убитого в 568 г. западными саксами кентского элдормена Ослака и кентского короля Освина (688–690), племянника принцессы Эорменбургги (см.: *Kirby D.* 1991, 122–123).

младшей дочери дейрнийского принца Херерика – Хильды (ум. 680), отсылающая к сакской богине войны Hildr⁴⁷, и имя бернийского выходца из воинской среды Эостервина (по отцовской линии двоюродного брата Бенедикта Бископа, назначившего своего родича сонастоятелем и наследником Виармута), первый компонент имени которого восходит к богине плодородия Эостер⁴⁸. В середине VII в. в бернийском именовании появляется (без закрепления в традиции по объективным историческим причинам) элемент Ælf- в именах Эль(ф)фледы и Эльфвина.

Для именованья островных германцев фиксируется использование двух несомненных этнонимов в качестве первого (Swæf-) и второго (-wealh) именных компонентов⁴⁹. Первый – восточносакский – случай (парный в королевском роду для Свэфхарда и Свэфреда), по моей гипотезе, можно рассматривать как «культурный этноним», манифестирующий уникальную династическую традицию, которая отсылает к временам континентальной истории или периода завоевательного пересечения Пролива⁵⁰. Появление первого двучленного имени в королевском роду Эссекса связано с племянником кентского правителя Этельберта – королем Са(к)сбертом (599–616), который родился в последней трети VI в. В поколении внуков (Сэвард – «Моря страж», Саксред – «Меча совет имеющий», Саксбальд – «Мечом смелый», Сигфрид – «По-

⁴⁷ *Fell Ch.* 1981, 76.

⁴⁸ В своем перечне древнеанглийских названий месяцев Беда приводит апрельское имя богини Эостер (Eostre) см.: *Bede. De temporum ratione*, XV: «...Eostur - monath, qui nunc paschalis mensis interpretatur, quondam a dea illorum quae Eostre vocabatur...».

⁴⁹ У континентальных германцев известны другие примеры «родственных» этнонимов – имена аббатисы Бургундофары и епископа Бургундофарона из нейстрийского рода франка Хагнерика (быть может, в поколениях родителей и дедов, связанных с бургундской знатью).

⁵⁰ Появление свебского этнонима у восточных саксов (в отличие от возможной политической обусловленности кельтского этнонима -wealh в именах южных и западных саксов) трудно объяснимо, так как западные германцы – саксы, фризы и англы относились к группе ингвеонов, а свебы (аламанны и тюринги) и лангобарды являлись представителями гермионов. В связи с отсутствием свидетельств о ранней истории восточных саксов нельзя верифицировать выдвигаемые предположения о свебском этническом элементе в V–VI вв. на Альбионе и о причинах появления соответствующих топонимов Swaffham и Swavesea (см.: *Томпсон Э.А.* 2003, 137). Об этногенезе свебов см.: *Колесницкий Н.Ф.* 1985, 13–16; *Буданова В.П.* 2000, 346–347; *Chadwick Н.М.* 1924, 203–205.

беды защиту имеющий») первого короля восточных саксов Слэдды (ок. 587–599) программно отразилось соединением воинской доблести и морской стихии в первых именных элементах Sæ- («море»), Sige- («победа»)⁵¹, Seax- («меч»)⁵², которые рассматривают для эссекской династии в качестве родовых. В следующих поколениях родовой именованья пополнился элементами Swæf- («свеб»), Swith- («сильный»), Sele- («чертог»)⁵³, расширяющими

⁵¹ Для сравнения имени пасынка правителя восточных англор Рэдвальда Сигиберта и падчерицы короля Анны Сэтруды (Sæthryht; HE. III, 8: «...Saethryd, filia uxoris Annae regis Orientalium Anglorum...»), которые могут указывать на их восточносакское происхождение и на тесные родственные и союзные связи соседних династий, так как оба именная наречения синхронны появлению этих же именных элементов в восточносакском роду (Sige- и Sæ-). Внук Слэдды Сигфрид, первый восточносакский носитель компонента Sige-, и восточноанглийский король Сигиберт родились в конце VI в., а рождение Сэтруды относится к первым десятилетиям VII в., тем самым являясь хронологически последним наречением с таким компонентом среди восточных саксов (Сэвард и, что маловероятно, его отец Саберт). На континентальном материале возможно сопоставление с элементом Sige- у наследника бургундского короля Гундобада – Сиги(з)мунда (уб. ок. 524), использовавшего затем этот компонент в наречении собственного сына Сигериха (уб. 522), по материнской линии внука Теодориха Великого.

⁵² За пределами Эссекса компонент Seax- встречается в именах кентской королевы Саксбурги и уэссекской правительницы Саксбурги (ум. 673). «Кентская» Саксбурга – старшая дочь короля восточных англор Анны (635–654), ее рождение датируется началом 620-х гг., временем правления Рэдвальда, так что Сэтруда могла быть ее единоутробной сестрой. «Уэссекская» Саксбурга после смерти Кенваллы (672 г.) в течение года являлась королевой западных саксов во время мерсийской оккупации части пограничных земель. При этом в источниках не содержится указаний на ее регентский статус, на основании которого правила «кентская» Саксбурга до достижения совершеннолетия ее сыном. Возможно, уэссекская королева не только воплощала политико-правовую легитимность и имела реальную поддержку местной элиты, но могла использовать и свое (предположительно) королевское происхождение из восточных саксов. Известные случаи наречения восточносакских этелингов с уникальным родовым компонентом относятся ко второй половине (сын Слэдды – Сакса) и последнему десятилетию VI в. (сыновья Са(к)сберта – Саксред и Саксбальд).

⁵³ Об исключительной устойчивости родовых компонентов Sige- и Sele- в середине VIII в. свидетельствуют имена аббатисы Сигебурги и Селетруды, преемниц настоятельницы Танета Эадбурги (см.: *Hollis St.* 1998, 57, 63), которых, судя по их активной политико-экономической

семантику победоносного завоевания и в дополнении отсылающими к Чертогу Богов.

Исторический казус этого династического наречения заключается в том, что известная связь свебов с североморским континентальным побережьем стала героическим общекультурным мифом, лишь косвенно соотносившимся с восточными саксами по близости языкового и этнического родства. Появление в середине VII в. в именах двух сакских принцев свебского этнонима⁵⁴ могло художественно коррелироваться с древнеанглийской эпической традицией, законченно представленной в перечне германских владетелей из «Видсида» (vv. 22; 45), где сначала правителем свевов назван Витта («генеалогический» дед Хенгиста и Хорсы), а затем упоминаются англы и свевы, как входящие в державу легендарного континентального короля Оффы (IV в.).

По антропонимическим и генеалогическим данным VII в. известен уникальный случай «возврата» в королевском роду при наречении будущего наследника к одночленному имени, когда внук-первенец Эдвина был назван в честь своего предполагаемого прапрадеда – основателя дейрнийской династии Иффи (Yffi). К данному эпизоду хронологически примыкает второе имянаречение – сына самого Эдвина от брака с Этельбургой, когда самый младший член рода получает имя Эскфри (HE. II, 14; 20). Латинская форма *Uuscfræa* соответствует имени легендарного правителя Дейры по поздней генеалогии – Вускфрейя, отца Иффи⁵⁵. Такое сгущение архаизирующей традиции в королевском именовании во второй половине 620-х гг. могло свидетельствовать о новом идеологическом импульсе в политической программе дейрнийской династии⁵⁶. В контексте исследуемой проблематики «династического

действия, можно отнести к эссекской знати, хотя предполагается и мерсийское происхождение для Селетруды.

⁵⁴ Об этимологии этнонима см.: *Neumann G.* 2008, 242–243, 290–303.

⁵⁵ О политической подоплеке двойного наречения дейрнийских наследников см. мою статью «Политические механизмы и культура власти в Англосаксонской Британии VII–VIII вв.» (в печати).

⁵⁶ Однако столь явная демонстрация родовых корней в именовании перевороте не получила ожидаемого продолжения в будущем по объективным причинам. После гибели Эдвина (633 г.) юные принцы Эскфри и Иффи сначала были вывезены в Кент, откуда (ввиду опасений за их безопасность) были отправлены вдовствующей королевой Этельбургой ко двору ее троюродного брата Дагоберта (ум. 638) на континент, где вскоре и умерли в детском возрасте.

стыка» возвращение имени Эскфри позволяет утверждать, что уже сам Эдвин идеологически соотносил или исторически возводил родословную к героическому пращуру из старинных времен дейрнийской истории рубежа V–VI вв. И этот факт становится самой ранней хронологической привязкой к устному бытованию развернутой династической генеалогии, которая позднее была оформлена в письменном виде и воспринималась историографией в неверифицируемом легендарно-мифологическом ключе.

Другой вариант трансляции с помощью исторической памяти славных эпизодов из континентального прошлого и не забытых генетических связей с этнической прародиной осуществлялся через возрождение на периферии династического наречения имен художественных героев, принадлежавших общегерманскому эпосу либо к этническим преданиям отдельным народностям⁵⁷. По генеалогической цепочке Беда (HE. I, 15) первые завоеватели Хенгест и Хорса предстают переходными фигурами, связующими континентальную и островную историю германцев⁵⁸. Имя короля континентальных англо-Оффы символически возродилось через мерсийское заимствование в королевском роду восточных саксов. Имя правителя данов Алевиха (*Alewi*), не уступающего по «Видсиду» (v. 35) славою и могуществом лишь Оффе, соответствовало «темной» фигуре отца мерсийского короля Этельвальда – Алевиха, сына Эовы (уб. 642). В честь героя англосаксонского эпоса Инегильда, известного по «Видсиду» (vv. 47–49) и сюжету «Беовульфа» (vv. 2025–2069) о трагической вражде королевских родов данов и викингов-хеадобердов⁵⁹, был назван младший брат короля Инэ, происходивший из боковой ветви королевской династии западных саксов.

⁵⁷ Аналогичным образом на готском материале отмечается повторное использование имен Германариха, Алариха, Мундериха, Алетя см.: *Вольфрам Х.* 2003, 56, 58.

⁵⁸ Например, герой Хенгест из североморской истории о кровопролитной расправе данов и фризов по «Битве в Финнбурге» и «Беовульфу» (vv. 1063–1159). Вся неоднозначность исследовательских интерпретаций этой темной истории прослеживается и в вариантах этнической идентификации Хенгеста – как ближайшего соратника-заместителя вождя данов Хнэфа (см.: *Древнеанглийская поэзия.* 1982, 239), как ютского мстителя за данов фризскому королю Финну (см.: *North R.* 2006, 20), как возможного фризского героя, находящегося в двойственных отношениях с Хнэфой и Финном.

⁵⁹ О смысловых коннотациях имени короля Ингильда см.: *North R.* 2006, 113–114.

Возможно, в чем-то это – парадоксальная ситуация, но использование в королевских наречениях имен легендарных героев из континентальных эпосов и героических песен может, по моему предположению, служить одним из хронологических маркеров отмирания живых родословных традиций и свидетельствовать о постепенном переходе на стадию формализации в искусственном конструировании династийных именовсловов.

Один из самых оригинальных примеров «рождающейся на глазах» живой именовсловной традиции дает генеалогия королевского рода Вуффингов. Восточных англов можно рассматривать как «межевой» этнос, одновременно разделяющий и связующий южный (просакский) и центральный (промерсийский) регионы с Северной Британией северных англов. Собственно «империя» Рэдвальда пала после его смерти с приходом христианства (которое явилось тем негативным катализатором, запустившим череду дворцовых переворотов и политических убийств), после чего ослабевшее королевство стало объектом мерсийской агрессии.

По моей гипотезе, ономастический микротекст имен знаменитого короля восточных англов Рэдвальда (Redwald – «Советом властвующий»)⁶⁰ и его двух сыновей Регенхера (Regenher – «Богов войско имеющий»)⁶¹ и Эорпвальда (Eorpuald –

⁶⁰ Пример о допустимости разных интерпретаций первого элемента в готском имени Radagaisus, возводимого к о/г *rēda- 'совет', *raidō- 'поездка', *rauda- 'красный' (см.: Ганина Н.А. 2008, 46) не имеет прямого отношения к «прочтению» имени Рэдвальда, но демонстрирует семантическую переплетаемость смысловых аллюзий, возникающих при устном использовании аллитерационных приемов в имянаречении.

⁶¹ Топорова Т.В. 1996, 18. Континентальный ономастикон дает два исторических примера, сопоставимых с именем Регенхера, погибшего на поле брани в 616 г. В первом случае речь идет о полном соответствии имени родича Хлодвига – короля камбрейских франков Рагнахара (уб. после 507 г.), имена двух братьев которого Рихара и Ригнома начально аллитерировались по тому же принципу, что и близкородственная пара Рэдвальд–Регенхер.

Второй пример не позволяет точно идентифицировать этническое происхождение королевы Рагнахильды, жены вестгота Эвриха (466–484) и матери Алариха II. Не разделяя предположения о возможном шведском происхождении королевы (см.: Вольфрам Х. 2003, 289), мне кажется более вероятным ее франкское родство, на что может указывать само имя (скорее отсылающее к роду Рихимера и его возможных потомков Рагнахара с братьями, но не к шведскому роду Гермериха–Рехилы–Рехиария). Во французской историографии (см.: Mussot-Goulard R. 1997, 52) Рагна-

«Темным властвующий»)⁶² указывает на про-скандинавский характер мифологических отношений, семантически реконструируемых внутри этой семейной группы. Бинарная оппозиция фигур Одина и Локи могла двуедино олицетворять героическую доблесть в апогее архетипического единоборства Гибели Богов. Если логико-семантическая связь между именами Рэдвальда и его младшего сына Эорпвальда реконструируется как между возглавляющим совет асов Одином и породившим Фенрира Локи, что нашло отражение в расположенных на одном смысловом поле именах Эорпвальда («Темного Волка») и Эорпмера («темно-знаменитого <Локи>»), Регенвальфа («Волка богов») и Рэдвальфа («Красного Волка»), то переход от «советом властвующего» отца Рэдвальда до имеющего отношение к «богов войску» наследнику Регенхеру⁶³ лишен драматического противостояния и лежит в единичной плоскости. С одной стороны, в обоих случаях подразумевается все тот же Один (как Верховный Владыка и Вождь), с другой стороны, семантически обыгрывается гот. *ragin* («совет») и о/г *ragina («боги») в имени Регенхера⁶⁴, что в итоге структурирует аморфное сообщество богов в мифопоэтический Совет–Судилище Богов.

Иная – не скандинавская – именовсловная традиция представлена у трех последующих англских правителей – Рикберта, Сигиберта, Экгрика, чьи имена (в дополнении к историческим обстоятельствам политической борьбы того времени) могут свидетельствовать о близком кровном родстве между ними по линии «второй» жены Рэдвальда⁶⁵, матери Эорпвальда и Сигиберта⁶⁶.

хильду признают племянницей бургунда Гундовеха и, соответственно, двоюродной сестрой короля Гундобада (480–516).

⁶² О первом компоненте Eorp- в германском ономастиконе см.: Ганина Н.А. 2010, 42–44.

⁶³ В качестве связующего «посредника» к композитным именам отца и старшего сына Рэдвальда–Регенхера можно привести имя эпического соратника Германариха по «Видсиду» (v. 123) – Рэдхера.

⁶⁴ Топорова Т.В. 1996, 18.

⁶⁵ Обе известные королевы Рэдвальда остались безымянными по нарративу Беды, тем не менее со страниц «Церковной истории» эти женщины выступают с политических позиций властных правительниц, имевших значительное влияние на короля восточных англов. Так «первая» королева, возможная мать Регенхера, уговорила Рэдвальда (косвенно выступив орудием христианского предопределения) не предавать его союз с дейрнийским изгнанником Эдвином и не выдавать того бернийскому королю Этельфриту (HE. II, 12). Очевидно, «вторая» королева,

На следующем этапе восточноанглской истории королевская власть перешла в руки племянников Рэдвальда – Анны, Этельхера и Этельвальда, сыновей его брата Эни, в именах которых присутствуют вторые родовые элементы *-wald/-here*, но отсутствуют знаковые компоненты языческого пантеона (Совет и Войско богов, аллюзия на Мирового Волка). И только с именем внука Эни короля Альдвульфа (663–713) последний раз воскресает семантическая связь с именословом семьи двоюродного деда, когда наречением сына язычески настроенный Этельхер подвел финальную черту в родовой «волчьей» традиции⁶⁷. Таким образом, языческая дву-членная модель в восточноанглской династии продержалась в живой форме именного наречения в течении лишь одного – седьмого – столетия на памяти трех поколений королей-язычников (деда Титилы, сына-Рэдвальда и внука-Этельхера).

Островная престижность королевского рода Рэдвальда, как можно предполагать, не имела аналогов по своему высокому статусу среди соседних англосакских династий. Если знатные роды других германских этно-территориальных образований лишь в результате местной конкурентной борьбы в условиях завоевания и освоения островных земель сами институализировали себя в качестве королевских династий с оформлением и присвоением соот-

мать Эорпвальда, стала той дурной советчицей, соблаздившей крестившегося Рэдвальда на возвращение к языческому служению (HE. II, 15).

⁶⁶ Сигиберт стал первым (известным по источникам) изгнанником столь высокого ранга, кто бежал на континент во франкские земли, откуда вернулся принявшим христианское крещение, возможно, под влиянием колумбановского круга. Франкское изгнание знатного англа во времена правления отчима Рэдвальда и единоутробного брата Эорпвальда могло быть не случайным, а указывать на родственные или союзные связи его рода (материнского либо отцовского) с франкской знатью.

⁶⁷ В «Беовульфе» возможное происхождение королевы Вальхтеов возводят к роду Хельмингов (v. 620: «ides Helminga»), основатель которого по «Видсиду» Хельм правил вульфингами (v. 29) см.: *Newton S.* 1992, 73. Не случайно и то, что оба известных для англосакской топонимики поселения *Helmingham* расположены в Восточной Англии см.: *Newton S.* 1992, 73. Имена предков Рэдвальда по развернутой генеалогии – Вехха и Вуффа, которые по одной версии признаются производными от Веохстана, отца Виглафа, и Беовульфа (см.: *Chadwick N.* 1959, 202), а в другой интерпретации сначала династический акцент смещается на Вехху как сына Вильгельма («*Wehha Wilhelming*»), а рассмотрение Вуффа как Вульфа приводит к историческому обыгрыванию патронима *Wuffingas-Wulfingas* см.: *Newton S.* 1992, 71–72.

ветствующей властной атрибутики, то, очевидно, скандинавского происхождения род Рэдвальда изначально являлся королевским, еще до переселения и натурализации в Британию⁶⁸. Поэтому подчеркивая свои скандинавские связи (имена Рэдвальда и его сыновей, погребальный родовой комплекс Саттон-Ху, Восточная Англия как возможное место создания «Беовульфа», позднейшие ютогаутские коннотации), германские правители из рода Вуффингов имели в виду и указывали не столько на географию своего первичного происхождения, но заявляли о прямом истоке сакрального королевского статуса со скандинавской родины.

В качестве косвенного подтверждения данного положения могут выступать нарративное свидетельство Беды и современная интерпретация археологического материала из Саттон-Ху. Так, возможно, в своей характеристике Рэдвальда (HE. II, 15: «*Erat autem praefatus rex Reduald natu nobilis, quamlibet actu ignobilis, filius Tytili, cuius pater fuit Uuffa, a quo reges Orientalium Anglorum Uuffingas appellant*») Беда не только риторически обыгрывает природную знатность правителя при недостойности образа жизни («*natu nobilis – actu ignobilis*»), но вербально подчеркивает особый статус восточноанглского короля, выделяя его в силу известных исторических обстоятельств среди правящих современников в Англосаксонской Британии рубежа VI–VII вв. При характеристике истоково воцерковленного племянника Рэдвальда Анны (HE. III, 18: «*Successor autem regni eorum factus est Anna filius Eni de regio genere, uir optimus, atque optimaе genitor sobolis...*») Беда также отмечает исключительную знатность его королевского происхождения.

Второе свидетельство нортумбрийского монаха (HE. II.15: «*... Atque in eodem fano et altare haberet ad sacrificium Christi, et arulam ad uictimam daemionorum*») о параллельном сослужении Рэдвальда в христианском храме и языческом святилище может не про-

⁶⁸ У Беды (HE. II, 15) перечень предков короля Рэдвальда (ок.593–ок.625) краток – отец и дед (*Tyttla/Tytila* и *Wuffa*), что говорит о неглубоком хронологическом периоде, ограниченном второй половиной VI века. Однако название королевской столицы Рендлесхейма (HE. III, 22: «*... in prouincia Orientalium Anglorum, in uico regio, qui dicitur Rendlesham, id est mansio Rendili...*») может указывать на другого исторического предка – Рендилу, чье диминутивное (как и Титила) имя начально аллитерируется с имени Рэдвальда и Регенхера. Аналогичные традиции начальной именной аллитерации у восточных (Слэдда, Саберт, Сакса) и западных саксов (Кердик, Кри(е)ода, Кинрик), у мерсийцев (линия Пибба–Пенда–Пэда и имена отца и сестры Гутлака – Пенвальх и Пера).

сто указывать, как традиционно постулируется, на двоеверие короля, но на (в прямом смысле слова) собственноручное проведение языческих обрядов посвящения жертвенных животных своим родовым богам в качестве верховного жреца. То есть только Рэдвальд (единственный среди других правителей) совмещал по своему происхождению светскую и жреческую власть в одних руках, чего по описаниям Беды не было ни при дворе Этельберта в Кенте, ни у Эдвина в Нортумбрии, которых окружал местный жреческий штат (и выделялись самостоятельные фигуры верховных жрецов).

Археологическим подтверждением гипотезы об особом королевском статусе Рэдвальда может служить новая интерпретация функционального назначения и обрядово-статусной роли длинноручного топорика-молота с кольцом (the iron axe-hammer)⁶⁹ в главном захоронении Саттон-Ху в качестве сакрального артефакта, принадлежавшего верховному королю-жрецу и служившего ему во время обрядов заклания-забоя жертвенных животных на языческих алтарях⁷⁰. Убедительным доказательством уникального идеологического значения топорика как архаического символа и материального воплощения традиционной языческой концепции сакральной верховной власти короля-жреца служит место его расположения в погребальной камере захоронения (отдельно от личного вооружения, максимально приближенно к «отсутствующему телу»⁷¹) и выводимые сравнительно-исторические аналогии с репрезентативно-политической культурой германо-скандинавского мира эпохи Великого Переселения.

С другой стороны, одно из спорных альтернативных датирований знаменитого погребения в ладье по данным меровингской нумизматики переносит время возведения кенотафа на середину VII в. и, по предположению Ф. Стентона, может соотноситься с фигурой среднего брата короля Анны – короля Этельхера (654–

⁶⁹ Показательно, что, во-первых, наличие железного топорика-молота стало хронологически последним из известных примеров для англосакских захоронений, и во-вторых, парное присутствие «axe and seax» определило элитарный характер воинского погребального обряда см.: Härke H. 1992, 159.

⁷⁰ Dobat A. 2006. 80, issue 310, 880–893.

⁷¹ На мой взгляд, первоначальная характеристика захоронения в ладье как кенотафа (Г. Чэдвик, Ф. Стентон) менее сомнительна, чем ангажированное утверждение археологов о природном феномене полного разложения погребенного там тела см.: Carver M. 1998, 32, 91, 171.

655), военного союзника короля Пенды⁷². Тогда ввиду архаического характера погребения, в дополнении подтверждаемому союзническими отношениями с мерсийским соседом, можно говорить об Этельхере как о последнем языческом правителе восточных англов.

Четвертая модель именованного на примере Мерсии характеризуется смешением разных принципов имянаречения – социально-родового, этнически-соседского и родственного заимствования через свойство. Значительный интерес представляет вопрос об этническом происхождении династии Иклингов (из саксов, мерсийцев или англов). Доказательную помощь при решении могли бы оказать данные о местоположении родовых земель Эовы и Пенды, но такие аутентичные сведения отсутствуют. Возможно, единственным косвенным свидетельством может быть указание на иклинга Пенвальда (Пенвальх/Пенвалла)⁷³, но расположение и его земельных владений лишь исследовательски реконструируется (например, в области Гюрве)⁷⁴. Таким образом, оригинальный и

⁷² Stenton F. 1959, 50–52. Данная гипотеза изложена в хронологически последней статье корифея англосаксонистики. Однако неясные намеки из вводной статьи вдовы британского ученого к третьему – посмертному – изданию (1971 г.) его основного труда позволяют высказать предположение, что под влиянием увлечения раннесредневековой нумизматикой Ф. Стентон, возможно, начал пересматривать позднее датирование меровингских монет из погребения в Саттон-Ху (и возвратился к традиционной гипотезе о принадлежности погребальной ладьи и ее сокровищ к более раннему периоду) см.: Stenton F. 1985, V–VI.

⁷³ Судя по особым отношениям Гутлака с изгнанным Этельвальдом (VG. XL; XLIX), Пенвальх мог быть племянником Пенды и Эовы. Вероятность двоюродной степени родства между Гутлаком и Этельвальдом крайне сомнительна, иначе политически значимый факт происхождения Гутлака от Эовы был бы озвучен кроуландским агрографом.

⁷⁴ Происхождение рода Пенды связывают с восточноанглским пограничьем и Восточным Мидландом, то есть этнической территорией срединных и восточных англов (см.: Kirby D. 1991, 65). Локальным королем именно срединных англов Пенда провозгласил своего совершеннолетнего наследника Пэду (HE. III, 21). При младших сыновьях Пенды отец Гутлака (VG. I–II: «...quidam vir de egregia stirpe Merciorum cognomine Penwalh, cuius mansio in Mediterraneorum Anglorum partibus diversarum rerum fluxu praedita constabat. Huius etiam viri progenies per nobilissima inlustrium regum nomina antiqua ab origine Icles digesto ordine cucurrit») пользовался особым властным положением у срединных англов в границах с Восточной Англией фенах (см.: Yorke B. 1990, 107), где затем нашел пристанище отшельник-Гутлак. С другой стороны, анализ топонимов с именами Криды, Пиббы и Пенды (начатый Ф. Стентоном) ука-

уникально единичный характер для родового именованослова носят имена Пиббы, Пенды, Пэды и Эовы. Однако исторические данные о двух мерсийских правителях конца VI – начала VII в. (Крида/Креода и Кеорл) свидетельствуют о верховном правлении до иклингов другой королевской династии (возможно, сакского происхождения и родственной западносакским гевиссиям).

Одновременное следование разным именованословным принципам получило самобытное отражение в практике родового наречения у старшего и младшего поколения детей Пенды. В первом случае мерсийский правитель использовал женский композит Кинебурга, широко распространенный в сакском ареале, для старшей дочери и аллитерированное родовое имя Пэда для сына-наследника. Во втором случае все дети Пенды получили благородные двучленные имена – традиционное женское имя Кинесвита (второй компонент которого был равно популярным для саксов и англоv) и образцовые германские композиты для Вулфхера и Этельреда.

Амбивалентность в собственной интерпретации воинской доблести и форм ее проявления по отношению к врагу лежала в семантической оригинальности парного имянаречения младших сыновей языческого короля, характеризуя как новизну мышления Пенды в построении династической идеологии, так и консервирующее востребование им общегерманского именованослова. Имя старшего Вулфхера было заимствовано в готовом виде из древнегерманской культуры (например, парные дружинники Германариха по «Видсиду» (v.119) – Вульфхере и Вюрмхере), не имея известных аналогов в островной истории англосаксов. «Благородный» посыл имени младшего Этельреда привнес новационные социальные коннотации и парно обыграл «воинственность» Вулфхера, чье имя – «Волков войско (имеющий)» – являлось метафорой коварного волчьего войска⁷⁵.

В Англосаксонской Британии волчья тема, в первую очередь, была репрезентативно представлена у восточных англоv, персонифицируясь в волчьей династии Вуффингов. Общегерманская распространенность данного компонента не случайным образом подтверждается на примере раннего североанглиского топонима Тиовульфингкастер. Для западных саксов второй волчий элемент известен у ге-

зывает на юго-западное направление, на территорию Хвикки см.: *Brooks N.* 1989, 164, 167.

⁷⁵ *Топорова Т.В.* 1996, 134.

виссиеv VI в. по «парному» наречению Кутвильфа-Кеолвильфа и по аналогичным одиночным именам в следующем поколении.

Особенности мерсийского именованослова проявили ряд специфических черт женского имянаречения у англосаксов, характеризующегося ограниченным количеством модных имен, долговременностью их бытования и отсутствием выраженного этнического различия (по сравнению с мужскими), допустимостью синхронного использования одного и того же имени в разных династиях (вплоть до, возможно, одинакового имени у матери и дочери), минимальной общей вариативностью для именных компонентов у сестер, равноправной вовлеченностью в парные отношения имянаречений между сестрами-братьями, иерархической востребованностью родовых компонентов по порядку рождения, престижной значимостью именных элементов из высокостатусного рода матери. Известные по источникам имена представительниц мерсийских королевских родов – Кинебурга, Кинесвита, Квенбурга – носят подчеркнuto сакский характер. Другая отличительная черта мерсийского именованослова (при всей его скудости) связана с уникальной хронологической особенностью, когда в конце VI – первой половине VII в. используемые женские имена являлись композитами, а мужское династийное наречение того времени оставалось простым одночленным.

В пятую – «аристократическую» – модель династийного имянаречения на англосакском материале можно выделить «как таковую» общегерманскую традицию благородного двучленного имени, используя в качестве образца родовую генеалогию Меровингов в V–VI вв. Для германцев Британии местная специфика осмысления островной «знатности» была связана с этническим восприятием у англоv и саксов исторически различных роли и места родовой знати в их политических социумах на континенте (проявляясь в показательных имянаречениях из «Æthel-» и «Cyne-» групп). На примере королевских родов северных англоv Дейры и Берниции (избравших именные элементы Aethel-/ -ric/ -frith/ -wald/ -wine с подчеркнuto «благородной» семантикой) отмечается тяготение к аристократической профранкской модели династийного именованослова, вплоть до популярности типично меровингского женского элемента -fleda (Эанфледа, Эльфледа) в VII в. и повторного использования имен франкских королей Теодерика и Теодебальда в VI в.

Если попытаться на англосакском материале VI–VII вв. соотнести через сравнение (и дополнение) либо через противопоставление антропонимические данные так называемых «Æthel-group» и

«Cune-group»⁷⁶, то исторические свидетельства только для второй группы позволят реконструировать целостную картину политико-социального имянаречения (у западных саксов). Анализ же данных первой группы говорит либо об отсутствии пролонгированной родовой идеологии в области этого варианта имянаречения (бернийцы второй половины VI – начала VII в. Этельрик, Этельфрит и внук последнего Этельвальд; родившиеся в первой трети VII в. братья Анны – короли Этельхер и Этельвальд, а также его дочери Этельбурга и Этельтруда), либо о неудачном историческом моменте для закрепления и, – как следствие, – о временном вытеснении первой группы из династических именовсловов под влиянием конкурирующих именных традиций (кентский король Этельберт и его убитые правнуки Этельберт и Этельред, повторное наречение Этельбертом кентского принца лишь через полвека; ранняя смерть Этельгуна и Этельтруды, детей Эдвина и Этельбурги, которая транслировала в дейрнийский именовслов свой родовой элемент из Кента), либо следует признать случайный характер появления (этелинг Этельвальд из боковой ветви королевского рода западных саксов). Можно выделить и два мерсийских наречения королей VII–VIII вв. Этельреда и его двоюродного племянника Этельвальда.

Для Англосаксонской Британии второй половины VII в. значимая семантическая, социальная и этническая (англы–саксы) оппозиционность компонентов *Aethel-* и *Cune-* ушла из живой именовсловной практики⁷⁷, превратившись в манифестацию иных династических установок, что доказывает пример наречения внуков Пенды их отцами – Вулфхер–Кенред и Этельред–Кеолред. Историческая парадоксальность данных имянаречений заключается в том, что, во-первых, сыновья Пенды отказались от родового начального аллитерирования (хотя существовал вариант родового композита Пенвальх), во-вторых, не стали развивать отцовский именовсловный тренд на примерах собственных имен, в-третьих,

⁷⁶ Очевидно, в основе лежало различие по этническому принципу (саксы–англы), подкрепленное разными семантическими характеристиками знатности, которые у сакского нобилитета изначально ставили на первое место кровное родство – понимание членов рода как кровников–«кюнинггов» по отношению друг к другу. Для англвов же высокий социальный статус этелингов (членов одного королевского рода) был тесно увязан с политически привилегированным и имущественным положением.

⁷⁷ Для сравнения бернийские пары братьев Этельрика–Теодрика и Этельфрита–Теодальда середины и второй половины VI в. по типу франкского аристократического имянаречения.

выбрали для своих наследников неоригинальный принцип парного наречения *Cune-/Ceol-*, который был широко распространен у англосаксов того времени⁷⁸. Таким образом, в поколениях детей и внуков язычника Пенды произошло гибридное слияние двух парных принципов (Этельред–Кенред–Кеолред), дополненное генеалогически разным происхождением второго компонента *ged-* у двух кузенов (родовой кентский элемент от матери для Кенреда и отеческий повтор у Кеолреда).

Особенности политической истории Берниции и Дейры на разных этапах становления североанглийской государственности выявили ряд сходных черт в характеристике родовых именовсловов с аристократической кентской моделью. Несмотря на всю скудость исторического материала, ранние кентские и дейрнийские данные рубежа второй и последней трети VI в. продемонстрировали сходный принцип в именовсловной практике по гендерному признаку – благородный мужской композит в сочетании с простым женским именем (с диминутивным суффиксом или возможной гипокористической формой) в братско-сестринских парах Этельберта–Рикулы и Эдвина–Этельрика–Ахи. Если второе франкское влияние «по браку» носило в кентском именовслове яркий, но кратковременный характер (как и *Aethel-* трансляция детям Эдвина от Этельбурги), то возможность заимствования элементов из родового ономастикона Дейры для бернийской династии не была осуществлена ввиду избрания королями Освиу и Альдфридом личных стратегий в династическом наречении⁷⁹.

⁷⁸ Парный принцип мужского наречения с элементами *Cune-* и *Ceol-* был присущ знатым родам и вне западносакских территорий (непарность ранних имен в роду гевиссиев может указывать на «живое» имянаречение). Известный пример благородного происхождения англских клириков Кеолфрида (642–716) и его старшего брата Кюнефрида, настоятелей Виармута–Ярроу и Гиллинга. Второй пример также связан с Северной Англией – это нортубрьские короли–братья Кенред (716–718) и Кеолвульф (729–737), отец которых Кутвин возводил свой род к Иде.

⁷⁹ Если нортубрьский король Освальд, сын Этельфрита и племянник Эдвина, традиционно германским образом назвал своего наследника Этельвальдом, используя собственный и отцовский элементы, то перед его младшим сводным братом Освиу стояли проблемы «неформальной» легитимации своей власти над объединенной Нортумбрией. Освиу не стал (за единственным – женским – исключением) следовать отцовскому принципу *Os-* наречений, который к тому же был у его дейрнийских соперников (убитые короли Осрик и Освин), но абсолютизировал парный гендерно-аллитерационный принцип (старшие дети Альд-

На мой взгляд, при общей оценке информативной значимости всего комплекса развернутых англосакских генеалогий VIII–IX вв. (исходные письменные данные которых восходят к предыдущим столетиям) существенное значение играет то историческое обстоятельство, что на рубеже VII–VIII вв. во всех королевских родах произошел переход власти от прямого наследника основателей династий в их боковые ветви (наиболее известные примеры происхождения Оффы и Альфреда Великого).

Поэтому так исторически ценно регулярное именование Бедой и Феликсом Кроуландским в первой трети VIII в. четырех англосакских династий через их родовые патронимы – Эскинги, Гевиссии, Вуффинги и Иклинги⁸⁰. Со слов из письма винчестерского епископа Дэниэля Беда равно называет и считает гевиссиями как уэссекскую династию (и ее конкретного представителя Кэдваллу), так и весь народ западных саксов⁸¹. Возможно, такое смешение родового названия и этнонима части островных саксов не было исторически корректным, но в своем тексте нортумбрийский автор следовал уже глубоко укоренившимся к началу VIII в. и широко

фрид–Альхфледа и младшие от дейрнийской принцессы Эгфрит–Осфрита и Эльфледа–Эльфвин). Перед ирландским полукровкой Альдфридом, наследовавшим своему младшему брату, стояла прямо противоположная задача, максимально демонстрируя германскую идентичность, – вернуться к родовому Os- наречению деда и отца.

⁸⁰ HE. I, 15: «...Duo fratres Hengist et Horsa... Erant autem filii Uictgils, cuius pater Uitta, cuius pater Uecta, cuius pater Uoden, de cuius stirpe multarum prouinciarum regium genus originem duxit»; HE. II, 5: «Erat autem idem Aedilberct filius Irminrici, cuius pater Octa, cuius pater Oeric cognomento Oisc, a quo reges Cantuariorum solent **Oiscingas** cognominare. Cuius pater Hengist, qui cum filio suo Oisc inuitatus a Uurtigerno Britanniam primus intrauit, ut supra retulimus». Осмысленной авторской стратегией Беды при конструировании нарратива стало разделение им на два фрагмента по разным книгам единого генеалогического списка и заимствованной легенды об основании германского королевства в Кенте. HE. II, 15: «Erat autem praefatus rex Reduall natu nobilis, quamlibet actu ignobilis, filius Tytili, cuius pater fuit Uuffa, a quo reges Orientalium Anglorum **Uuffingas** appellant».

⁸¹ HE. III, 7 «...gens Occidentalium Saxonum, qui antiquitus Geuissae uocabantur <...> Geuissorum gentem...». HE. IV, 13: «...Caedualla, iuuenis strenuissimus **de regio genere Geuissorum**, ...eodem Caedualla, cum esset **rex Geuissorum**, ... ipsi episcopo Geuissorum, **id est Occidentalium Saxonum**»; HE. IV, 14: «...Caedualla regno potitus est Geuissorum, ...ante Danihelem, qui nunc Occidentalium Saxonum est episcopus, ...haec insula contra medium Australium Saxonum et Geuissorum, ... quod per terras Iutorum, quae ad regionem Geuissorum».

известным в письменной и устной поэтической формах историческим традициям королевских генеалогий и местных историй об основании кентского, уэссекского и восточноанглского королевств.

* * *

Особенности политической истории Южной Британии V–VI вв. наложили свой иноэтничный отпечаток на практику наречения в королевском роду западных саксов. И если имена основателя династии Кердика и его потомка Кэдваллы, жившего во второй половине VII в., находят полное соответствие в именах бриттских правителей, то имена Кинрика и Кинегисла при всей уникальности их наречения для Англосаксонской Британии были представлены в кельто-германском ареале на континенте. Использование родовых франкских элементов в именах Эоркенберта и Хлотхера стало кратковременным этнополитическим феноменом, напрямую обусловленным брачными союзами кентской династии с Меровингами и нейстрийской знатю в 580–620-х гг.

Уникальность мифопоэтической семантики именовалы Рэдвальда и его сыновей можно рассматривать не как проявление скандинавского влияния на Вуффингов, но как родовую особенность этнического происхождения самой правящей династии. При этом установление тесных политических связей восточноанглской элиты с франками осуществлялось еще при жизни Рэдвальда, то есть хронологически синхронно приходу второй волны нейстрийского влияния в Кенте при сыне Этельберта. Оригинальный социокультурный синтез островных и континентальных традиций у политической элиты восточных англов демонстрировал исторический парадокс живого языческо-христианского двоеверия, двойной материальной культуры скандинавского, римско-византийского происхождения и двойственной именовалой традиции у разных семей одного рода.

Результаты проведенного анализа позволяют утверждать, что в англском роду правителей Дейры и у представителей династии восточных саксов в определенный период и в особых политических условиях были востребованы имена дальних предков, которые позднее стали известны по древнеанглийским генеалогиям VIII–IX вв. Использование элемента родового теонима Sæx- во второй половине – конце VI в. в Эссексе (Сакса, Са(кс)берт, Саксвед и Саксбальд) и имен основателей дейрнийской династии Иффи и Вускфрейя в 620-х гг. у северных англов несомненным образом сви-

детельствует о сохранении в устной родовой традиции перечня исторических предков на более чем вековую давность. Если древнегерманский принцип начальной аллитерации последовательно соблюдался в именованных восточных и западных саксов на протяжении нескольких столетий (V–VII вв.), то для восточных англов и мерсийцев данная архаичная традиция фиксируется на примерах лишь двух-трех поколений второй половины VI – первой трети VII вв.

В итоге можно сделать вывод о том, что именованные королевских династий островных германцев репрезентативно отражают этнические различия между социальными элитами сложившихся государственно-территориальных образований англов, саксов, мерсийцев и смешенного германского населения Кента. Основными, – объединяющими знатных германцев Британии, – принципами в области традиционного имянаречения стали переход от одночленных имен (Рендила, Титила, Крида, Кеорл, Рикула) к двучленным композитам (Этельрик, Саберт, Пенвальх) на протяжении VI–VII вв., табуирование на употребление патронимов (Oisc, Gewisse, Wuffa, Icel и в полной форме Sæхnот) и итоговое сохранение в устной и письменной памяти имен ранних исторических правителей (Кердик, Кинрик, Эорменрик, Ида, Элла), которые оставались уникальными для англосакского именованного фонда и не актуализировались в королевских династиях на следующем этапе развития островной древнегерманской культуры и государственности.

ЛИТЕРАТУРА

- Aldhelmus*. 1919: *Aldhelmi Operae* / Ed. R. Ehwald. – В.
Eddius Stephanus. 1927: *The Life of Bishop Wilfrid* / Ed. B. Colgrave. – Cambridge.
Willelmus Malmesburiensis. 1855: *Opera omnia* (PL. CLXXIX). – Р.
 Древнеанглийская поэзия / О.А. Смирницкая, В.Г. Тихомирова (изд. подг.). – М., 1982.
 Буданова В.П. 2000: Варварский мир эпохи Великого переселения народов. – М.
 Вольфрам Х. 2003: Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии) / Б.П. Миловидов, М.Ю. Некрасов (пер.). – СПб.
 Ганина Н.А. 2010: Готские имена: проблемы и интерпретации // Именованное. История языка, история культуры. Труды Центра славяногерманских исследований / Отв. ред. Ф.Б. Успенский. – СПб., 42–63.
 Ганина Н.А. 2008: *Inter eils goticum* // Германистика. Скандинавистика. Историческая поэтика (К дню рождения О.А. Смирницкой) / Е.М. Чекалина (ред.) (ред.). – М., 43–51.

- Иванов В., Топоров В.Н. 1979: К вопросу о происхождении этнонима «валахи» // Этническая история восточных романцев. Древность и средние века. – М., 61–85.
 Калыгин В.П., Королев А.А. 1989: Введение в кельтскую филологию. – М.
 Колесницкий Н.Ф. 1985: Этнические общности и политические образования у германцев I–V вв. // СВ. 48, 5–26.
 Королев А.А. 1984: Древнейшие памятники ирландского языка. – М.
 Неусыхин А.И. 1942: Общественный строй лангобардов в VI–VII веках // СВ. 1, 20–42.
 Неусыхин А.И. 1974: Саксонские фрилинги и эделинги (в свете фризских, англосаксонских и скандинавских параллелей) // Неусыхин А.И. Проблемы европейского феодализма. – М., 104–166.
 Сазонова А.А. 2012: Трансформация социально-политических институтов у англосаксов в период христианизации // Цивилизация и варварство: трансформация понятий и региональный опыт / В.П. Буданова, О.В. Воробьева (ред.). – М., 249–265.
 Томпсон Э.А. 2003: Римляне и варвары. Падение Западной империи / Т.О. Пономарева (пер.). – СПб.
 Топорова Т.В. 1996: Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные. – М.
 Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. 2006: Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. – М.
 Успенский Ф.Б. 2001: Имя и власть. Выбор имени как инструмент династической борьбы в средневековой Скандинавии. – М.
 Шервуд Е.А. 1991: Законы лангобардов. Обычное право древнегерманского племени (К раннему этногенезу итальянцев). – М.
 Шервуд Е.А. 1988: От англосаксов к англичанам (К проблеме формирования английского народа). – М.
 Basset St. 1989: In search of the origins of Anglo-Saxon kingdoms // *The Origins of Anglo-Saxon Kingdoms* / S. Bassett (eds.). – Leicester, 3–27.
 Brooks N. 2000: Anglo-Saxon Myths: State and Church, 400–1066. – L.
 Brooks N. 1989: The formation of the Mercian kingdom // *The Origins of Anglo-Saxon Kingdoms* / S. Bassett (eds.). – Leicester, 159–170.
 Campbell J. 1982: *The Lost Centuries: 400–600* // *The Anglo-Saxons* / J. Campbell, E. John, P. Wormald (eds.). – Oxford, 20–44.
 Carver M. 1998: Sutton Hoo: burial ground of kings? – L.
 Chadwick H.M. 1924: *The origin of the English nation*. – Cambridge.
 Chadwick N. 1959: *The Monsters and Beowulf* // *The Anglo-Saxons. Studies in some aspects of their History and Culture* / P. Clemoes (eds.). – L., 171–203.
 Dobat A. 2006: The king and his cult: the axe-hammer from Sutton Hoo and its implications for the concept of sacral leadership in early medieval Europe // *Antiquity*. 80, issue 310, 880–893.
 Dumville D. 1976: The Anglian collection of royal genealogies and regnal lists // *ASE*. 5, 23–50.

- Eagles B.* 1989: Lindsey // *The Origins of Anglo-Saxon Kingdoms* / S. Bassett (eds.). – Leicester, 202–212.
- Ekwall E.* 1928: *English River-Names*. – Oxford.
- Fell Ch.* 1981: Hild, abbess of Streonæshalch // *Hagiography and Medieval Literature*. – Odense, 76–95.
- Gelling M.* 1988: Signposts to the past: place-names and the history of England. – Chichester.
- Härke H.* 1992: Changing Symbols in a Changing Society: The Anglo-Saxon Weapon Burial Rite in the Seventh Century // *The Age of Sutton Hoo: The Seventh Century in North-Western Europe* / M. Carver (eds.). – Woodbridge, 149–166.
- Hollis St.* 1998: The Minster-in-Thanel foundation Story // *ASE*. 27, 41–64.
- Holthausen F.* 1934: *Altenglisches etymologisches Wörterbuch*. – Heidelberg.
- Kirby D.* 1991: The Earliest English Kings: studies in the political history of the Anglo-Saxon heptarchy, 575–875. – L.
- Laing L., Laing J.* 1990: *Celtic Britain and Ireland A.D. 200–800 (The Myth of the Dark Ages)*. – Dublin.
- Loyn H.* 1984: *The governance of Anglo-Saxon England*. – L.
- Matthews K.* 2001: What's in a name? Britons, Angles, ethnicity and material culture from the fourth to the seventh centuries // *The Heroic Age*. Issue 4 (<http://www.mun.ca/mst/heroicage/>)
- McClure E.* 1972: *British place-names in their historical setting [1910]*. – Wakefield.
- Miller M.* 1979: The dates of Deira // *ASE*. 8, 35–62.
- Morlet M.-Th.* 1968: Les noms de personne sur le territoire de l'ancienne Gaule du VIe au XIIe siècle. I. – Les noms issus du germanique continental et les créations gallo-germaniques. – P.
- Mussot-Goulard R.* 1997: Clovis. – P.
- Neumann G.* 2008: *Namenstudien zum Altgermanischen*. – B.
- Newton S.* 1992: Beowulf and the East Anglian Royal Pedigree // *The Age of Sutton Hoo: The Seventh Century in North-Western Europe* / Ed. M. Carver. – Woodbridge, 65–74.
- North R.* 2006: *The Origins of Beowulf. From Vergil to Wiglaf*. – Oxford.
- Sawyer P.* 1978: *From Roman Britain to Norman England*. – L.
- Sheldon G.* 1932: *The Transition from Roman Britain to Christian England. A.D. 368–664*. – L.
- Sims-Williams P.* 2003: *The Celtic inscriptions of Britain: Phonology and Chronology, C.400–1200*. – Oxford.
- Sims-Williams P.* 1983: The settlement of England in Bede and the «Chronicle» // *ASE*. 12, 1–42.
- Stenton F.* 1985: *Anglo-Saxon England*. – Oxford.
- Stenton F.* 1959: The East Anglian Kings of the Seventh Century // *The Anglo-Saxons. Studies in some Aspects of their History and Culture presented to Bruce Dickins* / P. Clemons (eds.). – L., 43–52.

- Stenton F.* 1970: The Historical Bearing of Place-Name Studies: England in the Sixth Century [1939] // *Stenton F. Preparatory to Anglo-Saxon England*. – Oxford, 253–265.
- Stenton F.* 1970: The Supremacy of the Mercian Kings [1918] // *Stenton F. Preparatory to Anglo-Saxon England*. – Oxford, 48–66.
- Taviani-Carozzi H.* 1993: De l'histoire au mythe: la généalogie royale anglo-saxonne // *Cahiers de civilisation médiévale*. Poitiers, 4, 355–373.
- Thacker A.* 2005: England in the seventh century // *The New Cambridge Medieval History*. Vol. I / P. Fouracre (ed.). – Cambridge, 462–495.
- Ward-Perkins B.* 2000: Why did the Anglo-Saxons not become more British? // *EHR*. 115, 513–533.
- Wenskus R.* 1976: *Sächsischer Stammesadel und fränkischer Reichsadel*. – Göttingen.
- Wenskus R.* 1986: Zum Problem der Ansippung [1970] // *Wenskus R. Ausgewählte Aufsätze zum frühen und preußischen Mittelalter*. – Thorbecke, 85–95.
- Wheeler G.* 1921: The Genealogy of the Early West Saxon Kings // *EHR*. 36, 2, 161–171.
- Wormald P.* 2005: Germanic power structures: the early English experience // *Power and the Nation in European History* / L. Scales, O. Zimmer (eds.). – Cambridge, 105–124.
- Yorke B.* 1989: The Jutes of Hampshire and Wight and the origins of Wessex // *The Origins of Anglo-Saxon Kingdoms* / S. Bassett (eds.). – Leicester, 84–96.
- Yorke B.* 1990: *Kings and Kingdoms of early Anglo-Saxon England*. – L.

М.С. Бобкова

НОВОЕВРОПЕЙСКАЯ «ВАРВАРОЛОГИЯ» В ИСТОРИЧЕСКИХ ТРАКТАТАХ XVI ВЕКА

Аннотация. Статья посвящена дискуссии между итальянскими гуманистами, немецкими и французскими историографами в период раннего Нового времени. Предметом спора являлись претензии итальянцев на превосходство над другими европейскими народами. Они основывались на исключительном праве наследования итальянцами культурных ценностей античной цивилизации. Эта позиция стала вызовом всем остальным европейским народам. В изменившейся международной политической ситуации столкновение цивилизации и варварства получил совершенно новое звучание.

Ключевые слова: античная цивилизация, варварство, гуманисты, историописание, раннее Новое время.

«Само понятие «варварство» при его четкой заявленности не обладает достаточной степенью научной разработанности. В разных исторических моделях неизменным является то, что «варварство» остается «меткой непохожих на нас», формой коннотации социальной роли конкретного субъекта, которая отражает, прежде всего, несоответствие социальным и групповым идеалам и стандартам той или иной цивилизации. Структурируя свое социокультурное пространство по принципу «инаковости», не порождает ли цивилизация взаимное отчуждение, разделение на «цивилизованный» и «варварский» миры, усложняя диалоговую форму взаимоотношений?»

В.П. Буданова

I

В западноевропейской культуре раннего Нового времени в XVI в. начинаются мощные процессы трансформации представлений о содержании и структуре предмета истории, процессы обновления теоретико-познавательного инструментария этой дисциплины, которые фиксируются в изменении стилистики сознания и языка историка, становясь совершенно очевидными явлениями системного характера. Историографическая революция в Западной Европе этого периода как и всякая научная трансформация, носила парадигмальный характер и представляла собой глобальное как в содержательном, так и во временном планах явление¹.

¹ См. Preston J.H. 1977, 353-364; Барг М.А. 1987, 216-217.

На протяжении всего Средневековья в сочинениях исторического характера (в основном, это были хроники) проблемам, связанным с определением предмета изложения, его хронологии, приемов и способов повествования уделялось довольно скромное внимание – от нескольких абзацев до 1-2 страниц. В XVI веке сначала в Германии, позднее, во Франции издается более 200 трактатов, посвященных собственно осмыслению истории как процесса. В них оцениваются ее темпоральные характеристики, вырабатываются приемы создания текстов «правдивого» содержания, формулируются требования к идеальному историописцу; иными словами, история проходит сложный процесс дисциплинарной инструментализации, связанный с актуальной задачей реконструкции убедительной «правильной» истории и с попытками на ее основе предложить обществу проекты своеобразного исторического «прогнозирования»². В этом и состояла сверхзадача такой тщательной проработки, а чаще, выработки «точного» дисциплинарного инструментария истории.

Глубоким процессам системного характера в историописании предшествовала эпоха интегративного освоения разнообразных историографических традиций, первым шагом в котором стало широкое «освоение», «введение в оборот» прежде всего сочинений античных авторов. Безусловное первенство в этой многогранной деятельности принадлежит итальянским гуманистам. Здесь и намечается рождение, если не парадоксального, то неожиданного развития нового этапа столкновения цивилизации и варварства.

Начиная с XV века, в рамках гуманистической филологической традиции велась большая работа по розыску, подготовке переводов и комментариев к ним, изданию и изучению большого корпуса античных сочинений. По сведениям профессора Лейпцигского университета Л. Швейгера, с момента изобретения книгопечатания и по 1700 г. в Западной Европе находилось в обращении более 2 500 000 экземпляров печатных изданий сочинений античных историков³. И среди них были – Саллустий (553 000 экземпляров), Валерий Максим (198 000 экз.), Цезарь (189 000 экз.), Курций (179 000 экз.), Тацит (316 000 экз.), Ливий (160 000 экз.), Светоний (155 000 экз.), Флор (152 000 экз.), Юстин (73 000 экз.), Иосиф Флавий (141 000 экз.), Плутарх (62 000), Ксенофон (84 000

² Бобкова М. 2011, 120–149.

³ См.: Schweiger F.L.A. 1830–1834.

экз.), Геродот (44 000 экз.), Фукидид (41 000 экз.), Диодор и Дион (по 25 000 экз. каждый). В 1527 г. Йодокий Бадий Асцензий⁴ перевел на французский язык Фукидида, и это издание разошлось тиражом 1225 экз. Издания на латинском языке издавались довольно большими тиражами, на греческом языке – меньшими. Более или менее заметные тиражи греческих книг появляются в Западной Европе довольно поздно, только в 20–30 гг. XVI в.⁵ и в это время они интенсивно включаются в сферу интересов ученых мужей.

Дискурс, сформированный итальянскими гуманистами в процессе возрождения ими античной культуры, явно противопоставлял носителей греческой и римской древности оставшемуся пространству европейского «варварства». То культурное превосходство, которое имели греки и римляне в античные времена, было присуще и итальянцам в Европе времен после Петрарки.

В этой ситуации понятия «варварство», «варвар» выступали, прежде всего, как лингвокультурный концепт. Классическая латынь Вергилия и Овидия, реанимированная гуманистами, должна была выполнить (и выполнила!) значительную культурную миссию, заложить основы общеевропейского интеллектуального пространства. Интерес к другим европейским языкам, которые итальянские гуманисты считали низшими, у них был очень мал и ограничивался только областью литературы. Что могло дать для славы наследников Рима установление того факта, что их родной язык или, более того, прославленные латинский и греческий языки являются родственными или имеют одинаковое происхождение с «отвратительной» речью северных или восточных варваров? Глу-

⁴ Jodocus Badius Ascensius (1462–1535 гг.).

⁵ Именно в этот период набирает силу идея о связи между греческим и германским языками. Эта идея получила широкое распространение среди немецких ученых конца XV и начала XVI вв. Почему с германским языком прежде всего сравнивался греческий, а не латинский язык, который получил распространение в Германии со времен Карла Великого и даже раньше под влиянием христианства? Но именно распространенность латинского языка, начавшаяся еще в то время, когда немцы не были склонны к проведению исследований в области языка и может служить объяснением тому, почему греческий привлекал больше внимания. В конце XV в. знакомство с греческим языком стало своеобразным открытием, повлекшим затем и исследования. Здесь есть и еще один важный момент, не стоит забывать, что латинский язык воспринимался как производный от греческого. Так или иначе, но даже в XVII и XVIII вв. латинский язык в этимологии не играл никакой роли, и при сравнениях в области лингвистики его иногда сводили до уровня кельтского или персидского языков.

боко укоренившееся чувство национального превосходства заставляло итальянцев детально изучать свой собственный язык и диалекты и мешало расширить границы исследований за пределы Альп и Средиземного моря⁶.

Однако, при этом латынь все больше становилась языком «ученого мира» университетов, профессоров и школяров, правоведов и врачей. Она уже не могла адекватно передать многообразный, значительно модифицированный в период Средневековья и раннего Нового времени, мировоззренческий, духовный, интеллектуальный контент, носителем которого являлось новоевропейское общество. Все чаще, культурные новации XVI века во Франции и Германии связывались с Каролингским или Оттоновским Возрождением и в их основе лежало формирование национальных языков. «Когда Петрарка и его последователи, «прямые потомки римлян», монополизировали высокую античную традицию, остальным, «варварам»... не оставалось ничего иного, как искать и находить собственные традиции. От иерархического моноцентризма наблюдается переход к полицентризму равновеликих субъектов истории через дегероизацию Рима и противопоставление «собственных традиций» римско-латинской и всем другим, чужим, что преодолевало комплекс цивилизационной неполноценности. В этом смысле в программе гуманистической культуры заложен пафос саморазрушения – возрождение классической античности сменяется ее инструментализацией, затем отрицанием/преодолением (как «чужой») в интересах конструирования автохтонной национальной древности; одновременно оформляются национальные литературные языки»⁷.

Таким парадоксальным образом гуманизм обеспечил укрепление позиций французского языка и уже в первой половине XVI в. «короли назначали его официальным языком двора и судов»⁸, поэты мечтали прославить его подобно классическим язы-

⁶ Об этом подробнее см. *Бонфанте Джулиано*. 1957, 102–119.

⁷ *Доронин А.В.* 2011, 146–152.

⁸ В Германии большую роль в становлении национального языка сыграли переводы с латинского на немецкий язык Библии Мартина Лютера. Во Франции в 1539 г. Ордонансом Вилле-Котре (*Ordonnance de Villers-Cotterêts*) Франциск I закрепил статус французского языка как единого государственного в стране и обязал органы местной администрации опираться на его парижскую норму вместо латыни при составлении всех административных документов.

кам, ученые и даже теологи вели на нем дискуссии, которых прежде была достойна только латынь... Необходимость отыскать прошлое этого выскочки стала насущной. Но если простое любопытство толкало на изучение истории языка, то предрассудки эпохи вынуждали любой ценой отыскать его корни⁹. Именно так развивалось европейское культурное соперничество, в котором политико-государственные образования, явно претендующие на лидерство на континенте, были призваны продемонстрировать свое духовное и литературно-интеллектуальное превосходство, сформулировав достойный ответ «варваров» наследникам античной цивилизации через поиски основ современных языков.

Эти поиски сосредоточили внимание авторов сочинений XVI в. на галльском языке, который в свою очередь, был известен с древности только по собственным именам и топонимам, приводимым античными авторами¹⁰. *Lingua romana rustica* с XI века стала называться *langue françoise*, поэтому естественным образом был поставлен вопрос о взаимосвязях между галлами и франками¹¹. Боден, Гринеус, Цвингер со ссылкой на Беата Ренана¹², формулируют свой изначальный тезис о том, что галльский язык отличается от германского. Отметим, что Ренан указывал на характер этих отличий, но не высказывал предположений об их причинах. Он отмечает, однако, что по некоторым сведениям галльский не отличается от языка Уэльса. С «breton» Великобритании сближает галльский также и Франсуа Отман в своем сочинении «Франко-Галлия»¹³, ссылаясь на свидетельства Цезаря и Тацита. Напротив, лионский хронист Гийом Параден в своих анналах Бургундии¹⁴

⁹ Brunot F. 1905, 51.

¹⁰ Эта тема достаточно полно раскрыта в историографии. См., например: Bonfante G. 1953–1954, 679–699; Brunaux J.-L. 2008; Brunot F. 1905; Buridant C. 1998; Droixhe D. 1978; Лена Мишура. Электронный ресурс. Режим доступа: http://shurami.blogspot.ru/2010/12/blog-post_26.html свободный. Поэтому мы остановимся на ней достаточно кратко, проследив основные этапы дискуссии о происхождении языков.

¹¹ *Artis historicae Penus, octodecim scriptorium tam veterum quam recentiorum monumentis et inter eos Io. Praecipue Bodini libris Methodi historicae sex instructa*, Basileae, ex officina Petri Pernaie, 1579. В дальнейшем в тексте мы будем использовать сокращение АНР.

¹² *Ioan. Bodini Andigavensis*. 1579. V. 1, 280; *Simon Grynaeus*. 1579. V. 2, 563; *Theodorus Zwingerus*. 1579, V.2, 620; *Beatus Rhenanus*. 1531, 13–18, 156–158, 167.

¹³ *François Hotman de la Tour*. 1573, 280–320.

¹⁴ *Guillaume Paradin*. 1542.

утверждает, что галлы говорили на германском языке и пытается через этимологию немецкого объяснить некоторые галльские имена, приводимые античными авторами. Впрочем, современники его практически не цитировали, не слишком доверяя его штудиям.

Известный французский мистик, лингвист и философ Гийом Постель в 1538 г. издал труд, который включал в себя алфавит 12 языков¹⁵. В этом сочинении он утверждал, что бретонский и французский суть один и тот же язык. А сходство многих греческих слов с французскими доказывает родство галльского и греческого языков. Идеи Постеля о единстве происхождения французского и галльского языков получили дальнейшее развитие в работе бенедиктинца Иоахима Перииона¹⁶. Он выводил французский язык из галльского, а галльский, в свою очередь, из греческого, который смешался на территории Галлии со множеством латинских слов, изменивших его изначальный облик, – этим объясняется разница между современными греческим и французским языками. По Перииону, галльские топонимы *Noviomagus*, *Maguntiacus*, *Rotomagus* и другие из списка Джованни Нанни¹⁷ восходят к имени галльского короля Мага.

¹⁵ *Guillaume Postellus*. 1538.

¹⁶ *Joachim Perionius*. 1556.

¹⁷ Знаменитый учёный позднего средневековья, историк и лингвист Джованни Нанни (1432–1502), известный также как Анний, родился в Витербо. Член Доминиканского ордена он был признанным проповедником и писателем. Прекрасный знаток древних языков, увлеченность которыми привела даже к тому, что он поменял своё имя Нанни на Анний, что вызывало ассоциации с золотой эпохой древнего Рима. Среди его опубликованных сочинений можно назвать «*De futuris Christianorum triumphis in Turcos et Saracenos*» («О будущих триумфах христиан над турками и сарацинами»); «*Tractatus de imperio Turcorum*» («Трактат об империи турок»). В своём неопубликованном сочинении «*Chronologia Nova*» («Новая хронология») учёный обращает внимание на анахронизмы, допущенные Евсевием Кесарийским. В 1498 г. Анний из Витербо опубликовал сочинения и фрагменты сочинений, принадлежавших дохристианским писателям. Среди них – творения Бероза, Фабия Пиктора, Катона, Манефона. Анний утверждал, что эти рукописи он обнаружил в Мантуе. Уже в середине XVI в. немецкий учёный Иосиф Юстус Скалигер доказал, что эти рукописи – грубая фальсификация. Во второй половине XVI века итальянский гуманист Джироламо Меи вступил в полемику с Винченцо Боргини, который утверждал, что город Флоренция был основан императором Августом, указывая на публикации Анния из Витербо. Заявления Боргини были связаны со злободневными политическими событиями: в это время

Жан Пикар¹⁸ в этом же году, на основе информации из псевдо-Бероса¹⁹, дополненной собственными этимологическими изысканиями, заявляет о том, что весь греческий мир обязан своим существованием Галлии.

В 1566 г. выходит в свет трактат известного французского правоведа Жана Бодена «Метод легкого познания истории», в котором девятая глава целиком посвящена дискуссии о происхождении народов. Еще раз подчеркнем важность этой дискуссии, потому что сквозь ее призму выводится понятие «варвар», при этом автохтонность народа или его пришлость выступают в качестве критерия при определении этого понятия. Боден развивает и поддерживает позиции своих современников Ренана и аббата Тритемия²⁰, а своими оппонентами считает Конрада Пойтингера, Якоба Вимфелинга («Краткая история Германии», 1515 г.)²¹, Андреаса

великий герцог тосканский Франческо Медичи собирался жениться на принцессе Иоанне Австрийской. Джироламо Меи, который плохо относился к Медичи, доказал, что Аннию доверять не стоит. Также известно, что Анний сфальсифицировал рукописи по истории и топографии древнего Рима, изданные в Риме в 1498 г. Именно Нанни впервые приводит знаменитый список галльских королей «из Бероса и шестой книги Диодора Сицилийского», сыгравшего большую роль в этимологических и исторических исследованиях XVI, XVII и даже XVIII вв. Список этот составлен из более или менее галльских слов, найденных у древних историков: Samothēs у Сотиона, Magus у Плиния, Sargon у Диодора, Dryiudes у Лукана, Bardus у Диодора, Longo по названию племени лингонов, Namnes по племени намнетов, Celtes по кельтам, Galathes по галатам. Все эти имена собственные существовали до прибытия троянцев под командованием Брута.

¹⁸ Jean Picard. 1556.

¹⁹ Сочинение на греческом языке «История Вавилона» жреца Бероса, приписываемое перу Дж. Нанни.

²⁰ Тритемий известен как злостный фальсификатор, ссылающийся в целях обоснования глубокой древности германцев на сочиненную им самим «Франкскую хронику Хунибальда» («De origine gentis Francorum compendium», 1509-1514).

²¹ «Ни один народ в мире не может соревноваться с немцами», – писал Вимфелинг в 1502 году (Eritoma germanicarum gerum). Он также восхваляет последние подвиги Германии и превозносит древний и чисто германский характер своего родного Эльзаса. Ренан утверждал в 1531 году: «Своими победами готы, вандалы и франки обязаны нам. Нам они обязаны славой королевств, которые они создали в прекрасных римских провинциях и даже в Италии и в самом Риме, являющемся главой всех городов».

Альтхаммера, Лациуса, Павла Эмилия («Десять книг о деяниях франков», 1488 г.) которые

«...в восхвалении своих собственных корней написали много вещей, которые в их изложении могли бы выглядеть правдивыми, будь они описаны в более скромной манере и без презрения к другим»²².

Боден хотел бы допустить, что франки являются родственниками «доблестной и прославленной расы» германцев, так как это «лучшее основание для создания союзов и содружеств, усиливающих оба народа»²³.

Но, увы, факты истории, по его мнению, не позволяют отыскать доказательства подобной гипотезе. Боден же убеждает и устраивает следующая версия: кельты (так их называли греки) исконные жители, населявшие территорию Франции и Германии, а римляне стали их называть галлами. Франки («свободные») – это те галлы, которые переселились со своих территорий во время римского завоевания, а когда ослабло военное давление, снова вернулись в свои земли.

Идея единства происхождения кельтов и германцев, или же одних от других, чаще – германцев от кельто-скифов, имела очень широкое распространение, особенно, в Германии. В 1606 г. датчанин Иоханн Исаак Понтано составил первый глоссарий галльского

²² Ioan. Bodini Andigavensis. Methodus ad facilem historiarum cognitionem // АНР. Р. 260-268.

²³ Эти опасные и понятные для того времени намеки встречаются и у других авторов двухтомника АНР. И они показывают, что борьба за европейское лидерство между Германией и Францией, безусловно, была доминирующим фактором в международной политике Нового времени. В этой связи мы уже упоминали об одной из особенностей новоевропейской историографической ситуации, степень важности которой, на наш взгляд, довольно высока, состоявшей в попытках реконструкции ранней истории («древности») ведущих западноевропейских стран – Германии и Франции. В научной литературе эта особенность, как правило, рассматривается с позиций становления и утверждения национальных государств и процесса формирования института наций, который нуждался в идеологическом «сопровождении». При этом внимание исследователей привлекает анализ отношения к Карлу Великому, поскольку именно через него и немцы и французы «легитимируют собственные политические амбиции и самобытность отечественной культуры».

Но очевидна и другая тенденция. В борьбе с папским Римом и с испанскими Габсбургами возможны союзы с протестантскими князьями Германии, и попытка таких союзов будет предпринята Генрихом Бурбоном, а затем, в Тридцатилетней войне 1618–1648 гг.

языка («Glossarium priscogallicum»), корни которого определял его германским происхождением²⁴.

Боден же одним из первых широко развил идею, сформулированную в искусной подделке Дж. Нанни²⁵, уничтожающую все претензии на превосходство какого-либо из европейских народов. Она состояла в следующем: кельты были потомками правнука Ноя по имени Aschenazes и расселились по всей Европе: в Иллирии, Германии, Галлии, Испании и на Британских островах. Изучение древних топонимов и этнонимов привело к выводу, что на всей этой территории они говорили на одном языке, который мог делиться на диалекты. Этим языком был кельтский, и на его основе образовались германские языки. Таким образом постепенно формировалась другая идеологически обоснованная концепция, суть которой сводилась к происхождению всех мировых языков из древнееврейского. Библия была и оставалась самым авторитетным и престижным источником, поэтому и в XVII в. множились попытки вывести галльский род из Ноева потомства, но всё же самой универсальной и достоверной оказалось доказательство лингвистическое. Если из Библии следует, что древнееврейский – древнейший из всех языков, то, логично заключить, что все другие языки вышли из древнееврейского, – в том числе и греческий и кельтский²⁶.

Итак, вызов, брошенный в XV в. итальянскими гуманистами, утверждавший превосходство Италии над другими западноевропейскими странами и основанный на уникальной культурной преемственности от античности, сводившей остальной мир до понятия «варвары», получил достойный и очень энергичный ответ уже в XVI в. со стороны Германии и Франции, проходившими в то время сложный этап формирования современных наций и реально определявшими дальнейшие судьбы развития мира. Суть сложившейся оппозиции сводилась к тому, что греческий язык и, далее, латинский (в классическом виде возрожденные гуманистами) не могут являть-

²⁴ Johann Isaac Pontanus. 1606.

²⁵ Также Анний вводит в донучный обиход идею о библейском происхождении кельтов, утверждая, что первым королем кельтов и бритов был Самот (ум. в 2014 г. до н.э.), сын Яфета.

²⁶ Позднее, эта концепция развивается фламандцем Адриааном ван Шриком, во Франции Самюэлем Бошаром уточняет и подкрепляет доказательствами древнееврейское происхождение галльского языка; его последователь Пьер Борель снова говорит о смешанном галло-немецком характере французского языка.

ся основанием для претензий на культурную монополию, в силу того, что или происходят от кельтского (галльского) языка и являются вторичными, следовательно германцы и франки так же как греки и римляне имеют равно древнее происхождение и культурные корни; или – по второй версии – греки, римляне, галлы, германцы являются носителями одного праязыка, основой которого был язык семитской группы. Это дополняется развернутыми подтверждениями автохтонности народов, населявших древнюю Галлию и Германию. Это первый и самый проработанный историографами XVI в. аргумент, развенчивающий гуманистический миф о варварском характере древней истории Германии и Франции.

II

Другой аргумент, использовавшийся в этой полемике, носивший более глубокий характер и, может быть, поэтому менее очевидный, был связан собственно с осмыслением темпорального измерения истории и основан на христианской парадигме мировосприятия. Историографы XVI в.²⁷ подчеркивали своеобразную ограниченность и «ущербность» летоисчисления в античности, указывая на его сугубо локальный характер²⁸. В отличие от язычников (читай теперь, варваров) античности, христианское сознание очень остро ощущало единство прошедшего времени.

Уже средневековый христианский историк, ограниченный прошлым, старался, по крайней мере, охватить его полностью, ведя свое повествование от начала мира до своего времени²⁹. Во втором разделе «Последовательность времени» восьмой главы «Метода» Ж. Бодена подробно анализируется система летоисчисления от Сотворения мира и в ее рамках рассматриваются все «известные исторические события в 5700 лет в наиполнейшем виде». Дата Творения соотносится с Рождеством Христовым. Обосновав выбор сис-

²⁷ Подробнее см.: Бобкова М.С. 2010, 341–363.

²⁸ Летоисчисление в античности велось обычно по именам и годам каденции правителей государств (архонты у афинян, эфоры у лакедемонян; консулы, императоры в Древнем Риме). Довольно редко в Древнем Риме встречалась датировка ab Urbe condita (от основания Города). Кроме того, в Древней Греции каждое государство или город (зачастую это было одно и то же), имели свои названия месяцев. Счет по Олимпиадам вели некоторые историки, которые рассматривали Элладу как одно если не политическое, то культурное целое. Однако же в широком практическом использовании это не было принято.

²⁹ См.: Григорий Турский. 1987.

темы летоисчисления «от Творения», Боден выстраивает последовательность времени, исходя «из исторических документов»³⁰.

«Теперь наша система хронологии от Творения должна быть выведена из исторических документов; этого нельзя добиться, используя только краткие источники греков. Они не имеют ничего более отдаленного во времени, чем история Троянской войны, о которой Фукидид сказал, что она в большей своей части была вымышленной, и поскольку сам Гомер явил свои сочинения миру два столетия спустя после Троянской войны, естественно, что он повторял распространенные ошибки и басни вместо подлинной истории».

Таким образом, развивается идея о безусловной недостаточной разработанности хронологической составляющей античных источников, носившей ярко выраженный региональный характер, исключая возможность воссоздания событий всеобщей древней истории.

Основной идеей осмысления истории Франсуа Бодуэном была целостность восприятия прошлого, базировавшаяся на понятиях «единства», «всеобщности» и «непрерывности»³¹. По его мнению, основой организации исторического знания является *ordo temporum*³². Это означало, прежде всего, что история, основанная на квази-биологическом единстве, связанном со средневековой традицией, закрепленной авторитетом Евсевия, воспринималась *ab ovo*. Поскольку история касается всего рода человеческого, то, по мнению Бодуэна, она должна писаться *ab orbe*, а не — *ab urbe condita*³³, то есть от Сотворения мира, а не от основания Рима. По мнению Бодуэна, даже, если учитывать историческую ценность поэзии и исторических сочинений античных авторов, построение единого нарратива универсальной истории было за пределами их возможностей. Философия и литература имели минимальные потребности для организации истории в хронологическом, а не в «естественном», актуальном для античной культуры порядке.

Таким образом, итальянцы, являющиеся единственными носителями цивилизационных ценностей античности, вообще не могут судить о мировой истории, потому что их предки не имели сколько-нибудь завершенных представлений о целостной темпо-

³⁰ *Ioan. Bodini. 1579, 278–289.*

³¹ *Fr. Balduinus. 1579. V.1, 599, 742.*

³² *Ibid. 687.*

³³ *Ibid. 617.*

ральной системе в противоположность наследникам варварских народов, которые осознавали единство всеобщего времени.

Кроме того, в рамках же темпорального пространства определялся и еще один аргумент, направленный против монополии носителей античного наследия на цивилизаторскую миссию по отношению к «варварской» Европе. Этот аргумент был связан с общеизвестной периодизацией всемирной истории по мировым монархиям. Направленность развития человеческой истории была задана в Ветхом Завете в Книге Даниила — это пророчества о конце времени. На протяжении всего Средневековья пророчества Даниила, дополненные со временем представлениями о Золотом веке, о *translatio imperii* и четырех монархиях, бытовали в трактовках хода истории.

В эпоху Возрождения эти построения подверглись резкой критике, и были предложены новые подходы к оценке темпоральной организации истории. У истоков принципиально новой периодизации истории стоял Ф. Петрарка. основополагающим критерием выделения «веков» или «эпох» у него являлось состояние латинского языка, как родовой особенности культуры. Опять же утверждавшей превосходство итальянцев над другими народами.

Обоснование необходимости построения принципиально иной, отличной от средневековой, периодизации истории, Ж. Боден начинает с критики пророчеств Даниила и их восприятия его современниками.

«Долгое время господствовала ошибочная идея о четырех монархиях, получившая известность через авторитеты великих людей, которые ищут причины ее появления в столь давних временах, что теперь ее развенчание представляет трудности. Эта теория одержала верх над бесчисленными толкованиями Библии, она распространена среди современных мыслителей (Лютер, Меланхтон, Слейдан, Функ, Панвинио), хорошо знающих и понимающих древнюю историю и Святое Писание. Временами, пренебрегая авторитетами, я обращался к мысли, которую вряд ли стоило принимать на веру. Я задумался над пророчествами Даниила, его мнение по этому вопросу недостаточно доказательно, поэтому пророчества не внушают доверия. Невразумительные и неясные слова Даниила, если их растолковать, могут принимать разумный смысл, а я предпочитаю толковать пророчества однозначно, следуя судебной формуле: «Вопрос неясен». Я полностью одобряю ответ Кальвина, сколь изысканный, столь и умный, на вопрос об Апокалипсисе (Откровении святого Иоанна Богослова); когда его попросили высказать свое мнение, то он достойно ответил, что находится в полном замешательстве относительно смысла этого мрачного писания, добавив, что с его содержанием не соглашаются

многие мудрецы. Похоже, и я тоже не вижу каким образом жизнь нашего общества можно сопоставлять с миром диких зверей и как это связано с мыслью, высказанной и обсуждаемой Даниилом, которая сводилась к тому, что монархии, ныне процветающие, собирали силы для этого в течение длительного времени»³⁴.

Поскольку необходимость определяется «Божественным произволом», желанием Бога, мир, заключал Боден, был сотворен и имел начало: «Конкретным началом времени представляются события, изложенные в Святом писании. Попытка определить более древнюю точку отсчета времени была бы, вероятно, преступлением»³⁵.

В связи с идеями движения в истории необходимо особо остановиться на теории прогресса, которая оформилась в XVI в. и основывалась на критике учения о Золотом веке³⁶. Это зародившееся в древности учение было систематизировано в поэме Гесиода «Труды и дни», а позднее дополнено Овидием и Лукрецием³⁷. Теория Золотого века, наполненная новым смыслом, получила распространение и в среде гуманистов. Не случайно прославленный гуманист, глава Платоновской академии во Флоренции Марсилио Фичино высоко оценивал творческую духовную активность своих современников, приводившую к расцвету культуры. Эта мысль ярко и убедительно выражена в его письме «Похвалы нашему веку как Золотому веку, потому что он порождает золотые дарования. Превосходному медику и астроному Павлу Миддельбургскому» (1492 г.):

«... Итак, если мы должны называть какой-нибудь век золотым, то это, без сомнения, такой век, который всюду порождает золотые дарования. И тот не усомнится, что таков наш век, кто захочет рассмотреть великие открытия сего века. Этот наш век, как Золотой век, вернул к жизни почти уже угасшие свободные искусства, т. е. грамматику, поэзию, ораторское искусство, живопись, скульптуру, архитектуру, музыку, древнее искусство распевать стихи под аккомпанемент орфической лиры: и все это, что у древних почиталось, но было уже почти утрачено, – во Флоренции. [Этот век] соединил мудрость с красноречием, и последнее наилучшим образом он явил в Федерико Урбинском, словно в Палладе... Я также думаю, мой Павел, что ты усовершенствовал астрономию. Во Флоренции же из мрака было извлечено на свет учение Платона. В Германии в наше время изобрели станки для печатания книг и, кроме того, табли-

³⁴ Ioan. Bodini. 1579. V. 1, 310.

³⁵ Ibid. 322.

³⁶ Peter H. 1906, 55-97.

³⁷ Waltz P. 1906, 180.

цы, с помощью которых можно тотчас же определить вид неба на будущее время; следует упомянуть также о флорентийском устройстве, имитирующем ежесуточные движения небес. Теперь эти немецкие таблицы, аккуратно отпечатанные, наш Микелоцци вам везет, чтобы преподнести их вашему славному герцогу. Ведь дар небесный достоин небесного государя. Достоин также, как я думаю, быть принятым тобой, созерцателем небесных явлений. Достоин, наконец, чтобы вы нас похвалили»³⁸.

Называя современность Золотым веком, Фичино далек от того, чтобы рассматривать предшествующую историю как последовательное развитие тех начал, которые в конце концов привели человечество к теперешнему Золотому веку – как бы высшему этапу развития. История человечества не считалась эволюцией от примитивных животных начал ко все большей сложности; наоборот, прошлое всегда было лучше настоящего и прогресс был оживлением, возрождением, ренессансом древности.

По контексту письма, действительно можно понять, что Золотой век – не только современное состояние человечества, но уже был некогда, а именно в античности, в эпоху высокого расцвета культуры. И поэтому возвращение античности Фичино рассматривает как условие осуществления Золотого века в современной Италии.

Фичино свою характеристику Золотого века ограничивает успехами в области духовной культуры человечества, потому что достижения в материальной культуре происходили за пределами Средиземноморья, в другой «варварской» части Европы. Исключение делается в отношении изобретения книгопечатания в Германии, но опять же подчеркивается, что лучшее применение это изобретение нашло во Флоренции, которая действительно в то время была крупнейшим издательским центром Западной Европы. Но напомним, что уже с 1494 г. начинаются Итальянские войны между Францией и Священной Римской империей с участием других государств Западной Европы, а также Османской империи за обладание Италией и гегемонию в Европе и Средиземноморье.

Немецкие и французские историографы негативно оценивали теорию Золотого века, отрицали превосходство прошлого над настоящим. Золотым и Серебряным веками называли время, «когда люди сидели без дела, бродили по лесам и лугам и имели столько, сколько могли удержать силой и преступлениями. Но люди постепенно изменялись от жестокости и варварства к утонченности нра-

³⁸ Письмо: Марсилио Фичино. 1980, 320-327.

вов и следованию законам, установленных обществом... «Если сравнивать век, который называют “золотым” с нашим, то правильнее тот век назвать “железным”»³⁹. Понятие «золотой век» соотносилось с мифологическим временем, а мифы древних оценивались как преломленное в сознании людей отражение реально происшедших событий. Для сочинений многих итальянских гуманистов были характерны рассуждения об этическом идеале Золотого века (пример тому приведенное нами письмо Фичино). Следуя традиции, Боден доказывал обратное, а именно то, что моральные и нравственные нормы жизни людей его времени выше, чем у древних, в античном обществе⁴⁰. Свои аргументы он черпал в мифологии:

«Юпитер убил своего отца ради того, чтобы занять его трон. Он прославился не только отцеубийством, но и крайне развращенным образом жизни, кровосмешением с сестрами. Разве может быть золотым век, породивший таких чудовищ?»⁴¹.

Анжерец осуждал и войну гигантов против богов. В золотом веке разбой и грабеж признавались обществом, как способ добычи средств к существованию и роскоши. По мнению Бодена, не было времени, более жестокого и сурового, чем то, «когда разбой и пиратство откровенно признавались как способ жизни». С точки зрения нравственности мыслитель критиковал и рабство:

«Нет ничего более жестокого и несправедливого, чем то, что только из-за рабского клейма, лежащего на человеке, ради восторга толпы, он может быть ранен, разорван на куски, убит. Нет ничего более преступного, чем то, что милосердие по отношению к рабу считалось ужасным злом»⁴². Непристойными для христианина Боден считал наблюдение за кровавыми зрелищами, достойными диких животных, и разрешение спорных вопросов силой вместо полезного обсуждения – лучшего упражнения для ума⁴³.

На основе сравнения правителей, стоявших во главе древних государств, с французскими королями Боден пришел к выводу, что, например, Карл Великий в добродетели, славе, ответственности за страну, в любви к подданным и в справедливости превосхо-

³⁹ Ibid. 324.

⁴⁰ *Ioan. Bodini*. 1579, V.1, 330.

⁴¹ Ibid. 280.

⁴² Ibid. 329.

⁴³ Ibid. 332.

дил Александра Македонского, а Людовик Благочестивый – вообще всех правителей древности.

Истоки многих научных дисциплин можно найти в практике и в трудах талантливейших людей древности, достижения которых высоко оценивались Боденом.

«Мне могут заметить, что они были основателями всех дисциплин и искусств, поэтому им должна принадлежать слава. Древние, конечно, определили суть многих вещей, в особенности, власть небесных тел и описали, хотя очень неполно, движение звезд. Они внимательно изучили загадки природы и верно объяснили ее явления. Но древние так до конца и не поняли причины важнейших вещей, [знания о] которых передавались из поколения в поколение и в таком виде дошли до людей нашего века»⁴⁴.

Греция, например, во времена Бодена находилась перед «суровым судом настоящего» из-за того, что греки не смогли своевременно по достоинству оценить некогда открытое ими и сохранить его в памяти⁴⁵. Это ли не достойный ответ на утверждение превосходства наследников античной культуры над всем остальным миром?

Своих современников мыслитель считал достойными древних и даже утверждал, что они их превосходят:

«Никто не может сомневаться, что открытия наших современников сравнимы с достижениями наших предков. Но мы и превосходим их. Ничто не может быть более замечательным во всей природе вещей, чем магнит, о пользе которого древние ничего не знали»⁴⁶.

Далее следует описание многочисленных географических открытий «иных миров» Нового света, достижений XVI в. в области медицины, астрономии, металлургии. Катапульты и метательные орудия древних казались Бодену мальчишескими забавами в сравнении с вооружением его времени. Авторы всех этих достижений в области материальной культуры, безусловно, давшие мощный толчок развитию европейской цивилизации, к Италии не имели никакого отношения.

Поступательное развитие в истории человечества историографы XVI в. усматривали в христианском этическом идеале, в научных (компас, порох, книгопечатание) и географических от-

⁴⁴ Ibid. 330.

⁴⁵ Ibid. 180.

⁴⁶ Ibid. 332.

крытиях своего времени, в появлении новых сухопутных и морских путей, в развитии торговли, в общем росте товарного и ремесленного производства. И более того, развитие естественнонаучного знания представляется, в противоположность мнению М. Фичино, как основа развития духовной культуры. Одну из предпосылок развития истории человечества по восходящей линии мыслитель видел в «освоении» природы, ибо

«природа неисчерпаемая сокровищница, которая не иссякнет в течение многих веков. Поскольку многие вещи были поняты и открыты так же, как и некоторые вечные законы природы, то и в мировоззрении, во взглядах людей произошли значительные изменения»⁴⁷.

III

Опровержение претензий на превосходство над другими народами прямых преемников античного наследия итальянцев требовало и определенной гармонизации источниковедческой основы исторических сочинений, вышедших в Германии и Франции. Необходимо было «оттенить» значение сочинений античных авторов в реконструкции древней истории. К ранней истории своих народов обращались практически все европейские авторы исторических сочинений XVI века. Большинство ныне используемых письменных источников, которые имеют отношение к теме «варварства», вошло в научный оборот именно в XVI–XVII вв.⁴⁸

В поисках ответа на вопрос о том, к каким источникам информации обращались авторы рассматриваемой нами эпохи, можно понять, в рамках каких культурных и интеллектуальных традиций прошлого они чувствовали себя естественно, каким образом «осваивали» их, актуализируя и встраивая их в свою систему мировидения. Отношение к источнику знаний о прошлом, осознанность специфики различных исторических свидетельств определяет уровень и значимость вновь создаваемого сочинения. Данная проблема представляется нам крайне важной еще и потому, что в актуа-

⁴⁷ Ibid. Сравнить с оценками: *Christophorus Milaeus de Historiae universitate. Ubertus Foliet de Ratione scribendae historiae, et de similitudine normae Polybianae. David Chytraeus de Recte instituenda Historiae lectione.*

⁴⁸ Буданова В.П. Варвары и варварство в антропологии цивилизации. — URL: http://histrf.ru/uploads/media/default/0001/02/10689a_330824956c61cd620537e2d2867d394d03.pdf (Режим доступа – свободный). В этой статье содержится краткий историографический экскурс восприятия и трансформации термина «варвар» в европейской традиции Нового времени.

лизации источников знаний о прошлом, в их подборе и трактовке четко фиксируются аргументы актуальной европейской политики.

Источники, которые использовались авторами сочинений об истории в XVI в. были довольно разнообразными с точки зрения историографических традиций (библейская, античная, средневековая, современная исследуемой нами эпохе).

Переворот в отношениях к античным авторам, произведший настоящее потрясение всех историографических основ Средневековья, был произведен, конечно, итальянскими гуманистами – собирателями рукописей, переводчиками, издателями, университетскими профессорами, правоведами. Но итальянские гуманисты в своих исторических штудиях в большинстве случаев мало останавливаются на внутренней жизни тех или иных стран и народов, их привлекает главным образом то, что интересовало писателей классической эпохи, то есть, в первую очередь история войн и история политических переворотов. Восторженное, некритическое отношение к античной традиции побуждало их нередко жертвовать достоверностью изображения событий ради ложного пафоса, риторики или чистоты латинского языка, описывая эти события с помощью римской терминологии, часто им совсем не адекватной и анохроничной. Итальянская гуманистическая традиция историописания активно опирается на сочинения, прежде всего, Светония, Плутарха, Ливия, Полибия, Саллюстия, Геродота. Сочинения раннехристианских авторов (или историков варварских королевств) остаются за пределами сферы интересов итальянских гуманистов.

Оценивая значимость всех воспринятых предшествующих традиций историописания, можно сказать, что самая высокая доля цитирования и отсылок в трактатах об истории в XVI в. приходится на античную традицию. Но самый высокий индекс цитирования, который был у Геродота, вовсе не означает, что его работы являлись основой изучения древней истории – они так часто цитировались и индекс цитирования был таким высоким потому, что практически все историки начинали источниковедческие обзоры с острой критики Геродота «отца лжи» и использовали ее при каждом удобном случае.

Широта кругозора ученого мира XVI в. вызывает удивление и восхищение. Конрад Геснер в своем сочинении «Всеобщая библиотека», издававшегося с 1545 по 1555 гг.⁴⁹, приводит список бо-

⁴⁹ *Conrad Gefner. 1583.*

лее чем из 130 античных автора, которых причисляли к историками, в том числе: Тацит, Плутарх, Цицерон, Цезарь, Полибий, Диодор Сицилийский, Тит Ливий, Плиний Старший, Геродот Галикарнасский, Дионисий Галикарнасский, Ксенофонт, Иосиф Флавий, Страбон, Гай Саллюстий Крисп, Марк Порций Катон Младший, Манефон, Марк Порций Катон Старший (Цензор), Фукидид, Гомер, Мегасфен, Аммиан Марцеллин, Дион Кассий Коккеян, Павсаний, Марк Юниан Юстин, Гай Светоний Транквилл, Аппиан Александрийский, Феофраст (Геофраст), Эсхил, Фест, Секс Помпей, Арриан Флавий, Посидоний, Квинт Курций Руф, Лампридий, Вописк, Тимей, Веллей Патеркул, Луций Аней Флор, Капитолин, Дарий Фригийский, Диктис Критский, Гелланик, Исократ, Ктесий Книдский, Плиний Младший, Геродиан, Эллий Спартиан, Гесиод, Гекатей Милетский, Силен, Метродор Хиосский, Каллисфен, Филарх, Помпей Трог (Юний), Лукиан из Самосаты, Квинт Фабий Пиктор, Гней Гелий, Луций Целий Антипатр, Секст Аврелий Виктор, Гай Юлий Солин, Эфор, Феопомп, Эратосфен, Луций Кальпуриний Пизон Фруги, Гай Семпроний Тудитан, Волкаций, Помпони Мела и другие. Анализ индекса цитирования сочинений, вошедших в двухтомник Иоханна Вольфа «Сокровищница истории. Сборник из восемнадцати трудов как древних, так и недавних [авторов] и, кроме того, что особенно следует отметить, шести книг Ж. Бодена о Методе истории»⁵⁰, конкретизирует этот список и наделяет его определенным контекстом. Все шестнадцать трактатов авторов-современников Вольфа уже печатались отдельными изданиями, в том числе и в типографии Перны, и по-видимому, имели коммерческих успех, представляя собой некий *main stream* в историографической среде того времени. Источниковая база по древней истории европейских народов в этих сочинениях также очень обширная.

Анализ этих трактатов с точки зрения своеобразного «индекса цитирования» на первые места из античных историков выводит Тацита, Цезаря, Фукидиду, Геродота, Полибия, Ксенофонта, Диктиса, Дарета.

Но этот источниковый ряд очень весомо дополняется сочинениями христианских историков такими как сочинения Кассиодора («Хроника», «История готов», «История в трех частях») «Иудейская война» и «Иудейские древности» Иосифа Флавия (были переведены на латынь в поздней Античности); «Церковная история»

⁵⁰ АНР, 1579, 15–368.

Евсевия Кесарийского (в латинском переводе Руфина Аквилейского); продолжающая историю Евсевия «Трехчастная история» («*Historia tripartita*»), которую Кассиодор скомпилировал на основе извлечений из трех греческих авторов – Сократа, Созомена и Теодорета; «История против язычников» Орозия, а также не дошедший до нас историко-географический трактат греческого автора VI в. Марцеллина Комита; хроника Евсевия Кесарийского, переведенная на латинский язык и продолженная святым Иеронимом; а также другие продолжения этой хроники, написанные Марцеллином и Проспером Аквитанским, «О знаменитых мужах» святого Иеронима и его продолжение, написанное Геннадием. Из числа исторических трудов раннего и классического средневековья общеевропейскую известность снискали «Сокращение хроник» (*De abbreviacione chronicorum*), конспект всеобщей истории до его современника императора Юстиниана «*De origine actibusque Romanorum*», его история готов до падения итальянских остготов *De origine actibusque Getarum* («О происхождении и деяниях гетов»); «Хроника» Исидора Севильского; «Хроника» и «Церковная история народа англвов» Беда Достопочтенного; «Римская история» и «История лангобардов» Павла Диакона; «Схоластическая история» Петра Коместора (сжатое изложение основ Священной истории, широко использовавшееся в преподавании); «Историческое зеркало» Винченца из Бове, «Хроника пап и императоров» Мартина из Опавы.

Очень активно при реконструкции событий древней истории используются сочинения, написанные в контексте региональных историографических традиций, которые начинают формироваться в Западной Европе с X в. Сочинения таких авторов, как Видукинд Корвейский и Титмар Мерзебургский в Германии или Флодоард и Рихер Реймский во Франции по сравнению с трудами их предшественников каролингского времени отличались более узким географическим охватом. Так, Видукинд Корвейский и Титмар Мерзебургский писали почти исключительно о событиях, происшедших в Восточно-Франкском королевстве, а Флодоард и Рихер Реймский – в землях к западу от Рейна. Более широкую картину общеевропейского масштаба попытался дать в своем труде «Антаподосис» Лиутпранд Кремонский, но и он мало что мог сообщить о событиях за пределами родной Италии⁵¹. Из авторов Каролинг-

⁵¹ Мереминский С.Г. 2010, 4–8.

ского времени наиболее часто упоминаются Эйнхард, Павел Диакон, в несколько меньшей мере Адон Вьеннский, Фрекульф.

Среди сочинений XI–XII вв., написанных в жанре «историй народов» («origines gentium»), посвященных происхождению и прошлому отдельных европейских nationes и наиболее активно использовавшихся в споре о древности происхождения, следует назвать следующие: «История герцогов Нормандии» Дудона Сен-Кантенского, «Деяния английских королей» Вильгельма Мальмсберийского, «История англосаксов» Генриха Хантингдонского, «Деяния князей и правителей польских» Галла Анонима, «Чешская хроника» Козьмы Пражского, «Деяния датчан» Саксона Грамматика и др. Наряду с этим привлекались и всемирные хроники Мариана Скотта, Сигеберта из Жамблу, Ордерика Виталия.

Безусловный интерес у историков вызывала идея присутствующего в истории Божественного плана, находящего отражение в своеобразном прогрессе человеческого общества. Эта историософская концепция нашла наиболее полное отражение в «Хронике», или «Истории о двух градах» Оттона Фрейзингского, рассматривавшего историю как процесс перехода власти (translatio imperii) и учености (translatio studii) с Востока на Запад. Однако материал, на основании которого историки могли строить подобные конструкции был чрезвычайно ограничен и, вдобавок, со временем практически не увеличивался.

В целом в 16 трактатах АНР нами выявлено 42 средневековых источника, которые не отличаются большим жанровым разнообразием. К уже перечисленным следует добавить следующих авторов: Августин Блаженный, Ориген, Евагрий Схоластик, Анна Комнина («Алексиада»), Никифор Григора, Иоанн Зонара, Большие французские хроники, «Турпин» (Historia Karoli Magni), Ранульф Хи́гден (Polychronicon), Книга понтификов (Liber Pontificalis), Григорий Турский, Бернар Ги, Жан Фруассар, «Анналы Аквитании», Родриго Толедский, Монстреле, Руперт Дёйцский, Герман Долмата, Мария Сицилийская, Сигизмунд Мейстрелин, Ксифилин, Аббат Урспергский («Хроника» от правления Нина до XIII в.), Вильгельм Тирский, Саксонская хроника, Робер Оксеррский, Фрекульф, Мартин Поляк, Сугерий, Гильом из Пуатье, Гаспар Веронский, Жан де Бек, псевдо-Берос (фальсификация XIV в. Анния из Витербо, воспринимавшаяся авторами XVI в. как один из ранних дохристианских источников).

Подводя некоторый итог нашим наблюдениям, отметим, что изменение познавательной парадигмы, характеризующейся новыми методологическими и теоретическими подходами, связанной со стремлением к лидерству на мировой арене Германии и Франции, и направленной на исправление ущербной памяти о древней истории европейских народов породило комплексную критику реституированных цивилизационных основ античности. Эта критика сконцентрировала в себе лингвокультурные, темпоральные, источниковые компоненты противостояния варварства и цивилизации в переходный период раннего Нового времени, периода уже полной политической и международной несостоятельности Италии, жесткой борьбы с папским Римом обретающих новую роль в европейской политике Германии и Франции.

ЛИТЕРАТУРА

- Барз М.А. 1987: Эпохи и идеи. Становление историзма. – М.
- Бобкова М.С. 2010: «Historia pragmata»: Формирование исторического сознания новоевропейского общества. – М.
- Бобкова Марина. 2011: Историческое знание в Западной Европе раннего Нового времени. Историографическая революция эпохи катастроф. – Saarbrücken: Lambert Academic Publishing.
- Бонфанте Джулиано. Заметки о родстве европейских языков: К истории постановки вопроса в период с 1200 по 1800 гг. // Вестник истории мировой культуры. 1957. 4, 102–119.
- Буданова В.П. 1990: Готы в эпоху Великого переселения народов. – М.
- Буданова В.П. 2013: Великое переселение народов как универсальная модель взаимодействия цивилизации и варварства. Электронная публикация. Режим доступа <http://histrf.ru/ru/biblioteka/book/vielikoie-pieriesielieniie-narodov-kak-universalnai-modiel-vzaimodiestviia-tsivilizatsii-i-varvarstva-svobodnyi>.
- Буданова В.П. 2013: Великое переселение народов. Электронная публикация. Режим доступа <http://histrf.ru/ru/biblioteka/book/vielikoie-pieriesielieniie-narodov-svobodnyi>.
- Буданова В.П. 2013: Варвары и варварство в антропологии цивилизаций. Электронная публикация. Режим доступа <http://histrf.ru/uploads/media/default/0001/02/10689a330824956c61cd620537e2d2867d394d03.pdf> свободный.
- Доронин А.В. 2007: Историк и его миф. Иоганн Авентин (1477–1534). – М.
- Доронин А.В. 2011: Миф нации. Приглашение к дискуссии // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 3, 146–152.
- Лена Мишура. История изучения кельтов во Франции и формирование «галльского мифа». Электронный ресурс. Режим доступа http://shurami.blogspot.ru/2010/12/blog-post_26.html свободный.
- Мереминский С.Г. 2010: Историописание в Западной Европе позднего

- Средневековья // Западноевропейское историописание и историческая культура Средневековья. В 3-х книгах. – М., Кн. 2, 4–8.
- Письмо *Марсилио Фичино*. 1980: Письмо Марсилио Фичино о золотом веке / Пер., ст., коммент. О.Ф. Кудрявцева // СВ. 43, 320–327.
- Григорий Турский*. 1987. История франков. – М.
- Artis historicae Penuis, octodecim scriptorium tam veterum quam recentiorum monumentis et inter eos Io. Praecipue Bodini libris Methodi historicae sex instructa, Basileae, ex officina Petri Pernaе, 1579.*
- Bonfante G.* 1953–1954: Ideas on the kinship of the European languages from 1200 to 1800 // *Cahiers d'histoire mondiale*. I, 679–699.
- Brunaux J.-L.* 2008: Nos ancêtres les Gaulois. – Seuil.
- Brunot F.* 1905: Histoire de la langue française des origines à 1900. I. – Paris.
- Buridant C.* 1998: L'étymologie, de l'antiquité à la Renaissance. – Paris.
- Chapman M.* 1992: The Celts: The construction of a Myth. – Basingstoke.
- Collis J.* 2008: Celtomania in the Late 18th and Early 19th Centuries // *Prehistoric Europe: Theory and Practice*. – Wiley-Blackwell.
- Davis D.R.* 1999: Celtic linguistics, 1700–1850. I. – L.
- Davis D.R.* 2001: The development of Celtic linguistics, 1850–1900. 4. – L.
- Decimo M.* 1998: La celtomanie au XIXe siècle // *Bulletin de la société de linguistique de Paris*. 93. 1, 1–40 (4 p.1/4).
- Dottin G.* 1915: Manuel pour servir à l'étude de l'antiquité celtique, 2e éd. – Paris.
- Dottin G.* 1920: Langue gauloise. – Paris.
- Droixhe D.* 1978: La linguistique et l'appel de l'histoire (1600–1800). – Genève.
- Droixhe D.* 1996: Ossian, Hermann and the Jew's-harp images of the Celtic languages from 1600 to 1800 // *Celticism. Studia imalogica* (vol. 8). – Rodopi.
- Ebel H.W.* 1863: Celtic studies: from the German of dr. Hermann Ebel with an introduction on roots, stems, and derivatives, and on case-endings of nouns in the Indo-European languages. Tr. Sullivan W.K. Ed. Williams and Norgate. – L.
- Evans, D. E.* 1997: Celticity, Celtic awareness and Celtic studies // *ZCP*. 49–50, 1–27.
- Evans D. E.* 2004: The heroic age of Celtic philology // *ZCP*. 54, 1–30.
- Jean Picard.* De prisca Celtae paedia libre V. – Paris, 1556.
- Gaidoz H.* De l'influence de l'Académie celtique sur les études de folklore // *Recueil du Centenaire de la Société nationale des Antiquaires de France, 1804–1904*, 135–143.
- Galli-Dupis F.* L'Académie celtique Электронный ресурс. Режим доступа <http://www.garae.fr/spip.php?article227> свободный.
- Conrad Geßner.* Bibliotheca universalis seu catalogus omnium scriptorum locupletissimus in tribus linguis, Graeca, Latina et Hebraica etc. – Tigur, 1583.
- Goudineau Ch.* 1993: Avant-propos. // *Jullian C.* Histoire de la Gaule. Hachette, – Paris.

- Grell Ch.* 1991: Gaulois, Romains et Germains : l'heritage des Lumières // *Camille Jullian, l'histoire de la Gaule et le nationalisme français*. – Lyon, 7–27.
- François Hotman de la Tour.* Franco-Gallia. – Genève, 1573.
- Koch J.T.* 2006: Celtic culture: a historical encyclopaedia. – L.
- Kruta V.* 2000: Les celtes. Histoire et dictionnaire. Bouquins Robert Laffont. – Paris.
- Le Roux F., Guyonvarc'h C.-J.* 1997: Les études celtiques de la langue française et les celtisants allemands // *ZCP*. 49–50. I, 282–286.
- Ó Lúing S.* 1994: Celtic Scholars of Germany: A Brief Survey // *ZCP*. 46. 1, 249–271.
- Simon Grynaeus.* De Utilitate legendae historiae // *AHP*. 1579.
- Guillaumes Paradin.* De antiquo statu Burgundia liber. – Lyon, 1542.
- Guillaume Postellus.* De originibus, seu de hebraica lingua et gentis antiquitate, deque variarum linguarum affinitate liber. – Paris, 1538.
- Jochaim Perioniu.* Dialogorum de linguae gallicae origine, eiusque graeca cognatione libri quatuor. – Paris, 1556.
- Johann Isaac Pontanus.* Itinerarium Gallia narbonensis, cui accedit glossarium prisco-gallicum seu de lingua Gallorum veteri dissertatio. – Leyde, 1606.
- Johann Isaac Pontanus.* De Historia // *AHP*. V. 2. 1579.
- Preston J.H.* 1977: Was There an Historical Revolution? // *Journal of the History of Ideas*, 38, 353–64.
- Beatus Rhenanus.* Rerum germanicarum libri tres. – Bâle, 1531.
- Rieckhoff S.* Les Celtes dans l'historiographie et l'idéologie modernes // *Colloque Celtes et Gaulois: L'archéologie face à l'histoire, 3–6 juillet 2006 au Collège de France*. Электронный ресурс. Режим доступа <http://www.diffusion.ens.fr/index.php?res=conf&idconf=1424> свободный.
- Swiggers P.* Adrianus Schrieckius: de la langue des Scythes à l'Europe linguistique // *Genèse du comparatisme indo-européen. Histoire, épistémologie, la ngage*. 6, 17–24.
- Schweiger F.L.A.* 1830 – 1834. Handbuch der klassischen Bibliographie. 3 V. – Leipzig.
- Thurneysen R.* 1930: Why do Germans study Celtic Philology? // *Studies: An Irish Quarterly Review*. Vol. 19. 73, 20–32.
- Tourneur V.* 1905: Esquisse d'une histoire des études celtiques. – Liège.
- Tristram H.L.C.* 1996: Celtic in linguistic taxonomy in the nineteenth century // *Celticism. Studia imalogica*. 8. – Rodopi.
- Tristram H.L.C.* 1989: Orientation actuelle des études de linguistique historique, et spécialement de philologie celtique, dans les pays de langue allemande // *La Bretagne linguistique*. 4, 7–32.
- Iohannes Trithemius.* De origine gentis Francorum compendium. – Frankfurt, 1509–1514.
- Wartburg W. von.* 1946: Evolution et structure de la langue française. – Berne.
- Jakob Wimpfeling.* Epitoma germanicarum rerum. – Straßburg, 1505.
- Waltz P.* 1906: Hésiode et son poème moral. – Bordeaux.
- Theodorus Zwingerus.* Medicus Basiliensis // *AHP*, V.2, 1579.

Раздел 3**ВАРВАРЫ И ВАРВАРСТВО В ИСТОРИЧЕСКОЙ
КУЛЬТУРЕ МОДЕРНА И ПОСТМОДЕРНА****С.Ю. Сапрыкин****ТРАДИЦИИ РОССИЙСКОЙ НАУКИ
В ИЗУЧЕНИИ АНТИЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ
В СОВЕТСКУЮ И ПОСТСОВЕТСКУЮ ЭПОХИ***

Аннотация. В статье рассматриваются основные проблемы, которые были поставлены в российской антиковедческой науке до 1917 г. и прослеживаются, как они решались в советское время и какие подходы для их решения существуют в науке на постсоветском пространстве и в некоторых странах Восточной Европы. Среди этих важных проблем – древнегреческая колонизация Северного Причерноморья, проблема становления и развития полиса, а также взаимодействие греков и варварских племен в эпоху эллинизма и в раннее римское время.

Ключевые слова: Ольвия, Боспор, Херсонес, Причерноморье, скифы, сарматы, варвары, греки, полис, апойкии, греческая колонизация, эллинизм

Для российского (до 1917 г.), советского и постсоветского (Россия, Украина, Грузия) антиковедения важнейшим направлением научных исследований всегда было и по сей день остается изучение истории и археологии античного Северного и Восточного Причерноморья. В меньшей степени это относится к памятникам античной культуры западного побережья Черного моря. Благодаря развитию классической археологии в Украине, Грузии, Абхазии, России, странах Закавказья, источниковедческая база и объем информации по древней истории и археологии постоянно пополняется. Отличительная особенность древнего Причерноморья – активное взаимодействие там древнегреческой и римской цивилизаций с варварскими племенами, которые населяли обширные районы

* Статья подготовлена в рамках проектов « Материальное и духовное в повседневной жизни населения античного Боспора » РГНФ № 12–01–00122а и « Магические надписи античного Северного Причерноморья » РГНФ № 12–01–0116а.

степной и лесостепной зон. В ряде мест, особенно там, где теснейшим образом переплетались эллинская и местная культуры, образовались греко-варварские государства с особыми чертами и путями развития. Эллинские и римские традиции, привнесенные извне, оказывали определенное влияние на варваров. В свою очередь, они воздействовали на характер и культурное наследие греков, населявших побережье Черного моря. Учитывая это, ученые XIX–XX веков, как и современные исследователи, пытались дать научную оценку вкладу местных племен в развитие античной цивилизации. В то же время в науке существенное внимание уделялось и продолжает уделяться греко-римским традициям, которые прослеживаются в культурном наследии местных племен и при формировании у них государства.

Одна из задач данной статьи состоит в том, чтобы представить читателю основные проблемы развития античной цивилизации на побережье Черного моря в том виде, в каком они были поставлены в российской науке до революции 1917 г. Другой задачей является показать, как они решались в советский период и какие подходы к их решению существуют в наши дни. В связи с тем, что российская, советская и постсоветская историография по истории и археологии древнего Причерноморья крайне обширна, изложение материала в настоящей статье будет строиться в соответствии с основными проблемами развития античных государств в данном регионе.

Первый период в изучении античности Северного Причерноморья приходится на конец XVIII – начало XIX в. В это время, после присоединения к России южных областей, включая Тавриду, начались первые ознакомительные поездки с целью увидеть и описать памятники материальной и духовной культуры, оставленные древними греками. Подробные описания археологических объектов – некрополей, курганов, валов, городских строительных остатков, составленные академиками Палласом, Келером, Кеппеном, Дюбуа де Монпере и др., пробудили неподдельный интерес к археологическим исследованиям древних погребений и погребальных сооружений, способствовали изучению исторической географии, локализации поселений, упоминаемых в древних источниках. Представители интеллектуальной и научной элиты тогдашнего общества начали работу по определению местоположения греческих городов, стремясь согласовать известные им из письменных источников названия поселений с археологическими памятниками. Это касалось в основном памятников, располагавшихся в районе Боспора Киммерийского, Юго-Западной Таврике,

Нижнем Побужье, Нижнем Поднестровье и Нижнем Поднепровье. В 1840-е годы в русской науке начался новый этап изучения классических древностей юга России. Он был теперь связан с научными публикациями и попытками обобщить материалы, полученные во время археологических раскопок в первой половине XIX в. В конце 1840-х годов был опубликован первый капитальный труд по истории Боспорского царства, написанный А.Б. Ашиком¹. В 1854 г. в Санкт-Петербурге увидело свет трехтомное издание «Древности Босфора Киммерийского, хранящиеся в императорском музее Эрмитажа». По тем временам это была великолепно изданная публикация памятников античного искусства из окрестностей Пантикапея и извлечений из отчетов о археологических раскопках в районе Керчи. Появление этого издания стало своего рода завершением первого этапа в исследовании классических древностей Северного Причерноморья на примере наиболее яркого его региона – Боспора Киммерийского. Таким образом в первой половине – середине XIX в. российская антиковедческая наука о Причерноморье стремилось в основном познакомить общественность с отдельными наиболее яркими находками, что было вызвано огромным резонансом, который получило в тогдашнем обществе обнаружение в 1831 г. ярчайших предметов из кургана Куль-оба в окрестностях Пантикапея.

Второй период развития отечественной науки о Причерноморье приходится на 1860-е и 1870-е годы, когда в России проводились масштабные раскопки курганов в Восточном Крыму, на Кубани, в степных районах Приднепровья. В ходе этих полевых исследований удалось добыть обширный материал, свидетельствовавший о тесных связях греков с местным населением в лице скифов, синдо-меотов, сарматов. В 1880-х годах осуществлялись исследования строительных остатков Пантикапея на горе Митридат, его древнем акрополе, производились раскопки его грунтового и курганного некрополя. В результате были обнаружены роскошные погребальные расписные склепы, многочисленные надгробные стелы, в том числе с греческими надписями, ставшими ценнейшим источником по религиозным воззрениям и погребальным культам жителей Боспора.

В 1888 г. начались археологические исследования Херсонеса Таврического, в 1900 г. Б.В. Фармаковский приступил к регулярным раскопкам в Ольвии, что позволило раскрыть культурный об-

¹ Ашик А.Б. 1848–1849.

лик классических древнегреческих полисных центров в Северном Причерноморье, определить последовательность хронологических этапов их становления и развития². Тогда же Э.Р. фон Штерн открыл древнейшие слои первой эллинской колонии на острове Березань, которые были датированы VI–V вв. до н.э.³, а сама эта колония определена как древнейшая во всем Северном Причерноморье. Расширение археологических изысканий поставило на повестку дня необходимость полномасштабного издания всех свидетельств античных писателей о греческих городах и местных народах в этом регионе античного мира. Этот труд взял на себя В.В. Латышев, который самолично или при участии других крупных отечественных филологов-классиков перевел многочисленные известия греческих и римских авторов, объединив их в многотомные своды под названием «Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе» (г. Санкт-Петербург, 1896–1906) Археологические исследования, увенчавшиеся важными находками строительных остатков, керамики, терракот, надписей, позволили приступить к обобщению и изданию разнообразных материалов, прежде всего, памятников эпиграфики. И. Помяловский издал «Сборник греческих и латинских надписей Кавказа» (г. Санкт-Петербург, 1881), однако основная заслуга в опубликовании такого рода источников принадлежит тому же акад. В.В. Латышеву. Составленный им при участии М.И. Ростовцева и других российских ученых свод надписей «Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae, vol. I–II (Petropoli, 1900–1901, vol. I, 1916) до сих пор является незаменимым источником по истории, религии, культуре, военному делу эллинов и римлян в Северном Причерноморье. Благодаря появлению подобных изданий удалось определить местоположение древних городов, выявить характер общественно-политического строя греческих полисов, обозначить полисную систему магистратур и высших органов власти, поставить вопрос о монархической и тиранической власти в некоторых государствах региона, раскрыть значение религии и культов.

Классификация керамики и терракотовых статуэток, обнаруженных в античных центрах Северного Причерноморья, позволила относительно точно датировать время существования городов

² О роли и научном вкладе Б.В. Фармаковского в изучение Ольвии см. Карасев А.Н. 1976, 13–21. О результатах его раскопок Ольвии см.: Фармаковский Б.В. 1902, 1–20; 1903, 1–113; 1906, 1–32; ОАК 1904–1912.

³ ОАК 1904–1910; ЗООИД 1900, 22, 1–21; 1901, 23, 88–91; 1904, 25, 97–100.

и поселений. Публикация античных монет, предпринятая в 1884 г. П.О. Бурачковым, и их исследования А.Л. Бертье-Делагардом дали толчок изучению внутренней торговли, экономики и государственных институтов в античных центрах⁴. По результатам этих исследований, а также раскопок курганов и некрополей как в прибрежной, так и в степной зонах, в российской науке обозначились два основных подхода к изучению античной истории и культуры в древнем Причерноморье. Первый можно охарактеризовать как сугубо греко-фильский или греко-центристский, когда во главу угла ставились исключительно эллинские институты и традиции. Их воспринимали как ведущую силу при создании античной государственности, складывании социально-политических отношений и при формировании религиозной идеологии и культуры⁵. Наиболее ярким примером такого подхода являются работы Б.В. Фармаковского и В.В. Латышева, посвященные истории Ольвии⁶, исследования Э.Р. фон Штерна о греческой колонизации, политической и социальной структуре эллинских колоний на северном берегу Черного моря, также преимущественно на примере Ольвии⁷. Другим более разносторонним в историософском плане подходом следует считать работы М.И. Ростовцева, который рассматривал историческое развитие античных государств Северного Причерноморья в тесном взаимодействии с местными племенами и их культурными ценностями. Он не мыслил исследования социально-экономических и политических отношений в античных государствах Северного Причерноморья (и не только) вне их тесного переплетения с традициями племенного мира скифов, сарматов, синдо-меотов, а подчас и прямой от них зависимости. Для этого он инициировал раскопки курганов, тщательно изучал материал из курганных захоронений, прочие следы погребального культа у эллинов и варваров, а также декоративную живопись погребальных склепов Боспора⁸. Подводя итоги деятельности российской археологии на почве исследования античных древностей Северного Причерноморья и наметив основные ее задачи на будущее, М.И. Ростовцев писал, что в этой области знаний следует сделать следующее: продолжать систематическое археологическое исследование греческих городов, попытаться обнаружить

⁴ Бурачков П.О. 1884; Бертье-Делагард А.Л. 1907.

⁵ См., например, работы И.И. Толстого и особенно: Толстой И.И. 1918.

⁶ Фармаковский Б.В. 1915; ср. Латышев В.В. 1887.

⁷ Stern E. von 1909, 139–152; ср. также Herms. 1915. 50, 161–224.

⁸ Ростовцев М.И. 1912; 1914; 1918; 1925.

догреческие поселения на месте эллинских колоний, проводить исследования на негреческих городищах в Поднестровье, Побужье, Поднепровье, Прикубанье, Поволжье, проводить раскопки курганных захоронений⁹.

Таким образом к 1917 г. в российской антиковедческой науке были поставлены или в общих чертах намечены, но окончательно не решены, такие важные проблемы истории античного Причерноморья, как эллинская колонизация, ее характер и причины, эллинизация, иранизация и варваризация населения, что впоследствии войдет в науку как проблема сарматизации, развитие полисного строя и его кризис, особенности государственного строительства и формы монархического правления на примере Скифии, Сарматии и Боспора¹⁰.

Все эти проблемы и вопросы волновали исследователей и вызвали у них интерес и в последующее время. Актуальны они и в современную эпоху. Так, по-прежнему в центре внимания остается проблема древнегреческой колонизации Причерноморья. Особенно привлекательным для ученых, главным образом для тех, кто работал в советское время, является такой сложный вопрос, как первые контакты жителей Восточного Средиземноморья с причерноморскими странами, в том числе в доколониционную эпоху во II тысячелетии до н.э. Отголоски первых путешествий греков (или их предшественников – ахейцев) в Черное море сохранились в гомеровском эпосе¹¹, а также в мифе об аргонавтах, который повествует об их плавании к берегам Колхиды за золотым руном¹². Первые плавания в Черное море, в представлении древних на край света и в обитель мертвых, совершали выходцы из Финикии и Кари: греческая традиция приписывает финикийцам торговлю с местными племенами, а карийцев считает первыми, кто основал по берегам Черного и даже Азовского морей ряд поселений. Представители российской дореволюционной школы антиковедения при-

⁹ Ростовцев М.И. 1925; см. также: Жебелев С.А. 1923, 150.

¹⁰ О достижениях российской науки в изучении причерноморской античности до 1917 г. и в первые годы Советской власти см.: Жебелев С.А. 1923, 98–193; 1955, 13–22; об этапах изучения истории и развития археологии Боспора см. Виноградов Ю.А. 2012, 3–359. об истории археологического изучения Фанагории с конца XVIII в. до 1940 г. см. Засторожнова Е.Г. 2013, 3–28.

¹¹ Иванчик А.И. 2005, 18 сл.; 2008, 105–112; Подосинов А.В. 2012, 74.

¹² Lordkipanidze O. 1996, 21–46.

нимали эти свидетельства за аксиому¹³, хотя прямых доказательств реальности этих фактов в науке не существовало. Поэтому перед советской наукой, особенно в 1930–1940-е годы, была поставлена задача выявить так называемые «доколониционные контакты» греков с местным населением, поскольку существовала идеологическая установка – показать преобладающую в сравнении с греками роль местных народов в создании очагов древней культуры и государственности на юге бывшего СССР¹⁴. Однако, несмотря на развитие классической археологии и расширение стационарных раскопок на античных памятниках в советское и постсоветское время, никаких следов пребывания финикийцев и карийцев в Северном Причерноморье обнаружено не было, хотя в греческих источниках сохранились упоминания тех мест, где якобы побывали карийцы. На этом основании данные античной традиции о доколониционных связях греков с варварскими племенами на северном берегу Черного моря в современной науке резонно оспариваются¹⁵.

В настоящее время общепринято, что активное освоение черноморского побережья в ходе Великой греческой колонизации предприняли ионийцы – выходцы из Милета и соседних областей Ионии и Эолии. Этот факт был отмечен еще в российской дореволюционной науке, а также в болгарском и румынском антиковедении. Однако вплоть до второй половины XX в. исследователи еще не обладали всей полнотой археологических свидетельств о раннем периоде развития эллинских колоний, что особенно ярко проявлялось при попытках определить точное время возникновения крупнейших греческих причерноморских городов. Долгое время даты их основания брали приблизительно – VI в. до н.э. Но после того, как в результате расширения археологических изысканий был накоплен достаточно богатый материал, главным образом в виде находок архаической керамики, дата основания различных греческих полисов определена достаточно точно. К настоящему времени твердо установлено, что в середине – третьей четверти VII в. до н.э. (657 г. до н.э.) возникла милетская колония Истрия в дельте Дуная¹⁶, приблизительно тогда

¹³ Rostovtzeff M.I. 1922, 65; Жебелев С.А. 1953, 51, 196.

¹⁴ Иессен А. 1947, 51; Гайдукевич В.Ф. 1949, 228, 229; Блаватский В.Д. 1954, 8.

¹⁵ Шелов Д.Б. 1970, 45; Брашинский И.Б. 1981, 84; Качарава Д., Квирквелия Г. 1991, 123.

¹⁶ Блаватская Т.В. 1952, 23; Alexandrescu P. 1962, 49–69; Alexandrescu P., Schuller W.(eds.) 1990, 9–102.

же (или немного ранее) на южный берег Понта была выведена милетская колония Синопа¹⁷. Чуть позднее в конце столетия были основаны Аполлония Понтийская на юго-восточном побережье Фракии¹⁸ и Борисфенида (Березань) в устье Днепра и Южного Буга¹⁹. В начале VI в. до н.э., главным образом на протяжении первой четверти этого столетия, древние греки основали такие города, как Одесс²⁰, Томы на западном берегу Черного моря²¹, Амис – фокейскую колонию в Юго-Восточном Причерноморье, а также Никоний и Ольвию в Северо-Западном Причерноморье, Пантикапей, Нимфей, Мирмекий, Гермонасса на северном побережье, впоследствии ставших центрами Боспорского государства. В середине-второй половине VI в. до н.э. в Северном Причерноморье были основаны Керкинитида, Фанагория, Феодосия, Тиритака, Порфмий, Патрей, Кепы, Тирамба и предположительно Тира, а в юго-восточном секторе Черного моря город Трапезунт²². В греческой колонизации Понта, помимо ионийцев из Милета, принимали участие выходцы из Митилены на Лесбосе, Теоса, Абдер, Самоса, Фокеи²³. В дорийской зоне колонизации на Западном Понте в конце VI в. до н.э. возникли такие полисы, как Месембрия, выведенная выходцами из Мегар и ее колоний Византия и Калхедона²⁴, а также Каллатис, основанный переселенцами из Гераклеи Понтийской²⁵. Последний город, расположенный на южном берегу Понта, основанный ок. 554 г. до н.э. переселенцами из Мегар, Беотии и Фессалии, имел еще одну колонию – Херсонес Таврический в Юго-Западном Крыму. Этот крупный центр античной греческой и средневековой византийской культуры всегда привлекал внимание российских исследователей, которые в свое время высказывали точку зрения, что до прихода дорийских греков там могла существовать якорная стоянка, появившаяся еще в VI в. до н.э. Это предположение основывалось на находках незначительного количества греческой чернолаковой и расписной керамики, датированной этим периодом времени. Однако активное

¹⁷ Максимова М.И. 1956; Ivantchik A.I. 1998, 297–330.

¹⁸ Panayotova K. 1998, 97; Lazarov M. 1998, 86–89.

¹⁹ Solovyov S.L. 1999.

²⁰ Тончева Г. 1967.

²¹ Stoian I. 1961, 245–250; 1962.

²² Koshelenko G.A., Kuznetsov V.D. 1998, 249–264; Tsetskhladze G. 1994, 115–124.

²³ Кузнецов В.Д. 1991, 31–37.

²⁴ Velkov V. 1969, 15; Lazarov M. 1998, 90.

²⁵ Avram A. 1999, 9–22; Сапрыкин С.Ю. 2011, 146–149.

археологическое изучение северо-восточного района древнего Херсонеса, где были выявлены остатки древнейших его слоев, показало, что этот полис был основан не ранее второй – третьей четверти V в. до н.э., и эта дата сейчас находит все большее подтверждение на основании находок керамики и терракот²⁶. Исследователям из СССР и Грузии удалось более менее точно определить время появления греков в Восточном Причерноморье, где самая ранняя греческая керамика датируется второй четвертью VI в. до н.э. На этом основании было выдвинуто предположение, что греческие полисы в этом регионе – Диоскуриада, Фасис, Гиэнос – могли возникнуть ближе к середине – второй половине VI в. до н.э.²⁷

Изучение практики и направлений греческой колонизации Причерноморья, предпринятое исследователями из бывшего СССР, показало, что эллинские мореходы осуществляли плавания, главным образом, вдоль побережья, в связи с чем греческим переселенцы всегда выбирали удобные и пригодные для проживания места – бухты и заливы, которые можно было использовать для гаваней и портов. Они присматривались к местным племенам и высаживались преимущественно там, где открывалась возможность наладить торговый обмен. Первые колонии греков возникали на островах и мысах, в устьях рек, по которым можно было проникать во внутренние районы и вести торговлю с туземным населением. Не менее серьезным делом было выбрать для проживания такой район, где имелись условия для активного занятия земледелием. Там первопоселенцы старались разбивать участки

²⁶ Долгое время основание Херсонеса Таврического справедливо датировали ок. 422 г. до н.э. (Ростовцев М.И. 1925, 32; Томенев А.И. 1938, 251; Белов Г.Д. 1948, 34; Щеглов А.Н. 1976, 11; Сапрыкин С. Ю. 1997, 69–72). После раскопок в северо-восточном районе городища появился материал, который позволил некоторым исследователям удревнить эту дату до времени не позднее чем конец VI в. до н.э. (подробно см.: Золотарев М.И. 1993; Vinogradov Ju.G. 1997, 397–419; ср. Буйских А.В. 2008). Однако тщательный анализ керамики, остраконов, монет и градостроительной структуры вкупе с ситуацией в Юго-Западном Крыму к моменту возникновения города дали веские аргументы против этого предположения и в пользу более поздней даты появления дорийской колонии, а именно середина – рубеж третьей и последней четверти V в. до н.э. (Стоянов Р. 2007, 125; Тохтасьев С.Р. 2007, 110; Буйских А.В. 2008; Сапрыкин С.Ю. 2011, 151–154).

²⁷ Лорджипанидзе Г.А. 1978; Лорджипанидзе О.Д. 1979а; Tsetskhladze G. 1992, 213–258.

земли, чтобы выращивать урожай не только для прокормления своих семей, но и для вывоза.

Исследователи ранее предполагали, что, прежде чем вывести колонии, которые через какое-то время превращались в полисы, греки основывали эмпории или торговые фактории по преимуществу там, где к приходу эллинов местные племена достигли высокого уровня экономического развития, позволявшего вступать в торговые контакты. Отдельные находки родосско-ионийской керамики второй половины VII в. до н.э. на Березани, на Боспоре и в прилегающих районах воспринимались как доказательство того, что греки поначалу основывали торговые фактории. При этом считалось, что ранняя торговля затронула лишь верхушку местных племен, в основном киммерийцев, синдов, меотов и скифов²⁸. Эту идею выдвигали еще некоторые представители российского антиковедения до 1917 г., но наиболее настойчиво ее отстаивали исследователи советской научной школы²⁹, а вслед за ними и ученые из стран «народной демократии». Болгарские коллеги, например, полагали, что высокий уровень экономики фракийских племен стимулировал освоение древними греками побережья Фракии, поскольку это открывало возможность осуществлять активный торговый обмен с племенами, достигшими высокого уровня развития. Вследствие этого болгарские и некоторые советские исследователи отстаивали идею, будто греческие колонии во Фракии появились на месте поселений фракийцев³⁰. Однако данную идею наиболее активно подхватили и стали развивать грузинские ученые, в том числе представители советской науки. Они предполагали, что эллинские колонии на побережье Колхиды первоначально функционировали как эмпории или торговые поселения, поскольку высокий уровень развития государства в Колхиде препятствовал их превращению в полисы³¹. Таким образом в науке была сформулирована так называемая «эмпориальная теория» и одновременно появилась связанная с ней «теория двусторонней колонизации». Этим советские ученые стремились доказать, что становление государственности и общественных отношений у местного населения

²⁸ Иессен А.А. 1947; Книпович Т.Н. 1935, 106.

²⁹ Иессен А.А. 1947, 76; Белов Г.Д. 1948, 32; Блаватская Т.В. 1952, 19; Блаватский В.Д. 1954, 16; 1959, 11; 1964, 15–23.

³⁰ Velkov V. 1988, 269–271; ср. Фол А., Димитров (ред.) 1984, 97 сл.; ср. Блаватская Т.В. 1952, 20–22.

³¹ Болтунова А.И. 1963, 155; ср. Лорджипанидзе О. Д. 1977; 1979, 193.

не могло происходить без воздействия греков и наоборот – высокий уровень социально-экономического развития некоторых варварских племен стимулировал подъем экономики и культуры в античных государствах Причерноморья³². В русле основных положений этих теорий получила достаточно большую популярность точка зрения о совместном проживании представителей местного населения и греков в эллинских апоijkиях³³. В качестве одного из решающих доказательств этого по традиции рассматривали ранние жилища первых колонистов – землянки и полуземлянки, которые было принято трактовать в качестве показательных образцов раннего варварского домостроительства³⁴. Среди других аргументов в пользу идеи о присутствии варваров в среде первопоселенцев-греков фигурировали погребения со скорченными костяками в некрополях некоторых крупных греческих городов³⁵, а также находки оружия – стрел, наконечников копий, мечей. Не менее важным фактором, использованным сторонниками активного варварского проникновения в эллинскую среду, являлась лепная керамика, которая обильно представлена в культурных слоях греческих городов, сельских усадеб и поселений. Ее во многом еще по традиции, уходящей корнями в до-революционную эпоху, считали изготовленной варварским населением, не знавшим гончарного круга³⁶.

В настоящее время многие из этих положений пересмотрены, а те, которые еще имеют своих сторонников, в методологическом отношении устарели. Это относится, например, к земляночным и полуземляночным жилищам, которые после углубленных археологических исследований ранних слоев Ольвии, Пантикапея, Мирмекия, Фанагории рассматриваются ныне как дома первых греческих колонистов³⁷, а архаические погребения с оружием в их некрополях приписываются эллинам³⁸. Исследователи почти единодушны в том, что к моменту прибытия греков на северный берег Понта Эвксинского там практически отсутствовало местное оседлое население, за исключением, быть может, Таманского полуост-

³² Сокольский Н.И., Шелов Д.Б. 1959, 48–54; Златковская Т.Д. 1971, 21.

³³ Гайдукевич В.Ф., Капошина С.И. 1951, 162–187; Иванова А.П. 1951, 188–203; Китович Т.Н. 1955, 178–187.

³⁴ Соловьев С.Л. 1995, 121–132.

³⁵ Капошина С. И. 1956, 230.

³⁶ Марченко К.К. 1988, 107–121; 2005, 62.

³⁷ Крыжицкий С.Д. 1993, 41.

³⁸ Лапин В.В. 1966, 206–208; Зубарь В.М., Сон Н.А. 2007, 19.

рова и Синдики. Этот факт не согласуется ни с эмпириальной теорией ни с теорией о двусторонности колонизации, также как и с развитием доколониционных торгово-коммерческих связей эллинского мира и варварских племен. Он полностью противоречит основным постулатам приверженцев «двусторонности» колонизации, в частности, их тезису о совместной заинтересованности варварской аристократии и греческих торговцев в освоении побережья Черного моря. В восточном его секторе, как оказалось, греки столкнулись не с сильным Колхидским царством, что предполагали некоторые исследователи, а с достаточно рыхлым и слабым политическим образованием колхов, у которых только лишь наметился переход от племенного строя к раннему государству³⁹. Что до совместного проживания эллинов-колонистов и местного населения, то серьезный удар по этому тезису, который отстаивали многие исследователи из СССР, Болгарии и Румынии, был нанесен планомерным и обстоятельным изучением греческого некрополя в Пичвнари на западном побережье Грузии. Оно убедительно показало, что первые греческие поселенцы на побережье Колхиды (и, надо думать, в других местах) предпочитали селиться обособленно, хотя и поблизости от местного населения⁴⁰. Тем не менее, болгарские и румынские ученые по-прежнему настаивают на значительном участии фракийцев в жизни ранних греческих поселенцев на побережье Фракии и Добруджи, а крупные поселения греков типа Истрии, Каллатиса, Томи и Одесса на раннем этапе их развития характеризуют как «торжища»⁴¹.

Современная наука убедительно доказала, что освоение берегов Понта Эвксинского было вызвано объективными экономическими и политическими условиями становления полисов в Восточном Средиземноморье. Эмпориев, первых торговых факторий-торжищ и даже колоний, выведенных с чисто торговыми целями, в древнем Причерноморье не существовало. Греческие апоijkии возникли не в результате торгового обмена с племенным миром, а появились как организованные анклавные во главе с предводителями групп колонистов. По прибытии на место переселенцы приступали к освоению территории, наделяя себя и последующих колонистов-эпоijkов участками земли, что было непременным условием воз-

³⁹ Воронов Ю.Н. 1979, 274–279.

⁴⁰ Кахидзе А.Ю. 1975, 92сл.

⁴¹ Тончева Г. 1956, 51–60; Danov Ch. 1960, 73–90; Pippidi D. 1984, 108–118.

никновения любой греческой колонии⁴². Торговый обмен считался задачей вторичной, он выходил на передний план уже после переселения, когда новооснованная община самоорганизовывалась и приступала к налаживанию условий для стабильного проживания. Торговля развивалась после освоения колонистами окрестных земель, ее осуществляли греческие купцы через своих посредников в уже ранее основанных поселениях. В этом плане большое значение имеет изучение античного импорта на поселениях оседлого населения лесостепной зоны Украины. Распространение там греческой керамики в конце VII – первой четверти V в. до н.э. за много километров от прибрежной зоны в Нижнем Поднепровье и Нижнем Побужье было бы невозможно без организации греческих поселений на Березани и в Ольвии⁴³ и создания их ранней хоры. Однако их основание никак не связано с необходимостью такой торговли, поскольку главной задачей колонистов было обеспечить себя землей.

Другой важной и сложной проблемой, которая стояла и по-прежнему стоит перед отечественной наукой, является процесс становления и развития полисов в древнем Причерноморье. Он напрямую связан с превращением греческих апоекий в полисы, созданием полисной хоры и взаимодействием с местным населением. До середины прошлого века этот аспект развития древнегреческой цивилизации был только поставлен в дореволюционной русской и советской науке, однако решения его так и не было найдено. Дело в том, что для этого не имелось необходимой источниковой базы – археологическое исследование городов только набирало темп, а раскопки на сельской территории практически не осуществлялись. В связи с недостаточностью археологического материала в историографии на передний план выводились два главных фактора, которые рассматривались в качестве основы для развития эллинской, т.е. полисной, цивилизации в Причерноморье. Во-первых, это политический, социальный и государственный строй греческих городов, культурные и религиозные традиции эллинизма, заимствованные из метрополии⁴⁴. Во-вторых, – роль местных обществ, их воздействие на эллинов и влияние эллинизма на туземные племена. Российская и советская историческая наука

⁴² Латин В.В. 1966; Кошеленко Г.А., Кузнецов В.Д. 1992, 6–28; Košelienko G.A., Kuznetsov V.D. 1998, 249–264.

⁴³ Ильинская В. А., Тереножкин А.И. 1983, 230–265.

⁴⁴ Беккер П. 1854, 255–309; Латышев В.В. 1887; 1909.

активно разрабатывала именно этот последний аспект большой проблемы, главным образом, путем привлечения материалов из Скифии, Меотики и Синдики⁴⁵, а болгарские и румынские исследователи осуществляли это на примере гетов и фракийцев. В работах, посвященных Фракии и Гетике, упор делался на значительное влияние местной культуры, что подчас преувеличивалось⁴⁶. При этом постулировалась идея о преобладании торгово-экономических интересов фракийцев и гетов над объективными процессами социально-экономического развития греческих полисов⁴⁷. В XIX и начале XX в. историки и археологи стремились изучать отдельные эпизоды из истории греческих полисов, в основном их политическое положение в системе местных варварских государств и эллинистических государственных образований. Не обходили они стороной и внешнюю политику и культуру. Такой же подход к проблеме развития полисов, но с учетом специфики северопонтийского региона, был характерен и для российских и советских исследователей, которые выдвигали на передний план заинтересованность варваров в становлении экономики греческих государств⁴⁸.

В 1911–1916 гг. М.И. Ростовцев впервые отметил важность раскопанных Н.М. Печенкиным остатков земельных участков на хоре Херсонеса Таврического для понимания полисной структуры этого античного центра. Он же наметил основные задачи в изучении Северо-Западного Крыма, где располагалась «дальняя» хора Херсонесского полиса⁴⁹. Регулярные археологические раскопки на хоре Херсонеса и других античных городов Северного Причерноморья начались только в середине-второй половине XX в. и после этого все явственнее стало вырисовываться прямое влияние греков на развитие местных обществ. В настоящее время картина становления греческих полисов в Северном Причерноморье предстает в отечественной науке в следующем виде.

В ионийской зоне колонизации в Северо-Западном Причерноморье имело место стихийное или «кустовое» заселение обширных территорий, где отсутствовало оседлое туземное население. Это давало возможность грекам осваивать широкие пространства

⁴⁵ Каллистов Д.П. 1952, 5–10; Блаватский В.Д. 1964а; 1964б.

⁴⁶ Pârvan V. 1928.

⁴⁷ Данов Х. 1947; 1982.

⁴⁸ Соколовский Н.И. 1961, 123–136.

⁴⁹ Ростовцев М.И. 1916, 8; 1925, 130. Подробнее см. Кутайсов В.А. 2011, 34, 35.

для ведения земледельческого хозяйства. Поначалу первopоселенцы обитали в небольших поселках типа сельских общин, так как это были в основном выходцы из беднейших слоев населения аграрных регионов Ионии, вынужденные выселиться в результате социальных противоречий и угрозы со стороны Лидии и Персии. Эта модель колонизации была свойственна в основном Нижнему Поднестровью и Нижнему Побужью⁵⁰. В других районах, где проживало оседлое земледельческое население, греки получали землю по договору с местными царями или вождями племен и были вынуждены проживать в близком соседстве с туземными сельскими общинами, как это было на Боспоре⁵¹ и во Фракии, где греческие колонии могли быть основаны на месте фракийских поселений или в ближайшем с ними соседстве⁵². Эллинам-дорийцам приходилось подчинять окрестное население силой, изгоняя местные племена с насиженных мест и даже закабалая ранее появившихся до них ионийцев. Эти особенности наложили отпечаток на развитие полисной жизни⁵³. Одна группа исследователей выдвигает предположение, что при превращении апойкий в полисы важную роль играли представители местного населения, повсеместно вливаясь в формировавшиеся гражданские полисные общины, как, например, в Ольвии⁵⁴. Эту идею пытаются обосновать находками лепной керамики, которую рассматривают в качестве местной продукции. Другие считают, что лепная керамика, которую находят при раскопках греческих поселений, производилась на месте греками, еще не освоившими навыков производства посуды на гончарном круге. Вопрос этот недостаточно выяснен. Некоторые типы лепной посуды, не повторяющие традиционные варварские формы, могут условно относиться к греческой продукции, а те сосуды, орнаментация которых восходит к традициям предскифского и раннескифского времени, могли принадлежать варварскому населению, проживавшему на некоторых поселениях как до прихода греков, так и в первые годы функционирования апойкий⁵⁵. Ряд образцов лепной

⁵⁰ Крыжицкий С. Д. и др. 1999.

⁵¹ Виноградов Ю. А. 2005, 221–225.

⁵² Блаватская Т. В. 1952, 20 сл.; Качарова Д. Д., Квирквелия Г. Т. 1991, 29 (Аполлония), 156 (Месембрия).

⁵³ Сапрыкин С. Ю. 2011, 128–161.

⁵⁴ Капошина С. И. 1956, 154–189; Мурзин В. Ю. 1984, 45; Марченко К. К. 2005, 63.

⁵⁵ См., например, комплексы лепной посуды с Березани: Соловьев С. Л. 1985, 31–39; Сенаторов С. Н. 2005, 184.

керамики мог быть изготовлен в самих греческих городах представителями варварского окружения⁵⁶. Но при этом следует иметь в виду следующее: упомянутые выше результаты исследований в Пичвнари вместе с данными литературной традиции о скифах и Ольвии, скифах и раннем Пантикапее, греках-гераклеотах и мариандинах показывают, что на раннем этапе превращения апойкий в полисы и при становлении полисов как государственных образований местное население не составляло существенной части их обитателей. Об этом свидетельствует крайняя малочисленность варварских имен в полностью эллинистическом ономастиконе Ольвии V в. до н.э.⁵⁷ и незначительное количество фрагментов лепных лощеных сосудов тавров в эллинистических слоях города и на усадьбах Херсонеса.

Полисные гражданские общины в причерноморских колониях греков сложились по прошествии 70–80 лет после основания. На протяжении второй половины-конца VI – начала V в. до н.э. там происходили процессы выделения знати и обезземеливания граждан, в связи с чем обострялась политическая борьба. К тому же прибывавшие новые переселенцы не имели возможности обеспечить себя землей, что делало их пребывание в колониях-полисах в правовом отношении нелегитимным по причине отсутствия имущественного ценза. Это заставляло эпойков (более поздних колонистов) выселяться из колоний на новые места, что стало причиной так называемой «вторичной колонизации». Благодаря этому в Причерноморье появилось огромное количество поселений, расширился ареал распространения греческой культуры. Ряд поселений на северо-западном побережье вплоть до современного города Одесса основала Истрия, несколько «малых» городков на востоке Керченского полуострова было выведено Пантикапеем и Нимфеем, Синопа заселила почти всю прибрежную зону к востоку от полуострова Инджебурун вплоть до Южной Колхиды, а Херсонес Таврический создал ряд крупных поселений в Северо-Западном Крыму вплоть до перешейка и Бакальской косы.

Основание небольших прибрежных городов диктовалось объективными условиями превращения греческих колоний в полисы, а также необходимостью обеспечить граждан землей. Существенную роль играло и стремление наладить взаимовыгодный торговый обмен с местными племенами, что особенно наглядно демон-

⁵⁶ Савеля О. Я. 1970, 48–50.

⁵⁷ Виноградов Ю. Г. 1981, 131–148.

стрируют греческие полисы на побережье Фракии, отчасти в Колхиде (Диоскурия). Эти факторы, но главным образом формирование полисов и их аграрной округи, способствовали расширению подвластных полисам территорий, где можно было вести земледельческое хозяйство, строить сельские усадьбы, основывать торговые фактории, распространять власть на оседлых местных земледельцев-общинников, превращая их в зависимое и полузависимое население. Все крупные полисы, а также более мелкие города на их аграрной периферии, обладали такими земельными владениями, которые подпадали под общее понятие «полисная хора». Создание полисных общин или городов-государств с подвластной окрестной территорией происходило на протяжении жизни приблизительно двух поколений греческих колонистов. И только после того, как колонии-апойки стали полисами с собственной аграрной округой, начался процесс втягивания местных племен, поначалу исключительно племенной аристократии, в ареал распространения греческой цивилизации. Одновременно наметился процесс оседания части варваров на хоре, когда отдельные группы бывших скифов-кочевников стали превращаться в оседлых земледельцев, о чем свидетельствуют скифские селища во внутренних районах Керченского полуострова («дальняя хора» Пантикапея?)⁵⁸.

На западном побережье Черного моря к эллинским поселениям примыкали владения фракийских племен, которые во главе с одрисами уже в V в. до н.э. сформировали государство с сильными пережитками племенного строя. На северном побережье греки столкнулись сначала с киммерийцами – племенами, происхождение которых недостаточно выяснено, а с VII в. до н.э. со скифами. На Северном Кавказе эллины соприкасались с синдами и меотами, населявшими Таманский полуостров, восточное побережье Азовского моря (Меотийское озеро, Меотида). Южнее, на пространстве черноморского побережья между гг. Новороссийском (древние Баты) и Сухумом (Диоскуриада), проживали племена ахейцев, зигов, гениохов. Находясь на стадии «дикости» или примитивных общественных отношений, они обогащались не за счет собственного труда, а благодаря пиратству. В Восточном Причерноморье проживали колхи, государство которых было слабым по причине сильных пережитков племенного деления. Поэтому гипотезы о том, что греческие колонии и полисы в Колхиде (Диоскуриада,

⁵⁸ Масленников А.А. 1998, 77–95.

Фасис, Пичвнари) являлись исключительно торговыми, поскольку Колхское царство было достаточно сильным и поддерживало исключительно коммерческие связи с эллинами, в настоящее время представляются несостоятельными. Греческие города в Колхиде являлись полисными центрами, как и в других районах Причерноморья⁵⁹. В Южном Причерноморье греки столкнулись с достаточно развитыми племенами севера Малой Азии – каппадокийцами, пафлагонцами, халибами, моссинойками, мариандинами, тибаренами, колхами и другими. Некоторые из них находились на стадии развития ранней государственности, другие жили родоплеменным строем, третьи развивали ремесла, особенно кузнечное дело и металлургию, занимались посреднической торговлей (халибы)⁶⁰. Но везде, где греки проживали бок о бок с местным населением, оно втягивалось в торговые отношения с ними, оседало на земле (если это были кочевые народы) или продолжало заниматься аграрным производством, но уже в качестве обитателей полисной хоры под контролем полисных властей (Гераклея и мариандины, Херсонес и тавры, Пантикапей и скифы, Истрия и геты и т.д.).

Усиление скифов в конце VI–V вв. до н.э. в Северном Причерноморье и Одрисского государства во Фракии в V–IV вв. до н.э. не могло не повлиять на развитие греческих полисов и не отразиться на внутренних социальных процессах у местных племен. Это было время организации полисной хоры в греческих государствах Причерноморья, происходившей различными путями. Согласно концепции М.И. Ростовцева, к приходу в Северное Причерноморье греков там господствовали киммерийцы, а со второй половины VII в. до н.э. кочевники-скифы. Они создали мощную державу в междуречье Дона и Днепра, поэтому эллины довольно рано вступили в тесное взаимодействие с ними. В результате часть скифской аристократии приобщалась к греческим обычаям, заказывала у греческих ремесленников различные изделия, включая парадное и ритуальное оружие, а некоторые ее представители даже стали проживать в греческих полисах. С III в. до н.э. могущество Скифии быстро слабело, а значение эллинских государств возрастало. Причиной этого стало нашествие сарматов, вытеснение скифов из степей междуречья До-

⁵⁹ Tsitskhladze G.R. 1992, 213–258; Цецхладзе Г.Р. 1997, 100–116; 1998, 87–97.

⁶⁰ Максимова М.И. 1956, 118–145; Гозалишвили Г. 1967, 27; Сапрыкин С.Ю. 1981, 9 сл.; Фролов Э.Д. 1981, 22–33; Сапрыкин С.Ю. 1991, 241–254.

на и Днепра в Крым, вследствие чего усилилось влияние иранских (сарматских, синдо-меотских) традиций в прибрежных греческих полисах, которое достигло наивысшего уровня к рубежу нашей эры и особенно в императорскую эпоху⁶¹.

Данная концепция длительное время оставалась популярной среди отечественных антиковедов. Исследователи предполагали, что почувствовавшие в это время силу местные племена оказывали давление на греческие города с целью подчинить их своей власти. Это приводило к активному участию местного населения в политической, экономической и социальной жизни полисов вплоть до установления варварского протектората над греками и даже насаждения в некоторых полисах тирании наподобие той, которая была установлена в малоазийских сатрапиях Ахеменидской державы. В русле вышеизложенной концепции в науке прочно устоялось мнение, что Боспорское царство уже в 480 г. до н.э. сформировалось как греко-варварское государство в связи непосредственной угрозой скифов⁶². Некоторые исследователи советской школы стали даже утверждать, что Ольвия, Херсонес, Истрия, Каллатис и Боспор, включив в V–IV вв. до н.э. в состав своей обширной хоры варварские анклавы, превратились в государства, напоминавшие по характеру эллинистические царства Переднего Востока⁶³. В контексте этих идей возникла аксиома, принятая как истина в последней инстанции, что будто бы на Боспоре при Спартокидах уже с V в. до н.э. существовала царская земельная собственность⁶⁴. Это дало основание для формулирования своеобразной концепции о протоэллинизме или предэллинизме в Причерноморье, которая сводилась к тому, что там задолго до греко-македонского завоевания Востока якобы сложилась социально-экономическая и политическая ситуация, характерная для античного мира в эпоху классического эллинизма⁶⁵.

На современном этапе развития антиковедения эти гипотезы считаются ошибочными, особенно теория протоэллинизма⁶⁶. Фор-

⁶¹ Ростовец М.И. 1918, 33–121; Rostovtzeff M.I. 1922, 61 ff.

⁶² Vinogradov Ju.G. 1997, 100–132.

⁶³ Жебелев С.А. 1953, 158.

⁶⁴ Кругликова И.Т. 1975; Масленников А.А. 1998, 66 сл.

⁶⁵ Блаватский В.Д. 1985, 95–132; ср. Сокольский Н.И. 1955, 199–204; Сокольский Н.И., Шелов Д.Б. 1959, 61; Сокольский Н.И. 1961, 123–136; Фролов Э.Д. 1996, 56–58.

⁶⁶ Шелов-Коведяев Ф.В. 1985, 182–186; 1985а, 320–333.

мирование хоры греческих городов осуществлялось различными путями. В Ольвии урбанизация поначалу привела к сокращению аграрной округи в V в. до н.э., а с начала IV в. до н.э., наоборот, вызвала бурный ее рост и активное функционирование до рубежа первой – второй четверти III в. до н.э. К тому же выяснилось, что никакого скифского протектората над ольвиополитами не было, а город развивался по классическим канонам становления эллинских полисов. Гераклея Понтийская, Херсонес Таврический, Истрия, Каллатис, Аполлония Понтийская, Одесс, Амис и прочие города обустроивали хору в процессе развития полисных отношений, расширяя округу и втягивая в сельскохозяйственное производство оседлое население, которое выплачивало часть урожая за право возделывать землю, находившуюся в собственности полисного коллектива граждан. На Боспоре собственную хору имели несколько полисов, однако Пантикапей, крупнейший эллинский центр в Причерноморье, начал активную экспансию и к концу V в. до н.э. сформировал достаточно обширную сельскую округу полисного типа, которая, как и в других крупных полисах, делилась на «ближнюю» и «дальнюю». Помимо Пантикапея, собственной хорой обладали Нимфей, Феодосия, Фанагория, Гермонасса, Тиритака, Мирмекий и другие города, которые на протяжении V – первой четверти III в. до н.э. сохраняли полисную структуру, но с 480 г. до н.э. подчинялись пантикапейским олигархам Археанактидам, а с 438 г. до н.э. пантикапейским же тиранам Спартокидам⁶⁷. Стало совершенно очевидно, что Боспор как симмахия греческих городов по обоим берегам пролива сложился не в 480 г. до н.э., а в конце V – первой четверти IV в. до н.э. и это не было связано со скифской угрозой. Политический и социальный строй на Боспоре по характеру и структуре оставался полисным до конца II в. до н.э.⁶⁸, а земельная собственность подпадала под категорию полисной, поскольку его крупнейшие города имели «ближнюю» и «дальнюю» хору. Боспор, а это политико-административное понятие объединяло исключительно эллинские города, можно лишь чисто условно называть царством, а говорить о том, что в классическую эпоху это было эллинистическим или протоэллинистическим образованием, вообще неправомерно. Полисный характер социально-экономических отношений и государственного устрой-

⁶⁷ Сапрыкин С.Ю. 2013, 21–46. См. также Сапрыкин С.Ю. 2003, 11–35.

⁶⁸ Завойкин А.А. 2001, 22–28; 2007, 45.

ства в античных государствах древнего Причерноморья в IV в. до н.э., в том числе на Боспоре, не дает оснований характеризовать их как протоэллинистические или приближающиеся к эллинистическим. Это были типичные полисные структуры, включавшие в состав хоры земледельческие племена, составлявшие основу для эксплуатации аграрной периферии под эгидой полисных коллективов во главе с олигархами, демократами или тиранами. Эти особенности развития Боспора позволили поставить под сомнение тезис о царской земельной собственности в этом государстве с начала его существования⁶⁹.

Развитие экономики причерноморских полисов, рост их хоры и появление торговцев, связанных с местными племенами, вызвал заинтересованность знати варварских племен в контактах с греками. В конце VI – первой половине IV в. до н.э. по-соседству с греческими городами Истрией, Пантикапеем, Ольвией, Феодосией, Фанагорией, Гермонассой и другими стали появляться курганные захоронения представителей племенной аристократии гетов, скифов, синдо-меотов. Это произошло не вследствие установления протектората над греками, а в результате прямой заинтересованности варварской верхушки в торгово-политических и даже культурных связях с эллинами. Привлечение оседлого населения в качестве данников греков на хоре полисов открывало возможность для местной элиты извлекать доходы от реализации излишков урожая, выращенного на землях, подвластных полисам. Мы фактически имеем ситуацию, похожую на ту, которая сложилась в южнопонтских полисах в процессе взаимодействия с пафлагонско-персидской аристократией в лице местных династов, ахеменидских сатрапов и персидских царей. Чекан некоторыми скифскими царями (Скилом, Атеем) монет в греческих полисах (Никонии, Истрии, Каллатисе), а также персидских сатрапов-династов (Ариарата, Датама) в Синопе, говорит не в пользу стремления местной знати поставить греков в вассальную зависимость, а исключительно об их желании использовать экономический потенциал полисов для собственного обогащения. Но в случае, если не удавалось договориться, то дело доходило до открытого военного конфликта, как это случилось в 364 г. до н.э., когда возникла война между Гераклеей и Митридатом Персидским, и в 328 г. до н.э., когда начались военные действия между Персидом I и скифами на Боспоре.

⁶⁹ Saprykin S.Ju. 2006, 273–288.

Взаимовыгодные отношения с греками вызвали в племенной среде социальное и имущественное неравенство. Племенная знать не только приобретала товары греческих ремесленников, но и становилась восприимчивее к греческой культуре, невольно втягиваясь в процесс эллинизации. В результате в некоторых областях Причерноморья создавались условия для синкретизма греческой и варварской культур. Об этом убедительно говорят находки ювелирных изделий, парадного оружия и предметов торевтики из элитных курганов в Скифии конца V–IV вв. до н.э.

Объектом многочисленных исследований стал вопрос о кризисе греческих полисов Причерноморья. Факты действительно свидетельствовали о кризисной ситуации, которая сложилась в начале III в. до н.э. Это проявлялось в активизации местных племен, их проникновении на хору полисов, упадке аграрной периферии, обострении социальной и политической борьбы в полисах, росте имущественного и, как следствие, политического неравенства, сокращении торговых связей, в частности, резком снижении хлебного вывоза. Одни ученые настаивают на всеобъемлющем характере кризиса, другие полагают, что он проявлялся во взаимоотношениях с местными племенами в связи с изменением этно-политической ситуации в степной зоне. Господствовало также убеждение, что установление власти Митридата Евпатора в Причерноморье усилило проявление кризисных явлений в экономике и социально-политическом строе античных государств. Не менее важной причиной кризиса считался процесс варваризации греческого населения, коснувшийся практически всех государств в Причерноморье.

В настоящее время данная проблема освещается в несколько ином аспекте. Экономика греческих государств переживала лишь относительный кризис: после кратковременного застоя в первой – третьей четверти III в. до н.э. продолжилось развитие ремесел, торговли, промыслов, в меньшем, чем ранее, объеме осуществлялось аграрное производство. Кризис полисного строя достиг апогея только во второй половине II в. до н.э., когда в Северном Причерноморье расселились сарматские племена. В III–II вв. до н.э. они вытеснили скифов в Крым (Таврику), где сформировалось достаточно сильное Позднескифское государство со столицей в Неаполе (совр. г. Симферополь). Оно объединило ираноязычных скифов и сарматов, тавров и некоторых местных греков, но сохраняло типичные варварские черты, разбавленные эллинским влия-

нием⁷⁰. Оно чисто внешне напоминало эллинистическое царство, так как в социально-экономическом плане на передний план отчетливо выступали прочно закрепившиеся там пережитки племенного деления. Аналогичное государство существовало и в румынской Добрудже (Малая Скифия).

Вопрос о кризисе античных государств тесно связан с проблемой эллинизма в Причерноморье. Эллинизм как конкретно-историческое явление был только частично связан с кризисом полиса, как в Греции. Действительно, и это было установлено еще дореволюционной российской наукой, эллинистические традиции начинают появляться в Северном Причерноморье не ранее 323 г. до н.э., т.е. хронологически это совпадает с эллинистическим периодом в истории Востока. Однако особенностью данного региона было сохранение специфических эллинистических традиций в регионе (особенно на Боспоре и отчасти во Фракии) приблизительно до середины III в. н.э., когда началось вторжение готов. Возможно, что отдельные элементы этого явления дожили и до более позднего времени. Мы вправе говорить об эллинизме в Причерноморье как об этапе в развитии античного способа производства в пределах огромного региона, населенного как местными племенами, воспринимавшими эллинскую культуру, так и греками, испытавшими сильное воздействие местных традиций. Эллинистические черты прослеживаются в экономике и политическом устройстве причерноморских государств на протяжении долгого времени, причем значительно дольше, чем в классических эллинистических государствах Средиземноморья, Передней и Центральной Азии. Спецификой можно считать и то, что эллинистические традиции свойственны государственным образованиям фракийцев, поздних скифов и сарматов, каппадокийцев, пафлагонцев, создавших собственные царства и династии не без влияния греков. В еще большей степени они относятся к Боспорскому и Понтийскому царствам. Превращение Боспорского государства из симмахии полисов под властью тиранов в эллинистическое царство, как выясняется, произошло только после установления в Причерноморье власти понтийского царя Митридата Евпатора. При нем Боспор и Колхида вместе с североанатолийскими владениями в Каппадокии Понтийской и Пафлагонии превратились в наследственные владения

⁷⁰ Щеглов А.Н. 1985, 195–198; Зубарь В.М. 2002, 507–509; Пуздровский А.Е. 2001, 94; Зайцев Ю.П. 2003, 42, 49–53.

царя. В результате сложились условия для обращения полисных земель в царские, что привело к активному вовлечению местных племен сарматов и меотов (отчасти тавро-скифов) в аграрное производство и освоению царской хоры. Одновременно широкие слои варваров, в основном сарматов, приобщались к греко-эллинистической культуре, сложившейся к тому времени на территории Боспорского царства. Все это создавало условия для быстрого преодоления кризисных явлений и подъема могущества Боспора, а также ряда других полисных государств⁷¹.

В этом плане в ином свете предстает проблема варваризации – одно из наиболее сложных явлений в жизни населения античного Причерноморья. Вопрос о варваризации античных государств Причерноморья был поставлен еще в российском антиковедении до 1917 г., затем он активно разрабатывался советскими учеными⁷². Сторонники активной варваризации греческих государств Северного Причерноморья считают, что она началась с появлением сарматов и других ираноязычных племен, например, сартархов, во второй половине III – II в. до н.э., а на Боспоре стала активно проявляться при последних Спартокидах. Ее влияние чрезвычайно усилилось в правление Митридата Евпатора и его преемников, что обострило кризисные явления и способствовало превращению античных центров в греко-варварские государства. Однако археологические исследования показывают, что варваризация (иранизация) античных государств, которая якобы привела к кризису греческой цивилизации в Причерноморье, наступила не ранее середины III в. н.э. Она охватила все слои населения только после прихода готов, а до этого местные племена не варваризировали греков, а приобщались к эллинистическим традициям, т.е. подвергались эллинизации. Это серьезным образом сдерживало кризис и не препятствовало сохранению полисных структур, как в Ольвии, и эллинистических устоев государственности, как на Боспоре. Дело в том, что при переходе Боспора от типично полисного по характеру государства к царству эллинистического типа с верховной собственностью царя на землю и системой военно-хозяйственных поселений активную роль сыграли варварские сар-

⁷¹ Основные положения этой концепции изложены в наших работах: Сапрыкин С.Ю. 2003, 11–35; 2008, 228–231; 2011а, 568–574.

⁷² Об основных точках зрения по этому вопросу в дореволюционной русской и советской научной литературе и важнейших работах см.: Сапрыкин С.Ю. 2006, 236–244.

матские племена, которые оседали не земле, вовлекались в сельское хозяйство и занимались военно-сторожевой службой под прямым контролем боспорских царей и при участии их эллинизованного и эллинского окружения. На ранних этапах существования Боспорского царства на рубеже нашей эры и в первые века от Р.Х., когда вследствие сохранения полисных традиций греческая культура и институты еще оказывали влияние на общество, ираноязычные варвары активно вовлекались в социальные, политические и экономические отношения. Это способствовало взаимообогащению греческой и местной культур практически во всех областях жизни, а также обеспечивало взаимовлияние традиций ираноязычных варваров и эллинов, что создавало почву для развития эллинизма. Такая политика не вызывала кризисных явлений, а напротив оживляла экономику. Означенные тенденции в развитии Северного Причерноморья, особенно на Боспоре, отвечали интересам римлян и даже поддерживались ими.

В дальнейшем условия для развития греческих и варварских государств в Причерноморье изменились. Это особенно ярко проявилось в позднеантичную эпоху. Миграции варваров, появление новой волны сарматских кочевых племен – аланов, а впоследствии готов и гуннов, ослабление Римской империи и, как следствие, резкое сокращение римской помощи, действительно привели к обострению кризиса, в связи с чем царский контроль над городами и хорой существенно ослабел. Нарушился баланс между эллинством и варварством в сторону усиления роли последних. При этом, несмотря на возросшую варваризацию и утрату многих греческих традиций, элементы эллинской культуры, общественной и государственной жизни (язык, религия, культы) еще сохраняли жизнеспособность. Однако все большую роль в причерноморских государствах стали играть варварские племена. Если ранее народы Причерноморья внесли большой вклад в создание системы придунайских, малоазийских и закавказских провинций Римской империи, то в эпоху поздней античности они же ускорили гибель Римской империи. При этом именно причерноморские античные государства первыми испытали опустошительный натиск варварских племен, разрушивших греко-римскую цивилизацию. Эти вопросы неоднократно ставились в науке, тем не менее они пока не получили всеобъемлющего решения. Поэтому для современных исследователей актуальными остаются проблемы взаимодействия римской, эллинской и варварской культур, роль Рима в процессе укрепления эллинизма в Причерноморье.

ЛИТЕРАТУРА

- Ашик А.Б. 1848–1849: Боспорское царство. Т. I–III. – Одесса.
- Беккер П. 1854: Материалы для древностей города Томи и соседних ему приморских городов Понта Эвксинского // *Пропислеи*. 4, 255–309.
- Белов Г.Д. 1948: Херсонес Таврический. – Л.
- Бертъе–Делагард А.Л. 1907: Поправки общего каталога монет П.О. Бурачкова. – М.
- Блаватская Т.В. 1952: Западнопонтийские города в VII–I веках до нашей эры. – М.
- Блаватский В.Д. 1954: Архаический Боспор // *МИА*. 33, 7–44.
- Блаватский В.Д. 1959: Процесс исторического развития античных государств в Северном Причерноморье // *Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху* / А. Смирнов (ред.). – М., 7–39.
- Блаватский В.Д. 1964: Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. – М.
- Блаватский В.Д. 1964а: Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья (VII–IV вв. до н.э.) // *СА*. 2, 13–26.
- Блаватский В.Д. 1964б: Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья (IV в. до н.э. – III в. н.э.) // *СА*. 4, 25–35.
- Блаватский В.Д. 1985: Античная археология и история. – М.
- Болтунова А.И. 1963: Античные города Грузии и Армении // *Античный город* / А.И. Болтунова (ред.). – М., 153–169.
- Брашинский И.Б. 1981: Греки и варвары на Нижнем Дону и в Северо-Западном Приазовье в VI–IV вв. до н.э. // *Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации* // О. Лордкипанидзе (ред.). – Тбилиси, 84–92.
- Буйских А. В. 2008: Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху. – Симферополь.
- Бурачков П.О. 1884: Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря. – Одесса.
- Виноградов Ю.А. 2005: Боспор Киммерийский // *Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху* / К.К. Марченко (ред.). – СПб., 211–296.
- Виноградов Ю.А. 2012: Страницы истории боспорской археологии. Эпоха Императорской Археологической Комиссии (1859–1917) // *БИ*. XXVII, 3–364.
- Виноградов Ю.Г. 1981: Варвары в просопографии Ольвии VI–V вв. до н.э. // *Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации* / О.Д. Лордкипанидзе (ред.). – Тбилиси, 131–148.
- Воронов Ю.Н. 1979: Некоторые проблемы социальной истории Северной Колхиды в эпоху греческой колонизации // *Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья* / О. Д. Лордкипанидзе (ред.). – Тбилиси, 274–279.
- Гайдукевич В.Ф. 1949: Боспорское царство. – М., Л.

- Гайдукевич В.Ф., Капошина С.И. 1951: К вопросу о местных элементах в культуре античных городов Северного Причерноморья // СА. XV, 162–187.
- Гозалишвили Г. 1967: Два этюда из истории Понта и Каппадокии. – Тбилиси.
- Данов Х. 1947: Западният бряг на Черно море в древността. – София.
- Данов Х. 1982: Траки. – София.
- Жебелев С.А. 1923: Введение в археологию. – Л.
- Жебелев С.А. 1955: Источники для изучения истории античной культуры Северного Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья / В.Ф. Гайдукевич, М.И. Максимова (ред.). – М., Л., 5–22.
- Жебелев С.А. 1953: Северное Причерноморье. – М., Л.
- Завойкин А.А. 2001: Боспор: территориальное государство и полис // БФ. 1, 22–28.
- Завойкин А.А. 2007: Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления территориальной державы. Автореф. канд. ист. наук. – М.
- Зайцев Ю.П. 2003: Неаполь Скифский (II в. до н.э. – III в. н.э.). – Симферополь.
- Застрожнова Е.Г. История археологического изучения Фанагории (конец XVIII в. – 1940 г.). Автореф. канд. ист. наук. – СПб.
- Златковская Т.Д. 1971: Образование государства у фракийцев. – М.
- Золотарев М. И. 1993: Херсонесская архаика. – Севастополь.
- Зубарь В.М. 2002: Еще раз по поводу позднескифской государственности // МАИЭТ. IX, 501–518.
- Зубарь В.М., Сон Н.А. 2007: Северо-Западное Причерноморье в античную эпоху. – Симферополь.
- Иванова А.П. 1951: Местные мотивы в декоративной скульптуре Боспора // СА. IX, 188–203.
- Иванчик А.И. 2005: Накануне колонизации: Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. – М., Берлин.
- Иванчик А. И. 2008: Аргонавтика, Океан и Черное море // Аверинцевские чтения: к 70-летию со дня рождения академика С.С. Аверинцева. – М., 105–112.
- Иссен А.А. 1947: Греческая колонизация Северного Причерноморья. – М.
- Ильинская В.А., Тереножкин А.И. 1983: Скифия VII–IV вв. до н.э. – Киев.
- Каллистов Д. П. 1952: Северное Причерноморье в античную эпоху. – М.
- Капошина С.И. 1956: О скифских элементах в культуре Ольвии // МИА. 50, 154–189.
- Карасев А.Н. 1976: Б.В. Фармаковский и Ольвия // Художественная культура и археология античного мира / Н.И. Соколовский и др. (ред.). – М., 13–22.
- Качарова Д., Квириквелия Г. 1991: Города и поселения Причерноморья античной эпохи. – Тбилиси.
- Кахидзе А.Ю. 1975: Античные памятники Восточного Причерноморья (греческий могильник Пичвнари). – Тбилиси.
- Книпович Т.Н. 1935: К вопросу о торговых сношениях греков с областью реки Танаиса в VII–V вв. до н.э. // ИГАИМК. 104, 90–110.

- Книпович Т.Н. 1955: Основные линии развития искусства городов Северного Причерноморья в античную эпоху // Античные города Северного Причерноморья / В.Ф. Гайдукевич, М.И. Максимова (ред.). – М., Л., 164–187.
- Кошеленко Г.А., Кузнецов В.Д. 1992: Греческая колонизация Боспора (в связи с некоторыми общими проблемами колонизации) // Очерки археологии и истории Боспора / В.Д. Кузнецов, А.А. Масленников и др. (ред.). – М., 6–28.
- Кругликова И.Т. 1975: Сельское хозяйство Боспора. – М.
- Крыжицкий С.Д. 1993: Архитектура античных государств Северного Причерноморья. – Киев.
- Крыжицкий С.Д. др. 1999: Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. – Киев.
- Кузнецов В.Д. 1991: Ранние апойки Северного Причерноморья // КСИА. 204, 31–37.
- Кутайсов В.А. 2011: История исследования античных памятников Северо-Западного Крыма // МАИЭТ. XVII, 30–63.
- Латин В. В. 1966. Греческая колонизация Северного Причерноморья. – Киев.
- Латышев В.В. 1887: Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. – СПб.
- Латышев В.В. 1909: ПОНТИКА. – СПб.
- Лордкипанидзе Г.А. 1978: Колхида в VI–II вв. до н.э. – Тбилиси.
- Лордкипанидзе О.Д. 1977: К проблеме греческой колонизации Восточного Причерноморья (Колхиды). – Тбилиси.
- Лордкипанидзе О.Д. 1979: К проблеме греческой колонизации Восточного Причерноморья (Колхиды) // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья / О.Д. Лордкипанидзе (ред.). – Тбилиси, 187–256.
- Лордкипанидзе О. Д. 1979а: Древняя Колхида. – Тбилиси.
- Максимова М.И. 1956: Античные города Юго-восточного Причерноморья. – М., Л.
- Марченко К.К. 1988: Варвары в составе населения Березани и Ольвии во второй половине VII – первой половине I в. до н.э. – Л.
- Марченко К.К. 2005: Греки и варвары Северо-Западного Причерноморья // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху / К.К. Марченко (ред.). – СПб., 42–136.
- Масленников А.А. 1998: Эллинская хора на краю Ойкумены. – М.
- Мурзин В.Ю. 1984: Скифская архаика Северного Причерноморья. – Киев.
- Подосинов А.В. 2012: Куда плывал Одиссей? О географических представлениях греков в связи с путешествиями аргонавтов, Геракла и Одиссея // Аристей. 5, 72–113.
- Пуздровский А.Е. 2001: Политическая история Крымской Скифии во II в. до н.э. – III в. н.э. // ВДИ. 3, 86–118.
- Ростовцев М.И. 1912: Боспорское царство и южнорусские курганы. – М.
- Ростовцев М.И. 1914: Античная декоративная живопись на юге России. – СПб.

- Ростовцев М.И. 1916: К истории Херсонеса в эпоху ранней Римской империи // Сборник статей в честь графини П.С. Уваровой / Древности. ТМАО. 26. – М., 5–16.
- Ростовцев М.И. 1918: Эллинизм и иранство на юге России. – Петроград.
- Ростовцев М.И. 1925: Скифия и Боспор. – Л.
- Савеля О.Я. 1970: О керамике с врезным орнаментом из Херсонеса // КСИА. 124, 48–50.
- Сапрыкин С.Ю. 1981: Полисы и местное население Южного Причерноморья в архаическую и классическую эпохи: Гераклея и мариандины // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации / О.Д. Лордкипанидзе (ред.). – Тбилиси, 9–22.
- Сапрыкин С.Ю. 1991: ПАΦΛΑΓΟΝΙΚΑ // Thracia Pontica IV / M.Lazarov, M. Tatcheva etc. (eds.). – Sofia, 241–254.
- Сапрыкин С.Ю. 2003: Боспорское царство: от тирании к эллинистической монархии // ВДИ. 1, 11–35.
- Сапрыкин С.Ю. 2006: К вопросу о сарматизации Боспора рубежа нашей эры // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья / Д.В. Журавлев (ред.). – М., 236–245.
- Сапрыкин С.Ю. 2008: О хронологических границах эпохи эллинизма // История. Мир прошлого в современном освещении. Сборник научных статей к 75-летию со дня рождения профессора Э.Д. Фролова / А.Ю.Дворниченко (ред.). – СПб., 213–235.
- Сапрыкин С.Ю. 2011: Дорийская колонизация Причерноморья // В царстве Клио, т. 1 / И.Л. Маяк (ред.). – М., Берлин, 128–162.
- Сапрыкин С.Ю. 2011а: «Малые» государства Причерноморья в эпоху эллинизма и ранней Римской империи // Всемирная история. Т. 1: древний мир / В.А. Головина, В.И. Уколова (ред.). – М., 552–575.
- Сапрыкин С.Ю. 2013: Археанактиды и градостроительство // БИ. XXVIII, 21–46.
- Сенаторов С.Н. 2005: Лепная керамика поселения на острове Березань из раскопок Государственного Эрмитажа 1963–1991 // Борисфен-Березань: археологическая коллекция Эрмитажа / С.Л. Соловьев (ред.), 174–185.
- Сокольский Н.И. 1955: О периоде эллинизма в Северном Причерноморье // ВДИ. 4, 199–204.
- Сокольский Н.И. 1961: Взаимоотношения античных государств и племен Северного Причерноморья // Griechische Städte und einheimische Völker des Schwarzmeergebietes. – В., 123–136.
- Сокольский Н.И., Шелов Д.Б. 1959: Историческая роль античных государств Северного Причерноморья // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху / А.П. Смирнов (ред.). – М., 40–62.
- Соловьев С.Л. 1985: Лепная керамика с резным геометрическим орнаментом Березанского поселения // АСГЭ. 32, 31–39.
- Соловьев С.Л. 1995: Новые данные о типологии жилищ Березанского поселения в классическую эпоху // РА. 1, 121–132.
- Стоянов Р. В. 2007: Несколько замечаний о времени и причинах основания Херсонеса Таврического // ВДИ. 2, 125–144.

- Толстой И.И. 1918: Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. – Петроград.
- Тончева Г. 1956: Тракийское влияние в Одессе // ИВАД. X, 51–60.
- Тончева Г. 1967: Архаични материали от Одессе // ИБАИ. 30, 157–180.
- Тохтасьев С.Р. 2007: К ономастикону и датировке херсонесских остраконов // ВДИ. 2, 10–125.
- Тюменев А.И. 1938: Херсонесские этюды // ВДИ. 2, 245–275.
- Фармаковский Б.В. 1902: Склеп Евресивия и Ареты в Ольвии // ИАК. 3, 1–20.
- Фармаковский Б.В. 1906: Раскопки в Ольвии в 1902 и 1903 гг. // ИАК. 13, 1–306.
- Фармаковский Б.В. 1903: Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 г. // ИАК. 8, 1–113.
- Фармаковский Б.В. 1915: Ольвия. – Петроград.
- Фол А., Димитров С. (ред.) 1984: История на Добруджа. Т. 1. – София.
- Фролов Э.Д. 1981: Гераклеийские мариандины // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации / О.Д. Лордкипанидзе (ред.). – Тбилиси, 22–33.
- Фролов Э.Д. 1996: Предэллинизм на греческом Западе (к проблеме отношений «полис–монархия» и «эллины–варвары») // ПИФК. 1, 53–60.
- Цецхладзе Г.Р. 1997: Греческое проникновение в Восточное Причерноморье: некоторые итоги изучения. 1. VI – начало V в. до н.э. // ВДИ. 2, 100–116.
- Цецхладзе Г.Р. 1998: Греческое проникновение в Восточное Причерноморье: некоторые итоги изучения. 2. Середина V – II вв. до н.э. // ВДИ. 3, 87–97.
- Шелов Д. Б. 1970: Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н.э. – М.
- Шелов-Коведяев Ф.В. 1985: История Боспора в VI–IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. 1984 / А.П. Новосельцев (ред.). – М., 5–187.
- Шелов-Коведяев Ф.В. 1985а: О периоде «протоэллинизма» на греческой периферии (на примере Боспора) // Причерноморье в эпоху эллинизма / О.Д. Лордкипанидзе (ред.). – Тбилиси, 320–333.
- Щеглов А.Н. 1976: Полис и хора. – Симферополь.
- Щеглов А.Н. 1985: О греко–варварских взаимодействиях на периферии эллинистического мира // Причерноморье в эпоху эллинизма / О.Д. Лордкипанидзе (ред.). – Тбилиси, 185–198.
- Alexandrescu P. 1962: Autour de la date de foundation d'Histria // Studii clasici. 4, 49–69.
- Alexandrescu P., Schuller W. (eds.) 1990: Histria. – Konstanz.
- Avram A. 1999: Histoire de Callatis // Inscriptions grecques et latines de Scythie Mineure. Vol. III: Callatis et son territoire / A. Avram (ed.). – Bucarest, Paris.
- Danov Ch. 1960: Thracian Penetration into the Greek Cities on the West Coast of the Black Sea // Klio. 37, 73–80.
- Ivantchik A. I. 1998: Die Gründung von Sinope und die Probleme der Anfangsphase der Griechischen Kolonisation des Schwarzmeergebietes // The Greek Colonisation of the Black Sea Area. Historical Interpretation

- of Archaeology / G. Tsatskheladze (ed.). Historia Einzelschriften 121. – Stuttgart, 297–330.
- Koshelenko G., Kuznetsov V.* 1998: Greek Colonisation of the Bosphorus // The Greek Colonisation of the Black Sea Area. Historical Interpretation of Archaeology / G. Tsatskheladze (ed.). Historia Einzelschriften. 121. – Stuttgart, 249–264.
- Lazarov M.* 1998: Notizen zur Griechischen Kolonisation am Westlichen Schwarzen Meer: Schriftquellen und archäologische Denkmäler // The Greek Colonisation of the Black Sea Area / G. Tsatskheladze (ed.). Historical Interpretation of Archaeology. Historia Einzelschriften. 121. – Stuttgart, 85–95.
- Lordkipanidze O.* 1996: La geste des Argonautes dans les premières épopées grecques sous l'angle des premiers contacts du monde grec avec le littoral pontique // Sur les traces des Argonautes / O. Lordkipanidze et P. Lévêque (eds.). – Paris, 21–46.
- Panayotova K.* 1998: Apollonia Pontica. Recent Discoveries in the Necropolis // The Greek Colonisation of the Black Sea Area. Historical Interpretation of Archaeology / G. Tsatskheladze (ed.) / Historia Einzelschriften. 121. – Stuttgart, 97–113.
- Pârvan V.* 1928: Dacia. – Cambridge.
- Pippidi D.* 1984: Parerga. – București, Paris.
- Rostovtzeff M.I.* 1922: Iranians and Greeks in South Russia. – Oxford.
- Saprykin S.Ju.* 1997: Heracleia Pontica and Tauric Chersonesus Before Roman Domination. – Amsterdam.
- Saprykin S.Ju.* 2006: The Chora in the Bosphoran Kingdom // Surveying the Greek Chora. Black Sea Region in a Comparative Perspective / P. Guldager Bilde, V. Stolba (eds.). – Aarhus, 273–288.
- Solovyov S.L.* 1999: Ancient Berezan. The Architecture, History and Culture of the First Greek Colony in the Northern Black Sea. – Leiden.
- Stern E. von* 1909: Die griechische Kolonisation am Nordgestade des Schwarzen Meeres im Licht archäologischer Forschung // Klio. 9, 139–152
- Stoian I.* 1961: La citta pontica di Tomis // Dacia. V n.s., 245–273.
- Stoian I.* 1962: Tomitana. Contribuții epigrafice la istoria cetății Tomis. – București.
- Tsatskheladze G. R.* 1992: Greek Colonization of the Eastern Black Sea Littoral (Colchis) // DHA. 2, 213–258.
- Tsatskheladze G.* 1994: Greek Penetration of the Black Sea // The Archaeology of Greek Colonisation / G. Tsatskheladze, F. De Angelis (eds.). – Oxford, 111–135.
- Vinogradov Ju. G.* 1997: Pontische Studien. – Mainz.
- Velkov V.* 1969: Mesambria–Mesembria–Nessebre: situation, recherches, notes historique // Nessebre I / T. Ivanov (ed.). – Sofia, 9–28.
- Velkov V.* 1988: Pontic Thrace and Its Interrelations with the Greek World in The 12th–4th Centuries // Местные этно–политические объединения Причерноморья в VII–VI вв. до н.э. / О.Д. Лордкипанидзе (ред.). – Тбилиси, 264–280.

Т.П. Кальянова

**«ЦИВИЛИЗОВАННЫЕ ИНДИЙЦЫ»
В ПУТЕВЫХ ЗАПИСКАХ БРИТАНСКИХ СЛУЖАЩИХ:
ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ И ИЗОБРАЖЕНИЯ
(ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XIX В.)**

Аннотация. В статье рассматриваются особенности восприятия британскими служащими «туземцев», освоивших европейские манеры, язык, стиль жизни. Неоднозначное отношение к европеизации индийцев нашло выражение в том, как они изображались в путевых записках британцев: епископа Р. Хиберы, политических агентов Дж. Малколма, А. Бернса, а также в письмах Марии Грэхем.

Ключевые слова: Р. Хибер, Дж. Малколм, А. Бернс, М. Грэхем, Британская Индия, межкультурные контакты, европеизация

В первой трети XIX в. в Британии активно развивался жанр путевых записок, дневников путешествий, и многие из них были посвящены описанию Индии. К этому времени уже сложились некоторые негласные каноны изображения наблюдаемого мира. Они спонтанно усваивались из прочитанных ранее книг и в значительной мере определялись художественной литературой. Письма Ф. Бернье, аббата Рейналя упоминались авторами наряду с известными им историческими, географическими работами и произведениями английских романтиков. Такие путевые заметки и письма зачастую изначально были предназначены для публикации и создавались как художественное произведение. Это не только предопределяло манеру изображения открывавшейся страны, но и влияло на восприятие описываемых ландшафтов, культур и народов.

Для обозначения местного населения подвластных им территорий британцы, как правило, использовали слова «native», «natives». Хотя жители тех стран были разными, но их главным и отличительным признаком становилось то, что они воспринимались как неотъемлемая часть восточной природы. Какими бы разнообразными ни были встречавшиеся народы, они воспринимались путешественниками как естественная деталь ландшафта, растворенные в природе и нерасторжимо слившиеся с пейзажем туземцы имели те же черты, которые содержала в себе незнакомая местность: они другие, неизведанные, многочисленные и чаще всего представлялись безликой массой, лишенной индивидуальности.

Британские авторы не применяли к ним понятие «варвары», но тексты все-таки выдавали естественную уверенность в своей собственной цивилизованности. Тожественность цивилизации и европеизации не подвергалась сомнению, не становилась источником когнитивных противоречий. Эта ситуация развивалась в проблемном поле взаимодействия разных культур как встреча «своего» и «чужого». Она оказывалась важной и плодотворной для британцев, поскольку не только позволяла узнавать других, но и вновь уточнять важные черты собственной идентичности.

В основах европейского понимания цивилизации присутствовало ее противопоставление «естественному порядку». Идея иерархии, превосходства и доминирования «окультуренного» мира над спонтанными природными началами также была составной частью тех представлений.

Отчетливо выраженная, яркая индивидуальность авторов путевых записок была естественным следствием их цивилизованности. Позиция наблюдателя, которую они избрали для себя, тоже выражала доминирование, возвышение над описываемым миром. Это неявно обозначало иерархическую вертикаль взаимоотношений «цивилизации» и «варварства», лишённого личностного начала.

Индивидуализация «туземцев» в восприятии британцев чаще всего происходила тогда, когда встречалось что-то незаурядное, когда из безликой массы выделялся отдельный человек, обладавший какими-то исключительными качествами, будь то фанатизм или жестокость, образованность или талант, обладание властью или богатством.

Европеизация также являлась поводом для пристального внимания к личности восточного человека. Она рассматривалась как переходное состояние, как естественный и желаемый результат британского воздействия на жизнь и традиции народов Индии. Кроме того, европеизация оказывалась средством коммуникации, зримым знаком междивизиационного взаимодействия. Интерес к жителям этой страны, в разной степени воспринявшим что-то европейское, вполне отчетливо проявился в путевых заметках.

Путешествовавшие по Индии британцы, прежде всего, замечали внешние признаки европеизации. Это отразилось, например, в путевом дневнике Реджиналда Хиберы, епископа Бенгалии, который с июня 1824 г. совершал пасторскую поездку из Калькутты через Дели в Бомбей. Он посетил Бенарес, Мирзапур, Аллахабад, Канпур, Лакхнау, Алмору, Дели, Агру, Джайпур, Амбер, Бароду,

Сурат и в апреле 1825 г. достиг Бомбея. В тексте его дневника нередко упоминались индийцы, усвоившие европейские манеры, одежду, английский язык.

Встреча с одним из них произошла в Бенгалии. Во время своего пребывания в Дакке он встречался с человеком, которого уважительно называл навабом, хотя тот уже не имел реальной политической власти.

Это событие так представлено автором:

«Нас обогнал кортеж наваба: старое ландо, запряженное четверкой лошадей; кучер и форейтор были в красных ливреях, несколько всадников – в одеяниях того же цвета, их высокие угловатые шапки подобны тем, что были у старых гренадеров. Великие люди Индии, действительно, утрачивают внешнюю эффектность, когда они воспринимают европейскую моду и приспосабливаются к ней. Восточный господин в своем тюрбане и цветистых одеждах стал исчезающим видом. Восточный принц верхом на коне выглядит благородно. Но восточный принц в повозке, в сопровождении людей, одетых подобно карнавалному войску, – нет ничего более жалкого и меланхолического. Это выглядит так противоестественно, когда несчастные суверены должны имитировать, в той мере, в какой смогут, образцы одежды своих завоевателей, признавая превосходство их власти и величия»¹.

После более близкого знакомства с навабом епископ изменил свое предварительное мнение. В его дневнике 6 июля 1824 г. появилась такая запись:

«Наваб посетил нас этим утром в сопровождении своего старшего сына. Он оказался приятного вида пожилым мужчиной; его прекрасное сложение проявляет благотворное влияние мусульманских завоевателей, принесших свою северную кровь. Его руки, в основном, были такими же белыми, как у европейцев»².

Наваб довольно свободно говорил по-английски, был хорошо осведомлен о событиях европейской истории. Когда Р. Хибер прибыл с ответным визитом, то увидел в том зале, где проходил прием, несколько гравюр и два портрета самого наваба и его брата, выполненных английским художником Джорджем Чиннери. В своем дневнике он записал, что в интерьере не было безвкусицы, все выглядело rispetабельно и благородно.

¹ Heber R. 1971, 83.

² Ibid. 83–84.

Такое совмещение разных культур затрудняло раздачу оценок наблюдаемым явлениям, но автор текста и не стремился к однозначности суждений и умозаключений. Внешние признаки европеизации восточного человека, выражавшиеся в заимствовании им западного костюма, дополнялись хорошим знанием английского языка, европейской истории и культуры. Все вместе это воспринималось как очевидное свидетельство цивилизованности бенгальского собеседника.

Встречаясь с «чужим» миром, европейцы должны были, как бы заново, определять «свой» мир, уточнять собственную идентичность в пространстве взаимодействия этих разных культур. Наибольшая интенсивность сравнения между «своим» и «чужим» ощущалась при более близком знакомстве. Интерес к другому миру и людям, населявшим его, предопределял стремление получить нужные знания от самих «туземцев». Это отчетливо проявилось в описании своего пребывания в Индии Марии Грэхем. Она прибыла в Бомбей в 1809 г., много путешествовала по окрестностям этого города, осматривая древние памятники и исторические места. Потом М. Грэхем побывала в Пуне, Мадрасе, Калькутте, посетила остров Цейлон. В начале 1811 г. путешественница отправилась обратно в Англию, и обогнув мыс Доброй Надежды, прибыла на родину летом того же года. Свои индийские впечатления она представила в виде писем в книге «Дневник пребывания в Индии»³.

В круг общения М. Грэхем в Индии входили не только британские служащие, но и индийцы. Она так писала об этом: «19 сентября 1809. Сегодня наше послеполуденное время мы провели очень увлекательно, беседуя с двумя хорошо информированными местными жителями. Один из них – индус, а другой – мусульманин. Они оба хорошо говорят на английском языке, и прекрасно осведомлены обо всем том, что касается законов, религии и обычаев их собственных наций»⁴.

Знание английского языка было важным условием контакта, но в основе общения была любознательность, стремление как можно больше узнать о другом мире, его законах и обычаях. Именно это для М. Грэхем определяло выбор собеседника. Но и индийские собеседники руководствовались таким же мотивом. Любопытство и страсть к познанию другого человека и иного мира

³ *Graham M.* 1813.

⁴ *Ibid.* 16.

было обоюдным. Это отчетливо проявилось в том, как М. Грэхем описала своего индусского собеседника:

«Пандит Бапуджи – брахман из секты Веданти. Он, как кажется, с удовольствием сообщает нам сведения о мифологии своей страны, хотя при этом и говорит, что он выше того, чтобы верить в такие народные суеверия, которые, по его мнению, являются средством удерживать в повиновении низшие классы общества, или, как он называет их, отверженные касты. Это мужчина примерно двадцати двух лет, элегантен по своему виду и манерам и обладающий довольно редкой проницательностью и быстротой восприятия. Он кажется мне наиболее подходящим для объяснения обычаев, традиций и верований его соотечественников и, напротив, я сама не смогу очень легко удовлетворить его любопытство относительно Англии, той страны, куда он очень хотел бы поехать, где нет притеснения низших каст, нет других привилегий или почестей, кроме тех, которые принадлежат самому человеку»⁵.

Встречи и общение с местными европеизированными жителями позволяли М. Грэхем воспринимать многомерность иного мира. Они же усиливали осознание того, что европеизация, выражавшаяся в знании английского языка и общении с британцами, была для местных жителей внешней, поверхностной и не затрагивала глубин традиционной культуры и индивидуальной идентичности. Критический взгляд М. Грэхем и аналитическое восприятие ею своих туземных собеседников присутствует в тексте ее книги. Вот так описала она еще одного своего индийского знакомого:

«Наш мусульманский друг, Кази Шахаб о-дин Махари является ревностным магометанином и потому большим фанатиком, однако иногда он пьет чай вместе с нами и не так непримирим в отношении мясной пищи, печени и фруктов в нашем доме. Он только на два или три года старше, чем Бапуджи, и хотя я сомневаюсь, что все это хорошо воспринимается им, тем не менее, я верю в его большую ученость. Манеры этого человека учтивы и подобны тем, что приняты среди джентльменов, но не столь утонченные, как у его индусского друга. Он сопровождал нас на следующий день в некоторых мечетях, находящихся по соседству»⁶.

Индивидуальные черты «восточного человека» живо воспринимались, когда собеседнику становилась понятной его рациональность, логика действий, личные пристрастия, представления о

⁵ *Ibidem.*

⁶ *Ibidem.*

долге, справедливости и способность адекватно реагировать на шутку. Все это воспринималось как знаки цивилизованности «туземцев».

Примеры этого можно найти в книге британского политического агента Александра Бернса. В 1830–31 г. он был направлен в Лахор с дружественной миссией к Ранджиту Сингху, правителю Панджаба. В 1832 г. по заданию правительства Британской Индии этот молодой шотландец совершил путешествие через Северную Индию и Афганистан в Бухару. Однажды в Кабуле А. Бернс отчетливо увидел разницу между западной и восточной традицией рассказывать анекдоты:

«Различие между восточными манерами и западными ни в чем не проявляется более заметно, чем в рассказывании забавных историй. Европейец любит анекдоты, но он будет очень удивлен, если его позовут в компанию именно для того, чтобы рассказывать их для развлечения гостей. На Востоке есть профессиональные рассказчики анекдотов, а на Западе мы включаем острое слово в сам ход разговора. И восточные и западные анекдоты могут касаться правительства. Но на Востоке это будет немного фамильярно, и в том совсем мало социального смысла. А в Европе хорошие анекдоты учат нас рассматривать каждого как бы на весах равенства»⁷.

Сопоставление смеховой традиции позволяло уточнить особенности собственной и другой культуры вне оппозиции «цивилизация-варварство», в пределах встречи двух цивилизаций.

Любознательность, тяга к знаниям, образованность также становились поводом для индивидуализации восточного человека и для восприятия его цивилизованности. При дворе Ранджита Сингха А. Бернс особо выделил Азизодина, врача и секретаря правителя, «...который, по восточным представлениям, был очень ученый человек., особенно осведомленный в теологии, метафизике и физике, воспринятых от греческих авторов»⁸. Из долгих разговоров с ним А. Бернс получил представление о том, что на Востоке считается мудростью, однако ему она показалась курьезной и схоластической, но не варварской. Знание, образование воспринимались британским путешественником как безусловные признаки культуры и иной, не европейской цивилизованности.

⁷ Burnes A. 1834, 158–159.

⁸ Ibid. 23.

Различия в научных представлениях неоднократно становились поводом для недоразумений. В Кабуле, например, А. Бернс так описал свои беседы об алхимии с навабом Джаббар-ханом:

«Я имел удовольствие провести несколько вечеров в общении с нашим хозяином навабом, который, подобно многим его соотечественникам, пребывал в поисках философского камня. Такой благоприятный случай, как наше прибытие, казалось, обещало ему богатый урожай. Я же вывел его из заблуждения и посмеялся над тиглями и рецептами, которые он производит. Я объяснил ему, что химия пришла на смену алхимии, как астрономия сменила астрологию, но поскольку я не мог детально представить точную природу этих наук, мои неалхимические объяснения бытия, не произвели большого впечатления»⁹.

Другая цивилизация, но не варварство, открывалась в таких беседах британскому агенту. Превосходство европейских знаний и отсталость восточных научных представлений не допускали равенства, воспроизводили иерархию доминирования западной цивилизованности.

Постоянное соприкосновение разных миров зачастую становилось причиной непонимания иной культуры. Для миссионерской деятельности это было особенно трудным препятствием. Местным жителям Индии трудно было понять различия между отдельными направлениями в христианстве или отделить церковные организации от других обществ, действовавших в Индии, например, от масонства.

Епископ Хибер рассказывал о своей встрече в Бенгалии с одним человеком, который довольно хорошо говорил по-английски, читал европейских историков и географов. Он был секретарем калькуттского школьного общества, материально поддерживал его, опубликовал несколько книг на бенгали и даже признавал благородство христианских моральных заповедей. Однако бенгалец сохранял убежденность, что христианство не будет воспринято народом Индии из-за необходимости пить вино и есть мясо, поскольку это, по его мнению, считается религиозным долгом. Ему трудно давалось понимание того, что масонство не является отдельной религией, что масонами могут быть и христиане, и мусульмане. Хотя он казался вполне просвещенным человеком, но не подвергал сомнению обычай сати и твердо придерживался мнения, что вдова должна последовать за умершим мужем¹⁰.

⁹ Ibid. 160.

¹⁰ Heber R. 1971, 65–66.

Разница в европейском и туземном понимании милосердия и жестокости, силы и слабости, спасения и падения наиболее очевидно проявлялась в отношении к сати. Этот обычай слишком противоречил христианским представлениям о человечности. Редко встречавшееся в текстах слово варварство применялось для обозначения именно этой и других подобных традиций. Пока Р. Хибер был в Бенгалии, он неоднократно писал о нем в своем дневнике, обсуждал в беседах с христианскими миссионерами и в разговорах с местными жителями.

Однажды епископ на берегу реки увидел костры, где совершилось такое сожжение. В дневниковой записи естественное желание попытаться спасти человека совмещалось с этнографическим интересом к отдельным деталям свершившейся процедуры, к выявлению различий в известных ему описаниях сати. На следующий день Р. Хибер обсуждал увиденное с миссионером-баптистом доктором Маршменом.

«Услышав о сати, доктор Маршмен сказал, что такие случаи участились с тех пор, как он впервые прибыл в Бенгалию. Он связывает это с усилившимся стремлением к роскоши, заметным среди высших и средних классов, и с их намерением подражать европейским обычаям, что приводит к нужде многие семьи и усиливает желание любыми способами избавиться от необходимости поддерживать своих матерей или вдов своих родственников. Другая причина, по его мнению, состоит в ревности старых мужчин, женатых на юных девочках и настаивающих на своей власти над ними даже после смерти»¹¹.

Р. Хиберу были известны разные мнения о том, как следует относиться к такой практике. Многие считали, что

«ни одна женщина не должна принуждаться к сожжению без ее собственного желания, заверенного в магистратуре, что имеются и другие, менее публичные, чем сати, способы ухода из жизни. Если мы хотим изменить индуизм, мы должны поддержать правительство в его усилиях исправить общественное мнение. Когда христианские школы станут повсеместными, сати исчезнет само собой. Но запрещать его каким-либо законодательным образом – это значит дать очевидное доказательство, что мы внедряем христианство среди них силой, и осложняем процесс на длительный период»¹².

¹¹ Ibid. 56.

¹² Ibidem.

Варварством оказывались такие бесчеловечно жестокие традиции. Цивилизаторская миссия британцев состояла в устранении этого. Некоторые надежды на вытеснение таких варварских обычаев епископ возлагал на деятельность европейских миссионеров, которые открывали школы, заботились о просвещении и приобщении к христианству местных детей и взрослых. По долгу своей службы он посещал такие учебные заведения.

После визита в одну из школ Реджиналд Хибер сделал в дневнике следующую запись:

«Успехи учениц и заметный рост числа учащихся обнадеживают. Мы очень высоко оценили заслуги миссис Уилсон. Я упомянул, что для индийских женщин до начала ее работы здесь не было никакой возможности обучаться чтению, письму и вышиванию. Все, кто больше узнает страну, уважают ее усилия. Она чувствительная, дружелюбная юная женщина, с терпеливым, хорошим характером, умеет преодолевать большинство препятствий, имеет влияние и на бедных маленьких девочек, и на их родителей; это само по себе, как и рост ее учениц, на первый взгляд кажется каким-то волшебством. Их родители не возражают против изучения катехизиса и возможности читать Библию, поскольку ничего такого им не могла бы дать низкая каста. Многие брахманы, хотя бытует мнение об их строгом соблюдении запретов, на самом деле чувствуют красоту учения, данного в Писании, и стремятся к тому, чтобы низшие слои их соотечественников, и мужчины, и женщины, приобретали что-то подобное моральному смыслу. Они с одобрением поддерживают планы миссис Уилсон и присутствуют на экзаменах ее учениц. Здесь нет никакого противодействия нашим усилиям, предпринимаемым для просвещения индусов»¹³.

Европеизация туземцев через образование, приобщение к знаниям оказывалась весьма трудным делом из-за различий в понимании мифологии, верований и религиозных догматов и требовала адекватных переводов с одного языка на другой.

Но такое плотное взаимодействие двух миров вызывало у Р. Хибера сложные чувства. За время своего путешествия он неоднократно убеждался в том, что в глазах местных жителей сам выглядит необычно или нелепо. Например, в Раджпутане маленькая местная девочка, впервые увидевшая его, заплакала и попросила не обижать ее. В дневнике появилась запись: «Я не мог точно сказать, каких действий она ожидала от меня, но никогда раньше ко

¹³ Ibid. 49.

мне не обращались как к великану-людоеду»¹⁴. Несколько дней спустя он вновь заметил, что стал предметом любопытства со стороны местных жителей:

«Весь день толпа людей сопровождала меня до самых дверей, наблюдая каждый момент моей прогулки. Когда вечером я вышел погулять, опять оказался в центре внимания, каким был бы окружен посол Персии или еще какой-то иностранец на улицах Лондона»¹⁵.

Любопытство могло стать началом узнавания другого мира и постепенно выработать привычку достойно воспринимать несоответствия культур.

Свойственный британцам снобизм, отмечавшийся многими, создавал преграды для такого восприятия. Убежденность в том, что сознание своего цивилизационного превосходства не должно выражаться как высокомерие, наиболее отчетливо звучит в служебных записках другого британского служащего, Джона Малколма. Прослужив в Индии почти сорок лет, Дж. Малколм оказался свидетелем и активным участником эпохальных событий, происходивших в этой стране. Когда в 1821 г. Дж. Малколм покидал Индию, он составил документ, называвшийся «Заметки к инструкциям для помощников и служащих, действующих под руководством генерал-майора сэра Джона Малколма, рыцаря Большого Креста Ордена Бани». Эти «Заметки» были включены в качестве приложения в книгу «Воспоминание о Центральной Индии», изданную в Лондоне в 1832 г.

Обращаясь к своему юношескому опыту восприятия Индии и индийцев, Дж. Малколм писал:

«Я могу вспомнить – но делаю это с чувством стыда – тот период, когда я думал, что превосхожу тех, с кем сводил меня мой долг. Однако по мере того, как я узнавал их и себя, дистанция между нами постепенно исчезала. Я много слышал о наших хвалёных преимуществах над ними, но не могу поверить, что сравнение различных обществ Европы и Индии может быть достаточным основанием для столь высокомерного взгляда. Я не могу согласиться с бытующим мнением, признающим туземцев этой страны неспособными к лучшей жизни и даже ограниченными в интеллекте и богатстве мысли»¹⁶.

¹⁴ Ibid. 270.

¹⁵ Ibid. 286.

¹⁶ *Malcolm J.* 1832, 438.

В своих «Заметках» автор отмечал, что высокомерие, соединяясь с незнанием, развивало в европейских служащих самодостаточность, гордыню, и не позволяло им глубже проникнуть в туземный мир. Автор был убежден, что «когда гражданские или военные служащие овладеют языками и познакомятся с обычаями туземцев Индии, они смогут с большей искренностью относиться к ним»¹⁷.

При контактах разных цивилизаций вполне закономерным оказывался следующий вопрос: если индийцы способны европеизироваться, то в какой мере была возможной «индианизация» британцев? Неоднозначность превращений, неопределенность степени погруженности в другую цивилизованность и риски, связанные с таким перевоплощением, оказывались непростой проблемой.

В книге А. Бернса обсуждался этот вопрос. Исход его экспедиции во многом зависел от той легенды, которая определяла бы ее внешний вид и смысл. Путешественник прекрасно осознавал сложности и опасности своего предприятия. У него был соблазн переменить образ европейца, переодеться и попытаться стать туземцем:

«Из долгого взаимодействия с азиатами, я получил некоторое проникновение в их характер, и обладал в то же время хорошими знаниями разговорного персидского языка, этого лингва франка того населения, которое я должен был встретить»¹⁸.

Однако он посчитал это в высшей мере безнадежным делом, отклонив идею о таком перевоплощении.

Наиболее приемлемой ему казалась версия, согласно которой он представлялся капитаном британской армии, возвращавшимся в Европу через Персию, Францию. Обоснованность сомнений в целесообразности переодевания подтвердилась позже. В разговоре с правителем Кабула Дост-Мухаммедом возник вопрос о том, почему А. Бернс путешествовал в азиатском костюме.

«Я сообщил ему, что очень хотел бы увидеть другие страны и сейчас направляюсь в Европу через Бухару, свой костюм же изменил для того, чтобы не слишком выделяться в этой стране. Я не имел намерения скрывать от него и правителей других стран, через которые проезжал, что я англичанин. Восточный костюм способствовал восприятию обычаев здешних народов и создавал удобство. Правитель несколькими фразами одобрил мое желание изменить костюм»¹⁹.

¹⁷ Ibid. 440.

¹⁸ *Burnes A.* 1834, XIV.

¹⁹ Ibid. 138–139.

Епископу Хиберу тоже представился случай для переодевания и погружения в другую цивилизацию. При этом наиболее значимым чувством было любопытство, которое чаще всего совмещалось с романтическим воодушевлением, а иногда – с разочарованием. Такие сложные чувства возникли у путешественника после состоявшейся 31 декабря 1824 г. встречи с Великим Моголом, Акбаром Шахом II. Более всего британца восхитила архитектура дворцового комплекса. На фоне великолепия и величия строений император показался не столь значительным.

Р. Хибер участвовал в торжественной церемонии представления императору с положенными по регламенту низкими поклонами, совершал ритуал переодевания в праздничные одежды, слышал громкие титулы: «О, украшение мира! Прибежище народа! Король королей! Император Акбар Шах!», – но видел только «пожилого господина». Романтические представления о Великих Моголах, сложившиеся под влиянием прочитанных записок Ф. Бернье и других книг, разрушались в тот момент. Наблюдавшийся упадок императорской власти вызывал грусть и разочарование. В Индии единственной силой, пытавшейся восстановить руины былого величия, оказывалось британское правительство, а не «бедный пожилой мужчина, чей образ когда-то в моем детском воображении был связан с невероятным богатством и роскошью, и который назывался Великим Моголом»²⁰.

О целесообразности и опасностях внешней «индианизации» британцев на Востоке рассуждал и Дж. Малколм. По его мнению, важно осознавать, что не только европейцы способны изучать туземцев. Находясь в Индии, британский служащий сам являлся объектом пристального внимания со стороны местных жителей. Его возможное решение усвоить индийский образ жизни могло быть воспринято как признание преимуществ туземной культуры. Тем самым подверглась бы сомнению фундаментальная идея о британском превосходстве. Дж. Малколм так писал об этом:

«Европейский служащий, намеревающийся воспринять туземные обычаи и порядки, может доставить удовольствие немногим индивидуальностям, кому это польстит. Он может извлечь пользу из своего восприятия обычаев страны. Но, прежде всего, он должен удостовериться, что это получит высокую оценку как европейского, так и туземного сообщества, окружающего его»²¹.

²⁰ Heber R. 1971, 239.

²¹ Malcolm J. 1832, 442.

Но что являлось основой господства британцев в этой восточной стране? Такой вопрос особенно волновал Дж. Малколма. Имевший опыт участия во многих военных компаниях автор видел опору британского владычества не только в силе оружия, но и в хитросплетениях дипломатии, в идеологическом оформлении этой власти. В качестве наиболее важной опоры он указывал на, казалось бы, эфемерное основание:

«Наша власть в Индии сохраняется на общем признании туземцев нашего сравнительного превосходства в вере, мудрости и силе по сравнению с их правителями. Это важное впечатление должно подкрепляться уважением, которое мы оказываем их обычаям, институтам и религии, должно выражаться через умеренность, мягкость, любезность нашего обращения с ними»²².

Британцам следовало превосходить туземных правителей в вере, мудрости и силе, если они хотели сохранить свою власть. Очередность перечисления, где сила упоминается после веры и мудрости, могла бы показаться риторическим приемом. Однако, по мнению Дж. Малколма в существовавших условиях особенно важными становились идеологические моменты. Предстояло внедрить в «туземное» сознание свое видение силы и слабости, свое понимание превосходства. В своих «Заметках» Дж. Малколм называл это приоритетной задачей, которую должны решать британцы. Для ее осуществления следовало воздействовать на чувства, использовать естественное человеческое стремление подражать тому, что кажется привлекательным. Он писал:

«Все люди, принадлежащие и к низшим, и к высшим общественным слоям, включая детей, быстро обучаются манерам других, и, прежде всего тех, кто их превосходит. Когда это регулируется головой, а не сердцем, когда это обеспечивается разумом, а не чувствами – это не должно приветствоваться. Люди могут бояться, но никогда не будут любить или уважать тех, кто постоянно демонстрирует им свое превосходство»²³.

Знание оказывалось своеобразным идеологическим оружием британцев. Оно позволяло понять устройство того мира, в котором предстояло властвовать. Дж. Малколм отмечал, что между индийцами и их европейскими господами как будто существовала некая завеса, которая не позволяла последним узнать и понять мир первых.

²² Ibid. 433.

²³ Ibid. 438.

«Отчетов, в которых сообщается о касте, обычаях и религии, составлено так много, что они заслоняют преимущества непосредственного общения, способного открыть многое из того, что иначе постичь невозможно. Посредством частных контактов можно приобрести знание, которое облегчит исполнение служебного долга и даст понимание обычаев и чувств различных классов туземцев, всего того, что помогает их господам эффективно действовать»²⁴.

Непосредственное общение, прямые контакты были, по мнению Дж. Малколма универсальным средством для узнавания и адекватного восприятия этого восточного мира и человека в нем. Приобретенное знание помогло бы использовать те нормы традиционного общества, которые обеспечивают порядок и не угрожают английскому господству.

Традиционные структуры общества давали каждому человеку определенный общественный статус, жестко закрепляли его и были способны удерживать в неподвижности сложившееся устройство общества. Сохраняя его, европейцы должны стать олицетворением «хорошего правления». Дж. Малколм писал:

«Многие моральные дефекты туземцев Индии происходят от того плохого правления и гнета, от которого они сейчас в значительной степени избавлены. Я не припомню какого-нибудь другого народа, оказавшегося в подобных обстоятельствах и, несмотря на долгий период смуты, тиранического правления, сумевшего сохранить так много доблести и так много хороших качеств, как жители этой страны»²⁵.

Долгие и трудные путешествия британцев по Индии позволяли им увидеть страну, встречать в пути разных людей, узнавать их судьбы, сомнения, надежды. Авторы путевых заметок оказывались сопереживающими наблюдателями. Их интересовали встречавшиеся ландшафты, увлекали памятники прошлого и красота архитектурных ансамблей. Они не были равнодушными к человеческим судьбам, к душевной настроенности своих собеседников, но при описании местных жителей обычно обращали внимание на черты лица, цвет кожи, пропорции фигуры туземцев. Не называемые варварами, местные жители отчетливо воспринимались как Другие, и задача приобщения их к цивилизации воспринималась как составная часть той миссии, которую выполняли британцы в Индии. Цивилизованные индийцы были важными участниками этой миссии.

²⁴ Ibid. 442.

²⁵ Ibid. 440.

ЛИТЕРАТУРА

- Burnes A.* 1834: Travels into Bokhara, being the Account of a Journey from India to Cabool, Tartary, and Persia. – L.
- Graham M.* 1813: Journal of a Residence in India by Maria Graham. – Edinburgh.
- Heber R.* 1971: Bishop Heber in Northern India. Selections from Heber's Journal / M.A. Laird (eds.). – Cambridge.
- Malcolm J.* 1832: Notes of Instructions to Assistants and Officers acting under the Orders of Major-General Sir John Malcolm.G.C.B. // *Malcolm J.A.* Memoir of Central India Including Malwa. Vol. 2. – L., 433–475.

М.В. Белов

ВАРВАРЫ ИЛИ БРАТЬЯ? БАЛКАНСКИЕ СЛАВЯНЕ ГЛАЗАМИ РУССКИХ НАБЛЮДАТЕЛЕЙ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Аннотация. Представления русских путешественников и официальных лиц о балканских славянах на протяжении первой половины XIX века были крайне противоречивы, колеблясь между неприятием варварских (азиатских) черт и надеждами на прогресс. Формирование стереотипа «братьев» в середине века обусловлено не только идеологическим влиянием «славянской взаимности», но также социальными сдвигами внутри России.

Ключевые слова: литература путешествий, Балканский полуостров, ориентализм, образ варвара, «славянская взаимность».

Свидетельства прошлого нередко неудобны. Какие-то из них не укладываются в магистраль восприятия потомков и предаются анафеме. В свою очередь историки часто ссылаются на крайнюю степень субъективизма того или иного текста, чтобы признать его исключением и проигнорировать. Тем самым мы освобождаемся от необходимости обсуждать чужую субъективность и не признаем свою собственную.

В рапорте от 21 марта 1760 г. советник коллегии иностранных дел, полковник С. Ю. Пучков, побывавший в Черногории в 1759 г., сообщал: «... тамошний дикой народ или никогда, или с весьма великим трудом в порядок приведен быть может, ибо никаких прав и законов между собою не имеют...». Пучков жаловался на лицемерие, «своевольство и сребролюбие» как священников, так и мирских начальников, безнаказанно расхищающих врученные им средства. В итоге он заключал:

«... в них царствует три духа: православно черногорской, венецианской и турецкой, — одним словом, кто бы ни пришел и их деньгами действительно поманил, то они того называются и ему слепо следовать готовы»¹.

¹ Драгович М. 1895, 27–28. Пучков в соответствии с повелением императрицы Елизаветы Петровны передал 15-тысячную субсидию на нужды Черногории, которая могла бы стать ежегодной. Таков был результат настоятельных просьб о помощи со стороны митрополита цетинского Василия Петровича Негоша, обращенных к русскому двору. Кроме того,

Публикатор конца XIX века, черногорский историк М. Драгович был преисполнен праведного гнева по поводу этого «небратского и поистине нечеловечного» документа:

«... и самый большой неприятель черногорского народа, ни турок, ни латинянин, не написал бы столь неприятельского доклада против Черногории, как тот, который написал “он, Пучков”»².

Конфликт историка и источника демонстрирует степень различий в понимании исторической и политической реальности на полуторовековом промежутке. Если в конце XIX века «славянское братство» являлось уже почти непререкаемой аксиомой, то мышление середины XVIII века либо о нем не догадывалось, либо оставляло его на периферии, в тени «православной общности». Вместо *родного* «славянского мира» Пучков увидел в Черногории странное соединение лукавого православия, турецкой дикости и венецианского торгашества. Характеристики эти указывали на варварство или полуварварство дальних (в географическом отношении) родственников россиян. Между тем, посланный в Черногорию в 1766 г. подпоручик Севского полка М. Тарасов, пользовался рапортом Пучкова. С некоторым удивлением он констатировал его точность и сообщил некоторые новые подробности³. Однако эффект негативного удивления от рапорта Пучкова оказался так силен, что ни советские, ни черногорские историки не решились включить его в новейшие документальные публикации, указанные выше. Чем же все-таки была обусловлена *такая* стереотипность восприятия балканских славян и почему где-то в середине XIX века она была вытеснена другой?

В основательном обзоре главных трендов развития сербско-русских / русско-сербских отношений в перспективе «времени большой длительности», указывая на неоднородность тех или иных периодов по степени интенсивности и характеру контактов, подчеркивая особенно отсутствие политической составляющей (вне символического поля) в этих взаимоотношениях, по крайней

Пучков должен был сообщить о прекращении практики вызова черногорцев на русскую службу, что диктовалось опасениями из-за возможного конфликта с Портой в условиях Семилетней войны. См.: Политические и культурные отношения... 1984, 233–235.

² Драгович М. 1895, 30.

³ Черногорско-русские связи... 1992, 48–64. Бажова А.П. 1982, 251–263. Политические и культурные отношения... 1984, 283–285.

мере, до начала XVIII века, М. Йованович все же замечает в скобках: «Эти связи, тем не менее, послужили основой, на которой с течением времени в глубинах коллективного менталитета укоренились и утвердились представления о братстве, близости, «единоверии» и «единоплеменстве» двух народов». И далее: «Двусторонние культурные и духовные связи, контакты и влияния, относящиеся к XVIII веку, представляются основой, на которой с небольшими модификациями, практически на протяжении двух следующих столетий (XIX и XX) строились сербско-русские культурные и духовные обмены и сотрудничество. Континуитет духовного и культурного обмена и влияния, миграции, многозначные процессы языкового развития, неизбежно оставили глубокий след в коллективном менталитете и [исторической] памяти и сформировали основы для современного взаимного понимания и восприятия»⁴.

Итак, этот общий опыт обеспечил *возможность* взаимной перцепции, однако сербский историк обращает внимание и на существенные различия (разнонаправленность) в путях исторического развития Сербии и России. Они-то и предопределили расхождение в дискурсивных формах понимания сути, назначения и «выгод» от взаимоотношений стран и народов на политическом уровне⁵. Это последнее представляется чрезвычайно важным и перспективным методологическим допущением, которое, как кажется, можно распространить и за пределы политического поля. Речь идет о существенных различиях в социокультурной динамике развития российского пространства и Балканского региона, обозначившихся в начале XVIII века. Русский дискурс как на уровне государственной идеологии, так и на уровне культурного самоопределения элиты подвергся гораздо более глубокой трансформации (даже учитывая европейское воздействие на австрийских сербов в то же самое время). В крайнем случае эта трансформация приобретала инверсивные формы, заставляющие воспринимать «свое» (допетровский уклад) как «чужое», а «чужое» (европейскую культуру) как «свое»⁶. Любопытные замечания о парадоксах послепетровской культурной инверсии можно обнаружить как в исследова-

⁴ *Йовановић М.* 2012, 58, 120.

⁵ Там же, 27–34. М. Йованович различает сербский, русский и внешний дискурс в толковании двусторонних отношений. См. также: Москва – Сербия, Београд – Русија. 2011, 14–38.

⁶ Это, как известно, не исключало апроприации и рекомбинации идеологического наследия. См.: *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* 2002.

ниях представителей «московско-тартусской школы», прежде всего, в работах Ю.М. Лотмана, так, например, и в толковании исторического сознания современников и предшественников А.С. Пушкина у Н.Я. Эйдельмана:

«Сознавая себя европейцем, ценителем французской тонкости, он (отец поэта. – М.Б.), конечно, старается отделить себя от невежественных, диких времен. Поэтому, к примеру, XVI век рассматривается как «невежество», естественное по своему удалению на два-три века от сегодняшнего просвещения; а вот с XVIII веком, «недавним невежеством», дело обстоит сложнее: он слишком близок...»⁷.

Иными словами, обличение дикости и варварства, привычно атрибутируемых европейской россикой, несмотря на всю упорную работу XVIII века по обработке «дикого камня»⁸, образованным классом внутри России с компенсационным усилием переадресовывалось в иные временные, географические или социальные пределы⁹. В этих обстоятельствах дискурсивный сценарий восприятия православных народов Балканского полуострова как братьев-единоверцев и единоплеменников, несомненно, имеющийся в глубоких кладовых исторической памяти, мог подвергаться репрессии, радикальному вытеснению и временному «забвению», будучи заменен иными, идеологически главенствующими сценариями. Напротив, старый идеологический материал оказывался конъюнктурно востребованным в официальных призывах к «православным греческим и славянским народам» поднять оружие во время русско-турецких войн второй половины XVIII века¹⁰. В этих случаях использовались те самые дискурсивные ресурсы, которые по справедливому рассуждению составителей данных обращений, могли найти отклик и понимание в местной культурной среде.

⁷ *Эйдельман Н.Я.* 1984, 29.

⁸ *Смит Д.* 2006.

⁹ Компенсация окажется помноженной надвое, если принять во внимание гипотезу, согласно которой конструирование варварского «другого» в мире просветительской «цивилизации» являлось способом нейтрализации и символического изгнания из нее внутреннего варварства. См.: *Вульф Л.* 2003; *Нойманн И.* 2004.

¹⁰ См., например: *Политические и культурные отношения...* 1984, 291–293, 334–336.

Возвращаясь к случаю полковника Пучкова, по-видимому, следует говорить о преобладании в его мышлении (и, соответственно, в восприятии черногорских реалий) рутинизированного чиновного варианта идеала «регулярного полицейского государства». Перенесенная из камералистской теории и практики в Россию Петром I и его идеологами эта модель была затем частично реставрирована во время правления его дочери и далее – с некоторыми дополнениями Екатериной II¹¹. Как будет видно из ниже сказанного, этот бюрократический социолект с присущими ему культом «порядка» и государственного «гения», а также иерархическим элитизмом, дополненный умеренно-просветительской риторикой, останется познавательным инструментом, равно как и способом властвования позднее, в XIX веке.

Таким образом, внутри «национальных» дискурсов взаимовосприятия (не проводя непреодолимой черты между «политическими» и «общественными» контактами¹²), по-видимому, можно выделить их несовпадающие подварианты. Они определяются в свою очередь социальным статусом и профессиональной функциональностью (или же государственной целесообразностью), культурной компетенцией и т.д., конечном счете – «идеологическим» выбором автора¹³, который делается, как правило, в конкурентном контексте, что заставляет учитывать адресацию сообщения, и проявляется, как минимум, но в разной степени на семантическом и стилевом уровне текста.

В начале XIX века контакты русских дипломатических и военных представителей со славянским населением Балканского полуострова активизировались. Кроме того, здесь впервые побывали путешественники, не состоявшие на государственной службе, которые отправились в дорогу, преследуя научно-ознакомительные

¹¹ Раев М. 2000.

¹² Белов М.В. 2009, 107–109.

¹³ Концепт «идеология» понимается здесь как форма социального знания, не всегда связанная напрямую с узко политической сферой. Это динамичная и вариативная система значений, ценностное ядро которой необязательно представлено эксплицитно во всех текстах, подвергнувшись ее влиянию. В понимании К. Гирца, идеология сравнима с картой, корректирующей на малоизвестной и меняющейся на глазах местности. Ориентирами при этом служат рекомбинируемые и изобретаемые вновь литературные тропы, стереотипные образы и т.д., отношения между которыми содержательно формируют идеологическую модель. Гирц К. 2004, 225–267. Ср.: Мусихин Г.И. 2013, 7–72, 219–235.

цели, или же, воспользовавшись официальной оказией, для удовлетворения любопытства читающей публики. Таких примеров – единицы, тем не менее, они показательны, поскольку свидетельствуют о расширении кругозора и росте культурно-политической инициативы русского дворянского общества. Путешественники начала века были первопроходцами, результаты наблюдений некоторых из них остались по существу неизвестными современникам, и лишь несколько десятилетий спустя научные поездки в славянские земли примут организованный характер, а их финансирование возьмет на себя государство¹⁴.

Контакты русских дипломатов, военачальников и неофициальных лиц с балканскими славянами происходили в условиях обострившейся борьбы великих держав, прежде всего, России, Англии и Франции в средиземноморском регионе в период так называемых «наполеоновских войн». В то же самое время приобретает первые организованные формы национально-освободительное и объединительное движение югославянских народов. Имеются ввиду Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и усилия по государственному строительству и преодолению территориальной замкнутости Черногории, предпринятые митрополитом Петром I Негошем-Петровичем¹⁵. Таким образом, как со стороны России (особенно в моменты, когда международный конфликт принимал военный характер), так и со стороны балканских славян, возникала потребность в налаживании партнерства и взаимодействия. И это притом, что потенциальные партнеры России на Балканах не имели признанного государственного статуса. Под давлением обстоятельств и под влиянием новаций, привнесенных во внешнеполитическую практику Революцией и Наполеоном, русская дипломатия трансформировалась, допуская признание в качестве субъектов международных отношений государственных образований, чей суверенитет не подтвержден в актовой форме¹⁶. Освободительный потенциал национальных движений европейских народов планировалось использовать против наполеоновской Империи. Такая стратегия разрабатывалась в ходе организации третьей и четвертой коалиции («балканские планы» А. Чарторыйского) и затем нака-

¹⁴ Истрин В. 1912; Достян И.С. 1980; Никулина М.В. 1983; Славяноведение в дореволюционной России. 1988, 35–38; Калоева И.А. 2002, 30–40.

¹⁵ См., например, из работ последних лет: Балканские исследования. 1997; Анишаков Ю.П. 1998; Грачев В.П. 2003.

¹⁶ См. подробнее: Белов М.В. 2007, 291–327.

нуне вторжения Великой армии в Россию (проект «адриатической экспедиции»)». Разумеется, широкие круги образованной публики не были посвящены в планы высокопоставленных дипломатов и военачальников. Однако бурная динамика перемен в европейской жизни, продиктованная наполеоновской экспансией, ростом национальных движений и соперничеством великих держав, приковывала к себе общественное внимание. Отдельную заинтересованность вызывала в этой связи славянская проблематика¹⁷. Публичная и кулуарная полемика об актуальных внешнеполитических задачах вплеталась в дискуссию о культурных приоритетах, которые формулировались в терминах «древней» и «новой» России¹⁸.

Обостренное внимание к славянской старине – это еще и результат эволюции просветительской мысли на русской почве, ее «национализации», по выражению Ю.М. Лотмана²⁰. Согласно его теории, культурная периферия на определенном этапе динамического взаимодействия восстает против центра, каковым в то время выступала Франция, расширительно – Западная Европа. Не без влияния Ж.-Ж. Руссо и И.Г. Гердера на рубеже веков древняя традиция стала восприниматься некоторыми писателями и мыслителями как искомое Просвещением «естественное состояние». Спор между архаистами и новаторами (шишковистами и карамзинистами) на рубеже XVIII–XIX веков поляризовал просветительский дискурс и оказал воздействие на восприятие балканских реалий.

В условиях «наполеоновских войн» дипломатическое ведомство России испытывало острый дефицит информации относительно своих потенциальных союзников. Таким образом, уполномоченные правительства России на Балканах выступали и в качестве первых русских этнографов этих земель. Составленное специальным представителем Александра I С.А. Санковским (1805–1807) «описание Черногории» заметно отличается от свидетельств предшествующего периода как большей детализацией, так и меньшей однозначностью оценок; оно испытало на себе влияние нового литературного стиля –

¹⁷ Станиславская А.М. 1962, 335–338, 411–417; Казаков Н. И. 1962; Достян И.С. 1972, 42–62; Грачев В.П. 2005.

¹⁸ Никулина М.В. 1981.

¹⁹ Стенник Ю.В. 2004. Примером тесного соединения вопросов культуры и политики в общественной полемике и борьбе властных группировок начала XIX века может служить опала М.М. Сперанского: *Зорин А.* 2001, 187–237.

²⁰ Лотман Ю.М. 1997, 198–210.

сентиментализма. Автор сравнивает горы с развалинами городов, а суровость ландшафта соотносит с воинственным характером и природными «добродетелями» истинного солдата. Конечно, «... весьма часто [странные правила чести²¹] рождают в людях разума необработанного варварское своеволие, которое наставляет их на разные злодеяния». Но такой народ «заслуживает внимание любителя рода человеческого» для просвещения «несчастливых людей», поскольку насаждение «художеств и ремесел» избавило бы их от нужды и смягчило нравы²². Несмотря на отдельные замечания, касающиеся «дикости и буйств»²³, донесения Санковского в целом проникнуты искренним интересом и симпатией к черногорцам. Она транслируется сквозь призму известного руссоистского концепта – «благородный дикарь»²⁴.

Преемственность по отношению к идеалу «регулярного полицейского государства» выразилась в уверенности, которой следовали и побывавшие в Черногории позднее (в 1830–40-е гг.) русские функционеры²⁵, что «...сей народ совершенно в утверждении тишины и порядка между ними и в точном исполнении учрежденных и непременных законов, может ожидать своего благополучия и счастья». Мотивы славянской общности, исторические и этнографические параллели в донесениях дипломатов начала века еще не прослеживаются.

В донесениях дипломатического агента России в повстанческой Сербии К.К. Родофиникина (1807–1809) местные реалии просеивались сквозь опыт «просвещенного» чиновника: рабству и невежеству в его сознании противостояли сословные привилегии, которых он здесь не находил, и образованность, хотя бы на уровне элементарной грамотности. Поэтому первоначальные характеристики сербских вождей однозначны. Из невежества проистекают в одном случае своекорыстие и алчность, в другом – легкомыслие и горячность, в сущности, варварские черты.

Уже в первом послании из Сербии присутствует противопоставление вождей и народа, который «один токмо... обрадовался в

²¹ Обычай кровной мести.

²² Черногорско-русские односы... 1992, 66–77.

²³ Некоторые, особенно жесткие из них, похожие на оценки Пучкова, были опущены первым публикатором: *Достян И.С.* 1972а, 293–306.

²⁴ Разумеется, этот концепт начал складываться в европейской литературной традиции задолго до Ж.-Ж. Руссо: *Дюше М.* 1970; *Окулева О.В.* 2012.

²⁵ См.: *Белов М.В.* 2012, 58–61.

надежде, что с моим прибытием все устроится, и как жизнь, так и имущество каждого обеспечатся»²⁶. В дальнейшем сентиментальные ноты в снисходительных рассуждениях Родофиникина о «несчастном народе» усилились. Слепая вера последнего в могущество и милосердие русского царя оказывалась главной гарантией сохранения приверженности повстанцев к России в условиях, когда «безумство» вождей угрожало подорвать к ним всякое доверие и повергнуть Сербию в гибельную пропасть. Однако сентиментальный подход не выявлял специфики, не обращал внимания на детали, поскольку, как заметил разделявший взгляды Родофиникина главнокомандующий Молдавской армией А.А. Прозоровский: «...народ везде одинаков, без просвещения и понятия о политике не имеет...»²⁷.

Другим способом постижения балканских реалий стал неоклассицизм, который на русской почве разрабатывал тему славянской антики²⁸. Неоклассицизм питался метафорой Спарты либо образами былинной старины²⁹. Впрочем, такие литературные стереотипы, позаимствованные из античных и фольклорных памятников, конечно, не могли служить ключом для более адекватного понимания увиденного. Этнокультурную идентификацию сербов (черногорцев) и русских разрывала бездна веков.

Некоторое исключение составляет, однако, пример А.С. Кайсарова³⁰, проявившего научный интерес к славянским наречиям, старинным рукописям и обычаям. Под влиянием ранних проводников «славянской взаимности» (карловацкого митрополита С. Стратимировича и его круга) он уже в начале XIX века опери-

²⁶ *Богшиич В.* 1872, 114–122. Основная характеристика – «свирепый» – употреблена в другом месте рядом со словом «народ», хотя из контекста ясно, что речь в данном случае идет о предводителях восстания.

²⁷ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 5. Л. 173–177об.

²⁸ Соотношение неоклассицизма с сентиментализмом и преромантизмом, очевидно, следует представлять как динамическое и вариативное: *Гиллельсон М.И.* 1974, 36–37; *Майофис М.* 2008, 373–454; *Smith A.D.* 1976, 74–87.

²⁹ См. подробнее: *Белов М.В.* 2009, 113–117.

³⁰ Путешествие... 1915. Кайсаров был идейно близок той части «архаистов», которых Ю.Н. Тынянов назвал «младшими», правда, после возвращения из Геттингена он уже не принимал участия в полемике с карамзинистами. Академик Истрин видел в Кайсарове предтечу славянофилов, а советские исследователи – декабристов. В свою очередь, В.А. Дьяков предположил, что одно не противоречит другому: *Дьяков В.А.* 1993, 58–59.

ровал термином «братья» в письмах сербским корреспондентам. Такая «родственная» тенденция окрепла в путешествии П.И. Кеппена (1822 г.), хотя привносимую в его познавательную ориентацию деятелями «славянского возрождения» установку на проникновение в мир местных обычаев и фольклорную стихию отчасти блокировал доминирующий в его убеждениях сентиментально-просветительский либерализм³¹.

Сентименталистская традиция в описании балканских реалий доминировала в русских травелогах и служебных записках дипломатов или военных достаточно долго. Показательно в этом отношении «Статистическое описание Сербии», составленное в 1830 г. побывавшим здесь по поручению П.Д. Киселева капитаном генштаба А.Г. Розелион-Сашальским³². Однако здесь налицо и ряд новых черт в дифференциации балканских народов и в определении их культурного родства. Прежде чем перейти к характеристике основных жителей Сербии, в этнографическом разделе «описание»³³ его автор более или менее подробно останавливается на «свойствах и нравах» двух других категорий: валахов и цыган. И те и другие вызывают у него неприязненные ощущения. Автор подчеркивает их удаленность от цивилизации и разоблачает лживость натуры — неперемный атрибут «варвара». Крайне отталкивающих, лишенных спасительной иронии характеристик удостоены цыгане с их подозрительным бродяжничеством и непотребными или даже преступными занятиями. Здесь к стабильным «варварским» чертам (нагота, лень, лукавство) прибавляется тема «развращенного Востока»³⁴.

По-видимому, экскурсы в «этнографию» валахов и цыган выполняют в «Описании» Розелион-Сашальского роль контрастно-проблемного фона для повествования о сербах. «Варварские» («восточные») элементы в их образе жизни и обычаях подверглись таким образом умалению и нейтрализации. Негативному стереотипу «варвара» противостоит «естественная простота». С нее и начинается рассказ: «Нравы сербов весьма просты. Чиновники,

³¹ *Белов М.В.* 2011.

³² *Достян И.С.* 1966. Составленная им же «Краткая статистическая записка о Сербии» недавно опубликована: Москва – Сербия, Београд – Русија. 2011. 141–172, 530–531. См. также: *Белов М.В.* 2010.

³³ «Жители, свойства, нравы и обычаи их»: РГВИА. Ф. 439. «Сербия». Д. 6. Л. 57об.–65.

³⁴ *Сауд Э.В.* 2006.

купцы и другие горожане, коих одежда и отчасти род жизни сходятся с турецкими, не исключаются из сего». Дальнейшее описание сербского «национального одеяния» не акцентирует эти азиатские черты. Напротив, автор подбирает аналоги из традиционного восточнославянского костюма³⁵. В описании женской одежды автор предупреждает нежелательные выводы снисходительными ссылками на особенности слабого пола, то есть прибегает к своеобразной гендерной нейтрализации.

Затушевывая «пагубное» влияние Востока, Розелион-Сашальский указывает, и это симптоматично, на «... многие черты [в обычаях сербов], сходствующие с обыкновениями россиян и доказывающие, что они были общими всему словенскому племени»³⁶. Внимание к фольклору, пережиткам язычества и бытовой культуре сербов, равно как и установление ее сходства с этнографией россиян, ведущее к выводу об общности происхождения славянских народов, выдвигает автора «Описания» на передовые рубежи тогдашней науки.

И все же взгляд Розелион-Сашальского на описываемую им реальность носит отстраненный характер, несмотря на проявленную им симпатию, во всяком случае, эмоциональная вовлеченность автора заслоняется чувством цивилизационного превосходства и надеждами на будущий прогресс. Все это можно было бы списать на «холодность» функционера, связанного служебными формулами, но именно такой взгляд мы найдем и в описаниях свободных от них гражданских путешественников.

Особенно беспокоили восточные черты в бытовой культуре балканских славян, поскольку ориенталистские стереотипы, разделяемые русскими с западноевропейскими авторами³⁷, подрывали в этом случае либо их цивилизаторскую уверенность, либо ощущение родства. Турецкая экзотика порождала противоречивый эффект, свойственный в особенности романтическому мироощуще-

³⁵ «Для зимы имеют род суконного зипуна или тулуп». Сербская обувь сравнивается с «малороссийскими постоломи». РГВИА. Ф. 439. «Сербия». Д. 6. Л. 59–59 об.

³⁶ Там же. Л. 59 об.–60.

³⁷ Граница между «варварством» и «цивилизацией» на Балканах проходила по рекам Саве и Дунаю, разделявших Османскую и Австрийскую империи. Общим местом балканских травелогов является смесь гордости и страха во взоре из Земуна (австрийская территория) на Белград (турецкая территория), расположенных на стрелке двух рек. Ср.: Кинглейк А.В. 1993, 5–8.

нию, одновременного притяжения и отталкивания. Последнее до поры до времени преобладало: Кеппен, например, в путевом дневнике регулярно формулировал инвективы восточной деспотии и говорил о нежелании ступить на турецкую землю, что все-таки случилось в Оршове, где он в сопровождении корабельных спутников выдавал себя за француза.

Записки путешественников непременно заняты описаниями восточных ритуалов во время визитов в сербские дома, когда им обязательно предлагались вода, «сладкое», кофе и чубук. В ходе посещения белградского паши славист И.И. Срезневский решил разнообразить репертуар: «Я курил, наконец, мне наскучило, я оставил; паша подумал, что у меня погасла трубка, и предложил другую; это свело разговор на куренье табаку. Я спросил, употребляется ли кальян или, как турки называют, наргиле, и признался, что никогда еще не видел кальяна. Паша велел подать — и подали: графин с водою до половины и с трубкою, всаженной вместо пробки, стал на полу, а мне подали конец огромного трехсаженного кожаного чубука; но с куреньем разом не пошло: воздух из чубука надобно сильно втягивать в себя, так что вода в кальяне от этого бурлит»³⁸.

Турецкие черты он подмечает повсюду:

«Прекрасная земля — Сербия: плодоносные поля, лесу множество, виноград, рогатый скот, овцы, свиней, свиней и чудо жирных, всего вдоволь, а по дороге встретишь одни ме'аны (постоялые дворы), селения же в разброде: домик там, а домик там, два-три видно во всей окрестности; можно подумать, что народу нет, а между тем, в Сербии до миллиона жителей. Эта невидимость жилищ человеческих, без сомнения, следствие турецкого владения. И в ме'анах видно, что землей владели турки: они построены на турецкий манер, без столов, почти без стульев, без ножей и почти без вилок, и совершенно без женщин. От этого нечистота. Дороговизна изумительная»³⁹.

Необходимость сидеть на корточках во время ужина и при составлении путевых записей облачается у Срезневского в юмористические сценки, хотя и не без раздражения, однако приниженность женщин «приводит в досаду». Путешественник последовательно отвергал проявления местного этикета, когда хозяйка дома, где он остановился, пыталась поцеловать его руку, а ее дочь пришла снять с него сапоги и вымыть ноги, когда же на следующее

³⁸ Срезневский И.И. 1895, 251.

³⁹ Там же, 253.

утро он сам в знак благодарности поцеловал руку хозяйки, «...это было так ново для нее, что она покраснела»⁴⁰.

Следует при этом учитывать, что Срезневский был весьма подготовленным путешественником, который в результате собственных научных изысканий и под влиянием славянских «будителей» уже вполне пропитался духом «взаимности»⁴¹. Юмор микшировал в его записях разлад между ожидаемым идеалом и увиденным наяву, что никак не вписывалось в привычные цивилизованные нормы. Остаточным элементом образа варвара («благородного дикаря») у Срезневского была подчеркиваемая витальность местных жителей:

«...народ, особенно мужчины, чудесный — рослый, плечистый, усачи, юнаки»; подкупало и то, что «свободны одинаково все; по селениям заводятся училища, и никому не преграждено ни учиться, ни переступить со степени на степень выше»⁴².

На родине этого пока не было.

Радикальная альтернатива сентиментальному либерализму в виде романтического «творческого» подхода появилась в России уже на рубеже 20–30-х гг., однако существенные плоды эта стратегия, и то с поправками, избавляющими от крайностей, даст позднее. Героические усилия провозвестника романтического славяноведения Ю.И. Венелина в контексте культурного процесса того времени оказались маргинальными (позднее они воспринимались уже как архаичные).

Его «открытию» болгарских братьев предшествовало их «изобретение» в романтическом сочинении («Древние и нынешние болгары», 1829)⁴³, которое и стало основанием для путешествия, профинансированного Российской Академией⁴⁴. Страстный визионер, Венелин с жадностью предвкушал встречу с ожившей стариной, которую он надеялся воскресить литературным прикосновением. Встреча с реальными болгарскими, казалось бы, должна была, если не опровергнуть, то откорректировать изобретенную легенду. Между тем, путешественник посетил лишь окраинные и

⁴⁰ Там же, 254–257. Не по нраву Срезневскому и женская распушенность, которую он наблюдал на австрийском берегу. Там же, 247.

⁴¹ *Досталь М.Ю.* 2003.

⁴² *Срезневский И.И.* 1895, 254.

⁴³ *Гачев Г.Д.* 1998.

⁴⁴ Ученое путешествие Ю.И. Венелина... 2005, 17–44.

обезлюдившие в результате войны 1828–1829 гг. территории⁴⁵. Какое-то время он мог еще лелеять свой идеал как подлинное избрание. Тем горше казалось романтическое разочарование. Впрочем, оно не способно было погубить идеала.

Дальнейшие изыскания Венелина в области «балканского характера» не чурались «неистового романтизма»: варварская жестокость, как ее трактовали ранее, обрела ореол первозданного героизма. Более того, местные славяне сближались скорее с турками, чудесно освободившимися от ориенталистской стигмы, чем со своими северными братьями⁴⁶. Такая радикальная смена знака была симптоматична и, пускай не в столь эксцентричной форме, востребована в романтическом осмыслении балканской архаики, достойной не только внимания образованной публики, но и ее восхищения.

Более уверенный поворот в эту сторону произошел где-то в 40-е гг. в кругу путешественников, принадлежащих или идейно близких кругу славянофилов. Возникновение этой стабильной романтической традиции, центральным понятием которой стала метафора «братства», по-видимому, необходимо связывать не только с освоением идеологических моделей «славянского единства» и, прежде всего, модели «взаимности»⁴⁷ в процессе перехода от одной идейной формации к другой.

Важнейшим моментом, подготовившим новое качество восприятия балканских славян и легитимировавшим его язык, стала полемика вокруг так называемой «народности», которая уже стала частью официального лексикона Российской империи. Во второй половине 1830-х и в 40-е гг. дискуссия обогатилась новыми формами подспудной полемики с властью и внутри кружковой или журнальной оппозиции. В ней нашла отражение насущная социальная проблематика, свободное обсуждение которой в усло-

⁴⁵ Русская армия вступила в уже обезлюдившее пространство: «Впрочем, болгарские селения до самых Балкан найдены были нами пустыми, так как турки при отступлении в горы принудили к этому и все христианское население». *Лауниц В.Ф.* 1874, 8. Встреча с болгарскими существованием не состоялась. Ср.: *Фролова М.М.* 2009.

⁴⁶ *Венелин Ю.* 1835. У Венелина те самые «азиатские варвары» (турки, равно как и сербы, черногорцы, болгары) сопоставлялись с героями Троянской войны или спартанцами, что ранее было возможно только для европейцев. Их объединяет также принадлежность устной культуре («болтливость» и «сказколюбие»). См. несколько подробнее: *Белов М.В.* 2012а, 140–142.

⁴⁷ *Кацис Л.Ф., Одесский М.П.* 2011, 9–18.

виях господства цензуры было невозможно. Однако она развивалась синхронно с колебаниями осторожных реформаторов внутри правительства и идейно подготовила отмену крепостного права спустя примерно десятилетие. Результатом дискуссии стала констелляция зачатков гражданского общества, с одной стороны, и превращение «народа» в один из главных мифов русской публичной сцены, с другой.

Апроприацию новых моделей и в частности метафоры «братства» не стоит представлять всего лишь как следствие стерильных идейных обменов. Крайне показательны в этом отношении свидетельства отставного профессора математики, пришедшего в процессе интенсивных интеллектуально-нравственных исканий к славянофильству. С начала 40-х Ф.В. Чижов в основном жил за границей, в Италии, где тесно сблизился с Н.В. Гоголем и Н.М. Языковым. Первая поездка на Балканы в Истрию в 1843 г., по его признанию, была случайной. Но именно здесь, в маленькой греческой церкви, расположенной недалеко от Пулы, Чижов открыл для себя «братьев-славян». То же проявление братских чувств обнаружилось затем в Фиуме и Далмации:

«... [местный] народ любит русских за веру и за то, что у нас есть очень много общего в простоте нравов. Черногорье было последним местом, которое совершенно привязало меня к славянам и заставило невольно всем моим взглядам сосредоточиться на этом вопросе, о котором до этого мне не приходило и в голову. Все, кого я ни встречал из народа, первым словом приветствовали меня: ты брате русс, второе, страстную преданностью к белому царю Николе»⁴⁸.

Открытие братьев-славян, случившееся вдруг, вписывается в романтический сюжет о чудесной находке героя, который находится в духовном поиске: неслучайно сказочно-троекратное повторение опыта посвящения в братство. Более того, момент обретения нового культурного горизонта (инициации) путем погружения в народную стихию становится важной вехой автобиографии Чижова, что получило отражение и в позднейших его публикациях⁴⁹.

О душевных переживаниях Чижова, вызванных столкновением славянофильской религиозной утопии с балканскими реалиями,

⁴⁸ ГАРФ. Ф. 109. I эксп. 1847. Д. 81. Ч. 15. Л. 46об.-47. Поездка в Черногорию состоялась осенью 1843 г. Здесь Чижов встретился с другим молодым славянофилом В.А. Елагиним.

⁴⁹ Чижов Ф.В. 1857, 17-18.

с одной стороны, и багажом европейского образования, с другой, можно судить по дневнику, часть которого опубликована. Мысль Чижова постоянно колеблется между благами и порчей, которые несет с собой цивилизация. Шокированный необязательностью извозчика, вовремя не подавшего лошадей, он вспоминает «европейскую общественность и все ее устройство», а чуть выше признается:

«Правду сказать я люблю, когда в народе при грубом его состоянии грубы и пороки, юначество, разбои; все это, по моему мнению, не растление нравов и не безнравственность. Там все православные, молодцы, они [кутят]»⁵⁰.

Верным признаком славянского родства оказывалась и непролазная грязь на дорогах, и плохо ухоженные крестьянские дворы.

Особенно любопытно путешествие по Сербии, предпринятое Чижовым в июле 1847 г. Глухие замечания в дневнике указывают на то, что его автор был шокирован и качеством дорог, и отсутствием гостиниц, обрекавшим путешественника на бессонные ночи. Несколько раз он порывался повернуть назад. Впечатления были двойственны, но Чижов старался настроить себя на позитивный лад: «Как едят в кофейнях (маленькие столики), как пьют прямо из графинов; чаши или стаканы только для раки и вина, вода не устаивается такой почести. Ракия вкусна и не крепка. Опрятность. Прекрасная сторона всего этого» (31 июля). Однако в другом месте признавался: «Что такое кофейня сербская или турецкая? Молока нет, вареные яйца; не могут понять, что такое всятку» (29 июля). Предпочтительнее было вовсе отказаться от завтрака: «Когда я услышал имя кофейни, я испугался и во что бы то ни стало хотел ехать [дальше]» (30 июля). Оставалось, как и его предшественникам уповать на прогресс, который, тем не менее, сохранит простоту и неиспорченность нравов. Однако в этом случае славянская идентичность автора оказывалась разорванной, а братские чувства — в смятении. Лишь частичным выходом из противоречия были упования на величие России, которая после отмены крепостничества и де бюрократизации государства могла бы стать во главе славянского мира и направить его в нужном направлении.

И действительно, как заметил разочарованный эпигон (Э.А. Мамонтов), после 1861 г. славянофильский дискурс распро-

⁵⁰ Козьменко И.В. 1958, 183-184.

страняется довольно широко, приобретая разные идейные оттенки: «Славянофилы вырастали за одну ночь, как грибы, вместе с патриотами самого подозрительного качества»⁵¹. На противоположном фланге о «братьях-славянах» писали и говорили революционные демократы А.И. Герцен и М.А. Бакунин. Критическое отношение к мифологеме «народа» в следующем поколении демократов позволяет, наконец, адекватнее увидеть и балканские реалии.

ЛИТЕРАТУРА

- Анишаков Ю.П.* 1998: Становление Черногорского государства и Россия (1798–1856 гг.). – М.
- Бажова А.П.* 1982: Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в. – М.
- Балканские исследования. 1997: Вып. 18. Александр I, Наполеон и Балканы. – М.
- Белов М.В.* 2007: У истоков сербской национальной идеологии: специфика формирования и механизмы развития (конец XVIII – середина 30-х гг. XIX века). – СПб.
- Белов М.В.* 2009: Русские путешественники и дипломаты на Балканах в начале XIX века: поиск языка описания // Политическая культура и международные отношения / М.В. Белов (ред.). – Нижний Новгород, 105–119.
- Белов М.В.* 2010: Русский офицер в роли этнографа: А.Г. Розелион-Сашальский описывает Сербию // *Studia Balkanica*. К юбилею Р.П. Гришиной. – М., 58–68.
- Белов М.В.* 2011: Славянская тема в путевом дневнике П.И. Кеппена: от сентиментализма к романтической этнографии // *Славяноведение*. 1, 95–104.
- Белов М.В.* 2012: «Службное» славяноведение в России первой половины XIX века // *Славяноведение*. 4, 53–68.
- Белов М.В.* 2012а: «Славянский характер»: русские публицисты, литературные критики и путешественники первой половины XIX века в поисках народности // ДВ. 39, 124–147.
- Богшич В.* 1872: Разбор сочинения Н.А. Попова «Россия и Сербия». – СПб.
- Венелин Ю.* 1835: О характере народных песен у славян задунайских. – М.
- Вульф Л.* 2003: Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. – М.
- Гачев Г.Д.* 1998: «Древние и нынешние болгаре» Венелина как научно-художественное произведение и национальный мир // Ю.И. Венелин в болгарском возрождении. – М., 27–51.
- Гиллельсон М.И.* 1974: Молодой Пушкин и арзамасское братство. – Л.
- Гирц К.* 2004: Интерпретация культур. – М.

⁵¹ Дьяков В.А. 1993, 47.

- Грачев В.П.* 2003: Сербы и черногорцы в борьбе за национальную независимость и Россия (1805–1807 гг.). – М.
- Грачев В.П.* 2005: План создания «нового порядка» на Балканах и негативные последствия его неудачной реализации в первой половине 1807 г. // Двести лет новой сербской государственности. К юбилею начала Первого сербского восстания 1804–1813 гг. / В.К. Волков (ред.). – СПб., 57–64.
- Досталь М.Ю.* 2003: И.И. Срезневский и его связи с чехами и словаками. – М.
- Достян И.С.* 1966: Об описании Сербии, сделанном в 1830 г. русским офицером Розелион-Сашальским // *Славянское возрождение: Сб. статей и материалов* / С.А. Никитин (ред.). – М., 104–116.
- Достян И.С.* 1972: Россия и балканский вопрос: Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX века. – М.
- Достян И.С.* 1972а: Описание Черногории начала XIX в. в донесениях С.А. Санковского // *Славяно-балканские исследования. Историко-география и источниковедение. Сборник статей и материалов* / С.А. Никитин (ред.). – М., 291–336.
- Достян И.С.* 1980: Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов. – М.
- Драговић М.* 1895: Материјал за историју Црне Горе // ССКА. XXV. С. 25–40.
- Дьяков В.А.* 1993: Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. – М.
- Дюше М.* 1970: Мир цивилизации и мир дикарей в эпоху Просвещения. Основы антропологии у философов // *Век Просвещения / Ф. Бродель и др.* (ред.). – М.–Париж, 251–278.
- Зорин А.* 2001: Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. – М.
- Истрин В.* 1912: Русские путешественники по славянским землям в начале XIX века // *ЖМНП*. 9, 78–109.
- Јовановић М.* 2012: Срби и Руси 12–21. век: историја односа. – Београд.
- Казаков Н.И.* 1962: Проект привлечения народов Балканского полуострова к борьбе против наполеоновской агрессии в 1812 г. // 1812 год: Сб. статей к 150-летию Отечественной войны / Л.Г. Бескровный (ред.). – М., 43–69.
- Калоева И.А.* 2002: Изучение южных славян в России в XVIII – первой половине XIX в. – М.
- Кацис Л.Ф., Одесский М.П.* 2011: «Славянская взаимность»: Модель и топика. Очерки. – М.
- Кинглејк А.В.* 1993: Од Земуна до Ниша // *Британски путници о нашим крајевима у XIX веку* / Б. Момчиловић (избор). – Нови Сад.
- Козьменко И.В.* 1958: Дневник Ф.В. Чижова «Путешествие по славянским землям» как источник // *Славянский архив* / С.А. Никитин (ред.). – М., 127–260.

- Лауниц В.Ф. 1874: Из военно-походных записок // ВС. 7, 5–17.
- Лотман Ю.М. 1997: Архаисты-просветители // *Он же*. О русской литературе. – СПб.
- Лотман Ю.М., Успенский Б.А. 2002: Отзвуки концепции «Москва — третий Рим» в идеологии Петра Первого (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. – СПб., 349–361.
- Майофис М. 2008: Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. – М.
- Москва – Сербия, Београд – Русија. Документа и материјали. Т. 2. Друштвене и политичке везе 1804–1878 / М. Јовановић и др. (сост.). – Београд–М.
- Мусихин Г.И. 2013: Очерки теории идеологии. – М.
- Никулина М.В. 1981: Славянская проблематика в общественно-литературной борьбе первой трети XIX в. (На материале русских периодических изданий) // Исследования по историографии славяноведения и балканистики / В.А. Дьяков (ред.). – М., 136–159.
- Никулина М.В. 1983: Первые научные путешествия в славянские земли и их роль в истории русского славяноведения // Из истории славяноведения в России: Труды по русской и славянской филологии. – Тарту. 2, 75–94.
- Нойманн И. 2004: Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. – М.
- Окунева О.В. 2012: Варвар и/или «добрый дикарь»: представления о бразильских индейцах во Франции XVI в. // Цивилизация и варварство: Трансформация понятий и региональный опыт / В.П. Буданова, О.В. Воробьева (ред.). – М., 129–149.
- Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы / А.Л. Нарочницкий, Н. Петрович (отв. ред.). – М., 1984.
- Путешествие А.И. Тургенева и А.С. Кайсарова по славянским землям в 1804 г. / Архив братьев Тургеневых. Вып. 4. – Пг., 1915.
- Раев М. 2000: Регулярное полицейское государство и понятие модернизации в Европе XVII–XVIII веков: попытка сравнительного подхода к проблеме // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология / М. Дэвид-Фокс (сост.). – Самара, 48–79.
- Саид Э.В. 2006: Ориентализм. Западные концепции Востока. – СПб.
- Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян / Д.Ф. Марков, В.А. Дьяков (отв. ред.). – М., 1988.
- Смит Д. 2006: Работа над диким камнем: Массонский орден и русское общество в XVIII века. – М., 2006.
- Срезневский И.И. 1895: Путевые письма из славянских земель. 1839–1842. – СПб.
- Станиславская А.М. 1962: Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798–1807). – М.

- Стенник Ю.В. 2004: Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-исторической мысли XVIII – начала XIX века. – СПб.
- Ученое путешествие Ю.И. Венелина в Болгарию (1830–1831) / Г.К. Венедиктовым (подг. публ.). – М., 2005.
- Фролова М.М. 2009: Военная кампания 1828 г. и «открытие русскими Болгарии (по воспоминаниям русских офицеров) // Война, открывшая эпоху в истории Балкан: К 180-летию Адрианопольского мира. Сборник статей / А.В. Карасев (ред.). – М., 74–102.
- Црногорско-русски односи 1711–1918. Књ. 1. Руски извори о Црној Гори од краја XVII до средине XIX вијека / Ј.Р. Бојовић, И.С. Достјан (отв. ред.). – Подгорица–М., 1992.
- Чижов Ф.В. 1857: Заметки путешественника по славянским землям // РБ. 1 (V). Смес, 1–37.
- Эйдельман Н.Я. 1984: Пушкин: история и современность в художественном сознании поэта. – М.
- Smith A. D. 1976: Neo-Classicist and Romantic Elements in The Emergence of Nationalist Conception // Nationalist Movements / A. D. Smith (ed.). – London, 74–87.

О.А. Кирьяш

ВАРВАР – ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ КОНСТРУКТ В ИССЛЕДОВАНИЯХ РУССКИХ ИСТОРИКОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

Аннотация. Статья посвящена проблеме интеллектуального конструирования окружающего мира русскими историками второй половины XIX в. Одним из интеллектуальных конструктов, который встречается в исторических сочинениях является «варвар». Для характеристики варваров русские историки используют понятия Степь, Азия, Сибирь. «Свои» варвары являются необходимым компонентом формирования идентичности самой России.

Ключевые слова: варвар, интеллектуальный конструкт, Азия, Степь, Сибирь, идентичность.

Отличительной особенностью современной исследовательской ситуации является интерес историков в изучении представлений, образов, интеллектуальных конструктов у различных социальных групп и общностей. Вторая половина XIX в. ознаменована, с одной стороны, появлением новых интеллектуальных конструктов, а с другой стороны, актуализацией старых. Сложное переплетение старого и нового, однако, не приводило к преодолению традиционной дуальности сознания. Ю. Лотман отмечал наличие этой особенности для эпохи средневековья, говоря о том, что «основные культурные ценности (идеологические, политические, религиозные) в системе русского средневековья располагаются в двуполосном ценностном поле, разделенном резкой чертой и лишеном нейтральной аксиологической зоны»¹. Но дуальность не только не исчезла в XIX в., а переживала свое второе рождение. Своеобразную роль в рождении и трансляции дуальности играла историческая литература. Историки не только создавали дуальные модели, закрепляли их в своих текстах, но и транслировали их через учебные курсы и исторические сочинения.

Для раскрытия сущности дуальности русские историки второй половины XIX в. использовали интеллектуальные конструкты: север – юг, запад – восток, Европа – Азия и др. Особое значение при описании исторических событий играли понятия «варварство» и «цивилизация».

Понятие «варвар» наполнялось вполне традиционным содержанием, но акцент в исторических сочинениях русских историков был сделан на «грубость, жестокость и вообще низкое культурное развитие восточных народов»².

Следует заметить, что в исторических исследованиях второй половины XIX в. не было единого общепринятого значения понятий «цивилизация» и «варварство». Специфика используемых понятий заключалась в особенностях моделирования историческим сообществом окружающего мира. Интеллектуальные конструкты накладывались на уже существующую матрицу пространства. Это приводило к тому, что понятия «варвар» и «цивилизация» соотносились с другими дихотомичными парами, которые использовались историками в своих сочинениях.

Основополагающими конструктами для русского исторического сообщества были понятия «Север» и «Юг». С одной стороны, использование конструктов «Север» и «Юг» являлось исторической традицией. Ось «Север-Юг», по мнению современного исследователя Ф.Б. Шенка была основным способом разделения пространства вплоть до XVIII в., что свидетельствует о влиянии «античной картины мира, которая исходила из основополагающего разделения земли на «цивилизированный Юг» и «варварский Север»³. Эта линия деления пространства на «Север» и «Юг» будет четко проявляться и в сочинениях русского исторического сообщества второй половины XIX в.

Конструкты «Север» и «Юг» выступали доминантами при характеристике пространства Древнерусского государства, описании соседей, сравнении его с другими территориями. Это отчетливо проявилось в изображении приезда княгини Ольги в Константинополь. Русский историк Д.И. Иловайский пишет, что

«по всем признакам она не вполне осталась довольна этим приемом. Она должна была испытать все высокомерие византийского правительства и пройти все степени придворных церемоний, которыми Византийский двор ясно давал понять великое расстояние, отделявшее княгиню северных варваров от царствующего дома великолепной Византии»⁴.

¹ Лотман Ю.М., Успенский Б.А. URL: <http://www.ruthenia.ru/document/537293.html>

² Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/brokg/brokefr/0/802.htm>

³ Шенк Ф.Б. 2001, 7.

⁴ Иловайский Д.И. 2005, 54.

При этом Византия, расположенная географически южнее Древнерусского государства, воспринималась более развитой, «цивилизованной», нежели ее северный сосед. Русский историк И.Г. Забелин подчеркивал, что «там живет образованность, высшая культура, то есть живет богатство, довольство жизни, даже роскошь»⁵. В этом отрывке научного исследования Д.И. Иловайского обнаруживается интересная особенность – линия разделения пространства «Север-Юг» приобретает дополнительное наполнение «цивилизация-варварство», если дело касается идентификации Русского государства извне, со стороны. Современный исследователь В. Мак-Нил, подчеркивал, что термины «цивилизованный» и «варварский» обозначали, прежде всего, качественную разницу в манерах и поведении людей»⁶.

Следует заметить, что в исследованиях русского исторического сообщества второй половины XIX в. отчетливо проявляется также и государственная линия деления пространства. В этой ситуации интеллектуальные конструкты остались прежними, но изменилась география пространства и его оценки. Теперь Север предстал в качестве цивилизованного государственного пространства и наполнялся полной гаммой положительных характеристик. Юг же постепенно приобретал антигосударственные, антицивилизированные черты, превращаясь в отрицательное и нестабильное пространство. «Юг» и южные рубежи государства у русских историков помимо кочевников прочно ассоциируются с казачеством и с казацкими бунтами. По замечанию В.О. Ключевского, казаки «одинаково смотрели в степь, искали там побывы и этими поисками в большей или меньшей степени способствовали обороне постоянно угрожаемой юго-восточной окраины государства»⁷.

С другой стороны, в сочинениях русских историков нашло отражение наследие эпохи Просвещения. В этой ситуации деление мира происходило на «цивилизованный запад» и «варварский восток». Русское государство располагалось на границе этих двух миров. С.М. Соловьев подчеркивал, что «Русь истощалась в средствах борьбы с варварами. Никакими мирами и договорами нельзя было сдержать их хищничества, бывшего их привычным промыс-

⁵ Забелин И.Г. 1876, 25.

⁶ Мак-Нил В. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/Mac_Civil.php

⁷ Ключевский В.О. 1993, 224.

лом»⁸. При этом «цивилизованный запад» в первую очередь ассоциировался с просвещением, образованием и наукой.

На смысловое содержание понятия «варвар» оказывал влияние еще один немаловажный аргумент. Ко второй половине XIX в. в мировой истории прочно утвердились понятия «колония» и «метрополия». Русское историческое сообщество, предпринимая попытки доказать, прежде всего, европейскому сообществу, принадлежность России к «цивилизованному» пространству, обращалась не только к дихотомичной паре «цивилизация-варварство», но и «колония-метрополия». Одним из непреложных аргументов «цивилизованности» России мог служить «свой варварский мир», с которым государство беспрестанно борется и борьба, с которым приносит свои плоды. «Свой варвар» – это не только интеллектуальный конструкт, но мощный инструмент формирования собственной идентичности.

Понятие «варвар» для русского исторического сообщества не получило четкого географического закрепления. Это, скорее ареал, который заселяли многочисленные кочевые племена, бесконечно сменяющие друг друга: хазары, печенеги, половцы, монголы. Русские историки объединили все эти племена одним весьма емким названием «Степь». Соловьев С.М. описывал ее таким образом: «Степь – море сухое, но обитатели этого моря представляют жидкий, подвижный, бесформенный элемент народонаселения. Вечное движение осуждает их на вечный застой относительно цивилизации»⁹. По мнению В.О. Ключевского степь

«заключала в себе и важные исторические неудобства: вместе с дарами она несла мирному соседу едва ли не более бедствий. Она была вечной угрозой для Древней Руси и нередко становилась бичом для неё <...> Тысячелетнее и враждебное соседство с хищным степным азиатом – это такое обстоятельство, которое одно может покрыть не один европейский недочёт в русской исторической жизни»¹⁰.

Не менее яркое описание степи дал Е.Ф. Шмурло в исследовании «Русская история в свете географической обстановки» описывал он ее следующим образом: «подобно морю, тоже, как и оно,

⁸ Ключевский В.О. 1993, 142.

⁹ Соловьев С.М. URL: http://az.lib.ru/s/solowxew_sergej_mihajlowich/text_0560.shtml

¹⁰ Ключевский В.О. 1993, 84.

вечно волнующееся, непостоянная, неустойчивая...»¹¹, на территории которой «скитались разноплеменные варварские орды»¹². Близость этого «чужого», непонятого и непринятого пространства к России приводило к использованию историками при ее описании и соответствующей лексики: дикая, пугающая, враждебная, ненавистная и т.д. Коннотации, которые очень близки понятию «варвар».

Степь была постоянной угрозой, опасностью, с которой боролось Древнерусское государство.

«Русь окапывала свои степные границы валами, огораживала цепью острожков и военных поселений, предпринимала походы в самые степи; дружинам в пограничных со степью областях приходилось чуть не постоянно держать своих коней за повод в ожидании похода»¹³.

Степь держала Древнюю Русь в постоянном напряжении, не давая забыть о себе и расслабиться – жить собственной жизнью.

«Русское государство [...] должно было вести постоянную борьбу со степными варварами. От половины IX века до 40-х годов XIII в этой борьбе не было перевеса ни на стороне кочевых орд, ни на стороне славянских племен, объединенных под именем Руси. Печенеги и за ними половцы наносят иногда сильные опустошения Приднепровью; но за то иногда и русские князья входят в глубь степей их, за Дон, и пленят их вежи. Но от 40-х годов XIII века до исхода XIV берут перевес азиатцы, в лице монголов»¹⁴.

Используя интеллектуальный конструкт «Степь» русские историки актуализировали одну из моделей формирования идентичности России, суть которой раскрывалась в противопоставлении цивилизации и варварства.

Другой не менее значимый интеллектуальный конструкт, который активно использовали русские историки, была Азия. Азия также представляла достаточно аморфным с географической точки зрения понятием. С одной стороны, с Азией прочно ассоциировалась территория, располагавшаяся за Уралом, с другой стороны, долгое время Азия «присутствовала» и внутри русского государства. Этими «вкраплениями» были Казань и Астрахань, которые были не только основным препятствием дальнейшего продвижения русского насе-

¹¹ ГАРФ. Ф. 5965. Оп. 1. Д. 31. Л. 52.

¹² Соловьев С.М. 1993, 336.

¹³ Ключевский В.О. 1993, 149.

¹⁴ Соловьев С.М. URL: http://az.lib.ru/s/solowxew_sergej_mihajlowich/text_0510.shtml

ления на восток, но и являлись непосредственной угрозой для существования устоев русского государства. Включение Казанского и Астраханского ханств во внутреннее пространство государства привело к активизации колониационного процесса. «Тщетно пытливым взором всматривались мы в открытый горизонт <...> За Казанью и Астраханью тянулись те же степи <...>»¹⁵.

Необходимо заметить, что для выполнения Россией своей цивилизаторской функции интеллектуальный конструкт Азия был просто необходим. Формирование идентичности России происходило одновременно двумя способами: через приобщение и отрицание. С одной стороны, необходимо было приобщить Российское государство к Европейской цивилизации, с другой стороны, отгородить ее от Азии, доказать всему миру, что Россия не только никак не связана с этим пространством, но и всячески борется с ним, неся этому пространству образование и просвещение. Однако близость этого пространства для самой России не прошло бесследно. А. Ишимова подчеркивала, что

«соседство с Азией и ее необразованными народами, почти беспрестанные сношения с ними, а не с европейскими государствами, от которых Русские, распространяя более и более владения свои на восток, постоянно отдалялись, и наконец, более, нежели двухсотлетнее владычество Татар над страной не могли не иметь влияния на нравы и обычаи ее жителей. Они не могли сделаться вполне азиатскими, потому что православная вера, <...> предохранила их от слишком близких сношений с восточными соседями»¹⁶.

Представления об Азии русских историков второй половины XIX в. находили отражение в создании различных образов. Ключевыми из них были образ «магометанской Азии» и «кочевой Азии». Близость «магометанской Азии» к территории России приводила к непосредственному культурному взаимодействию и влиянию их друг на друга. «Магометанская Азия» в сочинениях русских историков второй половины XIX в. предстает как «своя Азия», которая имела право на свою культурную самобытность. Это был своеобразный продукт просветительской миссии цивилизованной России среди мира варваров. В отличие от нее «кочевая Азия» ассоциировалась у русских историков с угрозой, враждебностью, застоєм и варварством, она выступала для исторического

¹⁵ Шмурло Е.Ф. 1895, 6.

¹⁶ Ишимова А. 1873, 187-188.

сообщества чуждой составляющей истории России, далекой и непринятой. Но и этот образ был необходим. Он представлял собой антипод, отрицательную матрицу, на фоне которой Россия еще более представляла в качестве цивилизованного европейского пространства.

В сочинениях русских историков, бесспорно, доминировал образ кочевой Азии. Она представляла не иначе как дикая и необузданная территория, таящая постоянную угрозу. С.М. Соловьев подчеркивал, что Азия «не перестает высылать хищные орды, которые хотят жить за счет оседлого народонаселения»¹⁷. Эти представления органично соотносились с системой дуальных оппозиций, являющихся наследием эпохи Просвещения.

Во второй половине XIX в. особое значение в сочинениях русских историков и публицистических изданиях приобретает пространство Сибири. При этом необходимо заметить, что русское историческое сообщество, активно восприняло и транслировало стереотип, касающийся пространства Сибири: Сибирь – это колония. При этом конкретное географическое пространство, располагающееся за Уралом, превращается в интеллектуальный конструкт, который наполняется целым спектром коннотаций. Интересно, что со стороны внешнего наблюдателя, Сибирь и Европейская часть России представляли собой единое целое. Однако внутреннего единства не наблюдалось. Описание этой территории всегда строилось на противопоставлении его Европейской части России: условий жизни, климата, территории, населения, нравов и т.д. При описании пространства и климата Сибири русское историческое сообщество второй половины XIX в., как правило, использовало превосходную степень. Если морозы, то трескучие, если холод, то пронизывающий, если климат, то суровый. Н. Костомаров писал о том, что «Сибирь страна студеная и трудно через нее ходить: по реке Оби все лед ходит, по Сибири кочевые орды бродят, ходить опасно»¹⁸. Подобного рода высказывания приводили к тому, что климат собственно самой Европейской России значительно смягчался, хотя и оставался достаточно холодным. И климат мягче, и морозы не такие сильные, и холод терпимый. Фактически смягчение климата Европейской России при сравнении с климатом Сибири привело к тому, что Европейская Россия сближается с Европой, которая ассоциировалась с цивилизацией и просвещением.

¹⁷ Соловьев С.М. 1993, 6.

¹⁸ Костомаров Н. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/history/kostomar/kostom01.htm>

Противопоставление не ограничивалось климатическими характеристиками, оно распространялось и на само население, которое там проживало. «Сибирское население слишком часто, если не вообще – тупое и озлобленное; «едят друг друга и тем сыты бывают»¹⁹.

Сибирь не представляла в сочинениях русских историков как внутренне, принятое, освоенное пространство. Скорее, наоборот, в описании этого пространства постоянно присутствовали полярные характеристики. Особенность восприятия Сибирского пространства русским населением подчеркивал А.Н. Пыпин, отмечая, что

«в понятиях общества и народа в метрополии, Сибирь рисовалась в чертах совершенно разнородных: далекая страна, о которой трудно иметь точные сведения, представлялась то, как золотое дно то, как ужасная пустыня, имя, которой было синонимом страшных ссылок»²⁰.

Эти особенности, указанные А.Н. Пыпиным, нашли свое отражение в сочинениях русского исторического сообщества второй половины XIX в. Еще более показательное отношение к Сибирскому пространству выразил Н.А. Благовещенский, приведя в своей статье строки из песни ссыльных, которые проклинали Сибирь:

«Ох ты, горе, злая мачеха Сибирь! / Протянулось снежной степью вдаль и вширь<...>»²¹.

В этой ситуации формирование идентичности России происходило в рамках модели «метрополия-колония», где Европейская часть России представляла собой цивилизованное пространство, а Сибирь – убогое, отсталое и варварское. Главная же миссия любой метрополии нести просвещение своим колониям: строить школы и университеты, железные дороги, больницы и т.д. И Россия активно эту миссию выполняла. Свидетельством этому могут служить путевые записки А.А. Исаева. Путешествуя от Урала до Томска, он отмечал, что

«когда наш пароход в прекрасное летнее утро делал частые зигзаги по извилистой голубоватой Томи, два сибиряка знакомили меня с Томском, видимым на реке уже за 10–12 верст. Они указывали на здания университета, присутственных мест, называли церкви и не сомневались, что я приду несказанный восторг, увидев лучшую гостиницу города – Европейскую»²².

¹⁹ Благовещенский Н.А. 1882, 291.

²⁰ Пыпин А.Н. 1892, 188.

²¹ Благовещенский Н.А. 1882, 300.

²² Исаев А.А. 1891, 81.

Весьма показательно, но интеллектуальные конструкты Азия, Сибирь, Степь в сочинениях русских историков второй половины XIX в. переплетались самым затейливым образом. Это привело к усложнению «ментальной карты» русского исторического сообщества, но не к преодолению дуальности. Происходила только модификация, замена отдельных компонентов. Однако не наблюдалось существенной трансформации: дуальная модель приобретала новый облик. В рамках этой дуальной модели происходило формирование идентичности России.

Дуальная модель в сочинениях русских историков была представлена двумя вариациями. Первая – «цивилизация-варварство», в которой роль цивилизации отводилось Древнерусскому государству, а роль варвара играла Степь. Вторая модель, в рамках которой происходило формирование идентичности России, «метрополия-колония». В этом случае понятие «варвар» в сочинениях русских историков второй половины XIX в. органично соотносилось с понятием «колония». Использование различных конструктов и разнообразных исследовательских моделей показывает сложный интеллектуальный поиск русского исторического сообщества в формировании идентичности России.

ЛИТЕРАТУРА

- Благовещенский Н.А. 1882: Записки о Сибири // ВЕ. Сентябрь, 291–326.
- Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/bro/kga/brokefr/0/802.htm> (дата обращения 06.05.2013).
- ГАРФ. Ф. 5965. Оп. 1. Д. 31. Л. 52.
- Забелин И.Г. 1876: История русской жизни с древнейших времен: 2 ч. – М. Ч. 1.
- Иловайский Д.И. 2005: Становление Руси. – М.
- Исаев А.А. 1891: От Урала до Томска. Из путевых заметок // ВЕ. Сентябрь, 55–87.
- Ишимова А. 1873: Русская история. – СПб.
- Ключевский В.О. 1993: Русская история. Полный курс лекций: в 3 кн. – М.
- Костомаров Н. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/history/kostomar/kostom01.htm> (дата обращения 15.04.2013).
- Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII в.). URL: <http://www.ruthenia.ru/document/537293.html> (дата обращения 05.05.2013).

- Мак-Нил В. Цивилизация, цивилизации и мировая система. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/Mac_Civil.php (дата обращения 14.03.2013).
- Пытин А.Н. 1892: История русской этнографии: В 4 т. – СПб. Т. 4.
- Соловьев С.М. Взгляд на историю установления государственного порядка до Петра Великого. URL: http://az.lib.ru/s/solowxew_sergej_mihajlowich/text_0510.shtml (дата обращения 15.04.2010).
- Соловьев С.М. Начало Русской земли. URL: http://az.lib.ru/s/solowxew_sergej_mihajlowich/text_0560.shtml (дата обращения 20.03.2010).
- Соловьев С.М. 1993: Сочинения: В 18 кн. – М. Кн. 1.
- Шенк Ф.Б. 2001: Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. 4, 5–43.
- Шмурло Е.Ф. 1895: Восток и Запад в русской истории. – Юрьев.

В.А. Макаров

**ПОДАВЛЕНИЕ ВОССТАНИЯ ИХЭТУАНЕЙ
КАК «ЦИВИЛИЗУЮЩИЙ АКТ»
В ОТНОШЕНИИ КИТАЯ –
ВОСПРИЯТИЕ В РОССИЙСКОЙ ПЕЧАТИ**

Аннотация. Подавление кровавого антизападного восстания ихэтуаней (Боксерского восстания) в Китае поставило перед российской образованной публикой проблему выработки устойчивых «общих правил игры» для «варварского» в понимании того времени Китая и его европейских партнеров. В нашем докладе мы изучим комплекс идей и представлений, связанных с «вооруженным оцивилизыванием» Китая, существовавших в российской печати, предназначенной для образованного слоя общества на рубеже XIX и XX вв.

Ключевые слова: пресса, образ Другого, Китай, восстание ихэтуаней, международные отношения.

Взаимодействие различных цивилизаций зачастую воспринимается участниками, как отношения цивилизации и «варварства», где «варварами» выступает противоположная сторона. Чуждую культуру, непонятные обычаи, иное устройство общества проще всего оценивать, как «чуждые», даже «варварские». Находящиеся на расстоянии «варварство» может служить объектом интереса, иногда пристального, но чаще отстраненного. Однако вступление с «варваром» в активное взаимодействие требует создания общих «правил игры», которые должны признать и соблюдать обе стороны. В современном мире, по мере того, как все больше и больше стран и народов различного уровня развития втягиваются в процесс глобализации и все активнее и активнее взаимодействуют друг с другом, актуальность создания и соблюдения «общих правил», общих норм поведения и ценностей только возрастает.

Однако встреча разных по характеру культур и цивилизаций в глобальном мире – давнее явление. Одним из наиболее значительных событий такого рода стала встреча «Западной культуры»¹

¹ Мы ставим это выражение в кавычки, понимая его условность, но в данном контексте оно удобно для обозначения культурных наработок, образа мира и стиля жизни, как европейских стран, так и США. В определенной степени в этом тексте выражение «западный мир» относится и к модернизированной Японии эпохи Мейдзи, правительство и образованные слои которой на рубеже XIX–XX вв. придавали большое значе-

эпохи модерна и многотысячелетней культуры традиционного Китая, произошедшее в XIX в. Именно в тот период оно переросло рамки отдельных эпизодических культурных контактов. Со середины XIX в. Китай постепенно заполнялся западными товарами, книгами и идеями – странными, чуждыми, а порой и опасными для китайской традиции. В первый год XX в. столкновение культур высекло страшную искру восстания ихэтуаней (в мировой научной традиции Боксерского восстания²). Участники этого ксенофобского антизападного движения ставили своей целью полное избавление Китая от «варварского», согласно традиционным китайским представлениям иностранного влияния. Они уничтожали иностранные товары, разрушали железные дороги и телеграф, массами вырезали китайских христиан, жестоко убивали попавших им в руки европейцев.

Лидирующие страны той эпохи применили силу для защиты своих подданных и собственности. Ихэтуани и содействовавшие им элитные правительственные войска были разгромлены, Пекин взят и основательно разграблен. Акции иностранных войск в Китае воспринимались современниками, как успокоение и наказание «желтых варваров», силой и огнем привитие им основ «цивилизации». Настоящая статья посвящена анализу некоторых идей и представлений, связанных с «вооруженным оцивилизыванием» Китая, существовавших в российской печати, предназначенной для образованного слоя общества на рубеже XIX и XX вв.³ Это позволит нам глубже понять и восприятие в отечественной традиции «Другого», и конструирование способов взаимодействия с ним в этот ключевой для истории России период.

Итак, мы осветим:

1. Образ Китая до начала восстания ихэтуаней в отечественной печати предназначенной для образованного слоя общества.
2. Восприятие целей и действий восставших.

ние тому, чтобы играть по «западным» правилам и максимально точно следовать «западным» образцам.

² В этой статье мы будем использовать оба этих названия, как равноправные.

³ Т.е. в так называемых «толстых журналах». Именно на страницах «толстых журналов» выковывались и вводились в оборот новые мысли и концепции, которым затем предстояло влиять на общественное мнение и политику через газеты или издания, предназначенные для менее интеллектуально подготовленного читателя.

3. Восприятие карательных акций в Китае объединенных сил России, европейских держав, США и Японии.

4. Риторичку и практические предложения, связанные с «умиротворением» Китая.

В конце XIX в российской печати доминировал сложившийся во второй половине века образ Китая, как слабого государства, образца бюрократической неэффективности, косности и ксенофобии – достаточно адекватной портрет поздне-Цинской империи, приближавшейся к концу очередного династийного цикла. В российской печати особенно акцентировались неэффективность и злоупотребления цинской бюрократии. «Мертвые окаменелые формы государственного механизма давят на все жизненные проявления и не удовлетворяют даже невысоким требованиям китайской жизни»⁴, – отмечалось в 1900 г. на страницах популярного среди среднего класса журнала «Мир Божий».

«Может быть, нигде в мире господствующие классы не эксплуатируют массу так прямолинейно и безудержно, нигде в мире нет столько чиновников, живущих «кормлением»⁵,

читаем мы на страницах имевшего марксистский оттенок журнала «Жизнь». Старинная и развитая китайская духовная традиция в большинстве случаев игнорировалась в портрете Китая на страницах «толстых журналов» или была описана негативно: «бесплодная китайская ученость, убившая в зародыше всякую попытку свободного исследования, всякую творческую мысль»⁶, – находим мы на страницах журнала «Мир Божий». Как и в мировой печати, важной частью образа Поднебесной в российской прессе были ксенофобия китайцев и неприятие ими всего иностранного.

Образ рядового китайца, существовавший на страницах российских интеллектуальных журналов был двулик. С одной стороны – это трудолюбивый, неприхотливый и ответственный работник, а с другой – «азиат» в худшем смысле этого слова, хитрый, жестокий и трусливый. «Китайцы вообще жестоки, жестоки именно бессмысленно и зверски» (курсив мой. – В.М.)⁷, – писал много лет проживший на Дальнем Востоке автор журнала «Русское Богатство». В прессе отмечалось, что уничтожение нескольких сотен

⁴ Богданович Т. 1900, 257.

⁵ В.П. Иностранное обозрение. 1900, 384.

⁶ Богданович Т. 1900, 184.

⁷ Лебедев А. 1896, 169.

китайцев-христиан и убийство нескольких миссионеров «настолько обычное явление в Китае, что не возбуждало в Европе никакой особой тревоги»⁸. Таким образом, все признаки «варварства» Китая были налицо в картине мира, транслируемой через «толстые журналы». Ценности Китая явно противопоставлялись «западным» и рассматривались, как низшие по отношению к ним. На этом фоне органично смотрелись убеждения, что знакомство с европейской культурой «являлось бы настоящим благодеянием» для большинства населения Китая⁹. И «вряд ли можно будет особенно огорчаться, если европейская цивилизация разрушит этот многовековой строй»¹⁰.

Первые сведения о восстании ихэтуаней повергли образованную публику в России, впрочем, как и во всем остальном мире, в шок. В те времена, когда «белый человек» контролировал большую часть земного шара почти исключительно силой оружия, любое антиевропейское выступление воспринималось крайне болезненно. Быстро стало ясно, что последним антизападным движением подобного значения было Великое восстание в Индии 1857–1859 гг., некогда потрясшее Западный мир и существенно изменившее отношение европейцев к не-западным народам.

«Никто не предполагал, что народ, смиренно подчинявшийся до сих пор всевозможным европейским требованиям и угрозам, поднимется вдруг с такой яростью против иностранцев и бросит дерзкий вызов соединенным великим державам культурного мира»¹¹, –

встречаем на страницах журнала «Вестник Европы». Достоверные новости из Китая фактически перестали приходить после того, как ихэтуани уничтожили телеграфные линии и железнодорожное полотно около Пекина. Известно было только, что китайцы осадили в Пекине европейских, российских, американских и японских дипломатов и их семьи, а также миссионеров и монахинь, работавших в столице Китая. Судьба их оставалась неизвестной. Периодически китайские информационные агентства в Шанхае и Гонконге в погоне за сенсациями публиковали сообщения о жестоком убийстве дипломатов и их семей. Немногочисленные европейские войска в районе приморского г. Тайцзынь вели напряженные бои с

⁸ Китайские волнения. 1900, 45.

⁹ Богданович Т. 1900, 185.

¹⁰ Там же. 201.

¹¹ Иностранное обозрение. 1900. Август, 819.

большими силами ихэтуаней и правительственных войск, испытывая недостаток в людях и боеприпасах, но что происходило в глубине страны, известно не было.

В условиях неясности происходящего в Китае, масштабы восстания легко преувеличивались. В реальности против европейцев выступали лишь несколько северных провинций Китая, незадолго до этого пострадавшие от голода, который и послужил катализатором движения. Усилиями правительства Цин, очаг восстания был создан в Маньчжурии – по линии КВЖД, но население остальных частей Китая осталось спокойным. Хотя фактическая правительница Китая, вдовствующая императрица Цы Си громко объявила войну одновременно всем европейским державам, Японии и США, большинство губернаторов провинций просто проигнорировали ее указания. Помимо окрестностей Пекина боевые действия шли только на границах России по Амуру, где неумный и ультрапатриотичный китайский губернатор двинул войска в бесплодный поход на Благовещенск, закончившийся сокрушительным разгромом недоукомплектованных и плохо вооруженных Цинских войск. Однако в российской, как и в европейской печати царил панический настрой.

На страницах прессы события в Китае приобрели характер небывалой катастрофы, сотрясающей основы мира. «Вопрос отдаленного Востока развернулся перед нашими глазами не только во всей своей серьезности, но и во всем своем трагическом ужасе»¹², – писал обозреватель журнала «Жизнь». «Весь культурный мир взволновался по поводу этой неслыханной катастрофы»¹³, – фиксирует «Вестник Европы». В том же издании выделялось «небывалое» нарушение международного права – осада посольств и запрещение посланникам связаться со своими правительствами без цензуры китайских властей¹⁴. Участники восстания были названы на страницах либерального журнала «Вестник Европы», обычно стремившегося к взвешенности оценок, так: «виновники неслыханных жестокостей и зверств, инициаторы наглого нарушения неприкосновенности иностранных посольств... повергшие свою родину в пучину неисчислимых бедствий» (курсив мой. – В.М.)¹⁵. События в Китае приобретали в глазах многих авторов почти апокалипсический характер

¹² В.П. Иностранное обозрение. 1900, 379.

¹³ Там же. 829.

¹⁴ Там же. 830.

¹⁵ Попов П. С. 1901, 22.

«ужасны... неясные известия о кровавых сражениях небольших отрядов международных войск с огромными полчищами окруживших их монголов»¹⁶, – читаем мы в журнале «Жизнь».

В порожденном восстанием дискурсе регулярно повторялись подспудные утверждения о несоотнесимости действий восставших с обычной человеческой логикой. «Диким движением ихэтуанцев (sic) и безумными действиями самого китайского правительства» (курсив мой. – В.М.)¹⁷, – считал Боксерское восстание российский дипломат и китаевед П.С. Попов. «Размеры восстания становятся грандиознее, опасность грознее, безумство мятежников очевиднее»¹⁸ (курсив мой. – В.М.), – отметил «Русский вестник». Журнал «Русская мысль» определял движение ихэтуаней как «Фанатичное (курсив мой. – В.М.) движение огромного народа, направленное против иностранцев»¹⁹.

Ошеломленные неожиданным восстанием, авторы публикаций стремились выяснить его причины. Они описывались сходным образом в различных «толстых журналах», невзирая на их направление. На страницах ведущего российского либерального журнала «Вестник Европы» отмечалось, что европейские страны:

«... открыто начали делить между собой разлагающуюся империю, не заботясь о чувствах и интересах её многочисленного населения. Неумеренные посяательства европейцев дали сильное оружие врагам европейских реформ в Китае»²⁰.

П.С. Попов, знакомый с восстанием непосредственно – он попал в осаду вместе с другими иностранцами в Пекине – с сожалением отмечал «не всегда законные действия (китайцев – христиан) и их духовных руководителей»²¹ и «насильственную политику цивилизованных иностранцев по отношению к Китаю»²². «Несомненно, что слишком упрощенный взгляд на 400-х миллионный народ как на вкусный пирог стал одной из причин восстания «Большого кулака»²³, – отметил журнал «Жизнь». В том же издании цитировалось высказывание из консервативной газеты «Новое

¹⁶ В.П. Иностранное обозрение. 1900, 379.

¹⁷ Попов П. С. 1901, 26.

¹⁸ Ое-г. 1900, июнь, 736.

¹⁹ В.А.Г. 1900, 258.

²⁰ Иностранное обозрение. 1900. Июль, 365.

²¹ Попов П. С. 1901, 24.

²² Там же.

²³ В.П. Иностранное обозрение. 1900. Апрель, 404.

Время», в котором ответственность за катастрофу в Китае складывалась с плеч России: «Мы имеем причины для большого сетования на иностранцев за их долголетнюю политику на Дальнем Востоке»²⁴. Среди причин восстания обозреватель консервативного журнала «Русский Вестник», скрывавшийся под псевдонимом «Өе-г» указывал: «Алчность наиболее промышленных наций (курсив мой. – В.М.)²⁵ и беззастенчивые требования их по отношению к местному населению», а также «...нетерпимость католических миссионеров»²⁶. Обозреватель журнала «Жизнь» злорадствовал: «тот, кто ввозил опиум и маузеровые ружья, тот и должен расплачиваться», считая восстание наказанием европейцам за зло, которое те причинили Китаю²⁷.

В опубликованной в № 7 «Русского вестника» рецензии на иностранную книгу «Тайные общества в Китае и китайские власти» причины восстания определялись несколько по иному: «Корень зла заключается... в непонимании европейцами Китая, который остался им таким же чуждым, каким был во времена Марко Поло»²⁸. Здесь, кроме экономических и политических причин для объяснения ситуации привлекались факторы культурного взаимодействия и взаимовосприятия.

Участники восстания ихэтуаней были охарактеризованы сугубо негативно. На страницах «Русского вестника» они названы «подонки городского населения, кули, солдаты и даже заведомые разбойники. Чем хуже человек, тем более ему обеспечен тут хороший прием... обществу для его процветания необходимы такие члены, которые были бы готовы на всякое преступление»²⁹. Руководителей общества характеризуют так: «неудачники из бывших мелких чиновников, мандарины, лишившиеся места и т.п.»³⁰. Иной взгляд на состав тайного общества высказывал сотрудник российской духовной миссии в Пекине иеромонах Авраамий, непосред-

²⁴ В.П. Иностранное обозрение. 1900. Июль, 381.

²⁵ Консерваторы и националисты, группировавшиеся вокруг «Русского вестника» вообще склонны были считать причиной восстания ихэтуаней действия в Китае, в первую очередь, Великобритании, зачастую игравшую в их дискурсе ту же роль, что играет у современных российских правых США.

²⁶ Өе-г. 1900. июнь, 720.

²⁷ Васильев А. 1900, 326.

²⁸ Тайные общества в Китае и китайские власти. 1900, 242-246.

²⁹ Там же. 245.

³⁰ Там же.

ственно столкнувшийся с восставшими. Значительную часть членов общества, по его сведениям, составляли деревенские старосты, пользовавшиеся большим уважением у односельчан. Им легко было мобилизовать крестьян на выступление³¹.

Ни малейшего сомнения в печати не вызывало активное соучастие китайских властей в восстании. «Народные волнения в разных местностях Китая, несомненно, вдохновлялись и объединялись пекинским правительством с целью изгнания или истребления иноземцев под прикрытием неодолимого революционного движения», отмечалось на страницах «Вестника Европы». Здесь же подчеркивалось постоянное участие в столкновениях с европейцами регулярной армии Китая³². В статье Авраамия прямо сказано, «противоевропейское движение началось сверху»³³. Святой отец подчеркивал, что в Пекине бойцов ихэтуань обеспечивали продовольствием «князья», во дворах которых восставшие и размещались³⁴.

Однако даже когда европейцы вошли в опустошенный Пекин, освободив посольства от изнурительной многодневной осады, подавление восстания и оккупация объединенным контингентом союзников Пекина не воспринималось в печати, как достойная победа. Как в России, так и в Европе осуждение вызвали действия войск союзников – столица Китая, один раз уже разграбленная ихэтуанями, была вновь разграблена европейцами; озлобленные тяжелыми боями и гибелью соотечественников союзные войска опустошали деревни и города на своем пути.

«Цивилизация и культура, в лице европейских народов, хозяйничает в Китае, подобно тому, как хозяйничали... гунны или варвары, вторгшиеся в страну греков и римлян... по всей стране текут реки крови», – с горечью писал «Вестник Европы»³⁵. В этом журнале рассказывалось о случаях массовых самоубийств китайских женщин, опасавшихся насилий со стороны иностранных войск³⁶. «Военные подвиги европейцев, по словам такого компетентного свидетеля, как сэр Роберт Гарт³⁷, ничем не отличаются от

³¹ Из духовных журналов. 1901, 513.

³² Иностранное обозрение. 1900. Август, 821.

³³ Из духовных журналов. 1901, 513.

³⁴ Там же. 514.

³⁵ Корсаков В.В. 1901, 217.

³⁶ Там же.

³⁷ Сэр Р. Харт (1835–1911) – доверенное лицо и неформальный финансовый советник Цинского правительства, один из самых влиятельных

разбойничьих набегов дикарей»³⁸, — отмечал обозреватель в следующем номере журнала, парадоксальным образом стирая границу между «цивилизацией» и «варварством». «Это было настоящее побоище, которое...ложится неизгладимым пятном на европейскую цивилизацию», — с возмущением писал обозреватель журнала «Мир божий»³⁹. Впрочем, жестокость европейцев — ответ на китайскую расправу над европейцами и пытки попавших в китайские руки миссионеров — отмечалось в «Вестнике Европы»⁴⁰.

После ликвидации движения ихэтуаней внимание образованной публики привлекли методы и средства «умиротворения Китая», и создания таких условий, при которых антиевропейское движение не смогло бы повториться. Фактически речь шла о том, чтобы не только преподать Китаю «урок цивилизованного поведения», но и закрепить соблюдение Поднебесной норм, принятых, согласно терминологии того времени «в культурных странах», т. е. создать в Китае удобные для европейцев «правила игры».

Боксерское восстание принесло понимание того, что: «Китай совсем не так слаб, как об этом говорят... усвоение европейской культуры, и, прежде всего, перевооружение китайской армии и постройка железнодорожной сети сделают Китай могущественным государством, каким сделалась Япония»⁴¹. В отечественной печати цитировали высказывания уже знакомого нам сэра Р. Харта о восстании ихэтуаней: «Это вступление в столетие реформ, ключ к будущей истории Дальнего Востока». Харт пророчески добавлял: «Китай 2000-го года будет совсем отличен (sic) от Китая 1900-го»⁴². В духе эпохи империализма, когда сила зачастую была основным аргументом в международных отношениях, Харт изобразил картину мира, в котором 20 миллионов по-европейски обученных и вооруженных китайцев: «перенесут китайский флаг в такие места, которые теперь даже самая пылкая фантазия не может вообразить, подготавливая такие несчастья и ужасы, которые никому ещё не снились»⁴³, и предлагал уже сейчас не злить Китай ненужными притес-

европейцев в Китае. В 1863–1910 гг. официально находился на посту Генерального инспектора китайских Императорских Морских Таможен.

³⁸ Иностранное обозрение. 1901. Июнь, 820.

³⁹ Из иностранных журналов. 1901, 254.

⁴⁰ Иностранное обозрение. 1901, Июнь, 822.

⁴¹ Жизнь. 1900, 326.

⁴² Духовецкий О. 1900, 741.

⁴³ Там же. 745.

нениями. «Для нас пробуждается опасный в будущем сосед»⁴⁴, — развивалась эта идея в журнале «Русская Мысль».

Первой реакцией на события в Поднебесной, вполне понятной в условиях недавно пережитого испуга и многомесячного волнения за судьбу дипломатов в Пекине, были жесткие меры. Даже на страницах либерального «Вестника Европы» появлялось предложение занять войсками приморские города Тяньцзинь, Дагу и даже Пекин и, отняв их у правительства Китая, поставить под международный контроль⁴⁵.

Постоянный корреспондент «Русского вестника», скрывавшийся под псевдонимом «Странник», горячо и убежденно призывал к разделу и поглощению Китая:

«Китайский кризис, заставший врасплох весь мир, разразился страшной бурей, предвестницей бурь, может быть ещё более ужасных, которому грозит Западу желтолицый Восток»⁴⁶.

Затем он предложил аудитории журнала хрестоматийный портрет «врага-варвара». Китайцы:

«...прибегли к неистовствам, свойственным звероподобным дикарям. Этим они утратили право на человеческое отношение к самим себе и западные народы имеют полное основание требовать удовлетворения от китайцев и стремятся к примерному наказанию виновных»⁴⁷.

Описывая ужасы, которые начнутся, если Китай поднимется и двинет огромные по-европейски вооруженные силы против остального мира, он предлагал путь избежать этого: «единственно надежный и единственно приводящей к цели. Он называется военной оккупацией»⁴⁸.

«Вопрос проще и легче всего решается разделом Китая между европейскими государствами»⁴⁹, — замечал, было, автор рецензии в либеральном журнале «Русская Мысль». Но тут же добавлял: «Но, всматриваясь в дело ближе, нетрудно понять, что такое разрешение китайского вопроса вовсе не просто»⁵⁰, — оно сулит кровавую борьбу с Китаем и его народом.

⁴⁴ В.А.Г. 1901, 197.

⁴⁵ Иностранное обозрение. 1900. Август, 830.

⁴⁶ Странник. 1900, 533.

⁴⁷ Там же. 534.

⁴⁸ Там же. 537.

⁴⁹ В.А.Г. 1900, 191.

⁵⁰ Там же.

По вопросу о будущем Китая голос был представлен и китайской стороне, что в целом было не характерно для той эпохи, когда европейцы охотнее присваивали себе возможность говорить от лица «Других», чем давали «Другим» слово. На страницах «Русского Вестника» было опубликовано мнение китайского посланника в Лондоне. «Дружба 400 миллионного народа стоит того, чтобы её поддерживать», — замечал посланник — «Требования Китая скромны. Он добивается исключительно мира, доброжелательного к себе отношения, возможности обмена товарами»⁵¹. Данный материал демонстрировал российским читателям «прогрессивного китайца», готового следовать по общемировому пути развития и находить взаимопонимание с Западом.

В журнале «Жизнь» была представлена программа умиротворения Китая, по выражению авторов статьи, «выработанная европейской дипломатией». Любопытно отметить, как она была подана читателям: «(программа) отвечает желаниям очень значительной части населения Китая; стоит только вернуть трон молодому императору, повысить заработную плату китайским кули, уничтожить мандарина — и Китай очень быстро пойдет по пути культурного развития»⁵². Таким образом, для авторов публикации было очевидно, что европейская дипломатия, вооруженная современной наукой, нашла простое решение вековых проблем Китая. Подобный взгляд подразумевал, что именно в руках европейцев находится ключ к искоренению «варварских» порядков Поднебесной.

В том же духе была выдержанна гораздо более аргументированная и подробная статья специалиста по Китаю П.С. Попова. В конце своей статьи, посвященной осаде посольств, он предлагал наиболее важные меры для предотвращения эксцессов с Китаем. Среди них:

1. Убытки иностранцам должны быть возмещены посредством займов, которые возьмет у них же Китай, однако Китаю следовало дать больше прав в отношении собственного таможенного обложения.

2. Временная оккупация Пекина и Тяньзиня.

3. Возвращение союзниками занятых ими китайских территорий. При этом правый берег Амура, по мнению Попова, должен

⁵¹ Британская печать о событиях в Китае. 1900, 253.

⁵² Жизнь. 1900, 327.

быть нейтрален на 25-50 верст, следовало также принять запрет китайского плавания по Амуру без разрешения русских властей.

4. Попов считал необходимым «Ограничение деятельности миссионеров чисто духовной сферой»⁵³ с запрещением вмешиваться в мирские дела христиан и язычников.

5. России, по его мнению, следовало изгнать маньчжуров и китайцев с левого берега Амура и открыть маньчжурскую реку Сунгари для плавания русских судов.

Мы видим, что кроме умеренных репрессивных мер по отношению к Поднебесной, Попов предлагал ослабить внешнее давление на Китай. В заключение дипломат отмечал: «лучшей гарантией против повторения прискорбных событий нынешнего года будет внесение иностранцами в свои отношения к Китаю побольше справедливости и поменьше давления и насилия»⁵⁴.

Попов был не одинок в своем предложении не ограничиваться лишь односторонними мерами по принуждению Китая к соблюдению западных норм «культуры». В «Вестнике Европы» отмечалось:

«Сами европейцы должны изменить свои отношения к чужим расам, перестать смотреть на них исключительно как на материал для эксплуатации, как на безличные, пассивные силы, лишенные самостоятельных прав и признанные лишь служить интересам просвещенных привилегированных наций»⁵⁵.

Таким образом, на страницах российских «толстых журналов» признавалась необходимость *взаимных* уступок и Китая и стран «Запада», как одного из важнейших методов приобщения Поднебесной к «цивилизованным» правилам игры.

Итак, подведем итоги.

1. В ходе обсуждения подавления восстания ихэтуаней, в российской интеллектуальной печати не возникало ни малейших сомнений в необходимости «цивилизующего акта» в отношении Поднебесной. Нарушение норм, установленных «культурными державами» и убийство европейцев виделись публике совершенно достаточными основаниями для вторжения в Китай и кровавого и дорогостоящего принуждения гиганта Азии к соблюдению «норм цивилизации».

⁵³ Попов П. С. 1901, 29.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Иностранное обозрение. 1900. Октябрь, 825.

2. Моральная оценка подавления движения ихэтуаней отличалась единодушием. Вооруженное вторжение в Китай было признано положительным, необходимым и даже неизбежным в сложившейся ситуации. Негативно оценивались лишь такие эксцессы, как грабежи и насилия солдат объединенного контингента над местным населением. Определенные сомнения, высказанные на страницах «толстых журналов» породили нарушения международного права, допущенные в ходе ликвидации движения ихэтуаней. Россия при этом виделась державой, игравшей ведущую роль в ходе военных действий. Участие ее подданных в нарушениях и эксцессах, произошедших в ходе подавления восстания, в печати не упоминалось. В связи с «темной стороной» операций в Китае в «толстых журналах» фигурировали лишь иностранцы.

3. Относительно «наведения порядка» в Китае в печати существовало две популярных модели действий:

а) необходимо наказать Китай, силой привив уважение к «европейской законности», данная модель подразумевала возможность России существенно округлить свои владения в ходе наказания Китая;

б) необходимо примириться с определенной независимостью Китая, и рядом неудобств для себя, чтобы добиться лучших и более надежных успехов в выработке общих «правил игры». Сторонники этой версии исходили из представления о том, что Китай силен и способен успешно реформироваться.

Вторая позиция привлекала более квалифицированных авторов, лучше знавших ситуацию на Дальнем Востоке. Современникам становилось ясно, что в конечном счете, обе стороны конфликта должны предпринять усилия и пойти на определенные жертвы ради создания общих «правил игры», которые должны признать и соблюдать обе стороны. Только так можно было создать почву для успешной интеграции озлобленного китайского «варвара» в лоно «европейской цивилизации» и заложить основы продуктивной конвергенции с великой страной Дальнего Востока.

ЛИТЕРАТУРА

- Богданович Т.* 1900: Китай и китайцы // МБ. 9, 179–187.
Богданович Т. 1900: Китай и китайцы // МБ. 10, 250–272.
 1900: Британская печать о событиях в Китае // РВ. 7, 249–261.
В.А.Г. 1900: Иностранное обозрение // РМ. 7, 255–261.
В.П. 1900: Иностранное обозрение // Жизнь. 4, 399–408.
Васильев А. 1900: К событиям в Китае // Жизнь. 8, 278–383.

Духовецкий О. 1900: Желтый вопрос // РВ. 12, 740–758.
 Жизнь. 1900. №8. 320–335.

1900: Из духовных журналов // РВ. 4, 508–517.

1901: Из иностранных журналов // МБ. 3, 253–259.

1900: Иностранное обозрение // Жизнь. 7, 611–617.

1900: Иностранное обозрение // ВЕ. 8, 817–826.

1900: Иностранное обозрение // ВЕ. 6, 813–825.

1900: Иностранное обозрение // ВЕ. 7, 821–832.

1900: Иностранное обозрение // ВЕ. 10, 823–836.

Корсаков В.В. 1901: Детский мир в Китае // ВЕ. 5, 215–257.

1900: Китайские волнения // МБ. 7, 44–49.

Лебедев А. 1896: Желтугинская республика в Китае // РБ. 9, 162–184.

Попов П.С. 1901: Два месяца осады в Пекине // ВЕ. 3, 8–42.

Странник 1900: Китайский кризис и английские шовинисты // РВ. 8, 492–552.

1900: Тайные общества в Китае и китайские власти // РВ. 7, 241–268.

Өе-г 1900: Война в Китае // РВ. 6, 713–734.

Н.В. Коваленко

**Н.И. БУХАРИН О СТАНОВЛЕНИИ
НОВОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
В ПЕРИОД «ДЕГРАДАЦИИ» ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ**

Аннотация. Цель данной работы – составить представление об идеях Бухарина относительно взаимовлияния западной и российской культур, о мыслимых им критериях и специфики восприятия российским (советским) обществом западного наследия и опыта в условиях происходящего, по его мнению, в первой половине XX столетия всестороннего кризиса общества западного и перехода российского общества, изначально более отсталого, на новую, более высокую, чем у Запада, ступень цивилизации.

Ключевые слова: прогресс, культура, цивилизация, Запад, СССР.

После Октябрьской революции 1917 года перед новой властью встал вопрос формирования нового государственного и общественного устройства – создания системы управления страной, выработки новой государственной идеологии, установления приоритетов в области социального и культурного строительства. Создание социалистического государства в России, представлявшее собой осуществляемый впервые в мировой истории перенос теоретических выкладок марксизма на реальную почву, как известно, имело ряд специфических черт. Господствующий в обществе новой, социалистической, формации класс, пролетариат, в случае с Россией представлял собой меньшинство населения, на момент революции не имел богатых, как на Западе, традиций политической и социальной борьбы, отличался от западного своей молодостью, во главе этого борющегося класса стояла интеллигенция, сам он, по мнению противников большевиков, поэтому на момент революции для взятия власти не «созрел». В этих условиях ключевым для большевистских идеологов, как известно, вопрос готовности осуществить переход к новой, социалистической и более прогрессивной формации, зрелости капиталистических отношений и соответственно пролетариата в России. революции базовой здесь стала работа Ленина «Развитие капитализма в России». Согласно ей, российское общество, имея свою специфику, представлялась в целом как часть западной, европейской цивилизации, имевшие в ней место социально-политические процессы в смысле возможности смены формаций перехода к более прогрессивному обществу были идентичны происходящим на Западе.

Однако осуществление указанного опыта на практики, действительность внутри страны и за ее пределами требовали дальнейшего осмысления сущности происходящих процессов, выработки системы идей и задач относительно внутренней политики, дальнейшего формирования идеологии. Так, очень скоро не оправдались надежды большевиков на мировую революцию, и новое государство оказалось в изоляции, среди капиталистического окружения. Внутри страны остро встал вопрос пути дальнейшего формирования механизма власти, вызванный среди прочего рядом негативных явлений (бюрократизация, угроза «замыкания» слоя элиты, оттеснения масс от декларированного ранее участия в управлении государством). Пестрый социальный нового общества, его в целом низкий культурный уровень, стремительно меняющаяся реальность, многочисленные потрясения подразумевали сложность и масштабность задач культурной политики. Новое социалистическое государство стало объектом резкой критики не только консервативных и либеральных слоев Запада и российской интеллигенции, но и не разделявших взгляды большевиков западных и российских марксистов и социал-демократов, считавших, что большевики лишь узурпировали власть, сформировав новый господствующий класс над некультурными и политически пассивными массами.

Все это требовало нового идеологического обоснования «права на жизнь» нового, социалистического государства как носителя более прогрессивного начала по отношению к старой, буржуазной и капиталистической цивилизации. Формирование представления о дальнейшем прогрессивном развитии такого государства, о возможных путях дальнейшего политического строительства, социальных и культурных преобразований требовала дальнейшего обращения к опыту Запада, рассмотрения России как части западной, европейской цивилизации, специфики ее развития относительно истории Запада.

Проблеме отношения России к западному опыту, взаимовлияния этих двух культур, места России в историческом пути европейской цивилизации много внимания уделял Н.И. Бухарин, крупнейший после Ленина идеолог партии. В работах 1920–1930-х годов Бухариным проводится мысль, что формирующееся в России после революции новое общество становится в силу своего устройства (более прогрессивной формации) носителем прогресса по отношению к сохранявшему еще капиталистический строй Западу, изначально более развитому. Анализ опыта и специфики

развития России и Запада по ряду аспектов послужил основой для формирования у Бухарина комплекса идей относительно пути дальнейшего развития российского государства и общества в ряде областей. Так, этот анализ во многом послужил базой для системы взглядов Бухарина во время внутрипартийной дискуссии 1920-х годов относительно путей дальнейшего строительства советского государства и общества, оказал прямое влияние на его идеи и деятельность в 30-е годы.

Цель данной работы – составить представление об идеях Бухарина относительно взаимовлияния западной и российской культур, о мыслимых им критериях и специфики восприятия российским (советским) обществом западного наследия и опыта в условиях происходящего, по его мнению, в первой половине XX столетия всестороннего кризиса общества западного и перехода российского общества, изначально более отсталого, на новую, более высокую, чем у Запада, ступень цивилизации.

Проблема взаимоотношений с западной цивилизацией отражена в многочисленных работах Бухарина 1920–1930-х гг. Тематика работ в рамках данного направления варьировалась в зависимости от основных вех внутренней политики и внешних событий, но во всех работах можно выявить постоянные, ключевые положения для системы идей Бухарина. В них содержатся обоснования политики партии в области художественной культуры, обоснованы позиции Бухарина во внутрипартийной дискуссии с левыми во главе с Троцким (главным идеологом которой был Бухарин). Работы, содержащие теорию соотношения российского и западного опыта в области государственного культурного строительства, также стали ответом на критику режима антибольшевистски настроенной российской интеллигенцией (Бердяев, Вавилов др.), на теории т.н. ревизионистов (Бернштейн, Каутский), марксистов, чьи идейные построения шли вразрез с теорией и практикой методов государственного строительства большевиков.

Вслед за другими российскими мыслителями Бухарин неоднократно указывал на отсталость России по сравнению с Западом, на сохранение после революции доставшихся от прошлого негативных черт – низкий уровень культуры и грамотности абсолютного большинства населения, косность, отсутствие опыта участия в политической жизни. Также большую роль играл специфический социальный состав – преобладание в стране крестьянства, а не рабочего, победившего и передового класса. Российский пролетари-

ат отличался от западного своей молодостью, большей внутренней неоднородностью, отсутствием длительного опыта организованной борьбы за свои права, участия в политической жизни. Не было в России и аналога западной буржуазии с ее политическими институтами, длительными гражданскими традициями, Веком Просвещения, Возрождением и Реформацией. Тем не менее Россия становилась страной, претендующей на то чтобы первой перейти к более прогрессивному обществу, к более совершенной формации в том числе в области культуры, права, государственного строительства, отношения к человеческой личности. Однако Бухариным развивается мысль, что переход России к новому строю – не только единственно возможный путь для ее дальнейшего прогресса и развития в рамках европейского общества, она также становилась в этом случае гарантом сохранения высокой западной культуры, переживающей в новом столетии упадок, формационный кризис.

Проблему отношений с цивилизацией Запада в работах Бухарина условно можно разделить на два взаимосвязанных аспекта. Первый – политико-правовое наследие Запада, второй – культурное наследие Запада.

Остановимся на первом аспекте. Бухариным неоднократно подчеркивалось богатейшее наследие Запада в области государственного строительства, права, политической борьбы, массовых движений, борьбы за права класса и отдельной личности. Однако эксплуатация широких масс буржуазией исключали, по Бухарину, исключали для большинства населения даже наиболее развитых буржуазных государств возможность подъема до уровня высококультурных, политически грамотных и сознательных активных участников политической жизни государства, свободно мыслящих личностей. Вся система власти, работа государственных институтов, политика были направлены на сохранение такого положения. Политическая активность населения на Западе, участие в работе политических институтов, действие гражданских свобод для неподготовленного большинства оставалось фикцией. Видимые завоевания масс на Западе вроде профсоюзов, условий труда, создания рабочих партий, повышения уровня жизни и образования были прогрессивны, но не могли коренным образом влиять на данную ситуацию, охватывали абсолютное меньшинство, не могли быть реальными шагами на пути изменения положения масс, так или иначе вписывались в указанную систему, сохраняющую, несмотря на некоторые уступки, статус-кво в положении сравнитель-

но немногочисленного господствующего класса – буржуазии относительно большинства населения¹. Условия труда, система образования, механизмы власти, законодательство были направлены на поддержание такого положения. Такое общество не могло постоянно идти по пути увеличения социальной однородности, действовать долгое время как единый слаженный организм, иметь реальную, близкую большинству граждан, объединяющую их, национальную идею. То есть западная цивилизация со всеми ее шагами вперед имеет некий «потолок» в развитии общества и личности, ее движение вперед возможно лишь до определенной черты. Бухарин, как и другие многие другие левые мыслители, отрицал возможность для западных буржуазных государств стать действительно социальными государствами и реальными демократиями для широких масс. Эти условия, по Бухарину, исключали для основной массы населения возможность «вызревания» в условиях буржуазного общества до уровня политически грамотного и сознательного относительно однородного класса, абсолютно подготовленного для того, чтобы (посредством смены формаций) составить новое, более совершенное общество, поднимающее на новый уровень человеческую личность, исключая эксплуатацию и бесправие². Дальнейший прогресс подразумевает коренную ломку во всех областях, создание принципиально иных государственных и общественных построений, коренные изменения социальной стратификации общества – все то, что объединяет марксистское понятие «смена формаций». Именно за ней открывается возможность для настоя-

¹ Наиболее четко эти идеи отражены в одной из наиболее крупных его работ «Теория исторического материализма». По мысли Бухарина, отношения между классами подразумевают не только классовую борьбу, но и классовое сотрудничество. Период классового сотрудничества наступает после очередной смены формаций, оставшиеся на общественной арене классы, даже враждебные друг другу, бывают заинтересованы в нем. Это и есть причина возможности создания профсоюзов, уступок со стороны господствующего класса (буржуазии). Однако в целом это не снимает классовых противоречий, которые остаются и продолжают усиливаться, что в итоге приводит к очередной смене формаций. Исключение здесь составляет, по Бухарину, только предпоследняя, социалистическая, формация, на стадии которой классовое сотрудничество способствует наоборот затуханию классовой борьбы и мирной смене социалистической формации бесклассовым обществом. См.: Бухарин Н.И. 1922.

² Наиболее полно эта идея отражена в работе Бухарина «Буржуазная революция и революция пролетарская». (См.: Бухарин Н.И. 1924: Буржуазная революция и революция пролетарская).

щего прогресса уже в новых масштабах, изменение положения масс, создание личности нового уровня, незнакомой старому миру.

К новому XX столетию западное общество исчерпало свои возможности в области прогресса в отношении широких масс, российское же общество также не имело перспектив дальнейшего их подъема в рамках буржуазного строя, специфического в России. Капитализм в целом, по терминологии Ленина, вступил к тому времени в свою высшую и последнюю стадию – империализм. Первая мировая война стала здесь наиболее знаковым явлением. Падала ценность человеческой жизни и личности, происходил отказ от ключевых завоеваний прошлого – права, свободы, демократии и т.д., нарастала агрессия, распространялся милитаризм, возникла угроза ключевым ценностям западной цивилизации. Социалистическая революция явилась в этом случае единственным возможным шагом на пути дальнейшего прогресса. Советская Россия при сохранении капиталистического строя на Западе превращается в этом случае из отстающей в прошлом страны в носитель прогресса по отношению к тому же Западу и другим странам³.

Главным вопросом для Бухарина был здесь механизм осуществления своей власти в России победившим рабочим классом. Взавший власть после закономерной при смене формаций социалистической революции рабочий класс, в отличие от буржуазии, в любом случае оказывался мало подготовленным к осуществлению своей диктатуры, управлению страной во всех областях. Для России же ситуация осложнялась упомянутой спецификой ее развития, негативным наследием прошлого. Большую роль играл и классовый состав населения – после социалистической революции пролетариат, главный, по идее господствующий класс, оставался меньшинством среди крестьянской массы, изначально более инертной, отсталой, с классово чуждой пролетариату верхушкой. Бухариным, как и его оппонентами, ставился вопрос о возможности пролетариата удержаться у власти, на деле осуществлять свою диктатуру и не упустить эту власть в пользу немногочисленного образованного меньшинства – бывшей радикальной интеллигенции, специалистов старого времени, занявших бы ключевые посты во власти и других структурах, очень небольшой части выходцев из рабочего класса. Все это подразумевало возможную бюрократизацию правящей про-

³ См., например: Бухарин Н.И. 1993: Пролетарская революция и культура, 31–62.

слойки, ее отрыв от масс, закрытие им доступа к участию в жизни государства, превращение верхушки в самодовлеющую силу, новый господствующий класс (и, естественно, отказ такого общества от претензий на роль носителя новой, более развитой цивилизации). (Это у большевиков называлось угрозой перерождения, или Термидора как в работах Троцкого, по аналогии с Великой французской революцией и падением диктатуры якобинцев.)

В связи с этим пристальное внимание у Бухарина уделяется работе партии и Советов как основных носителей власти. Для принципов их работы и устройства абсолютно не подходил опыт функционирования современных ему западных учреждений, не имевших, по Бухарину, в силу указанных выше особенностей, ничего общего с подлинной демократией и народным представительством. Реальное ее осуществление, уже в рамках советской системы, обуславливало специфическую роль, устройство и задачи указанных структур власти. В целом, все это обуславливало по Бухарину достаточно жесткий внутривнутрипартийный режим, подразумевающий недопустимость образования групп внутри партии, абсолютное единство в принятии решений, четкое прописание полномочий в деятельности тех или иных партийных звеньев, как бы соблюдение жесткой внутривнутрипартийной иерархии, очень большую роль т.н. партийного аппарата в механизме принятия решений, т.е. «костяка» партии, очень большую роль старых партийных кадров в воспитании следующего поколения партийных руководителей с одной стороны и жесткие рамки партийной идеологии, жесткий контроль за формированием политического сознания при их воспитании с другой⁴. Вопросы возможной узурпации власти в этой ситуации уже небольшой партийной прослойкой, догматизации и застоя, вырождения партийной и политической мысли должны были решаться по Бухарину исключительно в рамках указанного внутривнутрипартийного режима. Эти положения, основанные на анализе западного и российского политического и социального опыта стали базовыми во внутривнутрипартийной дискуссии Бухарина (и партийного большинства со Сталиным) с т.н. левыми во главе с Троцким в 1920-е годы по вопросам дальнейшего внутривнутрипартийного и политического строительства. Они же определили направление деятельности Бухарина и отчасти его единомышленников уже в противостоянии с просталинским партийным большинством в самом

⁴ См., например: Бухарин Н.И. 1925; *Он же*: 1988, 34–37, 182–184; и др.

конце 1920-х годов (т.н. правая оппозиция во главе с Бухариным и др.). Представления о старой буржуазной цивилизации и молодой Советской республике определили и отношение к социалистическому и коммунистическому движению на Западе.

Органами подлинного волеизъявления масс, их участия в управлении государством Бухарин считал Советы. Бухариным подчеркивалось, что они должны были работать на принципиально иных условиях, чем органы избирательной, на деле фиктивной для большинства, западной демократии. Смена старого общества, гораздо более отсталого, чем буржуазное общество Запада, на социалистическое (в дальнейшем коммунистическое) предполагала, по Бухарину, длительный переходный период, когда победивший класс должен был «дорости» до этого нового общества и даже перерасти при этом культуру Запада в силу своих уникальных возможностей. Одной из ключевых задач власти в этот переходный период являлось всестороннее просвещение масс на всех уровнях, подъем на новый уровень их политического сознания. Это было необходимо для осуществления реального, а не ограниченного, как в западных капиталистических государствах, участия в управлении страной представителей нового общества, для создания образованного и политически грамотного поколения будущих руководителей страны и хозяйства. Эта мысль проходит через большинство работ Бухарина, ему, в частности, принадлежит отдельный сборник статей, объединенных названием «Борьба за кадры»⁵. Очень большое значение при этом Бухариным придавалось опыту политического строительства на Западе, становления западных демократий, его социально-политическим процессам, развитию мысли. Всестороннее изучение западного опыта, его культуры, истории, философии, политических движений и институтов являлось обязательным условием становления нового, более совершенного общества. Так, Бухарин, подчеркивал, что советские ученые должны знать историю Европы даже лучше своих западных коллег. Вместе с тем изучение этого опыта должно было происходить исключительно в рамках определенной, марксистской, концепции, подразумевать определенную и единственно приемлемую парадигму развития общества (см. ниже)⁶. Восприятие всего этого

⁵ Бухарин Н.И. 1928.

⁶ См., например: Бухарин Н.И. 1924: О мировой революции, нашей стране, культуре и прочем, 288–307.

предполагалось в ракурсе упомянутой ограниченности прогрессивного начала, также как и специфики российских условий.

Культуре, ее развитию как обязательного условия прогресса Бухариным предавалось очень большое значение, причем культуре в широком смысле слова, сюда относятся: литература, искусство, наука, философские концепции, мировоззрение, образование, просвещение, развитие личности. Культура, относимая им и любым другим марксистом к «надстройке», являлась, естественно, отражением происходящих в «базисе» процессов. Вместе с тем Бухарин говорил о «взаимопроникновении» этих двух составляющих. Общественный прогресс во всех областях, по Бухарину, предполагает интенсивное развитие науки, ее прикладных областей, становление политических и общественных институтов, развитие личности. Духовный прогресс неотделимы от развития гуманитарных и социальных наук, литературы и искусства. Бухариным многократно указывалось на культурную отсталость России и, с другой стороны, на богатейшее, многогранное культурное наследие Запада. Как и в первом случае, становление в России нового общества обуславливало необходимость освоения и восприятия наследия Запада, оно становилось базовым для дальнейшего прогресса цивилизации в целом. Так, советским партийцам и писателям Бухариным в частности были прочитаны обстоятельные доклады, вышедшие впоследствии отдельными работами, о творчестве и значении наследия Гёте, Гейне, Роллана, много внимания уделялось наследию Возрождения и т.д. Необходимым мыслилось для него и постижение опыта передовых капиталистических стран в области прикладных наук, связанных с техникой, хозяйством, управлением⁷. Вместе с тем западное буржуазное общество, в силу своего «базиса» имело определенный «лимит» и рамки и в развитии культуры. Как уже говорилось, сохраняющийся в нем межклассовый антагонизм был причиной отсутствия равных возможностей в постижении культуры для всех его представителей. Сохранение статус-кво в положении класса господствующего и эксплуатируемого предполагало ограничения в этой области для последнего. Это определяет отсутствие для большинства возможностей в реализации своего интеллектуального потенциала и таланта, и в результате со временем становится преградой для развития

⁷ См., например: Бухарин Н.И. 1993: Ленинизм и проблема культурной революции, 128.

науки и культуры в целом. Также эти условия становятся препятствием для развития национального самосознания, осознания себя частью определенного общества; создают предпосылки для его, общества, «атомизации», т.е. принадлежности индивида более к определенной прослойке общества, нежели к своему обществу в целом, разрыву социальных связей. Решение данных проблем Бухарину представляется также исключительно в рамках принципиально нового общества, где нет классового антагонизма. Российское общество, переживающее после революции переходный период, единственное, которое обладало в этом случае очень большим потенциалом.

За западным обществом нового столетия Бухарин признавал интенсивное развитие прикладной науки и техники. Однако в целом буржуазное общество нового столетия и рубежа столетий переживало по Бухарину упадок культуры. Он явился прямым следствием и отражением упомянутого кризиса «базиса», перехода капиталистического общества к своей последней стадии. Упадок выразился в искусстве, философии, мировоззрении, литературе. Так, войны, и Первая мировая как их новый тип, политическая и экономическая нестабильность, радикальные перемены, уменьшение ценности человеческой жизни породили неуверенность в завтрашнем дне, тревогу за судьбы цивилизации, пессимизм. Следствием этого в указанных областях стали попытки ухода от действительности: обращение к мистицизму, отказ от рационализма и материализма в восприятии мира, устоявшихся норм, восприятие рока, неотвратимости в качестве непреложного закона, обращение к религии, создание псевдонаучных концепций, в частности мифологизация и идеализация прошлого и т.д. В искусстве выражением этого стало появление символизма, декадентов, сюрреализма и ряда других авангардных направлений, утверждение формализма, концепций «чистого искусства» и т.д.; в науке – в частности, появление цивилизационного подхода и «Заката Европы» Шпенглера, его основоположника, распространение фрейдизма. Эти же процессы, по Бухарину, охватили частично и естественные, точные, технические науки⁸. Другой стороной упадка Бухарину представлялось появление такого направления мысли, где подвергались ревизии признанные общечеловеческие ценности: право, мораль,

⁸ См., например: Бухарин Н.И. 1924: О мировой революции, нашей стране, культуре и прочем, 171.

гуманность, свобода и др. Одним из главных представителей этого подхода был «безумный пророк» по выражению Бухарина Ф. Ницше, в дальнейшем же это направление было отражено в многочисленных трудах фашистских идеологов⁹.

Будучи продуктом упадка, такое искусство и наука не могли претендовать на то, чтобы являться значимой, по-настоящему ценной частью культурного наследия. В этой оценке Бухариным не делалось различия между произведениями этого направления. При осознании несомненной высокой художественной ценности многих из них (в первую очередь произведений литературы и искусства) он отказывал всем им в ценности в качестве интеллектуального наследия¹⁰. Здесь выразилась свойственная Бухарину двойственность подхода к произведениям литературы и искусства. Помимо собственно художественной ценности, вторым критерием для него была значимость в смысле формирования прогрессивного мировоззрения, осознания ключевых процессов своего времени и окружающей действительности, насущных задач общества, знание окружающей жизни, ее основных сторон, умение обобщать такой опыт. Этот второй критерий в оценке произведения был более важным и решающим. Так, Бухарину было свойственна двойственная оценка творчества одних и тех же авторов, полярные оценки разных произведений, периодов в творчестве одного и того же автора.

⁹ См., например: Бухарин Н.И. 2003: Безумный пророк, 428; Он же. 1993: Основные проблемы современной культуры, 289–291.

¹⁰ Например, в одном из тюремных стихотворений Бухарин характеризует такие произведения, эпоху и атмосферу их создания (См.: Бухарин Н.И. 2003: Гнилые ворота, 431):

Среди болот загнивших мира,
Средь дыма черного и вражеских траншей,
Безумных оргий пьяного сатира –
Зловонный урожай червей.
Верлена нежной скрипки пенье,
То тленья смертный аромат,
Мистические озаренья,
Что «Падалью» Бодлера говорят.
И странная экзотика Рэмбо,
И черт у Мережковского серьезный,
И утонченные кошмары По,
То пятна чумные болезни грозной,
То на гнилых стволах роскошные грибы,
Что яд сочат на пиршество судьбы.

Частью переживающей культурный упадок буржуазной цивилизации, выразителями этого упадка становились для него также многие представители русской творческой и научной интеллигенции, например, философы Н. Бердяев и К. Леонтьев, русские символисты и декаденты (некоторые, как Блок и Брюсов, только на определенный период времени, до принятия революции). Выразителями этого направления как бы на местный манер стали для Бухарина и т.н. поэты деревни, в первую очередь Есенин. Среди прочего в творчестве последних Бухарин видел идеализацию «добраго старого времени», а именно негативных устойчивых черт старого крестьянского, народного быта и мировоззрения¹¹. Такое представление определило отношение Бухарина к этой части российской культуры. Признаваемый Бухариным крайне высокий художественный и интеллектуальный уровень работ не служил здесь для него критерием их ценности. «Есенин талантлив? – писал он, например в своих нашумевших «Злых заметках», – Конечно, да. Но талантлив был и Барков... Талантлив в высокой степени «академик» И. Бунин. Даже Мережковскому нельзя отказать в этом свойстве. Есенинский стих звучит нередко, как серебряный ручей. И все-таки в целом есенинщина – это... причудливая смесь религии и хулиганства... под колпаком quasi-народного национализма»¹².

Альтернативой культурному упадку становилось, по Бухарину, создание упомянутого нового, сначала социалистического, общества. Состояние буржуазного общества предполагало дальнейшую деградацию его культуры, вплоть до прекращения его существования. На этой последней стадии его существования, точнее кризис, ставил под угрозу наиболее ценные его культурные завоевания, наиболее ценное наследие прошлого. Как уже говорилось, характерными чертами империализма становились дегуманизация, отказ от значимых ранее духовных ориентиров, приоритета свободы и равноправия (пусть и существовавших ранее в определенных рамках), культ грубой силы, разрушения, моральный упадок. Советское государство в этом случае по отношению к Западу становилось единственным реальным наследником завоеваний его цивилизации.

Ключевой проблемой здесь было то, как наследником духовных ценностей Запада, носителем более высокой и гуманной культуры может стать общество, по своему формирующемуся строю

¹¹ Бухарин Н.И. 1993: Злые заметки, 104–110.

¹² Там же, 106.

более прогрессивное, но в отношении культуры изначально гораздо более отсталое, где господствующий, рабочий, класс, как и абсолютное большинство населения, в массе своей не имеет даже элементарных культурных навыков. Это положение предопределило комплекс идей Бухарина в отношении методов и особенностей деятельности власти в области культурного строительства в т.н. переходный период к социализму. Условно эти идеи можно разделить на три взаимосвязанных аспекта. Первый из них подразумевает роль власти, партии, в руководстве культурой, второй – политику в области той или иной части интеллигенции, третий – основные приоритеты, ключевые направления и задачи в области культурной политики в переходный период.

Любой общественный строй по Бухарину предполагал свою определенную систему мышления, свое специфическое мировоззрение. Эта система мышления охватывала все области жизни общества, определяла систему ценностей и ориентиров общества и личности, отражалась в особенностях развития науки, культуры искусства, а также семьи, государственных институтов и т.д. Марксизм в этом случае являлся как раз такой системой мышления. Существование указанных областей в такой системе мышления отнюдь не подразумевало для него насаждение догматизма, насильственного сужения потенциала человеческой мысли, т.к. любые другие общества также существовали в определенной, только им свойственной системе мышления. Что касается культуры, марксизм как такая система для Бухарина предполагал, новое, более гуманное отношение к личности, раскрытие на новом уровне, невозможном ранее, ее творческого потенциала, гуманизацию общественных отношений и т.п. Такая позиция предопределила обоснование культурной политики в отношении разных частей российской интеллигенции. Так, Бухарин выступал за более лояльное, чем в политическом строительстве, отношение к деятелям искусства из значимых для дальнейшего строительства слоев нового общества – выходцам из рабочей, крестьянской среды, представителям принявшей революцию интеллигенции (например, к т.н. попутчикам), за поощрение многообразия, борьбы разных творческих направлений, широкий спектр тем и проблем художественных произведений, изображение всего многообразия жизни, поднятие наиболее актуальных вопросов. Условием такой позиции было для Бухарина то, что все они, направления и их представители, находились бы в одной указанной, системе мышления.

Иным было отношения к тем, кого Бухарин, как упоминалось выше, считал выразителями культурного упадка буржуазной цивилизации, т.е. тем, кто составлял по Бухарину единый культурный феномен с западными единомышленниками. Идеология культурного упадка предполагала дезориентацию для человека нового формирующегося общества, препятствовала формированию новых, более высокого уровня, духовных, моральных ориентиров, рациональному восприятию действительности. Особое значение здесь имело, то, что объектом ее влияние становилось бы в основном еще только формирующееся, т.е. «пробуждающееся», незащищенное сознание тех, чью природу, по Бухарину, еще только предстояло переделать для общества более высокого уровня. Все это предопределило жесткую позицию в отношении значительной части интеллигенции, деятельности искусства, стало идеологическим обоснованием исключения их из возможного участия в культурной жизни страны. Отказ от восприятия образцов высокого уровня этой новой части западной и российской культуры, от целого значимого культурного пласта эпохи, был по Бухарину, как можно понять, абсолютно незначителен на фоне формирования нового общества, единственного на тот момент в Европе и западной цивилизации в целом обладающего потенциалом прогресса.

Вопрос возможного «закжима», насаждения, догматизма в развитии культуры (и как следствие застоя и упадка) в этих условиях все же оставался крайне актуален для Бухарина. О подобной опасности, против насаждения в искусстве по его выражению «бревна с красным флагом» он часто предупреждал в своих работах и в докладах о политике власти в области культуры. Однако эта проблема поднималась им исключительно в рамках развития творчества указанных слоев нового общества, относительно того искусства, которое по его оценке в целом не выходило за рамки указанной системы мышления и никак не влияла на его жесткую позицию в отношении несоветской по своим убеждениям российской интеллигенции.

Восприятие и изучение западной культуры, ее завоеваний, созданных ею ценностей, столь необходимое для формирования новой, более высокой, культуры в России, также предполагалось исключительно рамки марксистской системы мышления. Это предопределило у Бухарина отказ от дореволюционной научной мысли как возможной части обширного культурного наследия нового российского общества. Несмотря на высокий научный уровень, широту и актуальность поднятых проблем, дореволюционная не-

марксистская мысль категорически отвергалась им в качестве настоящего культурного наследия нового общества. Он указывал на трагедию в этом случае большей части русской дореволюционной интеллигенции, однако вся значимость ею созданного разбивалась для него о свойственную ей другую всепроникающую систему мышления, в понятиях которой могло существовать только переживающее упадок старое, западное и российское, общество¹³.

В целом указанные позиции Бухарина предполагали избирательность в отношении культурного наследия Запада, постижение его исключительно в рамках определенной идеологии. В обосновании этой своей позиции Бухарин, в частности, ссылается на идеи Ленина в области культурного строительства:

«...Ленин с ... сокрушительной настойчивостью ставил задачу взять от капитализма все, что можно взять. ... Однако было бы... неправильным, изображать дело так, будто Ленин считал необходимым простой перенос буржуазной культуры к нам... Ленин ... говорил, что надо заимствовать то, что полезно пролетариату... Достаточно известно его отношение к религии, философскому идеализму, буржуазной общественной науке...»¹⁴

Низкий культурный уровень основных масс населения и рассмотренное выше положение относительно современной культуры обусловили предание исключительной роли партии в развитии культуры нового общества. Ею должны были быть сформированы и последовательно воплощаться в дальнейшем основы культурной политики, она отвечала за воздействие на общество тех или иных направлений, формировала вектор развития нового мышления. Ключевой первичной задачей партии в переходный период также становилось всестороннее преодоление культурной отсталости, начиная с широкого обучения элементарным навыкам культуру, гигиены, ликвидации безграмотности и заканчивая вузовской и академической наукой. Отдаленной же перспективой Бухарину виделось создание новой свободной, всесторонне развитой, мыслящей личности, из таких личностей должно было в будущем состоять общество (такая концепция личности развивается им в 30-е годы). Именно новое общество, в отличие от старого, буржуазного, в силу особенностей своего устройства имело большой потенциал в этом, имело условия для распространения в дальнейшем тех

¹³ Бухарин Н.И. 1993: Судьбы русской интеллигенции, 78–88.

¹⁴ Бухарин Н.И. 1993: Ленинизм и проблема культурной революции, 128.

достижений западного буржуазного общества, которые в нем в силу его устройства оставались уделом лишь ограниченной его части (правящего класса).

Ряд работ Бухарина 1930-х годов посвящен сущности фашизма, последний, его опасность и разрушительный потенциал становятся основным объектом внимания Бухарина в этот период. По Бухарину фашизм, представляющий собой главную угрозу для цивилизации, был непосредственным и закономерным итогом упадка западного буржуазного общества, апогеем происходивших там в новом столетии разрушительных процессов. В нем Бухарин видел закономерный итог развития капитализма. Развитие западных стран, не пораженных фашизмом – Франции, Англии, США – не виделось ему в качестве альтернативного, спасительного пути для буржуазного общества, просто в ряде стран в силу их специфики, этот закономерный упадок был ярче выражен. Фашизм по Бухарину представлялся апогеем тех разрушительных процессов, которыми западное общество было охвачено уже длительное время. Альтернативой здесь также являлся лишь переход к следующей, более совершенной формации – путь Советского государства. В этом случае для Бухарина последнее более чем когда-либо выступало в роли спасителя и преемника западной культуры, ее ключевых, гуманистических ценностей, истинного носителя цивилизации во впадающей в варварство Европе, на него ложилась ответственность за судьбу европейской цивилизации¹⁵.

Возможность для последнего была обусловлена спецификой системы экономики и власти, социальной и культурной политики в СССР. Советское государство, по Бухарину, в 30-е годы продолжало оставаться таковым даже несмотря на признанный им ранее ряд негативных процессов – установление единоличной диктатуры, выбранный темп и метод индустриализации. В работах Бухарина 30-х, уже после поражения правой оппозиции, лидером которой он был, как известно, содержатся восхваления политики Сталина и его деятельности. Отношение к нему Бухарина в этот период – отдельная тема, однако как можно понять, установившаяся к 30-м годам система власти, экономические и политические методы не умаляли завоеваний на пути строительства нового, более совершенного и гу-

¹⁵ См., например: Бухарин Н.И. 1993: Основные проблемы современной культуры, 288–307. Бухарин Н.И., 1996. См. также: Епифанов А.Е., Кононенко Д.В. 2008, Фрезинский Б.Я. 1996, 24–43.

манного общества, небывалого развития личности. После революции и до рассматриваемого момента были заложены основы строительства общества с принципиально иным социальным и политическим устройством, запущен более совершенный и гуманный механизм культурных преобразований, все это подразумевало возможность противостоять стремительно распространявшейся в Европе фашистской угрозе и дальше двигаться по пути прогресса.

Так, в докладе, сделанном в 1936 году в Париже и направленном против идеологии и распространения фашизма в Европе, он говорил:

«Нет никакого сомнения,— в том, что мы сейчас переживаем самый сильный в истории мировой кризис, кризис всей цивилизации, как материальной, так и духовной. Кризис всей капиталистической системы, который неизбежно приведет к преобразованию капиталистического общества в социалистическое. ... рождение Советского Союза — только начало гигантского социального преобразования. ... речь сейчас идет о кризисе демократического и либерального государства, и этот кризис смыкается с критическим же положением капитализма. А отсюда исходит фашизм... апология милитаризации жизни, мышления... мы присутствуем при кризисе ... идеи «автономной личности» и замещении этой идеи идеей казарменного универсализма; при кризисе всей идеологии либерального христианского гуманизма и при консолидации «неоязычества», открытой пропаганды озверения... <...> [в СССР] культурные и технические навыки еще недостаточно развиты... Но уже сейчас заметно... усиление единства умственного и физического труда... Ни у одного класса нет монополии на культуру... впервые в истории формируется человек во всей его полноте...»¹⁶

Н.И. Бухарин представлял советское общество обладающим феноменально большим потенциалом прогресса в отличие от общества буржуазного, западного. Созданное в стране гораздо более отсталой, оно в силу своего социального, политического и экономического устройства располагало принципиально иными условиями для развития, в том числе и человеческой личности. Это давало ему возможность не только постичь в полной мере богатейшее наследие западной культуры, но и избежать обязательно постигающего со временем западное общество глобального кризиса. Вместе с тем для реализации советским обществом такого потенциала было необходимо тщательное изучение наследия Запада

¹⁶ Бухарин Н.И. 1993: Основные проблемы современной культуры, 288–296.

во всех областях с признанием собственной культурной отсталости и себя как части западной цивилизации в целом. Это восприятие наследия Запада, однако, подразумевало жесткий отбор, с учетом специфики развития западного и российского общества в целом и на конкретном этапе. Опыт и наследие Запада в смысле его значимости также должно было рассматриваться сквозь призму определенной, всеохватывающей системы мышления, своей на каждом конкретном этапе развития общества. Это стало причиной неприятия Бухариным ряда направлений в науке и искусстве, отказ в рассмотрении их в качестве духовных ценностей, его апелляции к жесткой политике властей в их отношении. Специфика нового российского общества и неизбежные, с его точки зрения, ограничения в области политико-правового развития общества западного и буржуазного вообще предопределяли для него принципиально иную в советском государстве 20-х годов систему взаимоотношений власти и общества.

ЛИТЕРАТУРА

- Бухарин Н.И. 1922: Теория исторического материализма. — М.
 Бухарин Н.И. 1924: Буржуазная революция и революция пролетарская // Бухарин Н.И. Атака. — М., 216–241.
 Бухарин Н.И. 1924: Ленин как марксист // Бухарин Н.И. Атака. — М., 242–284.
 Бухарин Н.И. 1924: О мировой революции, нашей стране, культуре и прочем // Бухарин Н.И. Атака. — М., 171–215.
 Бухарин Н.И. 1924: Проект программы коммунистического интернационала // Бухарин Н.И. Атака. — М., 285–303.
 Бухарин Н.И. 1924: Теория пролетарской диктатуры // Бухарин Н.И. Атака. — М., 89–114.
 Бухарин Н.И. 1925: Долой фракционность! — М.
 Бухарин Н.И. 1928: Борьба за кадры. — М.; Л.
 Бухарин Н.И. 1931: Гейне и коммунизм // Большевик. 9, 12–19.
 Бухарин Н.И. 1932: Гёте и его историческое значение // Социалистическая реконструкция и наука. 4, 8–22.
 Бухарин Н.И. 1988: Железная когорта революции // Бухарин Н.И. Избранные произведения. — М., 34–184.
 Бухарин Н.И. 1993: Злые заметки // Революция и культура / Фрезинский Б. (ред.). — М., 104–110.
 Бухарин Н.И. 1993: Ленинизм и проблема культурной революции // Революция и культура / Фрезинский Б. (ред.). — М., 119–141.
 Бухарин Н.И. 1993: Основные проблемы современной культуры // Революция и культура / Б. Фрезинский (ред.). — М., 288–307.
 Бухарин Н.И. 1993: Пролетарская революция и культура // Революция и культура / Б. Фрезинский (ред.). — М., 31–62.

- Бухарин Н.И. 1993: Судьбы русской интеллигенции // Революция и культура / Фрезинский Б. (ред.). – М., 78–88.
- Бухарин Н.И. 1996: Кризис капиталистической культуры // Бухарин Н.И. Тюремные рукописи. – М. Т. 1.
- Бухарин Н.И. 2003: Безумный пророк // Ларина–Бухарина А.М. Незабываемое. – М., 428.
- Бухарин Н.И. 2003: Гнилые ворота // Ларина–Бухарина А.М. Незабываемое. – М., 431.
- Епифанов А.Е., Кононенко Д.В. 2008: Политико–правовые воззрения Н.И. Бухарина. – Волгоград.
- Козлов В.А., Бордюгов Г.А. 1990: Поздний Бухарин: представления о социализме // Бухарин. Человек, политик, ученый / В.В. Журавлёв (ред.). – М., 149–161.
- Козн С. 1988: Бухарин. Эпизоды политической биографии. – М.
- Кун М. 1992: Бухарин. Его друзья и враги. – М.
- Лайне С.В. 1991: Николай Бухарин – литературный критик. – М.
- Савченко М.М. 1990: Н.И. Бухарин и литература: учебное пособие по спецкурсу. – М.
- Устинов О.А. 2007: Проблема человека в творчестве Н.И. Бухарина. Автореф дис. ... канд. фил. наук. – М.
- Флейшман Л. 1990: Пастернак и Бухарин в тридцатые годы // Дружба народов. 2, 249–258.
- Фрезинский Б. 1993: Утопии и реальность // Революция и культура / Фрезинский Б. (ред.). – М., 3–28.
- Фрезинский Б.Я. 1996: Предисловие // Бухарин Н.И. Тюремные рукописи. – М., Т. 1, 24–43.
- Ярошевский М.Г. 1989: Проблема теории науки и искусства в работах Н.И. Бухарина // Вопросы философии. 10, 85–96.

А.В. Буданов

ПОСТМОДЕРН И ВАРВАРСТВО

Аннотация. В статье анализируются содержание и формы проявления варварства в условиях современной цивилизации, рассматриваются вопросы взаимосвязи и взаимодействия цивилизации и варварства. Особое внимание уделено характеристике постмодерна как сложного комплекса явлений в сфере интеллектуальной и духовной, в области науки, культуры и искусства, наиболее развернуто проявившихся в последней трети XX – начале XXI в. и формам современного варварства, связанным с феноменом постмодерна.

Ключевые слова: цивилизация, варварство, варварство историческое, варварство современное, постмодерн, эпоха постмодерна, «общество потребления», «массовая культура», виртуализация.

Из всех Историй для нас важнейшей является Новейшая – мы в ней живем. И вечные исторические проблемы, к которым, несомненно, относится «цивилизация и варварство», воспринимаются нами не только в академическом ключе познания прошлого, но как реалии собственного бытия. В свете этого бытия позволим себе некоторый комментарий к «звезде варварологии» как символу пяти основных направлений данной отрасли исторической науки¹. Если взять за критерий современную значимость каждого направления, то это будет не геометрически правильная фигура, а «роза ветров». И, скорее всего, самым мощным «лучом», представляющим жгучий интерес для современного человека (не только ученого или политика), будет «изучение процессов варваризации цивилизаций как регрессивного движения к более архаичным и примитивным формам существования»².

В наши дни рассмотрение многих проблем в области гуманитарных наук неизбежно должно начинаться с раскрытия системы понятий, которыми будет пользоваться автор. Это отнюдь не является проявлением неуважения к интеллектуальным способностям и подготовленности читателей. Современные постмодернистские тенденции в науке с их постулатами программного плюрализма и когнитивного релятивизма разрушили тот хрупкий «общественный договор» ученых о единообразии смысла (или возможных смыслов) понятий и терминов, применяемых различными иссле-

¹ Цивилизация и варварство. 2012, 8.

² Там же, 9.

дователями в данной отрасли науки, который был характерен для эпохи Модерна.

Именно к таким понятиям относятся «постмодерн» («постмодернизм») и «варварство». Смысл их в наши дни неоднозначен. Так, по ироничному замечанию одного из отечественных исследователей постмодерна, «постмодернизм или постмодерн – прекрасное понятие, которое вмещает в себя все, что душе угодно»³. Поэтому, прежде чем говорить о проблеме «постмодерн и варварство» стоит обозначить, что будет подразумеваться под этими терминами. И поскольку автор не желает порождать еще большую неоднозначность, предлагая собственные «интеллектуальные конструкции», будет использовано в основном то содержание этих понятий, которое уже нашло отражение в ряде современных исследований.

Понятие «постмодерн» («постмодернизм») – это принятое сейчас (хотя и не всеми) определение сложного комплекса явлений в сфере прежде всего интеллектуальной и духовной, в области науки, культуры и искусства, имеющих свои корни в интеллектуальной, духовной и культурной жизни XX века, но наиболее развернуто проявившиеся в последней трети XX – начале XXI вв. Понятие «постмодерн» (чаще всего в контексте «эпоха постмодерна») употребляется и как некоторый аналог понятия «Постиндустриальная цивилизация». Имеет понятие «постмодерн» и историко-хронологический смысл: Премодерн – Модерн – Постмодерн.

Есть также точка зрения, что понятия «постмодерн» и «постмодернизм» не идентичны. Так, в «Новейшем философском словаре. Постмодернизм» «постмодерн» рассматривается как «состояние современной культуры, включающее в себя предпостнеклассическую ... философскую парадигму, допостмодернистское и непосредственно постмодернистское искусство, и массовую культуру этой эпохи. ... Постмодернизм можно полагать культурным феноменом, непосредственно и акцентировано замещающим культуру модернизма»⁴. Там же «постмодернизм» понимается как «направление современного философствования, содержательно и ценностно позиционирующее себя вне рамок классической и неклассической традиций в качестве постклассической философии»⁵. Однако, поскольку можно считать вполне коррект-

³ Кривицкая-Барабан Н.А. 2007, 133

⁴ Новейший философский словарь. 2007, 425.

⁵ Там же, 425.

ным обозначение «пред-постнеклассической философской парадигмы» как «направления современного философствования», даже при охарактеризованной выше дефиниции «постмодерн – постмодернизм», постмодернизм можно рассматривать как содержательный компонент постмодерна. Впрочем, весьма распространено и употребление этих терминов как идентичных⁶. Далее будет употребляться термин «постмодерн» как определение сложного комплекса тенденций и явлений в сфере интеллектуальной, духовно-нравственной, в области науки, культуры и искусства, понятие «эпоха постмодерна» – как принятый аналог термина «Постиндустриальная цивилизация»⁷.

Из всего разнообразия характеристик содержания постмодерна (постмодернизма) в современной литературе остановимся на следующем: «1. Переоценка всего исторического и культурного богатства человечества. 2. Эклектизм и релятивизм... 3. Отказ от иерархического характера различий: все мифы, все истории, все культуры, все формы жизни имеют собственную ценность, и поэтому нет иерархизированных ценностей. 4. Проповедь толерантности. 5. Критика классического рационализма, философии Просвещения, теории общественного прогресса, социализма, марксизма, эволюционизма. 6. Отрицание деления мировой истории на прошлое, настоящее и будущее. 7. Отрицание науки как средства познания объективной действительности. 8. Полный разрыв с прошлым. ... Эпоха постмодерна – эпоха товарного фетишизма. Даже духовное творчество превращено в товар. ... В эпоху постмодерна происходит переоценка ценностей. ... Человек эпохи постмодерна – это массовый человек, характерной чертой которого является полная потеря своей индивидуальности»⁸. При всей тенденциозности и упрощенности предложенного толкования

⁶ См. напр.: Лихвар В.Д., Позорель Д.Е., Подольская Е.А. 2008, 266.

⁷ Автор не ставит себе целью в этой статье дать развернутую характеристику столь сложного феномена, как постмодерн, проанализировать его причины, истоки, содержание, структуру, динамику, особенности проявлений постмодерна. Основное внимание уделяется характеристикам современного варварства, связанным в первую очередь с феноменом постмодерна. Автор постарался также избегать сложной современной терминологии, особенно – характеризующей постмодерн самими представителями науки и искусства постмодерна. В силу ее неоднозначности, она требует отдельного развернутого комментирования или раскрытия смысла многих терминов, что значительно утяжелило бы текст.

⁸ Гобозов И.А. 2008, 227–229.

сущности постмодерна, мы будем ориентироваться на него, т.к. здесь содержатся некоторые объективные характеристики, позволяющие рассмотреть особые причины и предпосылки развития варварства в наши дни. Добавим лишь, что ряд авторов отмечает также характерные для постмодерна процессы девальвации и разложения системы социальных и нравственных ценностей и норм, этических принципов, сложившихся в эпоху Модерна.

Не менее сложно дело обстоит с понятием «варварство». Мы не будем обращаться к традиционному и уже устоявшемуся содержанию этого понятия как обозначения определенной стадии цивилизационного развития человека («дикость – варварство – цивилизация» по Моргану–Энгельсу)⁹. В этом понимании оно давно и достаточно однозначно используется многими учеными, в частности в контексте исследования истории взаимодействия цивилизации и варварства (Древняя Греция – варвары, Древний Рим – варвары; Древний Китай – варвары и т.д.). Сложности появляются тогда, когда понятие «варварство» начинает использоваться к обозначению явлений, существующих в рамках достаточно развитой цивилизации, в особенности для характеристики явлений сугубо современных.

Приходится согласиться с Б.С. Ерасовым, что «варвары... – это в значительной степени порождение самой цивилизации»¹⁰. Более того, один из парадоксов несомненных побед цивилизации над варварством заключается в том, что, развиваясь и преодолевая варварство «историческое» (так, людоедство и человеческие жертвоприношения сейчас «не в моде»), «цивилизация не только не смогла еще изжить некоторые формы древнейшего варварства, но и порождала на каждой ступени своего развития – наряду с новыми средствами цивилизации – и «новое варварство»¹¹.

По мнению Н.В. Мотрошиловой, «варварством целесообразно именовать также и совокупность существующих на зрелых стадиях развития самой цивилизации явлений, форм, способов жизнедеятельности людей, которые разительно отличаются от тенденций, существенных признаков (если хотите «телоса») цивилизации и цивилизованности. И отличаются особо грубым насилием, крайней жестокостью, катастрофически разрушительными историче-

⁹ См.: Энгельс Ф. 1980.

¹⁰ Ерасов Б.С. 2002, 99.

¹¹ Мотрошилова Н.В. 2010, 118.

скими последствиями, беззащитным попранием уж хорошо известных индивидам и человечеству цивилизованных принципов и норм, недостойным человека одичанием, скотством, другими чертами, свидетельствующими об откате к варварству»¹². Причина – «историко-генетические корни цивилизационных процессов все еще глубоко уходят в почву доцивилизационного, а потом и внутрицивилизационного варварства»¹³.

Н.В. Мотрошилова дает следующую структурную характеристику внутрицивилизационного варварства:

«намеренное или непреднамеренное насилие в отношении природы, приводящее к экологическим катастрофам (*экологическое варварство*); ущемление прав, свобод, социальных норм в политической деятельности, насилие, терроризм...; пренебрежение цивилизационными нормами политической деятельности, демократического процесса (*политическое варварство*); нарушение нравственных норм и пренебрежение гуманистическими ценностями, выработанными в светской и духовной сферах (*варварство попрания ценностей, варварство безнравственности*); предпочтение военных целей и средств мирным способом разрешения конфликтов (*милитаристское варварство*); «мерзость запустения» в повседневной жизни, быту, недостойное человека существование (*бытовое варварство*)»¹⁴.

Можно привести еще ряд высказываний, историков, философов, социологов, культурологов о варварстве «внутри цивилизации», но все их можно свести к ряду общих позиций, на которые мы будем ориентироваться:

- варварство – не только неизжитый реликт доцивилизационных или более ранних цивилизационных эпох, но и порождение данной цивилизации;
- варварство – отход от завоеваний цивилизации, регресс или распад цивилизации;
- варварство – индикатор кризисных процессов в жизнедеятельности цивилизации.

Несомненно, многие проявления варварства так же достались эпохе постмодерна «в наследство» от эпохи модерна, как их унаследовала эпоха модерна и иные предыдущие эпохи. Но что из себя может представлять *варварство*, не столько унаследованное, сколько порожденное и эпохой постмодерна вообще (т.е. По-

¹² Там же, 80.

¹³ Там же, 106.

¹⁴ Там же, 105.

стиндустриальной цивилизацией), и в особенности самим постмодерном как явлением интеллектуальной, духовной и культурной жизни эпохи постмодерна? Каков здесь «критерий варварства»? Какие деструктивные и регрессивные явления к нему можно отнести?

Для облегчения ответа на поставленные вопросы постараемся отыскать прежде всего те черты «нового варварства», которые имеют не прямое продолжение, но, пусть в иной форме, некоторые аналогии в варварстве историческом, не остатки, а, так сказать, «римейк старого варварства». Такой подход достаточно оправдан. Ряд исследователей отметил, что «в последнее время, в контексте подчеркивания завершения некоего глобального витка человеческой цивилизации, часто говорят о наступлении «новой первобытности» – возвращении к архаике на новом цивилизационном уровне»¹⁵. Остается лишь добавить, что не всякий «римейк старого» может рассматриваться как проявление варварства, но лишь тот, который представляет собой отход от завоеваний цивилизации, регресс или распад цивилизации, индикатор кризисных процессов в жизнедеятельности цивилизации, как было сказано ранее.

Отметим, что достигнутый в эпоху постмодерна наиболее развитыми странами уровень научно-технического прогресса является мощным цивилизационным прорывом, но, увы, не служит абсолютной «прививкой» от варварства. Варварство обладает определенной мерой «автономии» от уровня научно-технического прогресса. Как отмечал Й. Хейзинга, «варварство может идти в ногу с высоким техническим совершенством...»¹⁶. В подтверждение этого тезиса вспомним еще раз те проявления современного варварства, связанного с экономикой, политикой, экологией и т.д. о которых пишет Н.В. Мотрошилова. Однако, как уже было сказано, мы обратим главное внимание на сферу интеллектуальную, духовно-нравственную, сферу культуры, т.е. именно на те сферы современной жизни, где развиваются постмодернистские тенденции и где в наше время происходят весьма сложные и противоречивые процессы.

Одним из наиболее явных системных проявлений «нового старого варварства», появившегося на закате эпохи модерна и расцветшего именно в эпоху постмодерна, можно считать «общество потребления» как отход от исторически сложившейся линии цивили-

¹⁵ Пилипенко А.А. 2002, 388.

¹⁶ Хейзинга Й. 1992, 352.

лизационного развития и откат от цивилизационных достижений по сути даже не к варварскому, а доварварскому состоянию (м.б. даже «дикости» по Моргану–Энгельсу). Общеизвестно, что на низших стадиях эволюционного развития человека потребление (пищи, звериных шкур и т.д.) объективно было доминирующей целью. Это было первым условием выживания и продления рода, и на большее, чем обеспечить такое потребление, у людей не было объективных возможностей. Но история человеческого рода показывает – как только человек стал добывать пищи и т.д. больше, чем необходимо для выживания (потребления жизненно необходимого) начинается бурное развитие по ряду цивилизационных линий: социальной, духовной, интеллектуальной, эстетической и т.д. И развитие, наряду с экономикой, этих сфер жизнедеятельности человека стало доминирующим в цивилизационном движении человечества от Месопотамии до эпохи постмодерна. Но эпоха постмодерна вновь поставила потребление в ранг главного содержания цивилизации, цели, а не средства и условия достижения цивилизационных целей. Причем парадокс в том, что для такого цивилизационного «шага в древность», такой «варваризации сознания» потребовалось достигнуть весьма высокого уровня экономического и научно-технического развития.

Понятие «общество потребления» («общество массового потребления») стало активно использоваться в связи с тем, что наиболее развитые страны (США, Великобритания, Германия, Франция, скандинавские страны и ряд других) к последней трети XX века смогли обеспечить большей части своего коренного населения достаточно высокий уровень потребления стандартных бытовых товаров и услуг и достаточно стабильные гарантии пользования этими услугами (трудовая занятость, кредиты, социальные льготы и пособия и т.д.). Это освободило человека от многих проблем повседневной жизни и в то же время в силу развивающейся параллельно девальвации традиционных социальных и морально-этических ценностей и норм и дефицита новых позитивных норм и ценностей привело к формированию человека «общества потребления». Возможности потребления сократились в ряде стран лишь в связи с мировыми кризисами начала XXI века.

Суть ценностей и норм «общества потребления» заключается в том, что потребление выступает сверхцелью и сверхценностью, преобладающей сферой жизнедеятельности и самоутверждения человека, самореализации личности. Соответственно, чем больше

у человека возможностей на всеобъемлющем «рынке потребления» (деньги, власть), тем более высок его статус. Само владение теми или иными ценностями и благами выступает знаком статуса. И в то же время сам человек становится «предметом потребления».

Здесь можно проследить возрождение таких проявлений варваризованного сознания как придание гипертрофированного, самодовлеющего значения атрибуту и ритуалу. Пример – вступающее самоценным атрибутом так называемое «престижное потребление», когда определенные районы и места проживания или отдыха, марки автомобилей, виды ювелирных изделий, имена дизайнеров и «бренды» изготовителей одежды, обуви, аксессуаров и т.д. уже служат не только (и не столько) показателем качества потребляемой вещи или услуги, сколько показателем возможностей человека в системе потребления и его статуса. Формируется определенное клише, стандарт, ритуал престижного потребления, не обязательно распространяющийся исключительно на дорогостоящие предметы или услуги. Престижное потребление неотрывно от ритуалов демонстративного потребления, когда, человеку мало просто владеть материальными ценностями или пользоваться теми или иными благами, услугами. Этому целенаправленно придается демонстративный характер как форме самоутверждения. Более того, в определенных социальных, профессиональных и т.д. группах такое демонстративное потребление выступает признаком принадлежности к данной группе, антитезы «мы – они», обязательной нормой и опять же – ритуалом.

Об опасности деградации духовно-нравственной жизни человека вследствие распространения ценностей и норм «общества потребления», в том числе – вместе с распространением западной «массовой культуры» за пределы наиболее развитых стран, неоднократно предупреждал в течение последних десятилетий ряд известных западных социологов и футурологов¹⁷. Самюэль Хантингтон в своей книге «Столкновение цивилизаций», изданной в США в 1996 году, восклицал: «Суть западной цивилизации – это «Всеобщая хартия вольностей», а не «Хартия Макдоналдс»¹⁸.

«Потребление», однако, отнюдь не сводится к «Хартии Макдоналдс» и выходит далеко за рамки владения теми или иными

¹⁷ Еще в 70-е гг. XX века об этом писали такие авторитетные исследователи как Элвин Тоффлер («Шок будущего», 1970 г.) и Дэниэл Белл («Грядущее постиндустриальное общество», 1973).

¹⁸ Хантингтон С. 2006, 76.

материальными благами. Так, сегодня «потребление эмоций», «потребление чувств» – сфера, все более разрастающаяся. Яркий пример тому – компьютерные игры. Еще в 1970 году американский футуролог Элвин Тоффлер в своей книге «Шок будущего» писал:

«В конце концов, мы увидим рост компаний, уже целиком занятых производством ощущений, ... которые станут разрабатывать, комплектовать и распространять спланированные или программированные ощущения. ... Рекреационная индустрия будет расти, поскольку сама природа досуга начнет определяться в терминологии ощущений. Средства связи и компьютеры также найдут для своих машин и программ важный рынок в производстве ощущений...»¹⁹ «Важной разновидностью продукции ощущений, – пишет Э. Тоффлер, – будут имитированные «мирки», где потребитель без риска для жизни или репутации ощутит вкус приключений, опасности, сексуального возбуждения»²⁰.

Заметим, что эти слова написаны до изобретения персонального компьютера и появления сети Интернет.

В эпоху постмодерна получила весьма своеобразное продолжение именно та тенденция «критики разума» и рационализма, которая была характерна еще для Модерна. Суть этой, центральной для XX века, критической парадигмы –

«неразрывное и многоплановое увязывание разума, в основном инструментального, специфических типов и путей рационализации, модернизации с одной стороны, а с другой стороны – обеспечения власти над людьми ...обличение «тоталитаристско-властных» побуждений и притязаний разума... Критиками двигало и движет стремление освободить, легитимизировать, ценностно возвысить телесные, чувственно-аффективные, бессознательные стороны человеческой духовности...»²¹.

Однако, отказ от радио эпохи модерна, достижений науки этой эпохи, и «легитимизация, ценностное возвышение телесного чувственно-аффективных, бессознательных сторон человеческой духовности» стимулировали не столько новый интеллектуальный прорыв и нравственный порыв, сколько распространение мировосприятия, характерного более для варварского мира, – «варваризацию мировосприятия». Как отмечал Й. Хейзинга,

¹⁹ Тоффлер Э. 2004, 259.

²⁰ Там же, 252.

²¹ Мотрошилова Н.В. 2010, 347–348.

«варваризация начинается тогда, когда в старой культуре, за многие столетия поднявшейся до высот ясности и чистоты мышления и познания, это познание начинает заволакиваться магией и фантастикой, поднятыми чадной волной ярких инстинктов и страстей. Вот когда миф теснит логос»²².

Не стоит много говорить о «чадной волне». Эта «чадная волна», в частности – насилие и секс, являются мощным «наполнителем» не только массовой культуры, но и определенных «элитарных» и незлитарных субкультур как в нашей стране, так и во многих других, в том числе «развитых», странах. И воистину трудно спорить с автором, утверждающим:

«Суммарный опыт XX века поставил на повестку дня, причем в практической плоскости, быть может наиболее трагический вопрос истории: сможет ли человек сохранить личность, находясь в нечеловеческих условиях предельной свободы греха, и если нет, то как это скажется на его природе и всем будущем мироустройстве?»²³

Отметим другое. Из области фантазий и мифов. Сегодня мы видим возрождение язычества, интереса к разного рода мистике, «тайным учениям», к поиску «потусторонних миров», магическим практикам и колдовству, хотя и представленным порой в «научной» или «христианской» оболочке (иконы и крест у ворожей). Ожившие мертвецы, зомби, привидения, вампиры, ведьмы и прочая нечистая сила, в том числе олицетворенная в самом Князе тьмы, становятся все более расхожими «героями» книг, кинофильмов, телесериалов, комиксов. Возрождается интерес к т.н. «готическому роману». Появились даже специальные издания и телепередачи, посвященные привидениям, вампирам и т.п. Поневолле вспоминаются слова одного их представителей «нечисти» в фэнтези Сергея Лукьяненко «Ночной дозор»: «Наука нас едва не убила. В нас не верили и не хотели верить. Пока считали, что наука способна изменить мир к лучшему»²⁴.

Несомненно, люди с подобным складом мышления и мировосприятия существовали и до эпохи постмодерна. В свое время еще Карл Юнг писал:

«...население подвержено исторически обусловленным расслоениям. В его состав входят люди, которые, судя по их психологии,

²² Хейзинга Й. 1992, 353.

²³ Неклесса И.А. 2003, 80.

²⁴ Лукьяненко С. 2006, 73.

вовне могли бы жить за пять тысяч лет до Рождества Христова... В Европе и во всех цивилизованных странах проживает много варваров и людей античности, очень много христиан Средневековья. И напротив, сравнительно мало тех, чье сознание соответствует уровню нынешнего дня»²⁵.

Однако именно в эпоху постмодерна количество людей, которые, образно говоря, «вовне могли бы жить за пять тысяч лет до Рождества Христова» интенсивно возрастает.

Своеобразным апофеозом «постмодерных» интеллектуальных аномалий в восприятии мира явилось недавнее активное муширование идеи конца света, который должен был, согласно календарю мая и некоторым предсказаниям, наступить в декабре 2012 года. Многие средства массовой информации создали по этому поводу мощный апокалиптический коктейль из уже упомянутого календаря, летающих тарелок, Тунгусского метеорита и других таинственных явлений, знаков и предзнаменований. Предприимчивые дельцы стали предлагать строить индивидуальные убежища на случай конца света (и их заказывали!), и торговать специальными наборами продуктов и необходимых предметов: крупа, соль, спички, свечи и т.д. (и их покупали!). Дело дошло до того, что депутаты Государственной Думы РФ специально обратились к СМИ и гражданам с уверением, что конца света не предвидится. Показателен и уникален следующий факт. 21 декабря 2012 г., т.е. в день «конца света» между 11.00 и 12.00 утра, когда конца света уже явно не наблюдалось, радиостанция «Русская служба новостей» провела опрос слушателей. Им предложили ответить на вопрос – верят ли они, что конец света в самое ближайшее время все же наступит? 41,1% опрошенных сказали «Да».

Отвечая на вопрос – «Варварство ли это сегодня?» – не лишним будет вспомнить об ожиданиях конца света в Западной Европе в 1000 г. и еще ряд несостоявшихся «концов света», в которые тогда верили массы людей.

Современная ситуация в интеллектуальной сфере осложняется теми тенденциями, которые постмодерн привнес в науку. Факт, исследование, открытие вытесняются своим «научным» симулякром, подменяются созданием чисто умозрительных конструкций, «моделей» виртуального характера без «выхода в реальность», т.е. без ориентации на конкретные факты и объективные данные науч-

²⁵ Юнг К.Г. 1998, 28.

ного исследования, что было характерно для науки предыдущей эпохи. Увы, «наука становится перманентным процессом построения альтернативных моделей. Вследствие этого возросла роль воображения, фантазии, парадоксального мышления в той сфере, где ранее их предавали анафеме, где ранее референцией к реальности строго задавались пределы приращения знания»²⁶. Количественные показатели (число публикаций, различные формальные «коэффициенты», участие в научных конференциях и симпозиумах, членство в научных сообществах, количество и престижность получаемых грантов и т.д.) все более становятся критерием оценки научной деятельности. Реальная компетентность исследователя подменяется «образом компетентности», построенном на указанных выше показателях, и такой «образ» в свою очередь играет все большую роль при решении вопроса об оценке научной деятельности и ее финансировании²⁷.

Такое состояние науки позволило значительно расширяться сфере «псевдознания», которое несут многие издания и средства массовой информации. Наличие в них самых разнообразных интеллектуальных конструкций, которым придается нередко вид объективных научных фактов и теорий (как минимум – научных гипотез), опровергающих или идущих «параллельно» с данными реальной науки создает в сознании зрителя или читателя эффект информированности при отсутствии *определенности знания*. Конечно, в науке не должно быть «священных коров». Как только они появляются, наука превращается в поле деятельности, очень удобное для «пастухов» этих коров, и очень некомфортное для иных. Но когда на смену старой научной теории вместо новой и объективно обоснованной концепции (или наряду с ней) предлагается дюжина «сконструированных» гипотез и предположений – *знание теряется в информации*. И если в узких научных кругах еще сохранились исследователи, которые на основании объективных научных данных пытаются доказательно представить действительно научную картину мира, и результаты их работы еще можно найти в специальных изданиях, то «научный» и «научно-популярный» «наполнитель» СМИ и прилавков магазинов, явно может привести читателя и зрителя к феномену, скажем мягко, интеллектуальной деформации.

²⁶ Иванов Д.В. 2002, 111.

²⁷ Там же. 113–114.

Пример – концепция происхождения человека. Конечно, серьезные ученые признают, что концепция Дарвина сегодня уже не все объясняет. Но, как свойственно настоящим ученым, они весьма осторожны в предложении альтернативных гипотез, полностью ее отрицающих. Зато с завидной смелостью с экранов телевизоров и в печати на нас выливают бурной поток гипотез и концепций различных «экспертов» и «исследователей». Так, весьма популярна «гипотеза», что источником творения человека является нечто неземное, например, «зеленые человечки» или потомки пришельцев. Кто знает, может быть, в этих гипотезах и кроется какая-то истина. Но именно – «кто знает». И самое главное – на смену старому, может быть неточному, но определенному убеждению, что мы произошли от обезьяны, приходит нерешенный вопрос: «Так откуда мы все-таки появились?» И это бы еще ничего. Нерешенные вопросы – стимул науки. Но вместо ответа на зрителя или читателя обрушивается новый поток интеллектуальных конструкций, которые никак не способствуют прояснению дела. Даже варвары две тысячи лет назад предпочитали определенность. Они искренне верили, что их прародитель, скажем, Великий Дуб, а не Большая Рыба. Но им было легче. Они не читали Дарвина.

Все это является лишь одним из проявлений «нового старого варварства», а именно – *виртуализации реальности как варваризации мировосприятия*. В определенной мере и это следствие отхода от «рацио» эпохи модерна. Сущностный принцип логики виртуальной реальности –

«замещение реальных вещей или поступков образами – симуляциями (симулякрами). Такого рода замещение можно наблюдать практически во всех сферах жизни современного человека, и это дает основание для целостного описания социокультурных изменений рубежа XX–XXI веков как процесса/процессов виртуализации общества»²⁸.

Возникает, однако, вопрос – можно ли говорить о варваризации, если преобладающим носителем виртуальности является одно из новейших достижений современной цивилизации – компьютеризация?²⁹ Но, по справедливому замечанию Д.В. Иванова,

²⁸ Иванов Д.В. 2002, 6.

²⁹ Естественно, это не единственное достижение цивилизации – носитель виртуализации. Рядом с ним можно поставить телевидение. «TV и виртуализация» – это тема отдельная, но можно согласиться с тем, что «компьютеризация + телевидение = разновидностью наркомании, которая становится постепенно общественной нормой. Отсутствие же глуби-

«не компьютеризация жизни виртуализует общество, а виртуализация общества компьютеризирует жизнь. Именно поэтому распространение технологий виртуальной реальности происходит как киберпротезирование. Оно вызывается стремлением компенсировать с помощью компьютерных симуляций отсутствие социальной реальности»³⁰.

И вновь уместно вспомнить книгу Элвина Тоффлера «Шок будущего», в которой он еще в 1970 г. сформулировал один из ведущих принципов киберпротезирования: «Когда не можешь подать на стол реальность, найди заменитель. Если хорошо сработает, потребитель в жизни не заметит разницы»³¹.

Здесь мы видим явную переключку с компенсаторным «потреблением чувств», «потреблением эмоций» и даже – престижным потреблением (потреблением вещей и услуг, имеющих виртуальный смысл престижных знаков). Но здесь же можно усмотреть и возрождение своеобразного «неоанимизма» по отношению к компьютерной технике. Речь идет не о перспективе создания искусственного интеллекта. Речь о том, что компьютер на уровне бытового сознания из «железа», работающего по программам, созданным человеком, превращается в нечто существующее самостоятельно от человека, обладающее своей волей, своим Я. Отсюда – фетишизация компьютера, почти мистическое отношение к нему. И отсюда же – владение компьютером не как технический или профессиональный навык, но как форма самоутверждения, как чувство принадлежности к некому ритуальному действу. И, что еще более тревожно, – подмена посредством компьютера в сознании человека, особенно молодого, реального мира миром виртуальным, психологически воспринимаемым как реальность, нередко – реальность психологически более комфортная, чем действительность. Человек оказывается во власти *реальной виртуальности*, т.е. коммуникационной системы,

«в которой сама реальность (т.е. материальное/символическое существование людей) полностью схвачена, полностью погружена в виртуальные образы, в выдуманный мир, мир, в котором внешние

ны и ставка на разнообразие и многообразие служат оправданием иллюзий и притягательной потребностью выстраивать свой мир, весьма далекий от реальности, почти из галлюцинаций»: *Кривицкая-Барабаш Н.А.* 2007, 136–137.

³⁰ Иванов Д.В. 2002, 31.

³¹ Тоффлер Э. 2004, 258.

отображения находятся не просто на экране, через который передается опыт, но сами становятся опытом»³².

Со времен появления «человека разумного» мощнейшим средством формирования образов было слово, изображение, звук (прежде всего – музыка). Образ достаточно долгое время до появления рациональной научной картины мира был не только носителем информации, но и средством постижения окружающей реальности. Человек варварского мира жил в системе виртуальных образов одухотворенной им природы, где небо, солнце, звезды, дождь, ветер, деревья, камни и т.д. были для него наполнены смыслом. Языческие боги были для него реальностью. Для средневекового человека различные образы Божественной силы или сил тьмы были реальностью настолько, что он действительно мог видеть их. Средневековые хроники упоминают о различных «явлениях», которые наблюдали не только отдельные люди, но и массы людей, отнюдь не являющихся поголовно носителями психических аномалий. Речь, скорее, идет о коллективном внушении (самовнушении) – феномене, хорошо описанном психологической наукой. Но для того, чтобы подвергнуться коллективному внушению, необходимо хотя бы не сопротивляться тому, что тебе внушают, иметь определенный образ внушаемого.

Возникает странная параллель: в наше время люди тем чаще говорят об их встречах с «зелеными человечками», чем чаще информация о космических пришельцах появляется в СМИ. Причем описания космических пришельцев нередко странно совпадают. Автор, конечно, не отрицает потенциальную возможность появления космических пришельцев, но подозревает, что в их «заграничных паспортах» будут более разнообразные фотографии.

Впрочем, мы уже знаем проверенное временем средство от разведения «зеленых человечков» в нашем сознании. Это рациональное мышление, объективная наука, но от нее, как говорилось ранее, наиболее продвинутые «дети постмодерна» поспешили отказаться. Однако, такой отказ может привести и приводит к печальным результатам. В соответствии с известной «теоремой У. Томаса», «принимаемое за реальное, реально по своим последствиям»³³. Одно из последствий – «образы становятся уже не сред-

³² Кастельс М. 2000, 351–352.

³³ Moments of American thought in the nineteenth century. Chicago, 1936, P. 29. Цит. по: Иванов Д.В. 2002, 46.

ством передачи опыта, а собственно опытом»³⁴. Вспомним еще раз «зеленых человечков».

Своеобразным проявлением отказа от «рацио», вариантом виртуализации и типом «нового старого варварства» можно считать придание смыслов предметам, объективно данный смысл не несущим. Если варвар видел в природном необработанном камне, дереве и т.д., в соответствии со своим мифом, нечто одухотворенное и имеющее смысл, то современный художник-постмодернист часто также не «творит» специально нечто, но обозначает выбранное им «нечто» как произведение искусства, несущее соответствующий смысл, также обозначенный художником (т.н. «концептуальное искусство», например – современные инсталляции). И даже, если художник создает некоторый объект или комплекс объектов или организует некое действие – перформанс, он может обозначить его смысл, исключительно ориентируясь на собственную фантазию, хотя порой эта фантазия, как и само действие, имеет целью «художественную» провокацию для привлечения внимания к себе или решает чисто коммерческие задачи. Конечно же, – «эстетическим варварством» искусство эпохи постмодерна далеко не исчерпывается³⁵. Мы выделяем лишь тенденции варваризации в соответствии с темой статьи и не претендуем на всестороннюю оценку.

Явная переключка с далекими и недалекими варварскими временами в искусстве постмодерна наблюдается не только в «обозначении смыслов». В истории уже общим местом стало обвинение варваров в уничтожении произведений искусства. В наше время тенденцией постмодернистского искусства стало уничтожение не оригиналов, но *образов произведений искусства* предыдущих эпох. Так сказать, неовандализм без риска попасть в тюрьму за уничтожение оригинала.

Ярким символом такого искусства постмодерна вполне можно назвать изображение Моны Лизы Леонардо да Винчи с пририсованными усами. Справедливости ради, надо сказать, что этот символ породила еще эпоха модерна. В 1919 г. художник-авангардист Марсель Дюшан пририсовал карандашом на репродукции Моны Лизы небольшие усики и даже аккуратную бороду³⁶. Далее «продвинутые» художники, взяв на вооружение свой-

³⁴ Иванов Д.В. 2002, 26.

³⁵ См. например: Рылёв К.Э. 2011.

³⁶ Гетаивили Н.В. 2007, 304.

ственный Дюшану «посыл зрителю вне категории вкуса, смысла, морали, разума и других норм цивилизации и культуры»³⁷, с характерной для них беззастенчивостью вторичности стали производить свои варианты «Мон Лиз»: «Моны Лизы» с различными вариантами усов, Мона Лиза с улыбкой до ушей и большими темными глазами, Мона Лиза с широко открытым ртом и оскаленными зубами, Мона Лиза, обнаженная по пояс, Мона Лиза в темных очках, Мона Лиза с мобильным телефоном, Мона Лиза с сигаретой, Мона Лиза в одежде и с макияжем в «готском» стиле, Мона Лиза с лицом инопланетянина – «зеленого человечка», Мона Лиза с лицом аборигена из фильма «Аватар». Этот список можно продолжить до нескольких сотен вариантов. Так же «не повезло» и ряду других созданных ранее произведений искусства, в основном – живописи, драматургии и балета³⁸.

Речь здесь идет не о различном авторском видении того или иного известного сюжета, что встречается неоднократно. «Сикстинская мадонна», «Мадонна Литта», «Мадонна канцлера Роленна», безусловно, различны и неповторимы. Но это именно многоликость образа Мадонны, а не крокодил с обломком бревна в лапах. Речь не идет даже об эпигонстве, подражании или вторичности, в чем порой справедливо обвиняют искусство постмодерна. Речь идет именно об искажении, внедрении в формальную оболочку (название, композиция, имена героев и т.д.) хорошо известного произведения смысла, ничего с этим произведением в его первоначальном виде не имеющего, а то и противоположного³⁹. О подмене известного произведения искусства новой «конструкцией» с тем же названием, вытесняющей из сознания зрителя (читателя) подлинный образец. Увы, нельзя не согласиться с тем, что

³⁷ Там же.

³⁸ Вопрос, как к подобному творчеству относится широкая публика, заслуживает специального рассмотрения. Приведем лишь слова одного из отечественных журналистов, занимающегося вопросами современного искусства: «Вся художественная современная стратегия строится на отрицании. Обыватель проникается ей и начинает отрицать самих художников»: Рылёв К.Э. 2011, 284.

³⁹ Один из отечественных исследователей постмодерна отмечает, что тенденцией «стала перелицовка огромного количества классики на современный лад, с привлечением буффонады, клоунады и прочих современных новшеств. Все средства хороши для привлечения зрителя! Особенно достается (или везет?) Островскому, Чехову, Гоголю»: Кривичка-Барабаш Н.А. 2007, 99–100.

«по всему полю от искусства и эстетики до социологии и экономики взята на вооружение формула «все годится» – американизм, экзотеризирующий более тонкие и осторожные «высоколобые» формулы из первого эшелона»⁴⁰.

Господство формулы «все годится» («anything go») приводит, в конце концов, не только к «уничтожению образов», «уничтожению смыслов» отдельных произведений и через это к уничтожению конкретных эстетических ценностей, идеалов и норм, но к уничтожению самого представления о каком-либо эстетическом идеале и норме. До этого не додумались даже варвары. Более того, даже «доварварские» дикари, чуть выйдя из совсем уже первобытного состояния, начали творить своих «неолитических Венер». Остается лишь надеяться, что, как утверждают некоторые современные исследователи, «на смену эпохе господства постмодерна придет эпоха *неоклассики*»⁴¹ со своими новыми идеалами красоты. Но если завтра красота (по Ф.М. Достоевскому) будет, наконец, способна спасти мир, то сегодня мир должен спасти красоту. Парадокс?!

Таким образом постмодерн помимо новых проявлений «варварства безнравственности» продемонстрировал нам такие формы варварства, как *варварство интеллектуальное* (отказ от рационального мышления и объективной науки, виртуализация науки, распространение мистики и т.д.), *варварство эстетическое*, нашедшее отражение в искусстве эпохи постмодерна, и *варваризация мировосприятия* (виртуализация опыта человека, образов, чувств и эмоций).

Столь сложная картина «постмодерна и варварства», своеобразно отражающая более общую проблему – «современная цивилизация и варварство», еще не позволяет сделать многие необходимые выводы, но уже выступает основой для формулирования ряда вопросов как первого шага к выводам.

– Можно ли считать, что отличительной чертой современных процессов развития цивилизации и взаимодействия варварства и цивилизации является их парадоксальность. Можно ли рассматривать как один из парадоксов нынешнего «нового старого варварства» то, что *его появление стало возможно исключительно при наивысшем сегодня уровне цивилизационного развития* (в частности – доктрины «общества потребления»). Является ли парадоксом эпо-

⁴⁰ Пилипенко А.А. 2002, 393

⁴¹ Там же. 394.

хи постмодерна то, что цивилизации, достигшие наивысших ступеней научно-технического прогресса и значительных успехов в прогрессе социальном (демократия, права человека и т.д.), *распространяя свое влияние в условиях глобализации, оказывают варваризирующее воздействие на цивилизации, отстающие от них по научно-техническому уровню и социальному развитию*, насаждая ценности «общества потребления», «массовую культуру» и т.д. (Антипод классической схеме – варвары «варваризируют» цивилизацию). Можно ли отнести к парадоксам и то, что *варваризирующее воздействие наиболее развитых цивилизаций выступает для них условием и средством управления иными цивилизациями*. И то, что *наиболее развитые цивилизации, оказывая это варваризирующее воздействие в глобальном масштабе, варваризируются сами*.

– Можно ли рассматривать современное варварство как определенное проявление диалектики «отрицания отрицания», как отступление для нового шага в развитии цивилизации? Можно ли считать, что проявления «нового варварства» – это следствие и издержки поиска качественно новых перспектив развития цивилизации? Ибо с одной стороны – в результате крушения СССР и распада системы социалистических государств, появились серьезные сомнения в перспективности социалистического пути развития цивилизации. С другой стороны – то, что ранее называлось «капиталистическим лагерем» и являлось антиподом социализма, демонстрирует глубокий и глобальный кризис, не смотря на свою победу над «империей зла».

– Что есть «новое варварство» – «шаг в сторону», чтобы с некоторой дистанции и с необходимой долей критицизма объективно проанализировать и переосмыслить достижения разума эпохи Модерн, и потом вновь шагнуть к «новому разуму»? Первый шаг в переосмыслении современного мира, объективно подвергающий сомнению столь своеобразным способом устаревшие интеллектуальные, этические и эстетические доктрины? Или это тупик рационального, научного осмысления мира, бегство от «рацио» как способ психологической защиты от неспособности осмыслить новые реалии эпохи постмодерна. А, может быть, это своеобразная массовая «психологическая защита», нежелание осознать угрозы цивилизационного кризиса и неспособность найти выход из него? Известно, что, оказываясь лицом к лицу с новой проблемой, люди порой ищут в прошлом (иногда – далеко) пути ее решения.

– Не является ли порождение цивилизацией варварства (как и преодоление его) одним из условий существования и развития самой цивилизации? Может быть, варварство выступает постоянной исторической константой в неразрывной диаде «цивилизация – варварство», феноменом, который также развивается и усложняется, как и цивилизация, приобретая при этом не только новые формы, но и новые сущности, новое содержание?

– Может быть, одним из смыслов появления «нового варварства» является то, что «прививка варварством» необходима цивилизации как наглядный критерий для более глубокого понимания ее достижений и профилактики стагнации, осмысления того, что даже самый высокий уровень развития цивилизации не есть нечто окончательное и бесповоротное, автоматически сохраняющееся, что требуются постоянные усилия даже для того, чтобы не скатиться назад? А, может быть, «новое варварство» – это тест на прочность современной цивилизации?

И, наконец, ответит ли на эти вопросы и не породит ли новые, еще более трудные, идущая (а по мнению многих западных исследователей уже пришедшая) на смену постмодерну эпоха «после постмодерна» (post-post-mo)?⁴²

ЛИТЕРАТУРА

- Барг М.А. 1987: Эпохи и идеи. – М.: «Мысль».
- Белл Д. 2004: Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia.
- Беньямин В. 1996: Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. – М.
- Геташвили Н.В. 2007: Атлас мировой живописи. – М.: ОЛМА Медиа Групп.
- Гобозов И.А. 2008: Социальная философия: Учебный словарь. – М.: Академический проект.
- Делез Ж, Гваттари Ф. 1990: Капитализм и шизофрения: АНТИЭДП. – М.
- Доманска Э. 2010: Философия истории после постмодернизма. – М.: «Канон+», 2010.
- Ерасов Б.С. 2002: Цивилизации: Универсальность и самобытность. – М.: Наука.
- Затонский Д. 2000: Модернизм и постмодернизм. – М.: Фолио-АСТ.
- Иванов Д.В. 2002: Виртуализация общества, Версия 2.0. – СПб.: «Петербургское Востоковедение».
- Ильин И.П. 1998: Постмодернизм. От истоков до конца столетия. – М.

⁴² См.: Доманска Э. 2010.

- Ильин И.П. 1996: Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М.
- Кастельс М. 2000: Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ.
- Козловски П. 1997: Культура постмодерна. Общественно-культурные последствия технического развития. – М.
- Кривицкая-Барабаш Н.А. 2007: Постмодернизм: история любви и разочарований (Литература. Театр. Телевидение. Знаки и символы) – М.: Серебряные нити.
- Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. 2006: Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. – М.: Институт экономических стратегий. Т. I–II.
- Лиотар Ж.-Ф. 1998: Состояние Постмодерна. – СПб.
- Лихвар В.Д., Погорелый Д.Е., Подольская Е.А. 2008: Культурология. – М.: Эксмо.
- Лукьяненко С. 2006: Ночной дозор. – М.
- Мотрошилова Н.В. 2010: Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. – М.: ИФРАН «Канон+» РООИ «Реабилитация».
- Некlessа И.А. 2003: Трансмутация истории. Вступление в постсовременный мир // Цивилизация. Восхождение и слом: Структурообразующие факторы и субъекты цивилизационного процесса / Э.В. Сайко (ред.). – М.: «Наука», 53–97
- Новейший философский словарь 2007: Новейший философский словарь. Постмодернизм. / Ред. и сост. А.А. Грицанов. – Минск: Современный литератор.
- Оруджев З. 2009: Способ мышления эпохи: Философия прошлого. – М.: Едиториал УРСС.
- Петров М.А. 2010: Симультанность в искусстве. Культурные смыслы и парадоксы. – М., «Индрик».
- Пилипенко А.А. 2002: Постмодернизм в контексте переходных процессов // Искусство в ситуации смены циклов: Междисциплинарные аспекты исследования художественной культуры в переходных процессах / Н.А. Хренов (ред.). – М.: Наука, 383–398.
- Поринев Б.Ф. 1979: Социальная психология и история. – М.: Наука.
- Противоположности и парадоксы. 2008: Противоположности и парадоксы (Методологический анализ) / И.А. Герасимова (ред.). – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация»
- Рылёв К.Э. 2011: Курс лечения от постмодернизма: путеводитель по современной культуре: сб. эссе. – М.: Крафт+.
- Тоффлер Э. 2004: Шок будущего. – М.: ООО «Издательство АСТ».
- Фортунатов В.В. 2011: История мировых цивилизаций. – СПб.: Питер.
- Хайдеггер М. 1993: Время и бытие. – М.
- Хантингтон С. 2006: Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА.
- Хейзинга Й. 1992: Homo ludens в тени завтрашнего дня. – М.: Прогресс.

- Цивилизация и варварство. 2012: Цивилизация и варварство: трансформация понятий и региональный опыт / В.П. Буданова, О.В. Воробьева (ред.). – М.: ИВИ РАН.
- Энгельс Ф. 1980: Происхождение семьи, частной собственности и государства. – М.: ИПЛ.
- Юнг К.Г. 1998: Бог и бессознательное. – М.: Олимп.
- Bauman Z. 1996: Gewalt-modern und Post-modern // Modernität und Barbarei. Soziologische Zeitdiagnose am Ende des 20 Jahrhunderts. – Frankfurt am Main, 36–67.
- Baudrillard J. 1981: Simulacres et simulation. – Paris.
- Crook S., Pakulski J., Waters M. 1992: Postmodernization. Change in advanced society. – London.
- Eisenstadt S.N. 1996: Barbarei und Moderne // Modernität und Barbarei. Soziologische Zeitdiagnose am Ende des 20 Jahrhunderts. – Frankfurt am Main, 96–117.
- Harvey D. 1980: The condition of postmodernity. – Oxford.
- Kroker A., Weinstein M. 1994: Data trash. The theory of the virtual class. – Toronto.
- Masuda Y. 1980: The information society as post-industrial society. Tokyo.
- McLuhan M. 1967: The medium in the message. – N.Y.
- Miller M., Soeffner H.-G. 1996: Modernität und Barbarei. Einleitung // Modernität und Barbarei. Soziologische Zeitdiagnose am Ende des 20 Jahrhunderts. – Frankfurt am Main, 12–27.
- Offe C. 1996: Moderne "Barbarei": Der Naturzustand im Kleinformat // Modernität und Barbarei. Soziologische Zeitdiagnose am Ende des 20 Jahrhunderts. – Frankfurt am Main, 258–289.
- Touraine A. 1969: La société postindustrielle. Paris.
- Vattimo G. 1988: The end of modernity. Nihilism and hermeneutics in post-modern culture. Cambridge.

SUMMARY AND KEYWORDS

V.P. Budanova

PARADOXES OF BARBARITY IN THE HISTORICAL CONTEXT

Summary. *The article examines the historical paradox as one of the essential phenomena of the interaction between Roman civilization and barbarians in II–VII centuries. Its stimulating and potential importance for the definition of debatable problems is demonstrated. The author investigates the paradoxes of the limes, the institute of federates, the "barbarian kingdoms".*

Keywords: *paradox, civilization, barbarity, Roman empire, barbarian world, interaction, limes, federates, "barbarian kingdoms", homo mobilis.*

I.E. Surikov

AT THE PERIPHERY OF GREAT EASTERN CIVILIZATION: ANCIENT GREEKS AS BARBARIANS

Summary. *As is well-known, the very notion of the "barbarian" for the first time appeared in the Ancient Greece. However, later in the world history prevalent was not the Greek concept of barbarity (barbarians as all foreigners) but the Roman one (barbarians as underdeveloped peripheral peoples). If we look from the latter perspective (which is nearer to ours, too), it was ancient Greeks themselves who could in some sense be conceived as barbarians. They lived and developed at the periphery of more ancient (and till a certain moment more developed) civilizations of the Orient, and in their development they borrowed many things from those civilizations (be it literacy, many forms in arts, etc.). For such a large and flourishing empire as the Achaemenid Persia was, the Hellenes, no doubt, were a marginal highland people with rather savage habits, a people that did not want to receive the "civilized" imperial order. All this, of course, does not contradict the fact of the "civilization breakthrough" managed by the Greeks from a certain moment.*

Keywords: *civilization, barbarity, Ancient Greece, Orient, Persia, center, periphery.*

E.V. Zubarev

**TO THE PROBLEM OF PECULIARITIES
OF THE "CINILIZING" MISSION OF HELLENS
AND ROMANS IN THE BLACK SEA COAST**

Summary: In the article the problems of interrelations between ancient civilization and tribal world of the Black Sea Coast are examined. The peculiarities of the regional way of "hellenization" and "romanization" of aborigines. As a concrete example the contacts between Greek colonists and aborigines on the area of European Bosphorus from the beginning of a colonization to the late ancient period were analysed.

Keywords: Black Sea Coast, Greek colonization, hellenization, romanization, aborigines, European Bosphorus.

E.V. Vdovchenkov

**THE SOCIO-CULTURAL TRANSFORMATION
OF "BARBARIANS" IN TANAIIS IN 2nd – 3rd CENTURIS:
RAISING A PROBLEM**

Summary. The article is devoted to analysis of the social-cultural transformation of Sarmats in Tanais, who appeared in the town after the middle of II century. According the opinion of the author, Sarmats, who were the military settlers and who included in the military-political system of Bosphorus, needed to settle on the land and to master new social and cultural practices.

Keywords: Sarmats in Tanais, Tanaitis, sarmatization, sedentarization, middle- and latesarmatian archaeological culture, Bosphorian kingdom, tamgs, phiasas.

A.A. Kleymentov

**THE IMPACT OF "HELLENES – BARBARIANS"
DICHOTOMY TO ESTIMATION OF PHILIP'S II
GENERALSHIP IN THE ANCIENT HISTORIOGRAPHY**

Summary. The "Hellenes – Barbarians" dichotomy as a reason for negative estimate of Philip's II generalship is under consideration in the article. It identifies by the barbarian affiliation of Macedonian king who were cunning, dishonest, without any velvet into the Greek public conscience. The late classical Greek public conscience full of the "Fair War" conception connected Philip's victories with his cunning and guile.

Keywords: Hellenes, barbarians, Philip II.

E.S. Danilov

ROMANS' SECURITAS AND BARBARIANS' TUTUM

Summary. The attitude to personal and collective security is one of the timeless civilization markers of every society. The search of this marker in the diverse culture is connected either with overcoming of stereotypes or with their inculcation. The antique authors' opinions about the Barbarian strategies of security are adduced in the article. The stability of perception of these strategies is traced (the 1st century B.C. – the 6th century A.D.) and testified about the specific literary topos that was used as an accusatory argument.

Keywords: Roman army, Barbarians, security, vulnerability.

A.A. Chekalova

**THE GHASSANIDS AND THE FATE
OF THE BYZANTINE EMPIRE**

Summary. The article focuses on the role of Arabs in the Eastern limits of the Byzantine Empire. Special attention is given to the Ghassanids, who faithfully served the Empire more than a century. As the federates of Byzantium, they were actively involved in virtually every military conflict that took place between Byzantium and Iran, were engaged in transit trade. The Ghassanids also played the huge role in maintaining Monophysitism. If emperors, notably Maurice, had treated with more confidence to the Ghassanids, the consolidation of the Arabs under the banner of Islam could not have been or it would have been much more modest.

Keywords: Byzantium, the early period, Iran, barbarians of the East, Arabs the Ghassanids, trade, Monophysitism.

P.P. Shkarenkov

**AT THE CROSSROADS OF EPOCHS:
REPRESENTATION OF BARBARIAN RULERS
IN SIDONIUS APOLLINARIS'S WORKS**

Summary. The article explores the Gallo-Roman intellectual Sidonius Apollinaris' individual experience of understanding and estimating rapid changes and occurring events. Grounding on the analysis of Sidonius Apollinaris' letters, the way he saw the appearing barbarous power is reconstructed. In his works, the German royal

power makes first steps that cause its transition from the heroic epoch to the military one, and becomes one of the most important elements in the new political and social system. Speaking about Theoderic II's *civilitas*, the author especially wants to emphasize that the Visigothic ruler had already proven his belonging to the Roman world. This first meeting of the *civilitas* and "barbarous" ruler shows that the rex and royal power are no longer perceived as something totally alien to the Roman tradition and set of values. Sidonius Apollinaris never spoke straightly about the collapse of the Western Roman Empire, but he always fully realized the meaning of the occurring events, did not cherish dreams and entertain illusions. He saw how the influence of the Visigothic royal power was growing and spreading and left the proofs of his understanding to us: beginning with the idealized and touched by the Roman political philosophy portrait of Theoderic II and ending with recognition, not colored however with much sympathy and affectation of Euric's might.

Keywords: Sidonius Apollinaris, Roman Gaul, royal power, Latin rhetoric, Theoderic II Visigothic, *civilitas*, Roman tradition.

O.V. Aurov

**"PRIMUSQUE INTER SUOS REGALI UESTE OPERTUS
SOLIO RESEDIT": ON THE SYMBOLS OF POWER
OF THE VISIGOTHIC KINGS FROM THE 5th
TO THE MIDDLE OF THE 6th CEN.**

Summary. Using a complex of Latin and Greek texts of the period, the author tries to analyze the problem of symbols of power of the Visigothic rulers of the Kingdom of Toulouse and their successors till the middle of the 6th cen. The absence of sufficient information about using of the Roman type symbols and the "informal" character of the Visigothic royal power in general can be explained by the fact of king's prevalent orientation to the Barbarian army, which was a main base of their power. The situation changed, when the kings began to approach with the Roman local elites.

Keywords: Visigoths, royal power, insignia, Barbarians, Romans, army, Kingdom of Toulouse, Kingdom of Toledo, Late Roman Empire, Barbarian West.

G.E. Zakharov

**VIZION OF GOTHS IN THE WORKS
OF ST. AMBROSE OF MILAN**

Summary. The article is devoted to the image of Goths in the writings of St. Ambrose of Milan, outstanding bishop and theologian of the second half of the IV century. The author shows that according the bishop of Milan, the Christian faith was closely associated with the Roman patriotism and his negative vision of Goths was determined not only by their violence against the Roman people, but also by their Aryanism. The spread of this heresy among the barbarian tribes do not lead to their rapprochement with the Romans. Its only result was barbarization of Arians.

Keywords: St. Ambrose of Milan, Goths, Aryanism, the Great Migration period.

A.A. Sazonova

**THE DYNASTIC ONOMASTICON AND ETHNO-POLITICAL
DEVELOPMENT OF THE ANGLO-SAXON KINGDOMS
IN 6th -7th CENTURIES**

Summary. The Anglo-Saxon dynastic onomasticon of the Germanic invaders well illustrated not only as a social and cultural phenomenon of the Old Germanic two-element naming, but also as a symbolic indicator of ethno-political development of the Anglo-Saxon kingdoms. The anthroponomical situation in the Anglo-Saxon royal dynasties presented a unique combination of the Germanic oral traditions and the intensive foreign influences: the presence of the first-elements (prototheme) Eormen-/Eorcen- in the Kent genealogy and the Frankish political adoption; by contrast, the existence of the native Saxon elements Cyne-/Cyth-/Ceol-/Cen- and early British assimilation in the pedigree of the royal family of Wessex; the good evidence of the strong mythopoeic relationship between East Anglian kings and their Scandinavian ancestors; similarly, the ethnonyme Swaef- in the Essex royal family and cultural connection of the British Isles with the heroic epic tradition of the Continent.

Keywords: Anglo-Saxon dynasties, royal genealogies, Old Germanic onomasticon.

M.S. Bobkova

**THE NEW EUROPEAN "VARVAROLOGY"
IN THE 16th CENTURY HISTORICAL TREATISES**

Summary. *The article is devoted to the discussions between the Italian humanists, German and French historians of the period in the Early Modern Times. At issue were the Italians claim to superiority over other European nations. They were based on the exclusive right of inheritance Italian cultural values of ancient civilization. This position was a challenge to all the other European nations. In the changed international political situation of conflict of civilization and barbarism got a brand new sound.*

Keywords: *ancient civilization, barbarism, the humanists, the writing of history, Early Modern Times.*

S.Yu. Saprykin

**TRADITIONS OF RUSSIAN SCHOLARSHIP
IN STUDYING THE ANCIENT BLACK SEA COAST
IN SOVIET AND POST-SOVIET EPOCHS**

Summary. *The article is devoted to the description of main historical problems, concerning the ancient Black Sea states, which had been earlier put forward and partly studied in Russian Classical scholarship before 1917. The author is showing how these problems were solved in the Soviet science and how they are under research now in the post-Soviet Russian scholarship and in the republics of the former USSR – now the independent states. Among these important questions and scientific problems are the Greek colonization of the Black Sea Coast, creation and developing of poleis, mutual interaction of the barbarians and the Greeks in Hellenistic and Roman periods.*

Keywords: *Olbia, Bosphorus, Chersonesus, Black Sea Littoral, the Scythians, the Sarmatians, the Greeks, polis, apoikiai, the Greek colonization, Hellenism.*

T.P. Kaljanova

**"CIVILIZED INDIANS" IN TRAVELING NOTES
OF BRITISH EMPLOYEES:
THE PECULIARITY OF PERCEPTION AND REPRESENTATION
(THE FIRST THIRD OF 19th CENTURY)**

Summary. *In the article the peculiarity of the British employees' perception of the "natives", who assimilated the European manners, language, style of life, is examined. Contradictory attitude to the Europeanization of Hindys is reflected in their representation in traveling notes of Britons: bishop R. Heber, political agents J. Malcolm, A. Burnes, and so in the letters of Mary Graham.*

Keywords: *R. Heber, J. Malcolm, A. Burnes, M. Graham, British India, cross-cultured contacts, Europeanization.*

M.V. Belov

**BARBARIANS OR BROTHERS?
THE BALKAN SLAVS IN THE EYES OF RUSSIAN OBSERVERS
OF THE FIRST HALF OF THE 19th CENTURY**

Summary: *The perception of Russian travelers and officials of the Balkan Slavs during the first half of the XIXth century was extremely contradictory. It varied from rejection of barbaric (Asian) features to hopes for progress. The formation of the stereotype of "brothers" in the middle of the century was caused not only by the ideological influence of the "Slavic reciprocity", but also by social changes in Russia.*

Keywords: *travel literature, the Balkan Peninsula, Orientalism, the image of a barbarian, "Slavic reciprocity".*

O.A. Kirjash

**A BARBARIAN IS THE INTELLECTUAL CONSTRUCT
IN THE RESEARCHES OF THE RUSSIAN HISTORIANS
OF THE SECOND PART OF THE 19th CENTURY**

Summary: *This article is devoted to the problem of the intellectual construction of the environment by the Russia historians of the second part of the 19-th century. One of the intellectual construct is «a barbarian», which is found in the historical compositions. The Russian historians use the concept Steppe, Asia, Siberia for the*

barbarians' descriptions. «Own» barbarians are necessary component of the identity forming of Russia itself.

Keywords: a barbarian, the intellectual construct, Asia, Steppe, Siberia, identity.

V.A. Makarov

**SUPPRESSION OF THE BOXERS REBELLION
AS A "CIVILIZING ACT" FOR CHINA –
PERCEPTION IN THE RUSSIAN PRESS**

Summary. *Suppression of anti-Western Boxer Rebellion in China raised problems of establish of "common rules" for "uncivilized" China and "civilized" countries of the West. In this paper we discuss the complex of ideas of Russian educated society about improving "civilization" in China by force. We analyze the texts of leading intellectual journals of Russia for the end of the 19th and the beginning of the 20th century.*

Keywords: *press, image of the Other, China, the Boxer rebellion, international relations.*

N.V. Kovalenko

**N.I. BUKHARIN ABOUT THE FORMATION
OF THE NEW RUSSIAN SOCIETY
IN THE PERIOD OF THE "DEGRADATION"
OF THE WEST CULTURE**

Summary: *The creation of ideology was one of the most important enterprises of the Soviet Power after the Russian Revolution of 1917. The party ideologist N. Bukharin studied the Soviet society like the part of the European civilization. The materials on the situations inside the USSR and outside it (in socialist and capitalist, West and East countries, in the 1920-s – 1930-s) are analyzed by him. Special attention is paid by him to the analysis of the role of USSR like the leader of the world progress. The author of the article undertakes a analysis of the papers of Bukharin dedicated to the phenomenon of the Soviet culture.*

Keywords: *progress, culture, civilization, West, URSS.*

A.V. Budanov

POSTMODERN AND BARBARITY

Summary. *In the article the maintenance and the forms of developing of a barbarity are analysed. The today's problems of the interdependence and the interaction of a civilization and a barbarity are considered. The main attention is directed to the description of the postmodern as the complicated complex of phenomenons in intellectual and spiritual spheres, in a science, a culture and an art, which manifestation widely in the end of XX century – the beginning of XXI century, and to the forms of the modern barbarity, which connected with the phenomenon of postmodern.*

Keywords: *civilization, barbarity, historic barbarity, modern barbarity, postmodern, epoch of postmodern, society of consumption, mass culture, virtualization.*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АСГЭ** Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург
- БИ** Боспорские исследования. Симферополь – Керчь
- БФ** Боспорский феномен. Материалы международной конференции. Санкт-Петербург
- БЧ** Боспорские чтения. Материалы международной конференции. Керчь.
- ВДИ** Вестник древней истории. Москва
- ВЕ** Вестник Европы. Санкт-Петербург
- ВВ** Византийский временник. Москва
- ВС** Военный сборник. Санкт-Петербург
- ГАРФ** Государственный архив Российской Федерации. Москва
- ДБ** Древности Боспора. Москва
- ДВ** Диалог со временем. Москва
- ЖМНП** Журнал министерства народного просвещения. Санкт-Петербург
- ЗООИД** Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса
- ИАК** Известия императорской археологической комиссии. Санкт-Петербург
- ИБАИ** Известия на Българския археологически институт
- ИВАД** Известия на Варненското археологическо дружество
- ИГАИМК** Известия Государственной академии истории материальной культуры. Москва – Ленинград
- КБН** Корпус боспорских надписей. Москва – Ленинград, 1965.
- КСИА** Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Москва
- КСИИМК** Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. Москва
- МАИЭТ** Материалы и исследования по археологии, истории и этнографии Таври. Симферополь
- МБ** Мир Божий. Санкт-Петербург
- МИА** Материалы и исследования по археологии СССР. Москва
- ПИФК** Проблемы истории, филологии, культуры. Москва – Магнитогорск – Новосибирск.
- РА** Российская археология. Москва
- РБ** Русская беседа. Москва
- РБ** Русское Богатство. Санкт-Петербург
- РВ** Русский Вестник. Санкт-Петербург
- РГВИА** Российский государственный военно-исторический архив
- РМ** Русская мысль. Санкт-Петербург
- СА** Советская археология. Москва
- СВ** Средние века. Москва
- ССКА** Споменик Српске Краљевске академије. Београд.
- Agath** Agathias Myrinaeus, *Historiae // Historici graeci minores.* – Lipsiae, 1871. Vol. II.
- АНР** *Artis historicae Penus, octodecim scriptorium tam veterum quam recentiorum monumentis et inter eos Io. Praecipue Bodini libris Methodi historicae sex instructa, Basiliae, ex officina Petri Perneae. 1579.*
- Ambros.** *Ambrosius Mediolanensis, Epistolae // PL.* – Paris, 1880. T. XVI.
- (Ambros. Ep.)**
- Amm.** *Ammiani Marcellini, Rerum Gestarum libri qui supersunt (Römische Geschichte) / Ed. W. Seyfarth.* – Berlin: Teubner, 1968–1971.
- Marcell. (Amm. Marc.; Amm.)**
- App. Rom. Hist.** *Appianus Alexandrinus, Roman history.* – London, 1953–1955. Vol. I–IV.
- ASE** *Anglo-Saxon England.* Cambridge.
- Aur. Victor. Caes.** *S. Aurelius Victor, Liber de Caesaribus.* – Lipsiae, 1960.
- Aur. Victor. Epitom Bar-Hebr.** *S. Aurelius Victor, Historiae abbreviatae (Epitome de Caesaribus).* – Lipsiae, 1961.
- Gregorii Barhebraei, Chronicon ecclesiasticum / J.B. Abbeloos and T.J. Lamy.** – Louvain, 1872–1877. Vol. 1–3.
- BZ** *Byzantinische Zeitschrift.* München
- Byz** *Byzantion.* Bruxelles.
- Cassiod. Chron** *Chronica Magni Aurelii Cassiodori Senatoris // MGH. AA. T. 11 (Chronica minora, 2).* – Berolini, 1894. P. 109 – 161.

- CCSL** Corpus Christianorum. Series latina. 1953–
- Chron.** Chronicorum Caesaraugustanorum Reliquiae // MGH. AA. T. 11 (Chronica minora. T. 2). – Berolini, 1894. P. 221–223.
- Caesar.** M. Tulli Ciceronis, De Domo Sua ad Pontifices Oratio / Ed. R. G. M. Nisbet. – Oxford: Oxford University Press, 1939 [repr. 1979].
- Cic. De Domo sua ad pontifices oratio.**
- Claud.** Claudius Claudianus, Works / With an Engl. Trans. by M. Platnauer. – London, 1956. Vol. I–II.
- Claudian.** [Concilium Toletanum III] // La colección canonica Hispana. Vol. 5: Concilios Hispanos. Segunda parte / Ed. Por G. Martínez Diez, S.I., F. Rodríguez, S.I. – Madrid, 1984. P. 49–159.
- Conc. Tolet. III (a. 589)**
- Conc. Agath. (a. 506)** [Concilium Agathense, anni 506] // La colección canonica Hispana. Vol. 4: Concilios Galos. Concilios Hispanos. Primera parte / Ed. Por G. Martínez Diez, S.I., F. Rodríguez, S.I. – Madrid, 1984. P. 113–152.
- CSEL** Corpus scriptorium ecclesiasticorum latinorum. Lipsiae
- CTh.** Codex Theodosianus.
- D.** Digesta / Ed. T. Mommsen // Corpus Iuris Civilis. Vol. 1: Institutiones. Digesta. – Berlin: Weidmann, 1954.
- DHA** Dialogues d'histoire ancienne. Besançon
- Dio Cass.** Dio Cassius Cocceianus, Historia Romana / Ed. U.Ph. Boissevain. – Berlin, 1955. 2 Aufl.
- Diss. Max** Dissertatio Maximini contra Ambrosium
- EHR** English Historical Review. Oxford.
- Evagr.** Euagrius, The Ecclesiastical History / Ed. J. Bidez, L. Parmentier. – L., 1898
- FHG** Fragmentae historicorum graecorum / Ed. K. Müller. – Paris, 1849–1870. Vol. I–V.
- Flor.** Juli Flori, Epitomae de Tito Livio bellorum omnium annorum DCC libri duo // Epitome of Roman history. – London, 1929.
- Greg. Hist.** Gregorii episcopi Turonensis, Libri historiarum // MGH. SRM. T. 1. Pars. 1. Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1951.
- Herod. (Herodian).** Herodian, Of Antioch's of the Roman empire: From the death of Marcus Aurelius to the accession of Gordian III

- / Trans. From the Greek by E.C. Echols. – Berkeley – Los Angeles: Univ. of California press, 1961.
- Hyd.** Hidatii Lemici, Continuatio Chronicorum Hieronymiarum // MGH. AA. T. 11 (Chronica minora. T. 2). – Berolini, 1894. P. 1–37.
- Ioan. Eph.** Ioannis Ephesini, Historiae ecclesiasticae pars tertia / Inter. E.W. Brooks // CSCO. Scriptorum Syri Series tertia. T. 3 (Versio). – Lovanii, 1936.
- Iord. Get. (Iord.)** Iordanes, Getica (De origine actibusque Getarum) // MGH. Auct. Antiquiss. – Berlin, 1882. Vol. V. Ps. 1; Idem. De origine actibusque Getarum / A cura di F. Giunta, A. Grillone. Roma: Nella sede dell'Istituto. Palazzo Borromini, Piazza della Chiesa Nuova, 1991 (Fonti per la storia d'Italia pubblicate dall'Istituto storico italiano per il medio evo. N 117).
- Isid. Hist.** Isidori episcopi Hispalensis, Historia Gothorum, Vandalorum Svevorumque // Las Historias de los Godos, Vandalos y Suevos de Isidoro de Sevilla. / Estudio, edicion critica y traduccion por C. Rodriguez Alonso. – Leon, 1975. P. 163–321.
- Joan. Ant.** Joannis Antiocheni, Fragmenta // FHG. Vol. 4. P. 535–622; Vol. 5. P. 27–39.
- JRS** Journal of Roman Studies. London
- Lex Theud.** Lex Theudis regis // Leges Visigothorum // Ed. K. Zeumer. – Hannoverae et Lipsiae, 1902. P. 467–469 (MGH Legum Sectio I. T. 1).
- LI** Liber Iudiciorum. // Leges Visigothorum. / Ed. Karolus Zeumer. Hannoverae et Lipsiae, 1902. (MGH: Legum Sectio I. T. 1).
- Lib. Ep.** Libanii, Epistolae // Libanii Opera omnia / Ed. R. Förster. – Lipsiae, 1903–1923.
- LRV** Lex Romana Visigothorum / Ed. G. Haenel. – Leipzig, 1849.
- Malch.** Malchi Philadelphensis, Fragmenta // FHG. Vol. 4. P. 111–132.
- Menandr.** Menandri Protectoris, Fragmenta // FHG. Vol. 4. P. 200–269.
- MGH.** Monumenta Germaniae historica. Auctores Antiquissimi. Berlin

- MGH.** Monumenta Germaniae historica. Scriptores rerum
SRM. Merovingicarum. Hannoverae
 The Quarterly Journal of Military History.
MHQ Chronique de Michel le Syrien / Ed. J.B. Chabot. –
Mich. Syr. Paris, 1910.
OAS Searle W. 1969: Onomasticon anglo-saxonicum [1897].
 – Hildesheim
Olymp. Olympiodorus, Fragmenta (Historia). // Photius.
Hist. Bibliothèque / Ed. R. Henry. Vol. 1. Paris, 1959. P. 166–
(Olympiod.) 187; Idem. Fragmenta / Ed. C.Müller // FHG. – Paris,
 1868. Vol. IV. P. 57–68.
Oros. Paulus Orosius, Historiarum adversus paganos libri VII /
 Ed. C. Zangemeister // CSEL. – Lipsiae, 1889. Vol. V.
PG J.P. Migne. Patrologiae cursus completus. Series graeca.
 Paris
PL J.P. Migne. Patrologiae cursus completus. Series latina.
 Paris
PLRE Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J. The
 Prosopography of the Later Roman Empire. –
 Cambridge, 1971. Vol. 1; Vol. 2: A.D. 395–527. –
 London, New York, New Rochelle, Melbourne,
 Sydney: Cambridge University Press, 1980.
Plut.Tib.Gr Plutarchus, Tiberius Gracchus // Plutarch's Lives / With
acch. an English translation by B. Perrin. – Cambridge (MA):
 Harvard University Press; London: William Heinemann
 Ltd., 1921.
Procop. Procopius Caesariensis, Opera omnia / Ed. J. Haury,
 G. Wirth. – Leipzig, 1962–1965. Vol. I–IV (BG – De
 bello Gothico; BV – De bello Vandalico; BP – De bello
 Persico; De aed. – De aedificiis; H.a. – Historia arcana)
Rutil. Rutilius Namatianus, De reditu suo / Ed. E. Castorino.
Namat. – Firenze, 1967.
Sall. Cat. C.Sallusti crispi Catilina, Iugurtha
 Historiarum. Reliquiae codicibus servatae. Accedunt
 Rhetorum Opuscula Sallustiana / Rec. H. Jordan. –
 Berlin, 1887.
SC Sources chrétiennes. P., 1942–
SHA Scriptores Historiae Augustae / Ed. E. Hohl. – Lipsiae:
 Teubner, 1965; The Scriptores Historiae Augustae. –
 London.: Cambridge, 1967.

- Sid. Apoll.** Sidonius, Poems and Letters / Ed. by W.B. Anderson.
Ep. Vol 1. – London, Cambridge (Mass.): Harvard University
 Press, 1936.
Sozom. Sozomenus, Historia ecclesiastica // PG. – Paris, 1859.
Hist. eccl. LXVII, 843–1630.
Strabo Strabonis, Geographica. – Leipzig, 1895–1899. T. I–III.
Suet. C. Suetonius Tranquillus. De vita Caesarum / Rec.
 C.L.Roth. – Lipsiae, 1875.
Synes. Synesius Cyrenensis, Oratio de regno Arcadium
 imperatorem // PG. – Paris, 1859. T. LXVII.
Tacit. P. Cornelius Tacitus, Libri qui supersunt. / Ed.
 E. Köstermann. – Leipzig, 1960–1961. T. I–II. (Ann. –
 Annales ab excessu divi Augusti; Agr. – De vita Julii
 Agricolae; Hist. – Historiae; Germ. – De origine et situ
 Germaniae)
Theoph. Theophanis, Chronographia / Rec. C. de Boor. –
 Lipsiae, 1883.
Theoph. Theophylacti Simocattae, Historiae / Ed. C. de Boor. –
Sim. Lipsiae, 1887.
TM Travaux et Mémoires. Paris
Vell. Pat. Vellei Paterculi, Historiarum ad M.Vinicium Consulem
 / Rec. W.S.Watt. – Leipzig: Teubner, 1988.
VG Felix. 1956: Life of Saint Guthlac / B. Colgrave (ed.).
 Cambridge.
Vict. Victoris Vitensis Afri, Historia persecutionis Vandalicae
Vitens. sub Genserico et Hunerico // PL. – Paris, 1862. T. LVIII.
Hist.
Zach. Rhet. Zacharias Rhetor, Die sogenannte Kirchengeschichte /
 Ed. K. Ahrens, G. Krüger. – Leipzig, 1889.
Zos. Zosimi comitis et exadvocati fisci, Historia Nova / Ed.
 L. Mendelson. – Lipsiae: In aedibus B.G. Teubneri,
 1887; Idem. Histoire nouvelle / Ed. F. Paschoud. P.,
 1971–1986. T. 1–3.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- АУРОВ Олег Валентинович**, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории Российского государственного гуманитарного университета
- БЕЛОВ Михаил Валерьевич**, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории зарубежных стран Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
- БОБКОВА Марина Станиславовна**, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра истории исторического знания Института всеобщей истории РАН
- БУДАНОВ Анатолий Валентинович**, доктор педагогических наук, профессор
- БУДАНОВА Вера Павловна**, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра сравнительной истории и теории цивилизаций Института всеобщей истории РАН
- ВДОВЧЕНКОВ Евгений Викторович**, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и истории древнего мира Южного федерального университета
- ДАНИЛОВ Евгений Сергеевич**, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова
- ЗАХАРОВ Георгий Евгеньевич**, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета
- ЗУБАРЕВ Виктор Геннадьевич**, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и археологии исторического факультета Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого
- КАЛЪЯНОВА Татьяна Петровна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета
- КИРЬЯШ Оксана Андреевна**, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и социально-педагогических дисциплин Омского государственного аграрного университета им. П.А. Столыпина
- КЛЕЙМЕНОВ Александр Анатольевич**, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории и археологии

- Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого
- КОВАЛЕНКО Надежда Вячеславовна**, преподаватель архивоведения Государственного академического университета гуманитарных наук
- МАКАРОВ Виктор Александрович**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Российской национальной библиотеки
- САЗОНОВА Анна Анатольевна**, кандидат исторических наук
- САПРЫКИН Сергей Юрьевич**, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории древнего мира исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН
- СУРИКОВ Игорь Евгеньевич**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела сравнительного изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории РАН
- ЧЕКАЛОВА Александра Алексеевна**, доктор исторических наук, профессор. Ведущий научный сотрудник Центра истории Византии и восточно-христианской культуры ИВИ РАН
- ШКАРЕНКОВ Павел Петрович**, доктор исторических наук, профессор, директор Института филологии и истории РГГУ, зав. кафедрой истории древнего мира Института восточных культур и античности РГГУ

LIST OF AUTHORS

- AUROV Oleg Valentinovich**, Candidate of History science, Docent, Docent of the Department of the General History of Russian State University for the Humanities
- BELOV Michael Valerievich**, Doctor of History, the Head of the Department of Foreign History at the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
- BOBKOVA Marina Stanislavovna**, Doctor of History, Chief Researcher, Chief of the Department of History of Historical Ideas of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences
- BUDANOV Anatoly Valentinovich**, Professor, Doctor of Pedagogical Sciences
- BUDANOVA Vera Pavlovna**, Doctor of History, Professor, Chief Researcher of the Center of Comparative History and Theory of Civilizations of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences
- VDOVCHENKOV Evgeny Viktorovich**, Candidate of History science, Docent of the Department of Archaeology and Ancient History of South Federal University
- DANILOV Evgeny Sergeevich**, Candidate of History science, Senior lecturer of the Department of the General History of P.G. Demidov State University
- ZAKHAROV Georgy Evgenievich**, Candidate of History science, Docent of the Department of the General History of St. Tikhon's Orthodox Humanitarian University
- ZUBAREV Victor Gennadievich**, Doctor of History, Professor of the Department of the General History and Archeology of Leo Tolstoy Tula Pedagogical University
- KALYANOVA Tatiana Petrovna**, Candidate of History Science, Docent of the Department of the World History and International Relations of Irkutsk State University
- KIRYASH Oksana Andreevna**, Candidate of History science, a Senior lecturer of the Department of History and Socio-pedagogical disciplines of Omsk State Agrarian University named by P.A. Stolypin
- KLEYMENOV Alexander Anatolyevich**, Candidate of History Science, the Chief of the Department of General History and Archeology of Leo Tolstoy Tula State Pedagogical University

- KOVALENKO Nadezhda Vyacheslavovna**, Lecturer of the State Academic University of Humanities Sciences
- MAKAROV Viktor Alexandrovich**, Candidate of History Science, Senior Researcher of the National Library of Russia
- SAZONOVA Anna Anatolyevna**, Candidate of History Science
- SAPRYKIN Sergey Yurievich**, Doctor of History, Professor, Chief of the Department of Ancient History in the Historical Faculty of the Moscow State University, Leading Researcher in the Institute of World History of the Academy of Sciences of Russia
- SURIKOV Igor Evgenievich**, Doctor of History, leading researcher of the Department of Comparative Researches of Ancient Civilizations in the Institute of World History of the Academy of Sciences of Russia
- CHEKALOVA Alexandra Alekseevna**, Doctor of History, Professor, Leading researcher of the Center for Byzantine and Eastern Christian studies of the Institute of the World History of The Russian Academy of Sciences
- SHKARENKOV Pavel Petrovich**, Doctor of History, Professor. Head of the Ancient History Department of the Russian State University for the Humanities, Director of the Institute of Philology and History, the Russian State University for the Humanities

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
------------------	---

Оцивилизовывание варваров: предпосылки, процессы, последствия

Буданова В.П. Парадоксы варварства в историческом контексте.....	12
Суриков И.Е. На периферии великих цивилизаций Востока: античные греки как варвары.....	42
Зубарев В.Г. К вопросу об особенностях «цивилизаторской» миссии эллинов и римлян в Северном Причерноморье»	65
Вдовченко Е.В. Социокультурная трансформация «варваров» в Танаисе во II–III вв. н.э.: постановка проблемы	79
Клейменов А.А. Влияние дихотомии «эллины – варвары» на оценку полководческого искусства Филиппа II в античной историографии	93
Данилов Е.С. Securitas римлян и tutum варваров.....	107

Варварство в динамике цивилизации: репрезентация и интерпретация а

Чекалова А.А. Арабы-гассаниды и судьбы Византийской империи.....	116
Шкаренков П.П. На перекрестке эпох: репрезентация варварских правителей в сочинениях Сидония Аполлинария.....	152
Ауров О.В. “Primusque inter suos regali ueste opertus solio gesedit”: О символах власти вестготских правителей V – середины VI века.....	181
Захаров Г.Е. Образ готов в творениях св. Амвросия Медиоланского	203

Сазонова А.А. Династийные именоваловы и этнополитическое развитие англосакских королевств в VI–VII вв.....	213
Бобкова М.С. Новоевропейская «варварология» в исторических трактатах XVI в.....	246
Варвары и варварство в исторической культуре Модерна и Постмодерна	
Сапрыкин С.Ю. Традиции российской науки в изучении античного Причерноморья в советскую и постсоветскую эпохи.....	271
Кальянова Т.П. «Цивилизованные индийцы» в путевых записках британских служащих: особенности восприятия и изображения (первая треть XIX в.).....	301
Белов М.В. Варвары или братья? Балканские славяне глазами русских наблюдателей первой половины XIX в... ..	316
Кирьяш О.А. Варвар – интеллектуальный конструкт в исследованиях русских историков второй половины XIX в.....	336
Макаров В.А. Подавление восстания ихэтуаней как «цивилизующий акт» в отношении Китая – восприятие в российской печати.....	346
Коваленко Н.В. Н.И. Бухарин о становлении нового русского общества в период «деградации» западной культуры.....	360
Буданов А.В. Постмодерн и варварство.....	379
Summary and Keywords.....	401
Список сокращений.....	410
Сведения об авторах.....	416
List of Authors.....	418
Contents.....	422

CONTENTS

Preface	5
Civilizing of Barbarians: Premises, Processes, Consequences	
<i>Budanova V.P.</i> Paradoxes of Barbarity in the Historical Context..	12
<i>Surikov I.E.</i> At the Periphery of Great Eastern Civilizations: Ancient Greeks as Barbarians.....	42
<i>Zubarev V.G.</i> To the Problem of Peculiarities of the "Civilizing" Mission of Hellenes and Romans in the Black Sea Coast...	65
<i>Vdovchenkov E.V.</i> The Socio-cultural Transformation of "Barbarians" in Tanais in 2 th -3 th Centuries: Raising a Problem	79
<i>Kleymenov A.A.</i> The Impact of "Hellenes – Barbarians" Dichotomy to Estimation of Philip's II Generalship in the Ancient Historiography.....	93
<i>Danilov E.S.</i> Romans' securitas and Barbarians' tutum.....	107
Barbarity in the Dynamics of Civilization: Representation and Interpretation	
<i>Chekalova A.A.</i> The Ghassanids and the Fate of the Byzantine Empire.....	116
<i>Shkarenkov P.P.</i> At the Crossroads of Epochs: Representation of Barbarous Rulers in Sidonius Apollinaris's Works.....	152
<i>Aurov O.V.</i> "Primusque inter suos regali ueste opertus solio resedit": On the Symbols of Power of the Visigothic Kings from the 5 th to the Middle of the 6 th cen.....	181
<i>Zakharov G.E.</i> Vision of Goths in the Works of St. Ambrose of Milan	203
<i>Sazonova A.A.</i> The Dynastic Onomasticon and Ethno-political Development of the Anglo-Saxon Kingdoms in 6 th – 7 th Centuries.....	213
<i>Bobkova M.S.</i> The New European "Varvarology" in the 16 th Century Historical Treatises.....	246

**Barbarity and Barbarians
in the Historical Culture of Modern and Postmodern**

<i>Saprykin S.Ju.</i> Traditions of Russian Scholarship in Studying the Ancient Black Sea Coast in Soviet and Post-soviet Epochs.	271
<i>Kaljanova T.P.</i> "Civilized Indians" in Traveling Notes of British Employees: the Peculiarity of Perception and Representation (the First Third of 19 th Century).....	301
<i>Belov M.V.</i> Barbarians or Brothers? The Balkan Slavs in the Eyes of Russian Observers of the First Half of the 19 th Century.....	316
<i>Kirjash O.A.</i> A Barbarian is the Intellectual Construct in the Researches of the Russian Historians of the Second Part of the 19 th Century.....	336
<i>Makarov V.A.</i> Suppression of the Boxers Rebellion as a "Civilizing Act" for China – Perception in the Russian Press.....	346
<i>Kovalenko N.V.</i> N.I. Bukharin about the Formation of the new Russian Society in the Period of the "Degradation" of the West Culture.....	360
<i>Budanov A.V.</i> Postmodern and Barbarity.....	379
Summary and Keywords.....	401
Список сокращений.....	410
Сведения об авторах.....	416
List of Authors.....	418
Содержание.....	420

Научное издание
Цивилизация и варварство
парадоксы победы цивилизации
над варварством

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории РАН
<http://igh.ru>

Подписано к печати 7.11.2013
Формат 60x90
Гарнитура Times New Roman Печать офсетная
Усл.-печ. л. 26,5 Тираж 150 экз.
Зак. № 763

ИВИ РАН Ленинский пр-т, 32 а

ISBN 978-5-94067-352-1

9 785940 673521